

Редакционная коллегия

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Базылевич Т.Ф. – д-р психол. наук, проф.
Башмаков В.И. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Галазова С.С. – д-р экон. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук,
д-р психол. наук, проф.
Ефимова М.Р. – д-р экон. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Кибакин М.В. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф.,
чл.-корр. РАН
Князев В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Крыштановская О.В. – д-р социол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, проф.
Лаптев Л.Г. – д-р психол. наук, проф.
Милёхин А.В. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Пацула А.В. – д-р социол. наук, проф.
Разов П.В. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Смирнова Т.В. – д-р социол. наук, проф.
Соболевская О.В. – д-р мед. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Филиппов А.В. – д-р психол. наук, проф.
Фомин П.А. – д-р экон. наук, проф.
Черепов В.М. – д-р мед. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юр. наук,
канд. ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки), 08.00.12 – Бухгалтерский учет, статистика (экономические науки), 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки), 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки), 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки), 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки), 22.00.08 – Социология управления (социологические науки).

Editorial board

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bazylevich T.F. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Bashmakov V.I. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Galazova S.S. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.),
Dr. Sci. (Psy.), prof.
Efimova M.R. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kibakin M.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kleiner G.B. – Dr. Sci. (Econ.), prof.,
corresponding member of RAS
Knyazev V.N. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Krasovskii Yu.D. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Kryshstanovskaya O.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Laptev L.G. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Milyohin A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Patsula A.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Razov P.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Raichenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Smirnova T.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Sobolevskaya O.V. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Tikhonova E.V. – Dr. Sci. (Soc.), prof.
Filippov A.V. – Dr. Sci. (Psy.), prof.
Fomin P.A. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Cherepov V.M. – Doctor Sci. (Med.), prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.),
Cand. Sci. (Hist.), prof.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications, in which should be published basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences in the field: 08.00.01 – Economic theory (economic sciences), 08.00.05 – Economics and management of the national economy (by branches and fields of activity) (economic sciences), 08.00.10 – Finance, money circulation and credit (economic sciences), 08.00.12 – Accounting, statistics (economic sciences), 08.00.13 – Mathematical and instrumental methods of economics (economic sciences), 08.00.14 – World Economy (Economics), 19.00.01 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences), 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociological sciences), 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 22.00.05 – Political sociology (sociological sciences), 22.00.06 – Sociology of culture (sociological sciences), 22.00.08 – Sociology of management (sociological sciences).

Статьи доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования

Главный редактор

И.В. Грошев

Ответственный за выпуск

Л.Н. Алексеева

Редактор

Е.В. Таланцева

Редактор перевода

А.В. Меньшиков

**Выпускающий редактор
и компьютерная верстка**

Е.А. Гусева

Технический редактор

Д.С. Тарасова

Дизайн обложки

Л.Н. Алексеева

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

Подписной индекс 42517 в интернет-версии
«Объединенного каталога «Пресса России»
на сайтах www.pressa-rf.ru и www.akc.ru.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.

Подп. в печ. 05.07.2021 г.

Формат 60×90/8

Объем 24,25 печ. л.

Бумага офисная

Печать цифровая

Тираж 1000 экз.

(первый завод 100 экз.)

Заказ № 629

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99,
главный учебный корпус, кабинеты 346 и 345А.
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
Сайт: <http://www.vestnik.guu.ru>

Articles are available under a Creative Commons «Attribution» International 4.0 public license, according to which, unlimited distribution and reproduction of these articles is possible in any medium, specified the author's name and references to the original article publication in this journal in accordance with the rules of scientific citation

Editor-in-Chief

I.V. Groshev

Responsible for issue

L.N. Alekseeva

Editor

E.V. Talantseva

Translation editor

A.V. Menshikov

**Executive editor
and desktop publishing**

E.A. Guseva

Technical editor

D.S. Tarasova

Cover design

L.N. Alekseeva

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI № FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI № FS 77-76215 from 12.07.2019

Subscription index 42517 in the online version
"Of the United catalog" Press of Russia "
on the websites www.pressa-rf.ru and www.akc.ru.

ЛР № 020715 from 02.02.1998

Signed to print 05.07.2021

Format 60×90/8

Size 24,25 printed sheets

Offset paper

Digital printing

Circulation 1000 copies

(the first factory 100 copies)

Print order № 629

Publishing: Publishing house
of the State University of Management

Published in author's edition

The authors are responsible for the information
presented in the publication

All published articles have undergone
a mandatory review procedure

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazanskii Prospect, 99, State University
of Management, the main academic building, office 346 and 345A.
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
<http://www.vestnik.guu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Глухов К.В., Чебашев И.А., Михалевский А.В.

Анализ эффективности мер государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России в период пандемии ...5

Евдокимова Ю.Г., Сычёва С.М., Шрамченко Т.Б., Халимон Е.А.

Эскалация как способ урегулирования конфликтов и противоречий14

Зябликова О.А.

Методологические аспекты управления человеческими ресурсами в контексте ресурсной концепции фирмы22

Трифорова П.С.

Основные стратегические документы субъектов Российской Федерации: анализ, актуализация, индивидуализация31

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Майорова Е.И.

Международные правовые конвенции как инструмент предотвращения экологических рисков44

Сафиуллин М.Р., Груничев А.С., Абдукаева А.А.

Теория репутационной экономики как новая парадигма исследования экономического потенциала региона52

Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н.

Отечественные практики повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов и угроз61

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Асташова Ю.В., Околнишникова И.Ю., Гатилова О.Н.

Маркетинговый анализ рынка технологического оборудования для отечественной лесозаготовительной промышленности70

Байкова О.В., Громыко Е.О.

Эффекты цифровой трансформации в нефтегазовом комплексе77

Жмурко Д.Ю.

Методика выявления социоэкономического генома на рынке сырья для производства сахара82

Кукарин М.В., Рокотьянская В.В.

Совершенствование методики оценки устойчивого развития муниципальных образований96

Мусинова Н.Н.

Организация и развитие ритуально-похоронной сферы в Москве104

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Карп М.В., Захарова А.В., Типалина М.В., Самоделько Л.С.

Обзор показателей информационно-цифровых ресурсов Федеральной налоговой службы, характеризующих деятельность субъектов малого предпринимательства112

Лысенко Д.В., Акгюн Л.

Выявление резервов эффективности деятельности ПАО «Новатэк» на основе экономического и бухгалтерского анализа121

Талалова Л.Н., Ханг Чу Тхань, Морозова А.В.

Оценка последствий для Индии по выходу из соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве129

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А.

Инвестиционная привлекательность реального сектора экономики в рамках устойчивого развития135

Быканова О.А.

Анализ влияния инвестиций в природоохранные мероприятия на структуру распределения экологических затрат на примере Республики Саха (Якутия)141

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Борисюк Д.А., Астафьева О.Е.

Показатель чистого денежного потока портфеля заказов как индикатор экономической надежности подрядной организации....147

Дорофеев М.Л.

Оценка возможности включения внебюджетных фондов в распределение доходов от управления средствами единого казначейского счета153

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

K.V. Glukhov, I.A. Chebashev, A.V. Mikhalevsky

Efficiency analysis of state support measures for the small and medium-sized business sector in Russia during the pandemic.....5

J.G. Evdokimova, S.M. Sycheva, T.B. Shramchenko, E.A. Khalimon

Escalation as a way to resolve conflicts and contradictions14

O.A. Zyablikova

Methodological aspects of human resources management in the context of the company's resource concept22

P.S. Trifonova

The main strategic documents of the Russian Federation's subjects: analysis, actualization, individualization31

STRATEGIES AND INNOVATIONS

Mayorova E.I.

International legal conventions as an instrument for preventing environmental risks44

M.R. Safiullin, A.S. Grunichev, A.A. Abdukaeva

The theory of reputation economy as a new paradigm for the study of the region economic potential.....52

M.A. Tanina, V.V. Bondarenko, V.A. Yudina, O.N. Leskina

Domestic practices of increasing the international competitiveness of the Russian higher education institutions in the context of global challenges and threats61

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

Yu.V. Astashova, I.Yu. Okolnishnikova, O.N. Gatilova

Marketing analysis of the technological equipment market for the Russian logging industry70

O.V. Baykova, E.O. Gromyko

Effects of digital transformation in the oil and gas complex.....77

D.Yu. Zhmurko

Methodology for identifying the socio-economic genome on the commodity market for sugar production82

M.V. Kukarin, V.V. Rokotyanskaya

Improving the methodology for assessing the sustainable development of municipalities96

N.N. Musinova

Organization and development of the ritual and funeral industry in Moscow104

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

M.V. Karp, A.V. Zakharova, M.V. Tipalina, L.S. Samodelko

Overview of indicators of information and digital resources of the Federal Tax Service that characterize the small businesses activities112

D.V. Lysenko, L.Akgün

The PJSC "Novatek" activity efficiency reserves identification based on the economic and accounting analysis121

L.N. Talalova, Hang Chu Thanh, A.V. Morozova

Consequences appraisal on India's opting out of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement129

INVESTMENT VALUATION

O.E. Astafieva, A.V. Kozlovsky, N.A. Moiseenko

Investment attractiveness of the real sector of the economy in the framework of sustainable development135

O.A. Bykanova

Analysis of the investments influence in environmental protection measures on the structure of ecological costs distribution on the example of the Republic of Sakha (Yakutia).....141

FINANCES AND BANKING

D.A. Borisjuk, O.E. Astafieva

The net cash flow indicator of the order portfolio as an indicator of the contractor economic reliability147

M.L. Dorofeev

Assessment of the possibility of extra-budgetary funds including in the income distribution from unified treasury account funds management153

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Кайтукова З.Х. Личностные особенности респондентов с различным отношением к эпидемии COVID-19	162
Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи	166
Филиндаш Л.В. Социальная теория бизнес-модели компании Huawei и ее реализация.....	172
Юровицкий С.Я. Эмоциональный интеллект и конфликтологическая компетентность в условиях цифровизации	177

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Гришина Л.М. Профилактика причин межпоколенческих конфликтов в семьях	183
Тимофеева Ю.Н. Особенности адаптивности личности студентов медицинского вуза на разных курсах обучения	187

CONTENTS

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

Z.H. Kajtukova Personality traits of respondents with different attitudes towards the COVID-19 epidemic	162
A.A. Komarova The image of an ideal politician in the minds of Russian youth	166
L.V. Filindash The social theory of the business model of Huawei and its implementation.....	172
S.Y. Yurovitsky Emotional intelligence and conflictological competence in the conditions of digitalization	177

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

L.M. Grishina Prevention of the reasons intergenerational conflicts in families.....	183
Yu.N. Timofeeva Features of the personality adaptability of medical students in different courses of study	187

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.28

JEL E69

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-5-13

Глухов Константин Вячеславович
ведущий советник, Департамент инвестиционной политики и развития предпринимательства Минэкономразвития России, г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3305-1643

e-mail: konstantinglukhov@economy.gov.ru

Чебашев Илья Андреевич

студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-2094-4274

e-mail: Ilya.Chebashev@yandex.ru

Михалевский Алексей Вадимович

студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6025-3750

e-mail: almihal14@yandex.ru

Konstantin V. Glukhov

Leading Advisor, Department of Investment Policy and Entrepreneurship Development of the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3305-1643

e-mail: konstantinglukhov@economy.gov.ru

Ilya A. Chebashev

Student, Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2094-4274

e-mail: Ilya.Chebashev@yandex.ru

Alexey V. Mikhalevsky

Student, Financial University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6025-3750

e-mail: almihal14@yandex.ru

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕКТОРА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Аннотация. Представлен совокупный анализ юридических и экономических мер, направленных на государственную поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства в период пандемии COVID-19, а также детально исследованы соответствующие нормативно-правовые акты, регулирующие отдельные аспекты кредитной антикризисной поддержки. Представлены выводы о состоянии сектора малого и среднего предпринимательства на основании статистических данных в кризисный период и выделены конкретные негативные тенденции, связанные с влиянием пандемии. Сделан акцент на подробном исследовании зарубежного опыта в области антикризисных мер поддержки предприятий малого и среднего бизнеса. В рамках статьи были использованы такие научные методы исследования, как анализ и обобщение. Отмечена, с одной стороны, высокая эффективность программ антикризисной поддержки, с другой, ее проблемы, в том числе ограниченность и недостаточное бюджетное финансирование.

Ключевые слова: меры государственной поддержки, антикризисные меры, малое и среднее предпринимательство, кредитные организации, льготное кредитование, правительство Российской Федерации, пандемия COVID-19, зарубежный опыт

Для цитирования: Глухов К.В., Чебашев И.А., Михалевский А.В. Анализ эффективности мер государственной поддержки сектора малого и среднего предпринимательства в России в период пандемии // Вестник университета. 2021. № 6. С. 5–13.

EFFICIENCY ANALYSIS OF STATE SUPPORT MEASURES FOR THE SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESS SECTOR IN RUSSIA DURING THE PANDEMIC

Abstract. A comprehensive analysis of legal and economic measures aimed at state support for small and medium-sized businesses during the COVID-19 pandemic is presented, as well as the relevant regulatory legal acts regulating certain aspects of credit anti-crisis support are studied in detail. Conclusions are presented on the state of the small and medium-sized business sector based on statistical data during the crisis period, and specific negative trends associated with the impact of the pandemic are highlighted. The emphasis is made on a detailed study of foreign experience in the field of anti-crisis measures to support small and medium-sized businesses. Within the framework of the article, such scientific research methods as analysis and generalization were used. It was noted, on the one hand, the high efficiency of anti-crisis support programs, on the other, its problems, including limited and insufficient budget funding.

Keywords: government support measures, anti-crisis measures, small and medium-sized businesses, credit institutions, preferential lending, Government of the Russian Federation, COVID-19 pandemic, foreign experience

For citation: Glukhov K.V., Chebashev I.A., Mikhalevsky A.V. (2021) Efficiency analysis of state support measures for the small and medium-sized business sector in Russia during the pandemic. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 5–13. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-5-13

© Глухов К.В., Чебашев И.А., Михалевский А.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Glukhov K.V., Chebashev I.A., Mikhalevsky A.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

На сегодняшний день последствия пандемии новой коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 оказывают значительное негативное воздействие на экономику Российской Федерации (далее – РФ). Важно подчеркнуть, что пандемия существенно отличается масштабностью, высоким риском неопределенности и продолжительностью распространения. Наиболее тяжелые последствия пандемии ощутили на себе основные субъекты экономической среды, вносящие существенный вклад в национальную экономику – предприятия малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Необходимо отметить, что субъекты МСП при возникновении тех или иных кризисных явлений являются наиболее уязвимыми по сравнению с крупным бизнесом, потому что они не обладают необходимым объемом финансовых и управленческих ресурсов, имеют низкую конкурентоспособность на начальном этапе жизненного цикла. По этой причине государственная поддержка субъектов МСП – необходимый элемент реагирования со стороны государства на сложившуюся негативную экономическую ситуацию.

Малый и средний бизнес выделяют как особый сектор коммерческих организаций в экономике, значимость которого определяется существенным влиянием на уровень занятости и доходов населения. Во многих странах мира развитый сектор МСП является основой создания новых высокопроизводительных предприятий, внедряющих значительное количество инноваций.

В российском законодательстве выделяют категории микропредприятий, малых и средних предприятий, определяемые в соответствии с численностью работников и величиной годового дохода. Микропредприятия – предприятия численностью до 15 чел. и доходом до 120 млн руб.; малые предприятия – до 100 чел. и до 800 млн руб. дохода; средние предприятия – до 250 чел. и до 2 млрд руб. дохода. Для проведения международного сопоставления в странах Организации экономического сотрудничества и развития к малым и средним предприятиям относят организации с численностью сотрудников до 250 чел. и разделяют на четыре категории без ограничений по суммам доходов. На эти предприятия приходится 48 % валового внутреннего продукта в Корее, 51 % в Великобритании, 53 % в Германии, 60 % в Финляндии, что по своей структуре значительно превышает аналогичные показатели в России [9]. Поддержка МСП является важным направлением государственной экономической политики в большинстве стран мира.

Негативные последствия пандемии поспособствовали обвалу цен на нефть на мировом рынке, в свою очередь, вызвав девальвацию рубля. Из-за введенных ограничений, направленных на снижение заболеваемости коронавирусной инфекцией, произошло снижение спроса и деловой активности. В период пандемии наблюдались следующие тенденции.

1. В апреле 2020 г. произошло существенное снижение индекса активности PMI малого и среднего бизнеса до рекордно низкого значения – 38,5 пунктов. Однако с 2021 г. возникла тенденция роста деловой активности МСП: в январе 2021 г. индекс активности малого и среднего бизнеса увеличился до 49,3 пункта, а в феврале данный показатель сравнялся с допандемийным значением и составил 51,6 пункта. Массовая вакцинация населения, а также ослабление и снятие коронавирусных ограничений в дальнейшем будут способствовать восстановлению деловой активности [10].

2. По итогам ноября 2020 г. – января 2021 г., численность безработных составила 4,46 млн чел. (увеличение показателя на 1,3 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года).

3. Слабый спрос, вызванный снижением потока клиентов из-за коронавирусных ограничений, выступает в качестве одной из основных проблем субъектов МСП в начале 2021 г.

Практика показывает, что уязвимость рассматриваемого сектора экономики заключается не только в отсутствии необходимого объема финансовых и управленческих ресурсов, но и в низкой доли прямого использования в производственном процессе различных инновационных технологий (большое количество компаний характеризуются отсутствием высокого инновационного потенциала). Месяцы пандемии продемонстрировали, что компании, осуществлявшие активное внедрение передовых цифровых технологий и решений, менее чувствительно ощутили на себе кризисные явления, вызванные пандемией [8].

В РФ поддержка субъектов МСП и пострадавших отраслей экономики оказана через предоставление отсрочек по налогам, взносам на социальное страхование, аренды государственного и муниципального имущества, субсидий субъектам МСП в наиболее пострадавших отраслях, льготного кредитования.

Последствием кризисных явлений может стать риск массовой ликвидации субъектов МСП по причине невозможности исполнения финансовых обязательств или резкого падения рентабельности деятельности.

В качестве долгосрочных направлений развития МСП выделить снятие ряда административных регулирующих барьеров в деятельности МСП, укрепление институтов защиты прав собственности, совершенствование налогового законодательства, упрощение доступа к кредитным финансовым ресурсам, поддержку экспортных операций, создание и развитие инновационной среды и другие [17].

Стоит отметить, что нынешний кризис носит не качественный системный характер, а вызван временными форс-мажорными обстоятельствами. Основными негативными событиями, нанесшими ущерб деятельности МСП, стали приостановка или ограничение деятельности отдельных отраслей экономики, введение режима нерабочих дней, необходимость осуществления дополнительных расходов и общее снижение спроса, в особенности на отдельные виды товаров и услуг. При этом снижение экономической активности имеет мультипликативный эффект, вызывая падение реальных доходов населения и снижение платежеспособного спроса [11].

Важность поддержки и увеличения сектора МСП закреплена в указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года», предполагающим увеличение численности занятых в сфере МСП до 25 млн чел. при значении данного показателя в 2018 г. 19,2 млн чел. [1]. В паспорте национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» установлено целью увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте с 22,3 % в 2018 г. до 32,5 % в 2024 г. и доли несырьевого экспорта с 8,6 % до 10 %.

Меры государственной антикризисной поддержки субъектов МСП в Российской Федерации

Для наиболее детального анализа необходимо рассмотреть меры, предложенные Правительством РФ для поддержки сектора МСП в условиях осложнения эпидемиологической обстановки. С 2019 г. льготные кредиты субъектам МСП предоставляются в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2018 г. № 1764 «Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 гг. субъектам МСП, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход», по льготной ставке» (Программа льготного кредитования субъектов МСП, далее – Правила 1764) [2]. Следует отметить, что эта программа применялась как общая мера поддержки МСП до введения карантинных ограничений и в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 372 также стала существенным инструментом антикризисной поддержки [3]. Выделим основные аспекты данного нормативно-правового акта.

Таблица 1

Характеристика льготных кредитов для субъектов малого и среднего предпринимательства

Цель кредитования	Размер кредита	Срок кредита	Ставка	Критерии
Инвестиционные цели	От 500 тыс. руб. до 2 млрд руб.	До 5 лет	Не должна превышать значение ключевой ставки Центрального Банка РФ (на дату заключения кредитного договора (соглашения)) более чем на 2,75 % годовых	Заемщик должен вести свою деятельность непосредственно в одной (нескольких) отраслях в соответствии с приложением № 1 Правил 1764; кредит на приобретение и (или) создание основных средств

Цель кредитования	Размер кредита	Срок кредита	Ставка	Критерии
Пополнение оборотных средств	От 500 тыс. руб. до 500 млн руб.	До 1 года	Не должна превышать значение ключевой ставки Центрального Банка РФ (на дату заключения кредитного договора (соглашения)) более чем на 2,75 % годовых	Заемщик должен осуществлять свою деятельность непосредственно в одной (нескольких) отраслях в соответствии с приложением № 1 Правил 1764
Развитие предпринимательской деятельности	До 10 млн руб.	До 5 лет	Не должна превышать 9,95 % годовых	-
Рефинансирование	-	На срок не более срока ранее полученного кредита	Не должна превышать значение ключевой ставки Центрального Банка РФ (на дату заключения кредитного договора (соглашения)) более чем на 2,75 % годовых	-

Источник: [2]

Министерством экономического развития РФ с целью прямого участия в реализации Правил 1 764 было отобрано более 100 кредитных организаций, имеющих опыт кредитования малого и среднего бизнеса. В этот перечень входят как крупные отечественные банки с расширенной филиальной сетью, так и некрупные региональные банки, имеющие опыт кредитования субъектов МСП. В соответствии с Правилами 1 764 заемщик имеет право обратиться с целью получения льготного кредита в любой из уполномоченных банков.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 372 проведена оптимизация параметров Правил 1 764, а именно:

- упрощены существующие требования к заемщику (исключено требование об отсутствии задолженности по налогам, сборам, заработной плате, а также об отсутствии просроченных платежей по кредитным договорам на срок свыше 30 календарных дней);
- отменены ограничения по максимальному суммарному объему кредитных соглашений на рефинансирование;
- внедрена возможность рефинансирования кредитных соглашений на оборотные цели.

С начала года, в рамках реализации Программы льготного кредитования субъектов МСП, заключено более 7 тыс. кредитных договоров на общую сумму свыше 425 млрд руб. при плановом объеме выдачи в 2021 г. 700 млрд руб.

С целью усиления адресности поддержки субъектов МСП были внесены изменения в Правила 1 764, устанавливающие для банков предельную долю кредитов на пополнение оборотных средств не менее 50 % и, соответственно, долю кредитов на инвестиционные цели менее 50 %, вводящие единые темпы предоставления кредитов в течение года и устанавливающие дифференцированные шкалы ставки субсидирования в зависимости от отрасли, категории заемщика и размера кредита. Ставка субсидирования в размере 1 % устанавливается для кредитов в сфере строительства и аренды недвижимости, а также для кредитов субъектам МСП, относящимся к категории «микропредприятие» в размере более 200 млн руб. и относящимся к категории «малое предприятие» в размере более 500 млн руб.

В качестве меры антикризисной поддержки также было принято Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 422 «Об утверждении правил предоставления субсидий из Федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году субъектам предпринимательства на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости» [5]. В соответствии с этим постановлением юридические лица и индивидуальные предприниматели могли получить кредиты для выплаты заработной платы с учетом районных коэффициентов и обязательных начислений на нее на срок не более 6 месяцев и заканчивающийся не позднее 30 ноября 2020 г. под ставку

0 % годовых при осуществлении деятельности в наиболее пострадавших отраслях экономики. Максимальная сумма кредита определялась как произведение минимального размера оплаты труда с обязательными начислениями на нее, численности работников и периода субсидирования. В рамках данной антикризисной меры поддержки всего было заключено 17 792 кредитных договора на общую сумму 94,735 млрд руб.

Кроме этого, было принято Постановление Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 696 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности», в соответствии с которым при соблюдении установленных условий заемщикам из пострадавших отраслей экономики предоставлялись кредиты под 2 % годовых с возможностью частичного или полного списания при сохранении занятости в период с марта 2020 г. по 1 апреля 2021 г. на уровне не менее 80 % [6]. Максимальный размер предоставляемых кредитных средств определяется как произведение минимального размера оплаты труда, численности работников и количества месяцев базового периода кредитного соглашения, не превышающего 6 до 1 декабря 2020 г. [15]. В рамках этого постановления заключено 225 842 кредитных соглашения на общую сумму 442,903 млрд руб., или 99 % установленного лимита бюджетных средств, при том, что поступило обращений на выдачу льготных кредитов на общую сумму 871,724 млрд руб. Следует отметить, что эта программа стала одной из самых востребованных мер антикризисной поддержки.

Еще одной мерой антикризисной поддержки являлось принятие постановления Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 410 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства», в соответствии с которым заемщикам наиболее пострадавших отраслей экономики предоставлялась отсрочка уплаты платежей по ранее выданным льготным кредитным договорам на срок не более 6 месяцев, заканчивающийся не позднее 31 декабря 2020 г. при компенсации кредитным организациям 67 % сумм процентных платежей [4]. В рамках этой меры поддержки была предоставлена отсрочка по 737 кредитам на сумму 18,67 млрд руб. и общим размером субсидирования процентных платежей в 626 млн руб. при изначально запланированной величине субсидий в 1,424 млрд рубл.

В целях поддержки наиболее пострадавших отраслей было принято Постановление Правительства РФ от 27 февраля 2021 г. № 279 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2021 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на восстановление предпринимательской деятельности» [7]. В соответствии с этим постановлением заемщикам, соответствующим определенным условиям, предоставляются льготные кредиты со ставкой 3 % годовых сроком на 6 месяцев и погашением в течение следующих шести месяцев при условии сохранения занятости на уровне не менее 90 %. Максимальная сумма кредитного соглашения определяется как произведение минимального размера оплаты труда, численности работников и расчетного периода 12 месяцев, но не более 500 млн руб. Для выдачи этих кредитов уполномоченным банкам предоставляется субсидия в размере 6 % годовых [7]. В рамках реализации данного постановления поступило 21,72 тыс. обращений об участии в программе, из них одобрено 11,62 тыс. обращений на общую сумму 36,31 млрд руб. и заключено 8,58 тыс. кредитных договоров на общую сумму 22,99 млрд руб.

Меры поддержки субъектов МСП в других странах

Рассмотрим основные антикризисные меры поддержки, введенные в большинстве стран мира. К основным мерам можно отнести налоговые льготы, отсрочки по аренде, рассрочки по кредитам, предоставление субсидий и льготных кредитов.

В Китае среди мер были предоставлены отсрочки выплат по кредитам, освобождение от уплаты налогов сроком до трех месяцев для субъектов МСП и снижение экспортных пошлин. Были снижены требования обязательного резервирования для кредитных организаций с целью увеличения ликвидности в экономике [14].

В Корее среди мер поддержки применялось снижение ключевой ставки и предоставление льготного кредитования, снижение налогов на потребление, предоставление налоговых кредитов арендодателям при снижении платежей для арендаторов.

В США в качестве основных мер поддержки применялись выплаты населению в размере 1 200 долл. и программы льготного кредитования предпринимательства [15].

В Великобритании антикризисная помощь оказывалась путем предоставления выплат самозанятым и уволенным сотрудникам в размере 80 % их среднемесячных доходов за последние три года, но не более 2 500 фунтов стерлингов в месяц.

В Германии в качестве мер применялись отсрочки налоговых платежей и взносов социального страхования, снижение налогов на недвижимость, предоставление субсидий малым предприятиям и самозанятым, предоставление льготного кредитования [13].

Оценить эффективность реализации антикризисных мер поддержки можно по таким показателям, как изменение числа МСП, численности работников МСП, изменению выручки, индексам деловой активности. Средняя численность работников малых предприятий (без микропредприятий) по данным Росстата ежегодно сокращается с 2017 г.: 2017 г. – 6 671 832; 2018 г. – 6 271 693; 2019 г. – 5 977 621; 2020 г. – 5 469 124 чел. Оборот малых предприятий (без микропредприятий) за 2019 г. составил 28,7 трлн руб.; за 2020 г. – 25,6 трлн руб., и таким образом, сократился более, чем на 3 трлн руб. [18]. При наличии данных показателей можно говорить о недостаточности применяемых системных и антикризисных мер поддержки МСП. При проведении антикризисных мер поддержки можно отметить ограниченность бюджетных средств и, возможно, неполный охват субъектов предпринимательства этими мерами по причинам в том числе недостаточной информированности о мерах поддержки, оказываемых в заявительном порядке, несоответствия видов экономической деятельности, недоверия к надежности кредитного механизма как форме предоставления антикризисной поддержки.

Другим показателем для оценки состояния сектора МСП и оказываемых ему мер поддержки является индекс деловой уверенности, рассчитываемый ОСЭР. Базовое значение данного индекса 100. В настоящее время значение этого индекса для России составляет 102,57 пунктов, что опережает большинство других стран, в том числе Германию, США, Китай, Польшу. Этот показатель говорит о возможности достаточно уверенного восстановления экономики в сравнении с другими странами мира [16].

Выводы

Экономические последствия распространения новой коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 стали серьезным кризисным испытанием для российской экономики в целом и особенно сектора малого и среднего предпринимательства. С целью уменьшения экономического ущерба от вынужденных ограничений экономической деятельности и общего снижения платежеспособного спроса был принят ряд антикризисных мер по поддержке малого и среднего предпринимательства и наиболее пострадавших отраслей экономики, который соответствует мировым практикам принятия антикризисных программ поддержки. Реализуемые антикризисные меры показали свою высокую востребованность среди субъектов малого и среднего предпринимательства.

Проведение программ антикризисной поддержки малого и среднего предпринимательства можно охарактеризовать недостаточностью объемов выделяемых бюджетных средств для удовлетворения заявлений на участие в антикризисных программах и компенсации выпадающих доходов субъектов предпринимательства в результате действия карантинных ограничений. Большинство антикризисных программ было направлено на поддержку определенного перечня наиболее пострадавших отраслей экономики, что в условиях возникновения ситуации негативного воздействия кризисных явлений на большинство отраслей не в полной мере соотносится с достижением цели равномерного снижения кризисного ущерба для экономики в целом. Следует отметить временный эффект принятия и реализации антикризисных мер, который не может быть определяющим фактором влияния на долгосрочные тренды динамики развития малого и среднего предпринимательства. Тем не менее, проведение программ антикризисной поддержки показало достаточно высокую эффективность и не позволило значительно ухудшить функционирование сектора малого и среднего предпринимательства с учетом сложности и масштаба настоящего кризиса, что подтверждает восстановление показателей индикаторов деловой активности.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/116490/> (дата обращения: 02.04.2021).
2. Постановление Правительства Российской Федерации № 1764 от 30 декабря 2018 г. «Об утверждении правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке» // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru> (дата обращения: 02.04.2021).
3. Постановление Правительства РФ от 31 марта 2020 г. № 372 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», по льготной ставке» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 02.04.2021).
4. Постановление Правительства РФ № 410 от 2 апреля 2020 г. (ред. от 24.04.2020) «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349388/ (дата обращения: 02.04.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 422 «Об утверждении правил предоставления субсидий из Федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году субъектам предпринимательства на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 02.04.2021).
6. Постановление Правительства РФ от 16 мая 2020 г. № 696 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на возобновление деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 02.04.2021).
7. Постановление Правительства РФ № 279 от 27 февраля 2021 г. «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2021 году юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям на восстановление предпринимательской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378079/ (дата обращения: 02.04.2021).
8. Архипов, П. А. Исследование эффективности мер государственной поддержки сектора МСП в РФ в период пандемии COVID-19 // StudNet. – 2021. – Т. 4, № 1. – С. 68.
9. Дахненко, С. С., Венгеровский, Е. Л. Некоторые вопросы совершенствования действующего законодательства в сфере финансовой поддержки и кредитования субъектов малого и среднего предпринимательства // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 1 (143). – С. 111–116.
10. Зайцева, А. О., Кокина, А. Н., Печерица, Е. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на малый и средний бизнес России // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2020. – Т. 15, № 3. – С. 1459–1465.
11. Емельянова, М. Е., Надеждина, О. С., Фирулина, И. И. Меры государственной поддержки малого и среднего бизнеса РФ в условиях пандемии COVID-19 // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2020. – № 1–1. – С. 81–85.
12. Каверзина, Л. А., Федяева, Л. С. Влияние пандемии на финансовое состояние предприятий // Труды Братского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2020. – Т. 1. – С. 51–60.
13. Курдин, А. А., Коломиец, А. Р., Маркова, О. А., Служевская, В. Д., Филиппова, И. Н., Шпакова, А. А. Вход в пандемию: первые меры поддержки экономики и первые результаты // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2020. – Т. 12, № 2 (36). – С. 7–25.
14. Смирнова, А. А. О мерах государственной поддержки малого предпринимательства в период пандемии COVID-19 в России // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т. 11, № 2. С. 285–298.

15. Чопорова, Н. А. Меры поддержки малого и среднего бизнеса в сфере кредитования в период пандемии // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № 1–2 (71). – С. 206–211.
16. Индекс деловой уверенности (BCI) // OECD [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.oecd.org/leadind/business-confidence-index-bci.htm> / (дата обращения: 02.04.2021).
17. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир // Исследование Института экономики роста им. П. А. Столыпина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir> (дата обращения: 02.04.2021).
18. Средняя численность работников малых предприятий (без микропредприятий) по видам экономической деятельности // Росстат (Федеральная служба государственной статистики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036/> / (дата обращения: 02.04.2021).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated on May 7, 2018 “On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”, *The Russian Government*. Available at: <http://government.ru/docs/all/116490/> (accessed 02.04.2021).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1764 dated on December 30, 2018 “On approval of the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations and specialized financial companies for reimbursement of their lost income on loans issued in 2019–2024 to small and medium-sized businesses, as well as to individuals applying the special tax regime “Professional income tax”, at a preferential rate”, *The Russian Government*. Available at: <http://government.ru> (accessed 02.04.2021).
3. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 372 dated on March 31, 2020 “On amendments to the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations and specialized financial companies for reimbursement of their lost income on loans issued in 2019–2024 to small and medium-sized businesses, as well as individuals applying the special tax regime “Professional income tax” at a preferential rate”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 02.04.2021).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 410 dated on April 2, 2020 (as amended, dated on April 24, 2020) “On approval of the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations in 2020 to ensure deferred payment for loans issued to small and medium-sized businesses”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349388/ (accessed 02.04.2021).
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 422 dated on April 2, 2020 “On approval of the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations for reimbursement of their lost income on loans issued in 2020 to business entities for urgent needs to support and maintain employment”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 02.04.2021).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 696 of May 16, 2020 “On approval of the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations for reimbursement of their lost income on loans issued in 2020 to legal entities and individual entrepreneurs for the resumption of activities”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (accessed 02.04.2021).
7. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 279 dated on February 27, 2021 “On approval of the rules for granting subsidies from the federal budget to Russian credit organizations for reimbursement of their lost income on loans issued in 2021 to legal entities and individual entrepreneurs for the restoration of entrepreneurial activity”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378079/ (accessed 02.04.2021).
8. Arkhipov P. A. Study of the efficiency of state support measures for the sme sector in the Russian Federation during the COVID-19 pandemic, *StudNet*, 2021, vol. 4, no. 1, pp. 68 (In Russian).
9. Dakhnenko S. S., Vengerovskii E. L. Some issues of improving the current legislation in the field of financial support and lending to small and medium-sized enterprises, *Theory and Practice of Social Development*, 2020, no. 1 (143), pp. 111–116. (In Russian).
10. Zaitseva A. O., Kokina A. N., Pecheritsa E. V. Analysis of the influence of the COVID-19 pandemic on small and medium-sized businesses in Russia, *Health – the Base of Human Potential: Problems and Ways to Solve Them*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 1459–1465. (In Russian).
11. Emelyanova M. E., Nadezhkina O. S., Firulina I. I. Measures of state support of small and medium businesses of the Russian Federation in the conditions of COVID-19 pandemic, *Problems of Enterprise Development: Theory and Practice*, 2020, no. 1–1, pp. 81–85. (In Russian).

12. Kaverzina L. A., Fedyaeva L. S. The impact of the pandemic on the financial condition of enterprises, *Trudy Bratskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2020, vol. 1, pp. 51–60. (In Russian).
13. Kurdin A. A., Kolomiets A. R., Markova O. A., Sluzhevskaya V. D., Filippova I. N., Shpakova A. A. Entering the pandemic: first measures of economic support and first results, *Scientific Researches of Faculty of Economics. Electronic journal*, 2020, vol. 12, no. 2 (36), pp. 7–25. (In Russian).
14. Smirnova A. A. Measures of state support for small businesses during the COVID-19 pandemic in Russia, *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2021, vol. 11, no. 2, pp. 285–298. (In Russian).
15. Choporova N. A. Measures to support small and medium-sized businesses in lending during the pandemic, *Economy and Business: theory and practice*, 2021, no. 1–2 (71), pp. 206–211. (In Russian).
16. Business Confidence Index (BCI), *OECD*. Available at: <https://data.oecd.org/leadind/business-confidence-index-bci.htm> (accessed 02.04.2021). (In Russian).
17. The sector of small and medium-sized businesses: Russia and the world, *Research of the Stolypin Institute of Growth Economics*. Available at: <https://stolypin.institute/novosti/sector-malogo-i-srednego-predprinimatelstva-rossiya-i-mir> (accessed 02.04.2021).
18. The average number of employees of small enterprises (without microenterprises) by type of economic activity, *ROSSTAT* (Federal State Statistics Service). Available at: <https://rosstat.gov.ru/folder/14036/> (accessed 02.04.2021).

УДК 334.02 JEL M12, M14

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-14-21

Евдокимова Юлия Григорьевна
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-7714-6601

e-mail: juicekon@mail.ru

Сычёва Светлана Михайловна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государ-
ственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2889-6892

e-mail: sychevasm@mail.ru

Шрамченко Тамара Борисовна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государ-
ственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-0031-2197

e-mail: tomashram2011@gmail.com

Халимон Екатерина Андреевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государ-
ственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

Julia G. Evdokimova

Student, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7714-6601

e-mail: juicekon@mail.ru

Svetlana M. Sycheva

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2889-6892

e-mail: sychevasm@mail.ru

Tamara B. Shramchenko

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-0031-2197

e-mail: tomashram2011@gmail.com

Ekaterina A. Khalimon

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9480-3466

e-mail: guu.konf@yandex.ru

ЭСКАЛАЦИЯ КАК СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ И ПРОТИВОРЕЧИЙ

Аннотация. Проанализирована отечественная и зарубежная практика управления и разрешения конфликтов внутри проектов. Разграничены понятия «конфликт» и «противоречие». Раскрыта современная точка зрения на сущность конфликта, предполагающая, что конфликт не всегда несет негативные последствия. В некоторых случаях он необходим для повышения эффективности реализации проекта, поэтому иногда от руководителей требуется стимулирование его развития (эскалация конфликта). Определены специфические особенности эскалации конфликта и ее уместность в той или иной конфликтной ситуации. Проанализированы психологические стороны эскалации конфликта, проявляющиеся в нежелании отечественных руководителей выносить проблему выше из-за боязни не справиться с управлением конфликтом. Выделены стратегии управления конфликтами в командах проекта, предложена концептуальная модель управления ими.

Ключевые слова: конфликт, коммуникации, управление проектами, команда проекта, эскалация конфликта, противоречие, конструктивность, деструктивность, стратегии поведения в конфликте

Для цитирования: Евдокимова Ю.Г., Сычёва С.М., Шрамченко Т.Б., Халимон Е.А. Эскалация как способ урегулирования конфликтов и противоречий // Вестник университета. 2021. № 6. С. 14–21.

ESCALATION AS A WAY TO RESOLVE CONFLICTS AND CONTRADICTIONS

Abstract. The domestic and foreign practice of project conflict management and resolution is analysed. The concepts of “conflict” and “contradiction” are differentiated. The modern point of view on the essence of the conflict is revealed, suggesting that the conflict does not always have negative consequences. In some cases, it is necessary to increase the effectiveness of the project implementation, so sometimes managers are required to stimulate its development (escalation of the conflict). The specific features of the escalation of the conflict and its relevance in a particular conflict situation are determined. The psychological features of the conflict escalation are analysed, which are manifested in the reluctance of domestic leaders to take the problem higher because of the fear of not being able to cope with the management of the conflict. Strategies for managing project conflicts are highlighted, and a conceptual model for managing them is proposed.

Keywords: conflict, communications, project management, project team, conflict escalation, contradiction, constructiveness, destructiveness, conflict behavior strategies

For citation: Evdokimova J.G., Sycheva S.M., Shramchenko T.B., Khalimon E.A. (2021) Escalation as a way to resolve conflicts and contradictions. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 14–21. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-14-21

Введение

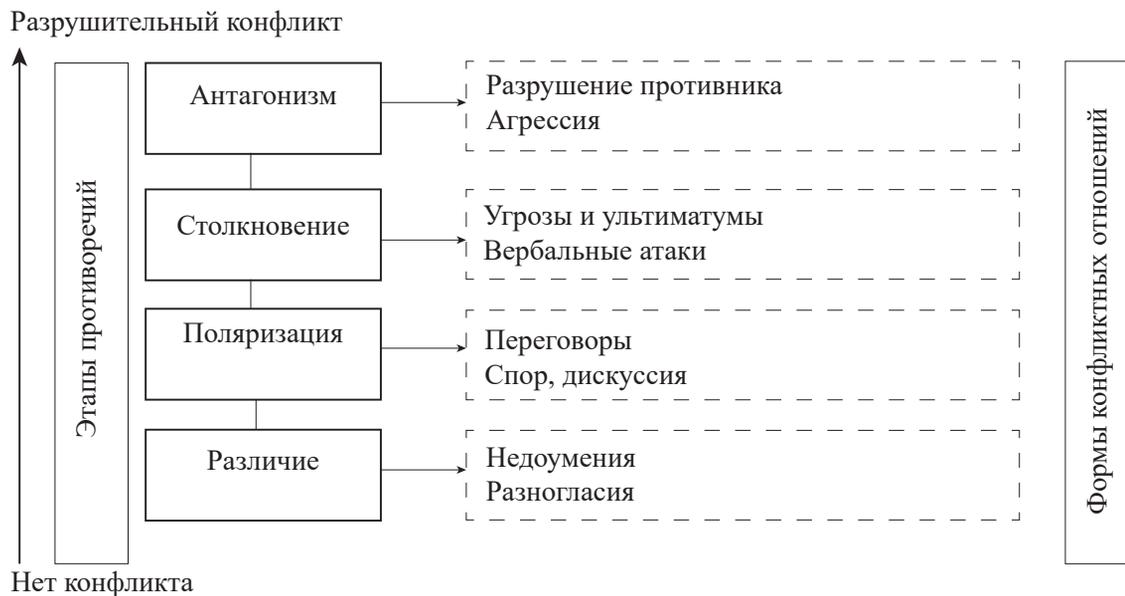
Разногласия и конфликты естественны для проектной деятельности в организациях. Споры могут возникать по поводу приоритетов, распределения ресурсов, качества работы, решения возникающих проблем и т. д. Одни конфликты способны улучшить качество работы проектной группы, другие могут отрицательно сказаться на выполнении проекта. При этом теория и практика урегулирования конфликтов представляют различные подходы: судебное разрешение конфликтов, арбитраж, примирение, посредничество, услуги, вмешательство власти, консультации по процессу, управление конфликтом с помощью эскалации и др.

Многие из этих подходов можно сравнить и оценить, чтобы прийти к выводам об использовании конкретных моделей урегулирования конфликтов для различных видов социальных конфликтов и различной степени их интенсивности. Цель статьи – исследовать общемировую практику урегулирования и разрешения конфликтов, ответить на вопросы, каковы бывают степени интенсивности конфликтов, эскалации, какой метод подходит для эскалации социальных конфликтов внутри организаций. Для этого нами рассмотрены понятия конфликта и концептуальная модель эскалации, ее механизмы и этапы, с которыми связаны и стратегии урегулирования конфликтов.

Анализ теоретических исследований конфликтов

Конфликт представляет собой столкновение противоположных интересов, взглядов, целей, позиций, мнений двух или нескольких людей. В его основе всегда лежит какой-либо повод. Понятия «конфликт» и «противоречия» не тождественны. Конфликт представляет собой наиболее острую стадию развития противоречий. Как правило, о конфликте начинают говорить при нарушении нормального взаимодействия в трудовом процессе из-за существующих разногласий [7]. Если конфликтную ситуацию не решать, она может привести к срыву сроков выполнения проекта, снижению его качества [6].

Развитие конфликта, где последующие разрушительные воздействия оппонентов друг на друга сильнее, чем предыдущие, называется эскалацией конфликта. В своем развитии эскалация проходит ряд стадий: различия, поляризация, столкновение, антагонизм. На каждой из стадий проявляются свои формы конфликтных отношений: разногласия, недоумения, переговоры, споры, дискуссии, угрозы и ультиматумы, вербальные атаки, разрушение противника, агрессия. Таким образом, противоречия постепенно обостряются, появляется противоборство. Структура эскалации конфликта в проекте представлена на рисунке 1.

Источник: [5]

Рис. 1. Структура эскалации конфликта в проекте

Конфликт служит способом выявления и разрешения противоречий. Если противоположные силы, их интересы вызывают напряжение, переходящее в открытое противоборство, естественно, этому противоборству рано или поздно должен прийти конец. Конфликт и его последующее разрешение является одним из способов выхода из сложившегося тупика.

Рассмотрим особенности эскалации конфликта, которые следует учитывать при управлении конфликтами в проекте.

Как и сам конфликт, эскалация является объективной закономерностью. Она может играть как положительную, так и отрицательную роль. Как правило, именно при обострении конфликтной ситуации скрытая проблема выходит наружу. Это ведет, с одной стороны, к тому, что нарушается привычный темп работы, напрасно расходуются силы, с другой стороны, восстанавливается баланс, налаживается система связей между сотрудниками, уточняется роль каждого из них.

Характерная особенность эскалации конфликта состоит в том, что это не одномоментное явление, а всегда определенный отрезок времени, в течение которого разрешаются противоречия. По мере разрешения противоречий выясняется их глубина, сложность, важность, способы ликвидации (или предотвращения), возможность повторения. В свою очередь, это служит накоплению опыта по управлению конфликтами у руководителей проектов.

Конечно, доведение конфликта до эскалации не всегда положительно сказывается на проектной деятельности коллектива. Американские руководители, согласно результатам опроса, выделили конструктивные и деструктивные конфликты [4]. Первые необходимо поощрять и развивать, вторые – предупреждать и нейтрализовать.

Прежде чем оценивать конфликтные ситуации, требуется обратить внимание на субъективную сторону конкретного конфликта, выяснить характер его протекания (конструктивный или деструктивный). Для деструктивных конфликтов характерно формирование предвзятости, личной неприязни, а также конкретной выгоды из этого конфликта. В конструктивных конфликтах, как правило, имеется меньше негативных составляющих. Это своего рода заявление о своих правах, об уважении права другого человека, отстаивание своих взглядов и позиций без ухода дискуссии в сторону и затрагивания личности.

Для конструктивного конфликта характерно формирование такой ситуации, когда противостоящие друг другу стороны не выходят за этические нормы, сохраняют деловые отношения и не отстаивают упорно свою позицию, невзирая на интересы противоборствующего лица. Для деструктивных конфликтов характерны негативные последствия, в результате чего персонал снижает эффективность работы в группе проекта, что приводит к снижению эффективности деятельности всей организации.

Таким образом, еще на первом этапе проявления разногласий у сотрудников руководитель проекта должен выделить возможные конструктивные и деструктивные элементы и последствия конфликта, определить симптомы их проявления и проанализировать множество факторов, которые помогут выстроить модель управления конфликтом.

Оценивая конструктивность и деструктивность конфликтов (их последствий), необходимо иметь в виду следующее:

- отсутствие четких критериев различий конструктивных и деструктивных конфликтов. На вопрос, какова грань между конструктивными и деструктивными последствиями конфликтов иногда трудно дать однозначный ответ, особенно когда необходимо оценить последствия конкретного конфликта;
- множество конфликтов имеет одновременно и конструктивные, и деструктивные последствия;
- степень конструктивности и деструктивности конкретного конфликта не остается неизменной, на различных стадиях его развития она может меняться.

В конфликте могут быть заинтересованы не только сами противоборствующие стороны, но и иные участники (подстрекатели, пособники, организаторы). Следует иметь в виду, что последствия конфликта с позиций разных участников могут оцениваться по-разному.

Конфликт может завершиться следующими результатами.

Устранение конфликта предполагает устранение причин или предмета конфликта. В этом случае один из оппонентов либо оба оппонента могут, например, уволиться. Один конфликт может перерасти в другой, при этом субъектами конфликта могут быть те же участники или другие.

Урегулирование конфликта означает его завершение при следующих условиях:

- примирение оппонентов в состоянии конфликтного тупика, когда цена победы дороже цены урегулирования. Урегулирование происходит на основе договоренности оппонентов пойти на взаимные уступки. Однако при этом противоположные интересы и конфликтная ситуация сохраняются;
- примирение оппонентов на основе признания победы одного из них и фиксации этого в соответствующем документе (соглашении). Но и в этом случае конфликтная ситуация сохраняется, а следовательно, может рано или поздно проявиться.

Разрешение конфликтов в проектных группах выражается в устранении противоположности интересов противоборствующих сторон. Саморазрешение конфликта невозможно, поэтому его разрешение и урегулирование требует приложения значительных усилий со стороны и руководителей коллектива, и оппонентов в конфликте.

Анализ практического опыта

Многие отечественные руководители проектов в настоящее время стараются гасить любые конфликтные ситуации на начальном этапе их развития, считая, что лучше потушить пожар в зародыше, чем разгоревшееся пламя. Однако необходимо понимать, что доведя конфликт до пика, можно раз и навсегда разрешить конфликтную ситуацию, так как в момент кризиса оппоненты раскрывают истинные чувства и выявляют проблемы, которые без развития конфликта обычно обнаружить сложно.

Зарубежная практика менеджмента показывает, что управление и разрешение конфликтов давно стало важнейшей задачей руководителя. В 2015 г. американская ассоциация менеджеров провела опрос менеджеров об их отношении к управлению конфликтами, где респондентами являлись исполнительные менеджеры и вице-президенты компаний [4]. Они подчеркнули, что эскалация способствует «подъему наверх» проблем их сотрудников, которые они не в силах разрешить самостоятельно, и отметили, что в большинстве случаев предпочитают управлять конфликтом, а не предотвращать его на начальной стадии развития противоречий.

Интересны и полезны также и другие важные результаты этого исследования.

1. Для руководства было характерно проведение ранжирования управления конфликтами в качестве достаточно важного вопроса.
2. Руководители тратят около трети рабочего времени на то, чтобы разрешать конфликтные ситуации.
3. Руководство подчеркивает, что формирование конфликтных ситуаций имеет непосредственную связь с психологическими аспектами взаимоотношений в коллективе, когда проявляется недопонимание между сотрудниками, а также различие их жизненных ценностей.
4. В том случае, когда руководитель не способен найти решение вопроса, скрытые проблемы выходят наружу, в результате чего конфликт разрешается [3; 4; 7].

Отметим, что понятия «завершение» и «разрешение конфликта» не тождественны. Завершение конфликта означает окончание, прекращение конфликтной ситуации, но при этом противоречия не всегда нейтрализуются. Иными словами, в этом случае достигается определенное согласие между сотрудниками, конфликтная ситуация затухает, но это не означает, что противоречия устранены, и в будущем между оппонентами вновь не возникнет спор, не появятся опять эти же или другие противоречия. Разрешение конфликта может быть полным или неполным, но в большинстве случаев здесь происходит устранение причин, предмета конфликта.

На сегодняшний день специалисты предлагают следующие ключевые стратегии управления конфликтной ситуацией: игнорирование, устранение, подавление, разрешение, регулирование, сдерживание, решение, стимулирование. Характеристика основных из них представлена в ниже.

1. Приспособление – стратегия сглаживания противоречия, при которой оппоненты поступают своими интересами. В то же время один из оппонентов согласен полностью удовлетворить интересы другого, который, как правило, обладает большей властью и заинтересован в исходе событий.

Стратегия приспособления рекомендуется, когда:

- происходящие события не слишком значимы для вас, результат решения конфликта важен для другой стороны и практически безразличен вам;
- вам важнее сохранить мир и хорошие отношения с другими людьми (группами); объем собственной власти невелик;

- заведомо решая конфликтную ситуацию не в свою пользу, вы рассчитываете в будущем на подобные действия с противоположной стороны;
- вы понимаете, что не правы в данной конфликтной ситуации, но не желаете по каким-либо соображениям это признать.

2. Компромисс – частичное удовлетворение интересов обеих сторон через взаимные уступки. Стратегия предполагает, что все оппоненты одинаково стремятся к достижению согласия и будут вырабатывать компромиссное решение посредством обмена уступками.

Стратегия компромисса используется, когда:

- интересы обеих сторон исключают друг друга;
- обе стороны обладают одинаковой властью;
- решение нужно получить быстро;
- другие подходы оказались неэффективными.

Стратегия эффективна, когда оба оппонента хотят одного и того же, но понимают, что одновременно исполнение для обоих одного и того же желания невыполнимо. Для решения конфликта путем компромисса следует начинать с выяснения интересов оппонентов и определить область совпадения интересов.

3. Конкуренция, соперничество эффективны в случае, когда использующая ее сторона имеет достаточный авторитет, высокий уровень власти, знает реальный способ устранения конфликтной ситуации и имеет возможность настаивать на применении этого способа.

Стратегию конкуренции, соперничества следует использовать, когда:

- исход конфликта очень важен для вас, и вы уверены, что предлагаемое вами решение единственно возможное, наилучшее;
- конфликтную ситуацию следует разрешить быстро, и вы обладаете достаточным уровнем власти для принятия «волевого решения»;
- ситуация, вызванная конфликтом, является критической, и в случае ее стагнации вы многое теряете;
- вы не видите реального способа решения конфликта, но любая форма пассивного поведения еще более углубит конфликтную ситуацию.

4. Сотрудничество – стратегия, которая состоит в поиске решения, удовлетворяющего интересы всех сторон в ходе открытого обсуждения.

Эта стратегия основана на убежденности участников конфликта в том, что расхождение во взглядах – это неизбежный результат того, что у каждой стороны есть свои представления о том, что правильно, а что нет. Используя данную стратегию ищет решение проблемы, а не старается добиться своей цели за счет других.

Стратегия сотрудничества используется, когда:

- оппонентов связывают тесные, длительные и взаимовыгодные отношения;
- решение проблемы очень важно для обеих сторон;
- оппоненты обладают полной информацией об истинной причине конфликта и не желают развития возникшей конфликтной ситуации;
- есть время поработать над возникшей проблемой;
- оппоненты могут изложить суть своих интересов и выслушать друг друга, при этом они способны к откровенному обсуждению возникшей проблемы, и ни одна сторона не обладает возможностями его силового решения в свою пользу.

Однако ни одна из рассмотренных стратегий не может быть выделена как наилучшая. Как правило, для разрешения конфликта применяются комбинации стратегий, а иногда доминирует одна из них. Руководители проектов должны знать характерные черты каждой стратегии и сознательно выбирать наиболее подходящую к конкретной ситуации.

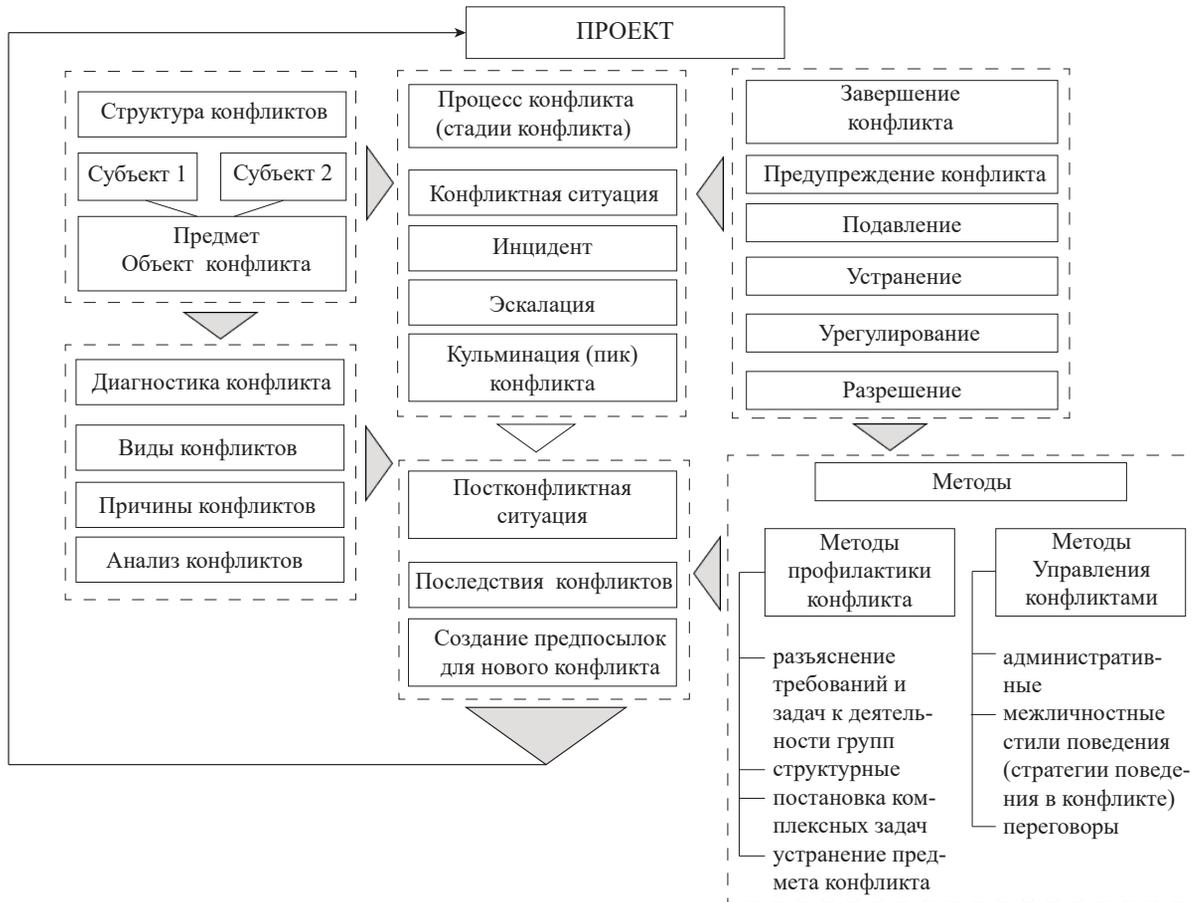
Из названных стратегий наиболее часто применяется стратегия соперничества. По мнению специалистов, эта стратегия используется в 90 % случаев. Ведь конфликт и состоит в противоборстве оппонентов. В период эскалации следует использовать именно эту стратегию. Стратегия сотрудничества – наиболее сложная для реализации, поскольку она предполагает знание скрытых мотивов каждой стороны, а также наличие больших временных ресурсов для решения возникшей проблемы. Она применяется примерно в 2–3 % ситуаций, так же как и другие стратегии [3].

Итак, зная характеристики каждой из стратегий, понимая конкретную конфликтную ситуацию, руководитель под любую из них должен вырабатывать свою собственную уникальную стратегию, в основе которой лежит анализ множества факторов, в том числе уровень конфликтного взаимодействия [2].

В целом для состояния постконфликтных отношений возможны три варианта:

- отношения могут улучшиться;
- отношения могут ухудшиться;
- отношения могут быть полностью разорваны.

Принципиальная модель управления конфликтами в проекте представлена на рисунке 2.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Принципиальная модель управления проектными конфликтами

Анализ последствий эскалации конфликтов

Эскалация конфликта не всегда несет негативные последствия, в некоторых случаях она необходима для повышения эффективности реализации проекта, разрешения конфликта внутри проекта раз и навсегда. Обобщение взглядов различных авторов на эту проблему представлено в сравнительной таблице 1.

Таблица 1

Последствия эскалации конфликтов

Позитивные последствия эскалации конфликтов	Негативные последствия эскалации конфликтов
Разрядка напряженности между конфликтующими сторонами	Возможно увольнение сотрудников
Получение новой информации об оппоненте	Возможно снижение трудовой и исполнительской дисциплины

Позитивные последствия эскалации конфликтов	Негативные последствия эскалации конфликтов
Сплочение коллектива организации при противоборстве с внешним врагом, внешними трудностями	Возможно ухудшение социально-психологического климата в коллективе
Сплочение членов группы при противоборстве с внешним врагом, внешними трудностями	Возможно формирование представления о побежденных группах, как о врагах
Повышение внутригрупповой сплоченности при противоборстве данной группы с внешним врагом, внешними трудностями	Большие эмоциональные затраты на участие в конфликте Большие материальные затраты на участие в конфликте Увеличение временных затрат на участие в конфликте
Стимулирование к изменениям и развитию	Возможно увеличение текучести кадров
Снятие синдрома покорности у подчиненных	Чрезмерное увлечение процессом конфликтного взаимодействия в ущерб реальной работе
Диагностика возможностей оппонентов	Уменьшение степени сотрудничества между частью сотрудников после завершения конфликта
Выявление многообразия точек зрения	Сложное восстановление деловых отношений («шлейф конфликта»)
Выявление проблем управления в организациях	Мешает достижению целей организации в целом;
Разработка большого количества альтернатив решения проблем управления	Мешает удовлетворению потребностей отдельной личности
Дает людям возможность открыто высказать свое мнение	
Дает людям возможность удовлетворить потребности в уважении и власти	
Позволяет сформулировать новую эффективную стратегию развития	
Позволяет разработать правила, более четко определяющие отношения между сторонами и снизить риск возникновения иррациональных конфликтов в будущем	

Составлено авторами по материалам исследования

Проблема боязни отечественных руководителей эскалации заключается, по мнению авторов, в страхе вынести проблему выше, страхе демонстрации своей некомпетентности, неумении управлять конфликтными ситуациями, поскольку это требует немалых знаний и трудозатратно. Однако рациональный уровень конфликтности, включающий в себя в определенных случаях и эскалацию конфликта, способен обеспечить проекту развитие, сделать его жизнеспособным, творческим и инновационным [1].

Выводы

Для любой стабильной системы управления, базирующейся на тесном взаимодействии сотрудников, характерно ее превращение в любой момент в статичную систему, где отсутствует целеустремленность, отмечается стагнация. Если руководители хотят, чтобы их команда успешно справлялась с проектами, они должны совершенствоваться, так как от руководства зависит слаженность работы сотрудников. Каждый второй конфликт внутри проекта активно влияет на достижение целей проекта, показатели управления проектом, выполняя при этом определенные задачи. Поэтому важны различные методы управления и разрешения таких конфликтов. Неслучайно тренинги по формированию и совершенствованию организационной культуры, а также управлению конфликтами, сегодня являются одними из самых распространенных в организациях.

Таким образом, зная и понимая суть конфликта внутри проекта, структуру эскалации конфликта, методы управления им, избрав стратегию его преодоления в конкретной ситуации и выявив все противоречия, руководители могут успешно разрешить его.

Библиографический список

1. Багратиони, К. А. Психологический подход к конфликт-менеджменту проектов: типология, причины, управление // Управление проектами и программами. – 2017. – № 4. – С. 210–219.
2. Бегус, В. С., Икаева, Л. Э. Управление конфликтами в команде проекта // Символ науки. – 2017. – № 3. – С. 33–41.

3. Бирюков, А. П., Гусева, М. Н., Никитин, С. А., Халимон, Е. А., Чернова, Т. Ф. Актуальные вопросы управления и оценки новых знаний для формирования и реализации инновационных проектов // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 4 (117). – С. 1168–1172.
4. Рудый, Д. В. Стратегия управления конфликтами в проекте // Вестник университета. – 2009. – № 4.
5. Рудый Д. В., Выходцева Е. А. Причины, условия и факторы возникновения конфликтов в проекте // Система государственного и муниципального управления: проблемы и перспективы развития: сборник научных статей. – М: Изд-во ООО «ПКЦ Альтекс», 2009.
6. Управление проектами: фундаментальный курс / Под ред.: В. М. Аньшина, О. Н. Ильиной. – Москва: ИНФРА-М, 2013. – 624 с.
7. Халимон, Е. А., Геокчакян, А. Г. Управление экономикой с позиции научной и цифровой организаций труда // Вестник университета. – 2021. – № 2. – С. 30–135.

References

1. Bagrationi K. A. Psychological approach to conflict-management of projects: typology, reasons, management, *Upravlenie proektami i programmami*, 2017, no. 4, pp. 210–219. (In Russian).
2. Begus V. S., Ikaeva L. E. Features of conflict management in a project team, *Symbol of Science*, 2017, no. 3, pp. 33–41. (In Russian).
3. Biryukov A. P., Guseva M. N., Nikitin S. A., Khalimon E. A., Chernova T. F. Current issues of management and evaluation of new knowledge for the formation and implementation of innovative projects, *Journal of Economy and entrepreneurship*, 2020, no. 4 (117), pp. 1168–1172. (In Russian).
4. Rudyi D. V. Conflict management strategy in the project, *Vestnik universiteta*, 2009, no. 4. (In Russian).
5. Rudyi D. V., Vykhodtseva E. A. Causes, conditions and factors of conflicts in the project, *The system of state and municipal management: problems and prospects of development: a collection of scientific articles*. – Moscow, Publ. House LLC “PKC Altex”, 2009. (In Russian).
6. *Project management: fundamental course*, edited by V. M. Anshin, O. N. Il'ina, Moscow, INFRA-M, 2013, 624 p. (In Russian).
7. Khalimon E. A., Geokchakyan A. G. Economic management from the perspective of scientific and digital labor organizations, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 2, pp. 130–135. (In Russian).

Зябликова Ольга Александровна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», Пензенский филиал, г. Пенза, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-1624-0071
e-mail: has18068881@rambler.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В КОНТЕКСТЕ РЕСУРСНОЙ КОНЦЕПЦИИ ФИРМЫ

Аннотация. Современные организации вынуждены адаптироваться к условиям рыночных отношений и конкуренции. Факторы, определяющие успех на рынке, одновременно являются и факторами выживания организации. Достижение конкурентных преимуществ в соответствии с ресурсным подходом возможно в результате использования уникальных ресурсов, одними из которых являются человеческие ресурсы. В статье рассмотрены наиболее значимые направления взаимодействия организации с персоналом в рамках как мирового сообщества, так и Российской Федерации. Проведено исследование обеспеченности предприятий Пензенской области человеческими ресурсами и выполнена оценка эффективности системы менеджмента человеческих ресурсов в условиях пандемии с помощью экспертного метода. По результатам исследования разработаны рекомендации по организации управления персоналом в условиях неопределенности.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, менеджмент персонала, эффект автоматизации, развитие лидерства, опыт сотрудника, мобильность персонала, обучение персонала, обеспеченность персоналом, ресурсный подход

Для цитирования: Зябликова О.А. Методологические аспекты управления человеческими ресурсами в контексте ресурсной концепции фирмы // Вестник университета. 2021. № 6. С. 22–30.

Olga A. Zyablikova
Cand. Sci. (Econ.), Financial University,
Penza Branch, Penza, Russia
ORCID: 0000-0002-1624-0071
e-mail: has18068881@rambler.ru

METHODOLOGICAL ASPECTS OF HUMAN RESOURCES MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF THE COMPANY'S RESOURCE CONCEPT

Abstract. Modern organizations are forced to adapt to the conditions of market relations and competition. The factors that determine success in the market are also factors for the survival of the organization. Achieving competitive advantages in accordance with the resource approach is possible as a result of using unique resources, one of which is human resources. The most significant areas of interaction between the organization and the personnel within the framework of both the world community and the Russian Federation are considered in the article. A study of the provision of enterprises of the Penza region with human resources was carried out and an assessment of the effectiveness of the human resources management system in a pandemic was carried out using an expert method. Based on the results of the study, recommendations were developed for the organization of personnel management in conditions of uncertainty.

Keywords: human resources, personnel management, automation effect, leadership development, employee experience, personnel mobility, personnel training, staffing, resource approach

For citation: Zyablikova O.A. (2021) Methodological aspects of human resources management in the context of the company's resource concept. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 22–30. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-22-30

Введение

С началом формирования информационного общества акцент в управлении организацией сместился в сторону рационального использования всех ресурсов, повышения требований к компетентности и качеству персонала, требований к применяемым методикам и технологиям управления персоналом [2].

С позиции ресурсной концепции достижение преимуществ организации, выражающихся в высоких результатах ее деятельности, возможно благодаря эффективному и комплексному использованию всех ресурсов. Приоритет в данном случае отдается человеческим ресурсам.

© Зябликова О.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Zyablikova O.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

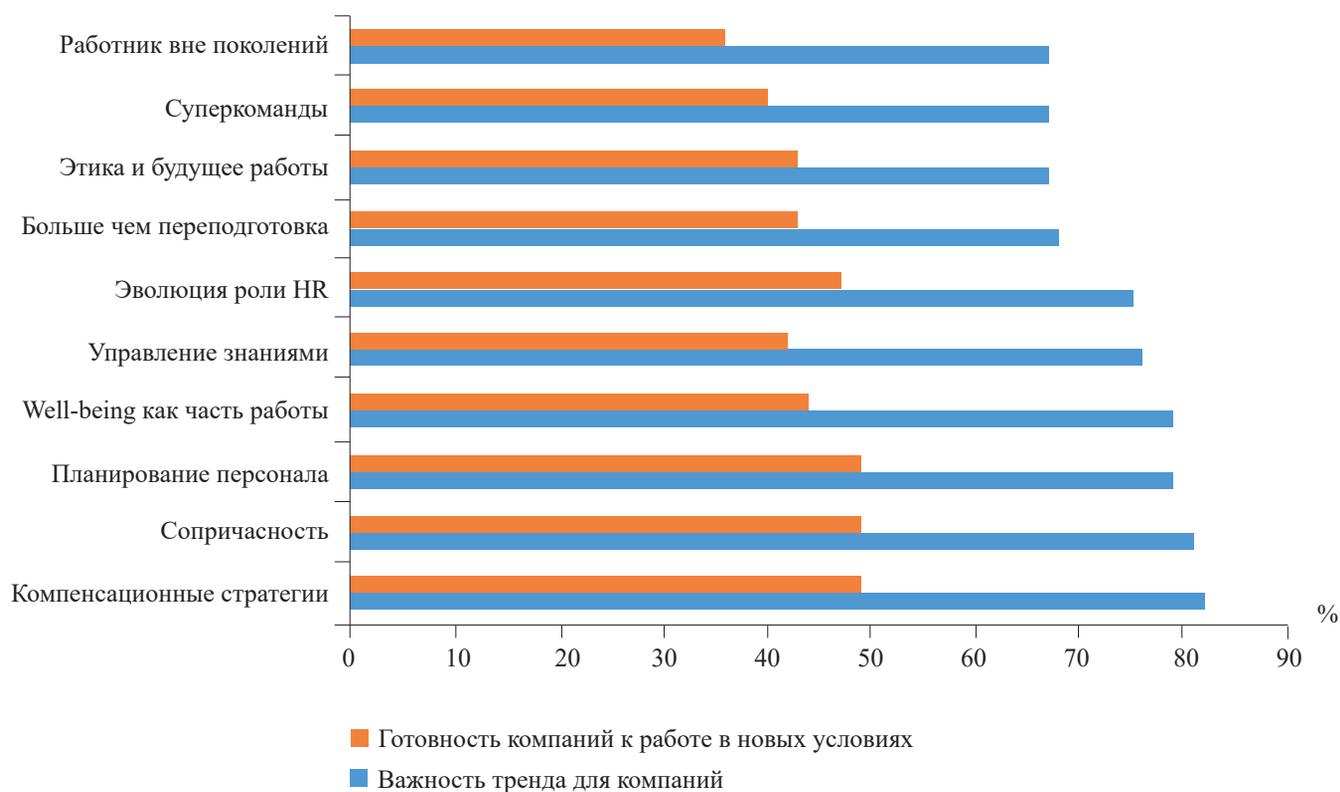
Человеческие ресурсы – главный ресурс организации, они обеспечивают ее конкурентное преимущество и устойчивое развитие. Главной задачей в управлении человеческими ресурсами является создание в организации необходимых условий для реализации работником своих потенциальных возможностей и поиск необходимых инструментов воздействия на него. Обеспечение эффективного управления человеческими ресурсами стало основной задачей менеджмента в России и за рубежом [3].

В последние годы возрос интерес со стороны ученых к вопросам управления человеческими ресурсами. Следует отметить работы отечественных ученых: Е. Г. Антосенкова, В. Б. Бычина, В. Г. Макушина, В. М. Маневича, Л. Ф. Никулина, Ю. Г. Одегова, А. С. Панкратова, Н. Ф. Пушкарева, Г. Г. Руденко, С. В. Шекшня, которые изучали современные проблемы менеджмента человеческих ресурсов. Однако до сих пор управление человеческими ресурсами остается наиболее слабым звеном в общей системе управления организацией.

Анализ ключевых тенденций в управлении персоналом

В последние годы в исследовании тенденций управления персоналом ключевой темой остается тема социально ответственного бизнеса, под которым понимается бизнес, приоритетами которого является развитие общества помимо извлечения прибыли.

В 2020 г. Россия и мировое сообщество в сфере управления человеческими ресурсами обозначили значимые направления взаимодействия с персоналом в рамках характеристик социально ответственного бизнеса (рис. 1). Пять ключевых трендов остаются актуальными и в 2021 г.: well-being, как часть работы, которая больше чем переподготовка; суперкоманды; планирование персонала; эволюция роли HR.

Источник: [5]

Рис. 1. Важность тренда и готовность российских компаний

В России отличный от мирового сообщества взгляд на наиболее приоритетные направления в развитии персонала, только в вопросе сопричастности респонденты солидарны (табл.1).

Рейтинг трендов: Россия и мировое сообщество

Тренд	Россия	Мировое сообщество	Разница
Компенсационные стратегии	1	9	8
Сопричастность	2	2	0
Планирование персонала	3	7	4
Well-being как часть работы	4	1	3
Управление знаниями	5	4	1
Эволюция роли HR	6	5	1
Больше чем переподготовка	7	6	1
Этика и будущее работы	8	3	5
Суперкоманды	9	10	1
Работники вне поколений	10	8	2

Источник: [5]

В 2020 г. в условиях эпидемии COVID-19 организации были вынуждены перейти на абсолютно новые методы работы, выстраивая свою деятельность с учетом влияния коронавирусной инфекции. Организациям приходилось реагировать на неожиданно возникшие и быстро меняющиеся сложные условия, прогнозируя и планируя различные события. В сложившихся условиях высокой нестабильности требуется немало смелости, рассудительности и гибкости, творческого подхода, которые могут быть продемонстрированы только человеком и командами под руководством человека. Распространение COVID-19 показало, что только человек способен обеспечить быстрый темп роста организации в условиях кризиса [1].

Ведение социально ответственного бизнеса в новой реальности стало сопряжено с необходимостью перехода организаций от модели, направленной на выживание, к модели процветания, связанной со стремлением организации выстроить свою деятельность целиком и полностью в интересах персонала. Такая модель предполагает совершенно иной принцип ведения деятельности, когда каждый вопрос, каждая задача и каждое решение рассматривают прежде всего с точки зрения влияния на сотрудника. Организация, ставящая своей целью процветание, готова воспринимать любую новую реальность и использовать эту ситуацию для переосмысления норм и оценок с применением недоступных ранее методов.

Рассматривая ключевые тенденции в управлении персоналом в 2021 г., выясним, каким образом организации могут использовать сильные стороны своих сотрудников, чтобы обеспечить процветание бизнеса.

Тренд 1. Well-being как часть работы.

Well-being – трендовое направление в области удержания кадров, призванное повысить уровень благополучия сотрудников, а также их вовлеченность в рабочий процесс.

В России 61 % организаций имеют стратегию по развитию программ well-being. Однако в большей части организаций, использующих well-being, эффективность влияния их на текущую операционную деятельность не измеряют. Несмотря на актуальность и популярность well-being, для многих российских организаций финансовые показатели продолжают оставаться ключевым фактором успеха. Программы well-being не позволяют увидеть немедленный финансовый результат, что служит препятствием к их внедрению.

Несмотря на то, что руководители организаций давно признают важность заботы о благополучии сотрудников, это направление деятельности стало по-настоящему значимым лишь во время эпидемии COVID-19. Организации неожиданно осознали приоритетность заботы о физическом и психологическом здоровье для собственного выживания, поскольку внимание к здоровью работников и снижение уровня стресса приобрели критически важное значение для их деятельности.

Ситуация с коронавирусной инфекцией напомнила организациям не только о необходимости обеспечения благополучия сотрудников, но и о необходимости трансформации рабочих процессов. Многие организации признали важность мер по организации удаленной работы при планировании рабочих процессов.

К факторам, в наибольшей степени позволяющим обеспечить эффективность удаленной работы, руководители российских организаций отнесли: внедрение цифровых платформ для совместной работы – 39 %, предоставление работнику возможности выбирать способ выполнения работы – 36 %, формирование новых норм планирования работы и проведения встреч – 31 %, обучение руководителей команд – 24 %, обеспечение работников необходимыми информационно-технологическими решениями и возможностью выхода в сеть «Интернет» из дома – 23 %, предоставление расширенных корпоративных льгот (поддержка и ресурсы для членов семей работников) – 10 %, предоставление ресурсов, которые можно использовать для повышения уровня благополучия – 8 %.

Организациям следует принять целый ряд мер, чтобы превратить заботу о благополучии сотрудников в неотъемлемую часть рабочих процессов (табл. 2).

Таблица 2

Мероприятия в рамках планирования деятельности организации с заботой о сотрудниках

Область	Уровень организации (организационный)	Уровень команды (групповой)	Уровень работника (индивидуальный)
Культура	-	Разработка модели поведения с заботой о благополучии, использованием практики мини-перерывов или ограничения числа видеовстреч	Изучение потребностей сотрудников, касающихся их благополучия
Отношения	Формирование команды на основании предпочтений работников, стиля работы и личных потребностей	Регулярные опросы сотрудников об их потребностях и предпочтениях, касающихся их благополучия	-
Операционная деятельность	Включение критерия благополучия в планирование рабочих процессов, управление эффективностью деятельности сотрудников, оценка руководства и программы вознаграждений	-	Предоставление командам самостоятельности и права выбора, разрешение использовать инструменты обеспечения благополучия, которые подходят им лучше всего
Физическая среда	Проектирование рабочей среды для поддержания физических, психологических и эмоциональных потребностей работников	Использование физического рабочего пространства, способствующего улучшению взаимодействия внутри команды и повышению ее производительности	-

Источник: [5]

Тренд 2. Больше чем переподготовка.

Анализ показал, что руководители более 50 % организаций в России считают, что следует нанимать сотрудников, способных эффективно обучаться и развиваться. Основными препятствиями для развития сотрудников в российских организациях считаются низкая заинтересованность персонала (48 %), недостаток инвестиций (24 %), трудность в определении направлений развития (19 %).

Знания, навыки сотрудника, формируя его потенциал, могут оставаться нераскрытыми. Наиболее важный способ, с помощью которого организации могут помочь сотрудникам раскрыть свой потенциал, состоит в предоставлении им самостоятельности и выбора в рамках выполняемой работы. Способности работника раскрываются не в ходе выполнения задач, ради которых его приняли на работу, или для выполнения которых он получает соответствующие сертификаты, и даже не при осуществлении функций, которые могут потребоваться его организации или руководству в перспективе. Они раскрываются при предоставлении работнику большей свободы выбора и действий при решении критически важных бизнес-задач по мере развития организаций и экосистем.

Один из способов предоставления сотрудникам большей самостоятельности и свободы выбора при выполнении работы – электронные площадки реализации профессиональных возможностей или подбора кадров. Эти площадки представляют собой платформы, информирующие работников об определенных возможностях профессионального развития, обучения, менторства, участия в проектах, установления социальных связей, продвижения по карьерной лестнице, этнокультурного многообразия и вовлеченности. Цель работы площадок – предоставить работникам выбор, помочь им совместить свои интересы, увлечения и способности с текущими и будущими потребностями бизнеса и проектной деятельности. Подобные проекты, основанные на увлечениях, обеспечивают для сотрудников новый, развивающий опыт и возможности обучения в процессе работы, а также позволяют приобретать определенные навыки в интересах организации.

Тренд 3. Суперкоманды.

Командная работа стала приоритетом для организаций и ключевым элементом стратегии выживания, обеспечив им необходимую гибкость и быстродействие. Сегодня у руководителей появилась возможность использовать полученный опыт для формирования так называемых «суперкоманд» – альянс человека и технологий, открывающий дополнительные возможности для достижения результатов. Такая интеграция позволяет повысить эффективность и качество работы команд, высвободить временные человеческие ресурсы для более творческой деятельности.

Тем не менее, пока только 16 % организаций используют искусственный интеллект для поддержки работников в их непосредственной деятельности и максимизации их знаний и опыта. В то время как 20 % организаций применяют технологии искусственного интеллекта в целях повышения производительности и более 50 % в целях систематизации и повышения качества процессов.

Низкий уровень использования технологий в управлении персоналом связан с недостаточными инвестициями в обучение сотрудников. Всего 17 % организаций вкладывают достаточные средства в переподготовку сотрудников для реализации своей цифровой стратегии.

Тем не менее, популярность технологий искусственного интеллекта растет. Искусственный интеллект используют в 58 % российских компаний, 48 % используют роботизацию для облегчения работы своих сотрудников.

Тренд 4. Планирование персонала.

Планирование персонала в привычном для многих организаций виде с использованием показателей и оценок, отражающих исключительно текущее состояние персонала, серьезно ограничивает способность организации выживать в условиях кризиса, не говоря уже о дальнейшем процветании.

Обращаясь к статистике, отметим: 70 % российских организаций регулярно собирают данные о состоянии своих трудовых ресурсов, лишь около 13 % делают это в режиме реального времени. С точки зрения прогнозирования внутренних и внешних изменений, оказывающих влияние на персонал, свое положительное мнение высказали соответственно 20 % и 30 % респондентов в России.

В ближайшем будущем дополнительными данными, необходимыми для понимания состояния персонала организации станут: потенциал сотрудников; получение доступа к человеческому капиталу.

Чем точнее организация представляет, где найти трудовые ресурсы для выполнения необходимой работы и чем больше у нее возможностей получить доступ к таким ресурсам, тем эффективнее она сможет мобилизовать и перераспределить работников для устранения пробелов в операционной деятельности. Необходимость этого особенно очевидна в организациях, которые в значительной степени используют альтернативные способы привлечения работников.

Тренд 5. Эволюция роли HR.

Более 50 % российских организаций считают, что в течение следующих 1–1,5 лет роль HR-службы претерпит серьезные изменения, что будет связано с совершенствованием опыта сотрудников, автоматизацией, темпами преобразований в экономике и бизнесе.

Текущая ситуация показала способность HR-службы брать на себя задачи антикризисного управления, решать вопросы сохранения персонала как ключевого актива организаций, оказывать сотрудникам различные формы поддержки.

В будущем сфера влияния HR будет расти. В связи с этим представителям HR потребуется развить новые компетенции (аналитика, цифровая грамотность и пр.), менять представление о положении HR-лидеров

в организации, вносить изменения в структуру организации для повышения гибкости командной работы. Эволюция HR-службы представлена в таблице 3.

Таблица 3

От оптимизации к проектированию: путь HR-службы к достижению новых результатов

Ключевые тренды	Оптимизация	Трансформация	Новые принципы
Благополучие	Улучшение здоровья и безопасности сотрудников и их доступа к инструментам и программам для удаленной работы	Распространение действия программы обеспечения благополучия на всех работников и все аспекты благополучия персонала	Интеграция идеи благополучия сотрудников в течение рабочего процесса (и жизни)
Больше, чем профессиональная переподготовка	Ускоренное прохождение учебных программ для формирования востребованных навыков и ролей	Внедрение новых технологий обучения и рынков трудовых ресурсов для развития новых навыков и предоставления сотрудникам возможности выбора направления развития	Акцент на раскрытии потенциала работника и проектировании рабочих процессов для достижения новых результатов
Суперкоманды	Внедрение изменений в области автоматизации рабочих процессов и управление ими	Акцент на создании «супердолжностей» для развития навыков работников и повышения их производительности при помощи технологий	Содействие формированию и развитию суперкоманд, объединяющих сотрудников и технологии для создания новых решений и услуг
Планирование персонала	Совершенствование формирования и повышение доступности данных о сотрудниках за прошлые периоды	Распространение аналитических исследований на всю экосистему трудовых ресурсов для повышения производительности, установления контрольных показателей и выявления проблем	Сбор текущих и прогнозных аналитических данных с целью поиска возможностей и определения новых направлений и действий для руководителей организации, сотрудников и заинтересованных сторон за пределами компании

Источник: [5]

Проведенный анализ мировых и российских тенденций в управлении персоналом выявил смещение ключевых трендов в сторону рассмотрения сотрудника как ценности организации для выживания в условиях кризиса. Недавние тренды в управлении персоналом, такие как альтернативные виды занятости, эффект автоматизации, развитие лидерства, опыт сотрудника, вознаграждение, мобильность персонала, обучение частично стали утрачивать свою актуальность.

Исследование обеспеченности предприятий Пензенской области человеческими ресурсами

Произошедшие изменения в управлении персоналом не могли не коснуться каждого отдельного региона России. Было проведено исследование организаций Пензенской области по проблемам обеспеченности человеческими ресурсами и управления ими. Для начала обратимся к показателям обеспеченности организаций Пензенской области различных отраслей человеческими ресурсами.

В сентябре 2020 г. на предприятиях Пензенской области было занято 375,3 тыс. чел. Наибольший удельный вес в структуре численности работающих приходился на работников обрабатывающих производств (17,5 %), оптовой и розничной торговли (14,0 %), сельского и лесного хозяйства (10,1 %), работников образования (9,8 %), здравоохранения и социальных услуг (9,4 %), строительства (6,3 %).

По количеству предлагаемых вакансий, в процентном соотношении лидирует г. Пенза – 61,3 %, в остальных населенных пунктах Пензенской области это количество колеблется от 4,7 % до 9,2 %. Практически все организации региона, вошедшие в первую десятку по нуждаемости в персонале, представлены сетевыми торговыми предприятиями «Связной», «Магнит», «Евросеть».

Немаловажным фактором стабильности кадрового состава любого предприятия является размер заработной платы. Медленный рост заработной платы является проблемой в регионе. Многие динамично развивающиеся предприятия не спешат поднимать оплату труда своим работникам, а некоторые сознательно стремятся ее понизить. К последним относятся предприятия строительной отрасли, торговли, предприятия общественного питания. В 2020 г. средняя зарплата по предприятиям региона составила 31 820,9 руб., что на 9 % выше уровня предыдущего года [4].

По итогам 2020 г. по уровню среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работникам г. Пенза находится на 11 месте среди городов Приволжского федерального округа. Больше всего заработные платы за этот период росли в Нижнем Новгороде (на 8,8 %) и Уфе (на 8,4 %), сравнительно меньше – в Оренбурге (на 4,2 %), Ульяновске и Казани (на 4,3 %).

Предприятия региона активно вовлекаются в реализацию национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». Предприятиями-участниками проекта, чьи работники прошли обучение, стали ЗАО «Фанерный завод», ЗАО «ЦеСИС НИКИРЭТ», АО «Белинсксельмаш», АО «Радиозавод».

Для оценки системы менеджмента человеческих ресурсов, было проведено социологическое исследование методом анкетирования работников 10 предприятий г. Пензы по трем блокам вопросов. В исследовании приняли участие малые и средние предприятия различных сфер деятельности. Общий объем выборки работников, принявших участие в анкетировании, составил 250 человек.

Первый блок вопросов анкеты был посвящен исследованию особенностей подбора, отбора и найма персонала. В качестве основных методов привлечения сотрудников респонденты назвали: 54,1 % – обращение в кадровые агентства; 21,6 % – обращение в государственную службу занятости; 18,9 % – использование рекомендаций сотрудников; 5,4 % – набор из числа имеющихся сотрудников.

В качестве основных факторов, которые учитываются при подборе и выдвижении кадров на руководящую должность респонденты назвали: 5,4 % – возраст и пол кандидата; 32,4 % – опыт работы в качестве специалиста; 62,2 % – мнение руководства.

Анализ ответов персонала предприятий на второй блок вопросов анкеты, касающийся процессов обучения, показал, что уровень профессиональной подготовки не полностью соответствует занимаемой должности у почти половины сотрудников (46 % респондентов). Повышали свою квалификацию за время работы на предприятии: полгода назад – 8,1 % респондентов, год назад – 8,1 % респондентов, 2–3 года назад – 27,0 % респондентов, никогда не повышали квалификацию – 56,8 % респондентов.

Относительно профессиональных планов сотрудников на ближайшие 2 года ответы распределились следующим образом: 48,7 % респондентов планируют остаться работать в своей должности; 21,7 % планируют перейти на другую должность; 10,9 % перейти в другое подразделение; 19 % перейти в другую организацию со сменой должности.

В качестве неудовлетворительных условий труда, снижающих уровень мотивации, были названы: неудовлетворительная заработная плата – 32,4 % респондентов; отсутствие продвижения по службе – 13,5 % респондентов; отсутствие обучения – 29,7 % респондентов; отсутствие корпоративных мероприятий, которые повышают сплоченность и корпоративный дух – 24,3 % респондентов.

Следующий блок вопросов был посвящен влиянию пандемии на систему управления персоналом в организации. В условиях пандемии COVID-19 большинство организаций г. Пензы были вынуждены оперативно изменить свою привычную организацию работы и подход к управлению персоналом. К экономическим вызовам, порожденным пандемией, добавились и масштабные задачи по защите здоровья сотрудников, их моральной поддержке, по взаимодействию и отчетности перед органами государственной власти в вопросах организации работы сотрудников. Значительная часть этой работы и лидирующая роль в ее организации в организациях, представляющих самые разные индустрии, легла на плечи подразделений по работе с персоналом. Большинство организаций (80 %) оказались не готовыми к быстрой смене существующей модели управления персоналом и адаптации к новым незапланированным реалиям.

На вопрос «какая концепция трансформации рабочих мест рассматривалась вами до начала пандемии COVID-19? Какой вы видите трансформацию рабочих процессов в последующие годы?» респонденты назвали: отсутствие трансформации рабочих процессов – до пандемии 7 %, в будущем – 3 %; оптимизация рабочих процессов до пандемии 32 %, в будущем – 10 %; пересмотр рабочих процессов – до пандемии 32 %, в будущем – 27 %; переход на новые принципы работы – до пандемии 29 %, в будущем – 61 %.

Областью деятельности, в которой функция по управлению персоналом организации добилась наиболее значимых результатов в период пандемии COVID-19, респонденты назвали защиту здоровья и безопасности сотрудников – 36 %; усиление информационного взаимодействия с сотрудниками – 35 %; обеспечение благополучия сотрудников – 29 %.

Практически в 50 % организациях ответственность за реализацию стратегии well-being была возложена на высшее руководство, на HR – 34 %; на линейных менеджеров – 16 %.

Исходя из проведенного анализа ведущей практики управления персоналом предприятий г. Пензы с точки зрения планирования непрерывности бизнеса и управления персоналом в условиях чрезвычайных ситуаций следует рекомендовать организациям предпринять следующие меры для преодоления будущей неопределенности.

1. Организация цифровых рабочих мест. Для сотрудников цифровое рабочее место – не только удобная платформа для текущей работы, но и для систематизации больших данных, от скорости и качества интерпретации которых зависит успех многих проектов в организации. Руководители получают мониторинг исполнения задач, что позволяет им вовремя вносить коррективы. Союз человека и новых технологий может помочь компаниям создать настоящую суперкоманду. Такое сотрудничество не только сформирует новые смыслы и ценности, но и позволит уделить больше времени творческой деятельности в противовес рутинным задачам.

2. Ориентация на EVP (англ. employment value proposition) – это ценностное предложение сотруднику от работодателя, которое можно сравнить с психологическим контрактом: в нем для специалиста четко сформулированы ключевые преимущества, которые компания предлагает в обмен на знания, усилия и время работника. Это позволит сотрудникам продолжать нести ценности и идеологию организации даже вне организации.

3. Применение альтернативных форм занятости. В связи с ростом нестандартной занятости внимание заслуживает привлечение внештатных сотрудников, которые в новых условиях являются не низкоквалифицированным персоналом, выполняющим услуги в течение короткого периода времени, а ценным активом компании, так как такие специалисты могут повысить эффективность бизнеса и привнести новые идеи.

Заключение

Организации должны научиться задавать принципиально новые вопросы, которые могут помочь в управлении человеческими ресурсами. В частности, имеют значение вопросы: из дома или из офиса человек выполняет работу, если он делает ее успешно; так ли важны стереотипы о возрасте, если сотрудник мотивирован учиться; дает ли организация возможность эффективно работать с технологиями и создавать ценность для себя, компании, общества. Перспективные организации меняют свой подход, чтобы найти точку пересечения между бизнес-выгодой и мотивацией персонала. В организациях следует внедрять альтернативные формы занятости, бизнес делать более социально ответственным, внедрять в коллектив искусственный интеллект.

Правильно построенная система управления персоналом, учитывающая как специфику работы организации, так и текущую экономическую ситуацию в стране, считается ключевым фактором для достижения целей организации. Прошедший, 2020 г. стал годом осознания большой роли персонала в управлении предприятием в условиях неопределенности. Уникальные способности персонала, выраженные в его потенциале, практически неограниченны, задачей руководства любой организации является его постоянное раскрытие и развитие.

Библиографический список

1. Иванова, О. Э., Рябчук, П. Г. Методология управления человеческими ресурсами: монография. – Челябинск: Изд-во Южно-Уральского гос. гуманитарно-педагогического ун-та, 2018.
2. Кудюрова, А. В. Система управления персоналом на предприятии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(34\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(34).pdf) (дата обращения: 08.04.2021).

3. Чутьчаева, С. А. Управление человеческими ресурсами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25437544> (дата обращения: 08.04.2021).
4. Социально-экономическое положение Пензенской области в 2020 году // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Пензенской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pnz.gks.ru/publications_electronic_versions# (дата обращения: 08.04.2021).
5. Тенденции в сфере управления персоналом в России – 2021 // Deloitte [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/human-capital/articles/human-capital-trends-2021.html> (дата обращения: 08.04.2021).

References

1. Ivanova O. E., Ryabchuk P. G. *Human resource management methodology: monograph*, Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian Pedagogical University Publ. House, 2018. (In Russian).
2. Kudyurova A. V. *Enterprise personnel management system*. Available at: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(34\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(34).pdf) (accessed 08.04.2021).
3. Chul'chaeva S.A. *Human resource management*. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25437544> (accessed 08.04.2021).
4. Socio-economic situation of the Penza region in 2020, *Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Penza Region*. Available at: https://pnz.gks.ru/publications_electronic_versions# (accessed 08.04.2021).
5. Trends in human resources management in Russia – 2019, *Deloitte*. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/human-capital/articles/human-capital-trends-2019.html> (accessed 08.04.2021).

Трифонова Полина Сергеевна
мл. науч. сотрудник, ФГБУН «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук», г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3049-2873
e-mail: pol.trifonova2018@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ, АКТУАЛИЗАЦИЯ, ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. Проанализированы тексты стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации. Изучаемая база включает 240 стратегических документов, утвержденных в период с 1997 г. по 2020 г. На основе анализа выделенных документов стратегического характера выявлены предпосылки к их актуализации. По итогам изучения динамики утверждения стратегических документов предложена авторская периодизация «волн интереса» к разработке стратегий социально-экономического развития: от года внедрения нового типа планового документа, до современного этапа разработок стратегий развития. Заложены общие идеи об индивидуализации стратегий социально-экономического развития территорий разного уровня.

Ключевые слова: стратегическое планирование, прогнозирование, стратегический документ, хронология утверждения документов, территория, индивидуализация, период развития, социально-экономическое развитие, волна интереса

Для цитирования: Трифонова П.С. Основные стратегические документы субъектов Российской Федерации: анализ, актуализация, индивидуализация // Вестник университета. 2021. № 6. С. 31–43.

Polina S. Trifonova
Junior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia
ORCID: 0000-0002-3049-2873
e-mail: pol.trifonova2018@yandex.ru

THE MAIN STRATEGIC DOCUMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S SUBJECTS: ANALYSIS, ACTUALIZATION, INDIVIDUALIZATION

Abstract. The texts of the strategies of socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation are analyzed. The studied database includes 240 strategic documents approved in the period from 1997 to 2020. Based on the analysis of the selected strategic documents, the prerequisites for their actualization are identified. Based on the results of studying the dynamics of the approval of strategic documents, the author's periodization of the "waves of interest" in the development of socio-economic development strategies is proposed: from the year of the introduction of a new type of planning document to the current stage of development strategies. General ideas about the individualization of strategies for the socio-economic development of territories of different levels are founded.

Keywords: strategic planning, forecasting, strategic document, chronology of document approval, territory, individualization, period of development, socio-economic development, wave of interest

For citation: Trifonova P.S. (2021) The main strategic documents of the Russian Federation's subjects: analysis, actualization, individualization. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 31–43. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-31-43

Введение

В последнее десятилетие в Российской Федерации (далее – РФ) активно развивается стратегическое планирование государства, в частности, стратегическое планирование территорий. Несмотря на актуальность исследуемой темы, не стоит упускать из вида, что в России имеется достаточно большой практический опыт прогнозирования и планирования. В начале XX в. стартовала волна принятия комплексных планов развития и утверждения отраслевых планов, например, государственные пятилетние планы экономического и социального развития СССР. Позднее планирование сместилось до муниципального уровня. До сих пор одной из главных проблем остается вопрос оценки эффективности стратегического планирования. Накопленный

Благодарности. Статья выполнена в рамках государственного задания для Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 гг.

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of the state task for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

© Трифонова П.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Trifonova P.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

опыт может служить хорошей базой для ухода от формального стратегического документа, в котором прописан лишь общий план развития объектов и отраслей экономики, к комплектному и содержательному стратегическому документу. Немаловажными вопросами остаются актуализация стратегических документов и индивидуализация подходов к разработке подобных документов.

Литературный обзор

На сегодняшний момент стратегическое развитие широко освещено в научной литературе. В работах Б. С. Жихаревича раскрыты различные аспекты по теме стратегического планирования и стратегий развития территорий разного уровня: от стратегий развития городов до оценки рисков и угроз в стратегиях развития российских регионов [30; 31]. Нормативно-правовым обеспечением стратегического планирования, а также формированием рекомендаций для органов власти занимаются Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик [28]. Стратегическое территориальное планирование в регионах России отражено в работах О. Б. Иванова, Е. Б. Бухвальда [34].

Теоретические подходы к построению стратегического планирования развития территорий отражены в работах И. В. Юсупова, М. А. Волковой [39]. Вопросами стратегического обеспечения социально-экономического развития муниципальных образований и регионов занимаются Д. Ю. Ковров, Ю. С. Бертдинова, Т. А. Кулакова, Т. В. Романова и др. [35; 36].

Стратегическим развитием городов и сельских поселений занимаются Е. М. Бухвальд, О. Н. Валентик, А. В. Кольчугина, А. В. Одинцова, Б. С. Жихаревич, Т. К. Прибышин, Т. А. Фролова, и др. [29; 32; 38]. А. А. Прядеин и Н. В. Казакова разработали методические подходы к актуализации и реализации стратегии крупнейшего города [37]. В. С. Бочко, Е. А. Захарчук обосновали необходимость и возможность индивидуализации стратегий развития городов [27; 33]. Таким образом, на сегодняшний день вопросы, связанные со стратегическим планированием и социально-экономическим развитием территорий разного уровня, не теряют своей актуальности.

Теория и методы

В настоящем исследовании, на основе анализа 240 основных документов стратегического характера субъектов РФ, мы предлагаем авторскую периодизацию «волн интереса» к разработке стратегий развития. Анализ основных стратегических документов субъектов РФ проводился по 8 федеральным округам, 22 республикам, 9 краям и 46 областям, а также 3 городам федерального значения (Москва, Санкт-Петербург и Севастополь), одной автономной области и 4 автономным округам.

За начальную точку анализа был взят 1997 г. Именно в этом году был принят новый для России тип планового документа – Стратегический план Санкт-Петербурга, успех которого привел к распространению идей стратегического планирования в городах и регионах РФ [26]. При этом говорить о полном отсутствии стратегического планирования до выбранного периода нельзя. Подтверждение этому служат многочисленные генеральные планы различных городских округов РФ, программы социально-экономического развития, утвержденные вначале 1990-х гг., а также более ранние стратегические документы.

В таблице 1 представлена хронология утверждения основных стратегических документов субъектов РФ.

Результаты

Немаловажный вклад в становление института стратегического планирования внесли утвержденные в период 1997/1998–2000 гг. концепции и программы социально-экономического развития субъектов РФ. К этому периоду можно отнести: Концепцию социально-экономического развития Московской области на 1997–2005 гг. (1997 г.); Концепцию социально-экономического и градостроительного развития Ленинградской области на период до 2005 г. (1998 г.); Концепцию и Программу социально-экономического развития Свердловской области на среднесрочную перспективу 1997–2000 гг. (1997 г.); Комплексную программу социально-экономического развития Московской области на 2000 г. (2000 г.) и др. [15; 19; 20; 9].

Основной идеей подобных стратегических документов было создание благоприятных условий для жизнедеятельности населения, сбалансированное развитие территорий, модернизация производств, межотраслевое и территориальное взаимодействие и планирование, а также раскрытие природного, географического, социально-экономического, научно-технического и интеллектуального потенциалов страны. Главные идеи и цели этих документов легли в основу первых стратегий развития субъектов РФ.

Таблица 1

Хронология утверждения основных стратегических документов субъектов Российской Федерации

Субъекты Российской Федерации	Федеральные округа Российской Федерации													Республики												
	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2012 г.	2011 г.	2010 г.	2009 г.	2008 г.	2007 г.	2006 г.	2005 г.	2004 г.	2003 г.	2002 г.	2001 г.	2000 г.	1999 г.	1998 г.	1997 г.		
Центральный, Северо-Западный, Южный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский										+																
Сибирский										+																
Дальневосточный											+															
Адыгея			+									+														
Алтай			+									+														
Башкортостан			+									+														
Бурятия				+									+													
Дагестан										+																
Ингушетия													+													
Кабардино-Балкария													+													
Калмыкия													+													
Карачаево-Черкессия																										
Карелия																									+	
Коми																										
Крым																										
Марий Эл																										
Мордовия																										
Северная Осетия																										
Татарстан																										
Тыва																										
Удмуртия																										
Хакасия																										
Чечня																										
Чувашия																										
Якутия																										

Продолжение табл. 1

Субъекты Российской Федерации	Края																	Области																
	2020 г.	2019 г.	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2015 г.	2014 г.	2013 г.	2012 г.	2011 г.	2010 г.	2009 г.	2008 г.	2007 г.	2006 г.	2005 г.	2004 г.	2003 г.	2002 г.	2001 г.	2000 г.	1999 г.	1998 г.	1997 г.										
Алтайский		+							+								+																	
Забайкальский								+																										
Камчатский																																		
Краснодарский			+	+									+																					
Красноярский																																		
Пермский										+																								
Приморский												+																						
Ставропольский												+																						
Хабаровский												+	+				+																	
Амурская									+																									
Архангельская без учета НАО																																		
Астраханская																	+																	
Белгородская																																		
Брянская													+																					
Владимирская																			+															
Волгоградская																																		
Вологодская																																		
Воронежская																																		
Ивановская																																		
Иркутская																																		
Калининградская																																		
Калужская																																		
Кемеровская																																		
Кировская																																		

Окончание табл. 1

Субъекты Российской Федерации	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	
Томская									+											+					
Тульская											+														
Тюменская без учета ХМАО и ЯНАО									+				+												
Ульяновская																				+					
Челябинская												+												+	
Ярославская							+				+								+						
<i>Города федерального значения</i>																									
Москва											+														
Санкт-Петербург											+													+	
Севастополь																									
<i>Автономная область, автономные округа</i>																									
Еврейская																									
Ненецкий																									
Ханты-Мансийский – Югра																									
Чукотский																									
Ямало-Ненецкий																									

Уставные обозначения:

Зеленый – проекты стратегий субъектов РФ, поданные на согласование в Минэкономразвития России с января 2019 г. по август 2020 г.

Розовый – стратегические документы субъектов РФ, утрагивавшие силу

Голубой – действующие стратегические документы субъектов РФ по состоянию на ноябрь 2020 г.

Составлено автором по материалам исследования

Для Республики Карелии не менее значимым оказался 1998 г. В этом году приступили к разработке Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999–2002–2010 гг., названной «Возрождение Карелии» [14]. Подобно Стратегическому плану Санкт-Петербурга, разработчики концепции пытались создать основу перехода республики на качественно высокий уровень, тем самым обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие. Уникальность первых стратегических документов заключается в том, что они разрабатывались с привлечением широкого круга ученых и специалистов разного профиля. Такое решение обеспечило расширение границ анализа как в ретроспективном, так и прогнозном периодах. Таким образом осуществлялся комплексный подход к формированию устойчивого и сбалансированного роста экономики. Это позволило индивидуально подойти к разработке текста стратегий. В 2002 г. состоялась своего рода актуализация концепции «Возрождения Карелии» на период 2002–2006–2010 гг. [15].

Одним из толчков к актуализации этой концепции послужило изменение в федеральном и региональном законодательствах, произошедшие с момента ее разработки. В 2006 г. были внесены последние корректировки в существующую концепцию. Разработка концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2012 г. потребовало актуализации цели и задач, расширения перечня приоритетных направлений социально-экономического развития республики, а также изменения горизонта планирования [10].

Неизменным для перечисленных стратегических документов остается формирование предпосылок устойчивого роста экономики республики Карелии. Индивидуальный подход к разработке стратегий развития заложил основу успеха выделенных стратегических документов.

2001 г. стал годом успешной реализации стратегий социально-экономического развития Ивановской области, Мурманской области, Ямало-Ненецкого автономного округа. В основу создания стратегических документов для этих регионов легли различные региональные концепции развития пищевой и перерабатывающей промышленности, лесопереработки, сектора малого предпринимательства, внешнеэкономических связей и другие долгосрочные стратегические документы.

Следующая «волна интереса» к разработке стратегических документов пришла на 2001/2002–2005 гг. Этот период можно охарактеризовать как переход к массовому утверждению стратегий социально-экономического развития субъектов РФ. Яркими «представителями» этого периода являются Стратегии Республики Татарстан и крупнейшего субъекта Дальнего Востока – Хабаровского края [16; 21].

Принципиально новым стратегическим документом носящий комплексный характер для Республики Татарстан стала Стратегия социально-экономического развития на 2002–2006 гг., утвержденная в 2002 г. [16]. Основная цель Стратегии состояла в обеспечении достойного уровня жизни населения, реализуемого посредством уменьшения угрозы безработицы и преступности, увеличения уровня заработной платы, а также улучшения качества медицинского обслуживания. В указанный период перечисленные проблемы носили для республики наиболее острый характер, придавая индивидуальность акцентов при разработке стратегий. Примечательно, что мониторинг реализации стратегического документа включал ежегодный госзаказ научно-исследовательским коллективам, изучающим приоритетные направления развития: повышение эффективности агропроизводства и энергосберегающие технологии; медицинские, биологические и образовательные науки; татарскую национальную культуру; экологическую безопасность и др. [17].

После преодоления наплыва социальных тревог 1990-х гг. – начала 2000 гг. быстро развивающейся республике потребовался обновленный стратегический документ, который бы вывел Татарстан на качественно новый уровень. В связи с этим в 2015 г. была утверждена актуализированная стратегия развития республики с периодом планирования до 2030 г. [11]. Цель развития заключалась в повышении конкурентоспособности региона на российской и международной арене. Специально для этой стратегии была разработана интегрирующая схема-модель «Татарстан 7+6+3», включающая 7 направлений конкуренции, 6 базовых экономических комплексов и 3 экономические зоны вокруг трех агломераций. Стратегия неоднократно актуализировалась в связи с изменением в отдельных законодательных актах Республики Татарстан. Тем самым индивидуальность стратегического развития проявлялась через территориальную специфику социального прогресса [11].

Следующая основная волна утверждения стратегий развития субъектов РФ пришла на 2006–2015 гг. В этот период были утверждены стратегии социально-экономического развития нескольких федеральных округов РФ. Затем в 2009 г. – Стратегия развития Дальневосточного федерального округа, в 2010 г. – Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов, в 2011 г. – остальных [1–8].

Отметим, что именно в этот период происходит актуализация более ранних текстов стратегий социально-экономического развития субъектов РФ. На сегодня многие утвержденные в этот период стратегии являются действующими. Например, Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 г. (2006 г.), Стратегия социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 г. (2008 г.), Стратегия социально-экономического развития Камчатского края до 2030 г. (2010 г.), Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 г. (2012 г.) и др. [12; 22; 17; 23].

Ярким примером успешной актуализации стратегии может стать Камчатский край. В 2010 г. постановлением правительства Камчатского края была утверждена стратегия развития до 2025 г. [17]. В первоначальном виде «Стратегия – 2025» просуществовала около 8 лет и полностью отражала реальные направления развития края. Однако в связи с изменением базовых положений государственных документов стратегического характера федерального и регионального уровня, программ, указов и посланий президента РФ, изменением в развитии Дальнего Востока, а также своевременного учета внутреннего и внешнего развития края потребовало актуализации существующей стратегии.

Актуализированная стратегия выполнена на основе анализа результатов социально-экономического развития, достигнутых за время реализации действующей стратегии в период 2010–2015 гг. Таким образом, в новой «Стратегии–2030» были индивидуализированы цели и задачи долгосрочного развития края, система приоритетных направлений, увеличен горизонт планирования, скорректированы механизмы и меры государственной политики на отдельных этапах реализации стратегии. Наибольшие изменения коснулись таких стратегических направлений, как образование и здравоохранение, пересмотрено кадровое обеспечение экономики края. Потребности жителей стали базой индивидуализации стратегии.

Следующий этап «волны интереса» пришелся на 2016 г., который можно считать годом начала современного этапа разработки и утверждения основных стратегических документов субъектов РФ. К этому моменту стратегии многих субъектов РФ претерпели ряд изменений, корректировались цели и задачи, актуализировались миссия, сформировалось общее видение образа будущего территориального сообщества, индивидуализировался стратегический подход к разработке текстов, апробирован мониторинг достижения поставленных стратегических целей и др.

Во многом этому способствовала сформированная в этот период основная база нормативно-правовых актов (2015–2017 гг.), которая впоследствии стала основополагающей частью процесса стратегического планирования и управления. Помимо уже упомянутого выше ФЗ от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», были утверждены: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2015 г. № 823 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации», Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» и др. [13; 18; 25]. Основная цель перечисленных стратегических документов состоит в осуществлении мониторинга и контроля над реализацией стратегий социально-экономического развития территорий разного уровня. На сегодняшний день, нормативно-правовое регулирование стратегического планирования постоянно совершенствуется.

Как следует из таблицы 1, своего рода пик утверждению стратегий пришелся на 2018 г. и 2019 г. За 8 месяцев 2020 г. на согласование в Министерство экономического развития России поданы несколько стратегий социально-экономического развития областей, четыре стратегии республик и стратегия Алтайского края.

Заключение

Подводя общий итог, можно выделить несколько «волн интереса» к разработке стратегических документов: 1) 1997 г. – год успешного внедрения нового типа планового документа; 2) 1997/1998–2000 гг. – разработка концепций и планов социально-экономического развития субъектов РФ; 3) 2001/2002–2005 гг. – период перехода к массовому утверждению стратегий социально-экономического развития субъектов РФ; 4) 2006–2015 гг. – основная волна утверждения стратегий развития; 5) с 2016 г. начинается современный этап (утверждение актуализированных текстов стратегий и проекты, поданные на согласование

в Министерство экономического развития России). Своего рода толчком к созданию стратегий субъектов РФ послужила, утвержденная в 2008 г. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. и принятый в 2014 г. Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», давший основу для разработки стратегий развития, а также другие нормативно-правовые документы, регулирующие стратегическое планирование. Последний Федеральный закон № 172-ФЗ сыграл весомую роль в развитии стратегического планирования территорий.

Изучение динамики утверждения стратегических документов субъектов РФ позволяет выделить два пика интереса к подобному рода документам: с 2007 г. по 2011 г. – подавляющее большинство стратегий развития были утверждены в эти годы, а также ряд текстов были актуализированы; и с 2018 г. по 2019 г. – действующие и актуализированные стратегий развития субъектов РФ. При анализе выделенных стратегических документов был сделан вывод, что временной шаг потребности в разработке стратегий развития составляет примерно 10 лет.

Толчком к сознанию первых стратегий послужил финансово-экономический кризис середины 1998 г. и последовавшие в связи с этим перемены привели к необходимости создания целостного документа развития, направленного на преодоление социальных тревог. Именно на это были нацелены стратегии тех лет.

Стратегии и концепции периода 1998–2000 гг. и 2001/2002–2005 гг. носили разноплановый характер, поскольку только начиналось зарождение нормативно-правовых документов, регулирующих стратегическое планирование. Основным сдерживающим фактором было отсутствие федерального законодательства в этой области. Отпечаток на ситуацию наложила также одна из ключевых социально-экономических проблем развития РФ, которая берет свое начало в 2000-х гг. – возросшая межрегиональная экономическая дифференциация, которая подчеркивала неоднородность экономического пространства.

Основная масса утверждения стратегических документов пришлась на 2006–2015 гг., а пик выпал на 2018 г. и 2019 г. В эти годы также прошла волна актуализации более ранних текстов стратегий. Отметим, что толчком к актуализации главного стратегического документа являются социально-экономические изменения в регионе или страны в целом. Залог успеха стратегий развития кроется в индивидуализации подхода к построению каждой из них, выявлении специфических особенностей социального прогресса, заключающихся в своеобразии культуры, а также особенностей менталитета населения, проживающего на конкретной территории.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902195483?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Распоряжение Правительства РФ от 5 июля 2010 г. № 1120-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Сибири до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902229380> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. № 1485-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902238361> (дата обращения: 15.03.2021).
4. Распоряжение Правительства РФ от 7 февраля 2011 г. № 165-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Приволжского федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902262362> (дата обращения: 15.03.2021).
5. Распоряжение Правительства РФ от 18 ноября 2011 г. № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902317621> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2011 г. № 1757-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Уральского федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902307636> (дата обращения: 15.03.2021).
7. Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2011 г. № 1540-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902302272> (дата обращения: 15.03.2021).

8. Распоряжение Правительства РФ от 5 сентября 2011 г. № 1538-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Южного федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902301126> (дата обращения: 15.03.2021).
9. Закон Московской области от 30 июня 2000 г. № 38/2000-ОЗ «О Комплексной программе социально-экономического развития Московской области на 2000 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=112014296&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 15.03.2021).
10. Закон Республики Карелия от 12 ноября 2007 г. № 1133-ЗРК «О Программе экономического и социального развития Республики Карелия на период до 2010 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919325235> (дата обращения: 15.03.2021).
11. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 г. № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года (с изменениями на 25 декабря 2019 года)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Закон Липецкой области от 25 декабря 2006 г. № 10-ОЗ «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/872606764> (дата обращения: 15.03.2021).
13. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Президент России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.03.2021).
14. Постановление Председателя Правительства Республики Карелия от 30 декабря 1998 г. № 899 «О Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период 1999–2002–2010 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/919300277?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
15. Постановление Законодательного собрания Республики Карелия от 25 декабря 2002 г. № 405-III ЗС «О Концепции социально-экономического развития Республики Карелия на период 2002–2006–2010 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/919313757?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
16. Постановление кабинета министров Республики Татарстан от 19 сентября 2002 г. № 555 «Об Основных направлениях стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан на 2002–2006 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/917010349> (дата обращения: 15.03.2021).
17. Постановление Правительства Камчатского края от 27 июля 2010 г. № 332-П (с изменениями на 12 октября 2020 г.) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Камчатского края до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446224042?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
18. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 августа 2015 года № 823 «Об утверждении Правил разработки, корректировки, осуществления мониторинга и контроля реализации стратегии социально-экономического развития Российской Федерации» // Правительство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201508170007.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
19. Постановление Правительства Ленинградской области от 28 мая 1998 г. № 20 «О Концепции социально-экономического и градостроительного развития Ленинградской области на период до 2005 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/839201739?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
20. Постановление Правительства Свердловской области от 3 сентября 1997 г. № 765-п «О Концепции социально-экономического развития Свердловской области на среднесрочную перспективу 1997–2000 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/801101077> (дата обращения: 15.03.2021).
21. Постановление Правительства Хабаровского края от 11 ноября 2004 г. № 88-пр «О Концепции стратегического развития Хабаровского края до 2010 года» [Электронный ресурс]// URL: <http://docs.cntd.ru/document/995112117>. (дата обращения: 15.02.2021 г.).
22. Постановление Законодательного Собрания Кировской области от 25 сентября 2008 г. № 28/194 О «Стратегии социально-экономического развития Кировской области на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/561790356?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
23. Постановление Правительства Амурской области от 13 июля 2012 г. № 380 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Амурской области на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/961723123?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
24. Положение Московской областной Думы от 25 июня 1997 г. № 8/139 «Концепция социально-экономического развития Московской области на 1997–2005 гг.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=112019408&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 15.03.2021).

25. Приказ Минэкономразвития России от 23 марта 2017 г. № 132 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» // Министерство экономического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3b00b259b4cccebf36dd63177813aa7a/Prikaz132.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
26. Решение Генерального совета Санкт-Петербурга от 1 декабря 1997 г. «Стратегический план Санкт-Петербурга» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9111170?section=text> (дата обращения: 15.03.2021).
27. Бочко, В. С., Захарчук, Е. А. Индивидуализация стратегий развития городов. На примере Екатеринбурга и Бирмингема // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, № 2. – С. 391–405 <http://doi.org/10.17059/2020-2-5>
28. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н. Стратегическое планирование и новые ориентиры политики регионального развития в Российской Федерации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 5. – С. 21–41.
29. Бухвальд, Е. М., Валентик, О. Н., Кольчугина, А. В., Одинцова, А. В. Стратегическое планирование для малых городов России // Вестник Института экономики РАН. – 2017. – № 3. – С. 53–70
30. Жихаревич, Б. С. Риски и угрозы в стратегиях российских регионов // Региональная экономика. Юг России. – 2020. – Т. 8, № 4. – С. 19–29. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2>
31. Жихаревич, Б. С., Прибышин, Т. К. Стратегическое планирование на уровне поселений: факты и мнения, 2016 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 1. – С. 47–67.
32. Жихаревич, Б. С., Прибышин, Т. К. Стратегии развития городов: российская практика 2014–2019 гг. // Пространственная экономика. – 2019. – № 4. – С. 184–204. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.184-204>
33. Захарчук, Е. А., Пасынков, А. Ф., Трифонова, П. С. Проблемы и перспективы стратегического планирования территорий в Российской Федерации // Наука Красноярья. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 69–94. <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-4-69-94>
34. Иванов, О. Б., Бухвальд, Е. М. Стратегическое территориальное планирование в регионах России // ЭТАП (Экономическая Теория. Анализ. Практика). – 2018. – № 3, С. 7–21. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10023>
35. Ковров, Д. Ю. Стратегии развития муниципальных образований: особенности и реализация (на примере Архангельской области) // АНИ (Азимут Научных Исследований): экономика и управление. – 2019. – № 2 (27). – С. 170–174. <https://doi.org/10.26140/anic-2019-0802-0041>
36. Кулакова, Т. А., Романова, Т. В. Особенности процесса стратегического планирования развития муниципальных образований в рыночных условиях // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 2 (11). – С. 11–14.
37. Прядеин, А. А., Казакова, Н. В. Методические подходы к актуализации и реализации стратегии крупнейшего города: координация целей и задач развития // Муниципалитет: экономика и управление. – 2020. – № 2 (31). – С. 53–65.
38. Фролова, Т. А. Стратегическое планирование социально-экономического развития крупнейшего города // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 3. – С. 125–135. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(3\).125-134](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(3).125-134)
39. Юсупова, И. В., Волкова, М. А. Теоретические подходы к построению стратегического планирования развития территорий // Вестник КГЭУ (Казанского государственного энергетического университета). – 2018. – № 1 (37). – С. 137–140.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2094-r dated on December 28, 2009 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Far East and the Baikal Region for the period up to 2025”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902195483?section=text> (accessed 15.03.2021).
2. Order of the Government of the Russian Federation dated on July 5, 2010 No. 1120-r “On approval of the Strategy of socio-economic development of Siberia until 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902229380> (accessed 15.03.2021).
3. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1485-r dated on September 6, 2010 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902238361> (accessed 15.03.2021).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 165-r dated on February 7, 2011 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Volga Federal District for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902262362> (accessed 15.03.2021)
5. Decree of the Government of the Russian Federation No. 2074-r dated on November 18, 2011 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the North-Western Federal District for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902317621> (accessed 15.03.2021).

6. Order of the Government of the Russian Federation dated on October 6, 2011 No. 1757-r “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Ural Federal District for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902307636> (accessed 15.03.2021).
7. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1540-r dated on September 6, 2011 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Central Federal District for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902302272> (accessed 15.03.2021).
8. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1538-r dated on September 5, 2011 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Southern Federal District for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902301126> (accessed 15.03.2021).
9. The Law of the Moscow region dated on June 30, 2000 No. 38/2000-OZ “On the Comprehensive program of socio-economic development of the Moscow region for 2000”. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&back-link=1&nd=112014296&page=1&rdk=0#I0 (accessed: 15.03.2021).
10. Law of the Republic of Karelia No 1133-ZRK dated on November 12, 2007 “On the program of economic and social development of the Republic of Karelia for the period up to 2010”. Available at: <http://kodeks.karelia.ru/api/show/919325235> (accessed 15.03.2021).
11. Law of the Republic of Tatarstan No 40-ZRT dated on June 17, 2015 “On approval of the strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan until 2030 (with amendments dated on December 25, 2019)”. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/428570021> (accessed 15.03.2021).
12. The Law of the Lipetsk region dated on December 25, 2006 No. 10-OZ “Strategy of socio-economic development of the Lipetsk region for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/872606764> (accessed 15.03.2021).
13. Decree of the President of the Russian Federation No 204 dated on May 7, 2018 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024”. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (accessed 15.03.2021).
14. Resolution of the Chairman of the Government of the Republic of Karelia No. 899 dated on December 30, 1998 “On the Concept of socio-economic development of the Republic of Karelia for the period 1999-2002-2010”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/919300277?section=text> (accessed 15.03.2021).
15. Resolution of the Legislative Assembly of the Republic of Karelia No. 405-III ZS dated on December 25, 2002 “On the Concept of socio-economic development of the Republic of Karelia for the period 2002-2006-2010”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/919313757?section=text> (accessed 15.03.2021).
16. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan No 555 dated on September 19, 2002 “On the main directions of the strategy of socio-economic development of the Republic of Tatarstan for 2002–2006”. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/917010349> (accessed 15.03.2021).
17. Decree of the Government of the Kamchatka territory No 332-P dated on of July 27, 2010 (with amendments dated on October 12, 2020) “On Approval of the strategy for the socio-economic development of the Kamchatka territory until 2030”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/446224042?section=text> (accessed 15.03.2021).
18. Decree of the Government of the Russian Federation No 823 dated on August 8, 2015 “On approval of the rules for the development, adjustment, monitoring and control of the implementation of the strategy of socio-economic development of the Russian Federation”. Available at: <http://static.government.ru/media/acts/files/0001201508170007.pdf> (accessed 15.03.2021).
19. Resolution of the Government of the Leningrad Region dated on May 28, 1998 No. 20 “On the Concept of socio-economic and urban development of the Leningrad region for the period up to 2005” Available at: <https://docs.cntd.ru/document/839201739?section=text> (accessed 15.03.2021).
20. Resolution of the Government of the Sverdlovsk region dated on September 3, 1997, No. 765-p “On the Concept of socio-economic development of the Sverdlovsk region for the medium term 1997–2000”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/801101077> (accessed 15.03.2021).
21. Resolution of the Khabarovsk Government dated on November 11, 2004 No. 88-pr “On the Concept of strategic development of the Khabarovsk Territory until 2010”. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/995112117> (accessed 15.02.2021).
22. Resolution of the Legislative Assembly of the Kirov region dated on September 25, 2008, No. 28/194 “On The Strategy of socio-economic development of the Kirov region for the period up to 2020”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/561790356?section=text> (accessed 15.03.2021).
23. Resolution of the Government of the Amur Region dated on July 13, 2012 No. 380 “On approval of the Strategy of socio-economic development of the Amur Region for the period up to 2025”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/961723123?section=text> (accessed 15.03.2021).

24. The Regulation of the Moscow Regional Duma dated on June 25, 1997 No. 8/139 “The concept of socio-economic development of the Moscow region for 1997–2005”. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&back-link=1&nd=112019408&page=1&rdk=0#I0 (accessed 15.03.2021).
25. Order of the Ministry of Economic Development of Russia No 132 dated on March 23, 2017 “On approval of methodological recommendations for the development and adjustment of the strategy of socio-economic development of the constituent entity of the Russian Federation and an action plan for its implementation”. Available at: <https://www.economy.gov.ru/material/file/3b00b259b4ccebf36dd63177813aa7a/Prikaz132.pdf> (accessed 15.03.2021).
26. The Decision of the General Council of St. Petersburg dated on December 1, 1997 “Strategic plan of St. Petersburg”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9111170?section=text> (accessed 15.03.2021).
27. Bochko V. S., Zakharchuk E. A. Individualization of city development strategies: case of Ekaterinburg and Birmingham, *Economy of Region*, 2020, vol. 16, no. 2, pp. 391–405. (In Russian). <http://doi.org/10.17059/2020-2-5>
28. Bukhvald E. M., Valentik O. N. Strategic planning and new objectives of regional development policy in the Russian Federation, *Economy: Yesterday, Today and Tomorrow*, 2015, no. 5, pp. 21–41. (In Russian).
29. Bukhvald E. M., Valentyk O. N., Kol’chugina A. V., Odintsova A. V. Strategic planning for small towns of Russia, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2017, no. 3, pp. 53–70. (In Russian).
30. Zhikharevich B. S. Risks and threats in the strategies of Russian regions, *Economy of Region*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 19–29. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2020.4.2>
31. Zhikharevich B. S., Pribyshin T.K. Urban development strategies: Russian practice 2014-2019, *Spatial Economics*, 2019, no. 4, pp. 184–204. (In Russian). <http://doi.org/10.14530/se.2019.4.184-204>
32. Zhikharevich B. S., Pribyshin T. K. Strategic planning in towns and villages: facts and opinions, 2016, *Public Administration Issues*, 2018, no. 1, pp. 47–67. (In Russian).
33. Zakharchuk E. A., Pasyukov A. F., Trifonova P. S. Problems and prospects of strategic planning areas in the Russian Federation, *Krasnoyarsk Science*, 2019, vol. 8, no. 4, pp. 69–94. (In Russian). <https://doi.org/10.12731/2070-7568-2019-4-69-94>
34. Ivanov O. B., Bukhvald E. M. Public-private partnership in the system of regional strategic planning, *Economic Theory Analysis Practice (ETAP)*, 2018, no. 3, pp. 7–21. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2018-10023> (In Russian).
35. Kovrov D. Yu. Development strategies of municipal authorities: features and implementation (on the example of the Arkhangelsk region), *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 2019, no. 2 (27), pp. 170–174. (In Russian). <https://doi.org/10.26140/anie-2019-0802-0041>
36. Kulakova T. A., Romanova T. V. Distinctive features of strategic planning of the development of municipalities under the conditions of the market economy, *Actual problems of our time: science and society*, 2016, no. 2 (11), pp. 11–14. (In Russian).
37. Pryadein A. A., Kazakova N. V. Methodological approaches to updating and implementing the strategy of the major city: development goals and objectives coordination, Municipality: Economics and Management, 2020, no. 2 (31), pp. 53–65. (In Russian).
38. Frolova T. A. Strategic planning of socio-economic development of a large city, *Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 3, pp. 125–135. (In Russian). [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1\(3\).125-134](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2017.1(3).125-134)
39. Yusupova I.V., Volkova M.A. Theoretical approaches to the construction of strategic planning for the development of territories, *Vestnik of Kazan State Power Engineering University*, 2018, no.1 (37), pp. 137–140. (In Russian).

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

УДК 341.645

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-44-51

Майорова Елена Ивановна
д-р юрид. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4520-128X
e-mail: trol003@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ КОНВЕНЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ

Аннотация. Рассмотрено участие Российской Федерации в международных экологических конвенциях и соглашениях в качестве правопреемника СССР и как нового субъекта международного права XX века. Экологические проблемы возникают из-за неумеренного антропогенного воздействия на природу. Рациональное природопользование требует разработки и целенаправленного применения эколого-правовых инструментов охраны природных объектов и систем, которые не входят в юрисдикцию отдельных стран и не являются национальным достоянием конкретного государства. Эффективность норм международного права окружающей среды невелика, поскольку они вступают в противоречие с экономическими интересами государств. Природа продолжает рассматриваться как основа экономики, а участие в международных соглашениях означает ограничение на определенную хозяйственную деятельность, поэтому ряд стран не ратифицирует международные экологические конвенции по экономическим причинам, пренебрегая экологическими последствиями. Другой причиной отказов в ратификации является стремление скрыть от общественности информацию об ухудшении состояния среды обитания, что представляет собой ущемление интересов гражданского общества и риск для здоровья людей.

Ключевые слова: международное экологическое право, международные конвенции, трансграничное воздействие, природа, окружающая среда, хозяйственная деятельность, экономика, экологические риски

Для цитирования: Майорова Е.И. Международные правовые конвенции как инструмент предотвращения экологических рисков//Вестник университета. 2021. № 6. С. 44–51.

Mayorova Elena Ivanovna
Dr. Sci. (Yurid.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-4520-128X
e-mail: trol003@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL CONVENTIONS AS AN INSTRUMENT FOR PREVENTING ENVIRONMENTAL RISKS

Abstract. The participation of the Russian Federation in international environmental conventions and agreements as the successor of the USSR and as a new subject of the international law of the XXth century is considered. Environmental problems arise due to the excessive anthropogenic impact on nature. Rational use of natural resources requires the development and purposeful application of environmental and legal instruments for the protection of the natural objects and systems that are not included into the jurisdiction of individual countries and are not the national heritage of a particular state. The efficiency of the norms of the international environmental law is low since they come into conflict with the economic interests of states. Nature continues to be considered as the basis of the economy, and participation in international agreements means restrictions on certain economic activities, therefore, a number of countries do not ratify international environmental conventions for economic reasons, neglecting environmental consequences. Another reason for the refusal of ratification is the desire to hide from the public information about the deterioration of the environment, which is a violation of the interests of civil society and a risk to human health.

Keywords: international environmental law, international conventions, transboundary impact, nature, environment, economic activity, economics, environmental risks

For citation: Mayorova E.I. (2021) International legal conventions as an instrument for preventing environmental risks. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 44–51. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-44-51

© Майорова Е.И., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Mayorova E.I., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Международные экологические правоотношения XXI в. основываются на праве каждого человека независимо от национальной принадлежности на здоровую жизнь в условиях мира в гармонии с окружающей средой и праве на общее наследие человечества, каким является природа Земли. Отношения по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды должны осуществляться в соответствии с императивными нормами международного права [2].

Не касаясь злободневного на сегодняшний день вопроса о соотношении норм международного и внутреннего права, следует систематизировать как общие аспекты деятельности в экологической сфере, по которым государства мира пришли к общему мнению, заключив соответствующие межгосударственные договоры и соглашения, так и те направления, по которым консенсус не достигнут.

На протяжении всего прошлого и начала нынешнего века Российская Федерация (далее – РФ) осуществляла международно-правовое сотрудничество посредством ратификации Международных конвенций на уровне ООН, Европейского союза, двух- и многосторонних соглашений страны с другими государствами. Россия декларировала обеспечение приоритета международных эколого-правовых норм приведением национального природоохранного законодательства в соответствие с принципами и положениями, принятыми во всем мире.

Российская Федерация «осуществляет международное сотрудничество в области охраны окружающей среды в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами в области охраны окружающей среды» (ст. 81 и ст. 82 Закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ). Исключение составляют положения международных договоров, противоречащие Конституции РФ; они не подлежат исполнению в России.

Литературный обзор

Сотрудничество между государствами в области экологии основывается на соответствующих положениях Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., Пакте о гражданских и политических правах человека (1976 г.), Декларации Стокгольмской конференции по проблемам окружающей среды (1972), Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном пространстве (1981 г.), Конвенции о биологическом разнообразии, (1992 г.) и других международных актах и соглашениях.

Острота мировых экологических проблем, возникающих под воздействием неконтролируемых антропогенных факторов, требует повышения эффективности и более интенсивного использования и эколого-правовых инструментов. В качестве объектов международного природоохранного сотрудничества рассматривают природные объекты и системы, которые не входят в юрисдикцию отдельных стран и не являются национальным достоянием конкретного государства. Формальные международные договоры, конвенции, протоколы и соглашения, касающиеся использования и охраны этих объектов, являются юридически обязательными и составляют основу международного природоохранного законодательства.

К числу важнейших международно-экологических документов следует отнести Конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного воздействия на природную среду (1977 г.), Конвенцию о защите озонового слоя (1985 г.), Конвенцию об охране мигрирующих видов диких животных (1979 г.), Конвенцию о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (1973 г.), Конвенцию ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия (1972 г.).

Требования этих проверенных временем соглашений по большей части имплементированы в национальные законодательства и стали существенной частью правовой системы многих развитых стран. Участие в экологических конвенциях и соглашениях практически всегда приносит существенные выгоды государству-участнику.

Правопреемство Российской Федерации в международных экологических соглашениях

Российская Федерация, как правопреемница СССР, осталась юридической стороной многих важнейших международных экологических договоров. Ряд международных соглашений, принятых в прошлом веке, расширяясь и модернизируясь, прочно вошел в ее правовую систему, что сыграло большую роль в деле сохранения важнейших природных объектов. Так, беспокойство о сохранении озонового слоя планеты

способствовало присоединению к Венской конвенции об охране озонового слоя (1985 г.), к Монреальскому протоколу по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 г. с комплектами Поправок: Лондонских (1990 г.), Копенгагенских (1992 г.), Венских (1995 г.), Монреальских (1997 г.) и Пекинских (1999 г.). Ряд государств, в том числе Россия, выполняют требования Венской конвенции несмотря на то, что некоторые из них могут осложнять развитие химической промышленности страны.

Многие конвенции стали основанием для возникновения правоотношений по поводу природных объектов в рамках международного экологического права.

Конвенцией по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, или Лондонской конвенцией 1972 г., предусматривался полный запрет или ограничение преднамеренных сбросов в море перечисленных объектов. Международное морское сообщество разработало эту конвенцию, а в 1996 г. – протокол, дополняющий ее положения и призванный в конечном счете заменить ее [6]. Россия ратифицировала этот протокол в ноябре 2004 г. Новый документ запрещает сбросы всех отходов и материалов, а также их сжигание в море и экспорт в другие страны с целью сжигания в море [6]. Под эгидой ЮНЕП, (англ. UNEP, United Nations Environment Programme) объявлена Всемирная кампания борьбы с морским мусором [17].

Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом, в качестве местобитаний водоплавающих птиц (Рамсарская конвенция 1971 г.) призвана способствовать сохранению биологического разнообразия. После ратификации Рамсарской конвенции (1977 г.) правительство СССР активно включилось в выполнение ее требований и организовало в общей сложности 47 водно-болотных угодий: Кандалакшский залив в Белом море, участки озер Чудское, Ханка, в Астраханской области, Нижнем и Верхнем Двубье (Ханты-Мансийский автономный округ) и др. [5].

В 1973 г. странами Арктического бассейна – Канадой, Норвегией, США, СССР и Данией – была достигнута договоренность о сохранении белых медведей. После вступления в силу «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сохранении и использовании чукотско-аляскинской популяции белого медведя» (2007 г.) появилась реальная возможность сохранения популяции этих редких животных [7].

Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, или СИТЕС (англ. CITES), вступила в действие 1 июля 1975 г. Конвенция была разработана для борьбы с браконьерством и незаконной, в том числе международной, торговлей редкими животными и растениями и организации эффективного контроля за экспортно-импортными операциями в отношении данных объектов. Она также предусматривает прохождение специальных процедур при перемещении образцов СИТЕС через таможенные границы. Документ динамичен: каждые два года в него вносятся необходимые поправки [10].

Видам, внесенным в списки СИТЕС, гарантируется защита в зависимости от состояния охраняемого организма. Международные правовые нормы, регулирующие трансграничное перемещение и использование таких видов, необходимы для разрешения противоречий между экономической выгодой с одной стороны, и охраной окружающей среды и здоровья человека – с другой [3].

Этим перечислением не ограничиваются многосторонние договоры РФ в области международного экологического права. Очевидно, что все международные экологические конвенции и соглашения связаны единой целью – сохранить жизнь на Земле.

Международные природоохранные конвенции XXI века

Прогресс во всех областях современной жизни имеет оборотную сторону и часто приводит к увеличению промышленно-антропогенной нагрузки на биоту планеты. Преобладание экономических интересов вносит весомые коррективы в соблюдение требований международных эколого-правовых норм, что отражается на исполнении требований международных конвенций.

Мировое экологическое сообщество на антропогенную деградацию окружающей среды реагирует разработкой новых международных соглашений.

Россия является участницей Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. Однако в силу трудностей реализации, обязательства по сокращению выбросов, предусмотренные Рамочной конвенцией, стали неофициально считаться «юридически необязательными». Поэтому дополнительно к конвенции был подготовлен Киотский протокол, принятый 11 декабря 1997 г. и вступивший в силу 16 февраля 2005 г. Принятым

документом для промышленно-развитых стран установлены конкретные требования по снижению выбросов парниковых газов, а для развивающихся – по сокращению выбросов в среднем на 5 %. Киотский протокол был ратифицирован практически всеми странами мира; количество участников в 2009 г. достигло 192. США подписали документ в ноябре 1998 г., но в 2001 г. отказались его ратифицировать. Канада официально вышла из Протокола в декабре 2012 г. Россия, напротив, уменьшила выбросы от энергетического сектора на 37 %.

В развитие Киотского протокола было принято Парижское соглашение, о выходе из которого по причине перераспределения американских богатств в пользу других стран заявил президент США Д. Трамп. Решение президента вызвало возмущение мирового сообщества: по эмиссии углекислого газа США занимают второе место после Китая. Однако новый президент Д. Байден объявил о намерении восстановить членство страны в Парижском соглашении.

Конвенцию о биологическом разнообразии Россия ратифицировала 5 апреля 1995 г. Общеизвестно, что увеличение видов и родов биологических организмов способствует биологическому прогрессу. К настоящему времени документ ратифицировали 168 государств, подтвердив свою приверженность принципам сохранения и устойчивого использования биоразнообразия; США отказались от ратификации.

В 2010 г. в дополнение и развитие Конвенции о биологическом разнообразии странами-участницами был принят «Стратегический план в области сохранения и устойчивого использования биоразнообразия на 2011–2020 годы», предусматривающий два вида сохранения биоразнообразия – *in-situ* и *ex-situ* (в биологии *in situ* – поддержание и восстановление жизнеспособных популяций в их естественной среде. Сохранение естественной среды обитания видов подразумевает создание особо охраняемых природных территорий; *ex-situ* означает стратегию сохранения ресурсов генофонда организма вне их естественных мест обитания, в искусственных условиях (семена, пыльца, сперма, замороженные клетки, отдельные организмы в ботанических садах и зоопарках). – *примеч. автора*) [8].

Современные возможности науки и новые технологии вносят изменения в область биологии. Развитие индустрии генетически модифицированных организмов (далее – ГМО) уже к концу 1990-х гг. потребовало принятия мер национального и международного контроля. В развитие Конвенции о биоразнообразии принят Картахенский протокол по биобезопасности, необходимость которого определяется такими потенциальными рисками, как возможность вытеснения обычных видов более устойчивыми генетически модифицированными, возникновения организмов с нежелательными характеристиками и влияния их на естественные популяции и экосистемы и пр. Еще одна цель протокола – создать условия для безопасной транспортировки живых ГМО через государственные границы и обеспечить их безопасное применение в производстве [9].

В качестве негативного эффекта рассматривают патентование и приобретение права на использование ГМО транснациональными корпорациями, которые стремятся «подсадить» российское сельское хозяйство на иглу «одноразовых» генномодифицированных семян. Россия Протокол не ратифицировала, чему, по распространенной версии, препятствует лобби, действующее в интересах упомянутых выше транснациональных корпораций.

Стокгольмская конвенция ООН о стойких органических загрязнителях 2001 г. предусматривает ликвидацию или сокращение выбросов таких веществ. В настоящее время предметом регулирования конвенции являются 12 особенно токсичных химических соединений, получивших наименование «грязной дюжины».

Стойкие органические загрязнители (далее – СОЗ) содержат фтор, не разлагаются в природе и накапливаются в почве и в других объектах окружающей среды. Они не выводятся из организма, их попадание в пищевую цепочку человека приводит к нарушению функций иммунной, репродуктивной и центральной нервной систем организма. Список СОЗ постоянно дополняется новыми веществами, которые включаются в него на совещаниях Стокгольмской конвенции.

В 2011 г. РФ присоединилась к Стокгольмской конвенции Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 164-ФЗ «О ратификации Стокгольмской конвенции о стойких органических загрязнителях», но в редакции 2002 г. Это означает, что «вне закона» оказываются только 12 СОЗ, хотя к этому времени их количество увеличилось за счет опаснейших соединений: диоксинов, дибензофуранов и дифенилов, в частности полихлорированных дибензо-*p*-диоксинов (ПХДД), которые считаются рукотворным ядом в 60 тыс. раз более токсичным, чем цианид [13].

В рамках выполнения Стокгольмской конвенции в 2013 г. был закрыт Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат – основной источник загрязнения СОЗ озера Байкал.

Наряду с этим Россия осуществляет мероприятия, направленные на совершенствование нормативно-правового регулирования в области обращения с СОЗ, различные производственные мероприятия, а также информирование общественности. Министерством природных ресурсов и экологии РФ утвержден план выполнения Россией обязательств, предусмотренных Стокгольмской конвенцией о стойких органических загрязнителях [12].

В соответствии с требованиями Стокгольмской конвенции Россия обязалась уничтожить накопления полихлорированных дифенилов. Однако в эту схему плохо вписываются мусоросжигательные заводы, строительство которых преподносится как панацея от всех экологических проблем: при термическом воздействии на синтетику, из которой по большей части состоят отходы, выделяются высокотоксичные летучие вещества, крайне отрицательно влияющие на здоровье и генофонд населения.

В 1997 г. Россия в рамках обеспечения военной безопасности внесла на рассмотрение ООН Международную конвенцию о борьбе с актами ядерного терроризма. Документ определяет как преступление «незаконное и умышленное владение радиоактивным материалом или устройством с намерением причинить смерть или серьезные увечья, нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде, а также вынудить физическое или юридическое лицо, международную организацию или государство совершить какое-либо действие или воздержаться от него». С принятием конвенции сделан существенный шаг по международной кодификации этого вида террористических преступлений, которые могут явиться губительными для всего живого.

Нератифицированные экологические конвенции

Общеизвестно, что все соединения ртути чрезвычайно токсичны и оказывают губительное воздействие на организм человека. Чтобы защитить человечество от ртутного отравления, в 2013 г. на конференции ООН была принята Конвенция Минамата, посвященная защите здоровья людей и окружающей среды от опасного воздействия соединений ртути.

Впервые заболевание проявилась в 1950-е гг. прошлого века у японцев, проживавших на берегах залива Минамата. В морской воде произошло превращение ртути из промышленных стоков в еще более токсичное соединение – метилртуть, способное проникать в пищевые цепочки и накапливаться в тканях живых организмов. Особенно опасна способность ртутных соединений преодолевать плацентарный барьер и, передаваясь от материнского организма к развивающемуся плоду, тормозить его неврологическое развитие. Ртутное отравление позже не раз отмечалось в Японии, в Ираке, в Канаде.

В России также имеются районы с превышением предельно допустимой концентрации ртути. Это г. Усолье-Сибирское в Иркутской области, Южный и Светлоярский районы г. Волгограда. В разной степени загрязнены ртутью и ее производными Братское и Усть-Илимского водохранилища. Основными источниками загрязнения являются предприятия – производители хлора и каустика ртутным методом [12; 16]. Кузнецкий и Печорский угольные бассейны с высоким содержанием ртути при коксовании выделяют ее из шихты, и таким способом она поступает окружающую среду [11]. Ранее специализированные заводы выпустили огромное количество ртутных ламп, однако не озаботились возможностью их утилизации. В настоящее время борьбой с бессистемным складированием ртутьсодержащих отходов и люминесцентных ламп занимаются неправительственные экологические организации [4].

Ртуть может выпадать на земную или водную поверхности даже на большом расстоянии от источников загрязнения в результате атмосферного переноса. Поэтому ртутное загрязнение – проблема общечеловеческая [14].

Цель Минаматской конвенции – охрана окружающей среды и здоровья человека от антропогенных выбросов и высвобождений ртути и ее соединений (ст. 1 Конвенции Минамата). Россия в числе 123 развитых стран подписала Минаматскую конвенцию 24 сентября 2014 г., но пока не ратифицировала, в то время как к выполнению ее требований присоединились 72 страны [1].

Отдельного рассмотрения требует соглашение Европейской экономической комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды» – Орхусская конвенция 1997 г. Конвенция признана сегодня одним из важнейших международных документов в области экологической демократии [15]. Она открыта для подписания, но на территории России пока не действует. Граждане, не имея достоверной информации о состоянии окружающей среды, право на получение которой гарантировано ст. 42 Конституции РФ, лишены возможности принимать участие в решении экологически значимых вопросов. Более того, отсутствие легальной дефиниции понятия

«экологическая информация» позволяет успешно скрывать от общественности сведения о любых негативных воздействиях на среду обитания.

С 2016 г. Россия демонстрировала готовность присоединиться к Орхусской конвенции. В частности, заявлялось о намерении разработать соответствующий понятийный аппарат. Подписание и ратификация конвенции включены в План реализации Основ государственной политики в области экологического развития РФ на период до 2030 г.

Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Конвенция Эспо) представляет собой необходимый инструмент предотвращения рисков трансграничного загрязнения воздуха различными опасными веществами, способствующими изменению климата, ухудшению здоровья людей, утратой биоразнообразия и пр. Конвенция Эспо подписана еще в 1991 г., но до сих пор не ратифицирована. Она подразумевает широкое участие общественности в принятии экологически значимых решений, и поэтому причины затягивания ее подписания те же, что и Орхусской конвенции.

Однако определенные шаги предпринимаются: в рамках Конвенции Эспо в июле 2018 г. в Москве в дополнении к Тегеранской конвенции по защите Каспийского моря принят Протокол по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, призванный обеспечить продолжение практической реализации положений конвенции.

Выводы

Таким образом, аналитический, сравнительно-правовой и дедуктивный методы позволили установить, рассмотреть и систематизировать цели, средства и степень исполнения важнейших экологических конвенций, разработанных человеческим обществом на современном этапе развития цивилизации. Индуктивным методом выявлены факторы, оказывающие негативное влияние на экологическое состояние глобальных и локальных экосистем, и сформированы общие выводы, вытекающие из проведенного исследования.

1. Невозможно отрицать проблему трансграничного переплетения экологических интересов и все большего их взаимопроникновения. В комплексную систему взаимозависимости включены природоохранные общества, организации, почти все государства Земли. Однако до сих пор акторы не пришли к консенсусу относительно направлений формирования эффективной глобальной экологической политики.

2. Недостаточная результативность соглашений в сфере охраны окружающей среды вызвана потребительской по отношению к природе сущностью экономической системы современных государств.

3. Повышение жизненного уровня, «обеспечение бедным слоям населения возможности для устойчивого получения средств к существованию», декларированное на Конференции ООН по окружающей среде и развитию РИО-1992, позволит прежде неимущим слоям удовлетворить первостепенные жизненные потребности. Повышение уровня образования неизбежно приведет к выводу, что устойчивое развитие возможно лишь при наличии международного сотрудничества в экологической сфере.

4. Формирование экологического сознания, гласность и открытость принятия решений позволят поддерживать приемлемое для жизни людей состояние окружающей среды.

Библиографический список

1. Василевская, Д. В. В ожидании ратификации // Экология и право. – 2018. – № 6. – С. 34–37.
2. Галенская, Л. Н. Тенденции развития правового регулирования международных отношений в XXI веке // Международные отношения и право: взгляд в XXI век: Материалы конференции в честь профессора Л. Н. Галенской / под ред. С. В. Бахина. – СПб., 2009. – С. 34.
3. Майорова, Е. И. Понятие, правовой режим и возможность исследования дериватов объектов животного мира // Законодательное обеспечение охраны животного мира: монография. – М.: Юридический институт МИИТ, 2016. – С. 94–103.
4. Ртутное загрязнение в России: проблемы и рекомендации / Под редакцией А. Романова, О. Сперанской, О. Цитцер. – НИИ «Атмосфера», «Эко-Согласие», ЮНЕП-ГЭФ. – 2019. – 104 с.
5. Сиваков, Д. О. Особенности правовой охраны водно-болотных угодий // Законодательство и экономика. – 2002. – № 5. – С. 49–51.
6. Сокиркин, В. А., Шитарев, В. С. Международное морское право. Ч. 6. Международное морское экологическое право. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – 217 с.

7. Стирлинг, Я. Белые медведи. Естественная история исчезающего вида (пер. с англ. яз.). Казань: Изд-во «Заман», 2016. – 336 с.
8. Шайдуллина, А. А. Международно-правовая охрана биологического разнообразия в условиях меняющегося климата // *Международное право*. – 2011. – № 1–2 (45–46). – С. 304–308.
9. Щеголева, А. М. История разработки и принятия Картахенского протокола по биобезопасности 2000 г.: Travaux préparatoires // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки* – 2014. – С. 300–310.
10. Щербина, Г. П., Коновалова, И. В., Фоменко, П. В. Международный оборот объектов дикой природы Дальнего Востока России: справочно-методическое пособие / под общ. ред. Г. П. Щербина. – Владивосток: АВК «Апельсин», 2008. – 122 с.
11. Янин, Е. П. Эмиссия ртути в окружающую среду при производстве кокса в России. – М.: ИМГРЭ, 2004. – 15 с.
12. России предрекли «второй Чернобыль». Что происходит вокруг завода «Усольехимпром» в Иркутской области // *Коммерсантъ FM* от 24.07.2019.
13. Минприроды утвержден план выполнения РФ обязательств, предусмотренных Стокгольмской конвенцией о стойких органических загрязнителях // *Общественный Совет при Федеральной службе по надзору в сфере природопользования [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: <https://osrpn.ru/publications/smi/263/> (дата обращения: 24.03.2021).
14. Минаматская конвенция о ртути (ООН, ЮНЕП) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mercuryconvention.org/Portals/11/documents/Booklets/Minamata_convention_Russian.pdf (дата обращения: 02.04.2021).
15. Орхусская конвенция: руководство к осуществлению // ЕЭК ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unecce.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/2015/Aarhus_Convention_Implementation_Guide_R.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
16. Трахтенберг, И. М. Проблема ртутной опасности и ее предупреждение // *Health-Medix [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: http://www.health-medix.com/articles/liki_ukr/2009-08-01/LU_Trahyenberg.indd.pdf (дата обращения: 29.03.2021).
17. Под эгидой ЮНЕП объявлена Всемирная кампания борьбы с морским мусором // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20398#.VTPjLICmXqs/> (дата обращения: 24.03.2021).

References

1. Vasilevskaya D. V. Pending ratification, *Ekologiya i pravo*, 2018, no. 6, pp. 34–37. (In Russian).
2. Galenskaya L. N. Trends in the development of legal regulation of international relations in the XXI century, *International relations and law: a look into the XXI century: Proceedings of the conference in honor of professor L. N. Galenskaya*. Edited by S. V. Bakhin, St. Petersburg, 2009, p. 34. (In Russian).
3. Mayorova E. I. Concept, legal regime and the possibility of studying derivatives of animal world objects, *Legislative support of animal world protection: monograph*, Moscow, Russian University of Transport Law Institute, 2016, pp. 94–103. (In Russian).
4. *Mercury pollution in Russia: problems and recommendations*, Edited by A. Romanov, O. Speranskaya, O. Tsittser, NII “Atmosphere”, “Eco-Accord”, UNEP-GEF, 2019, 104 p. (In Russian).
5. Sivakov D. O. Features of legal protection of wetlands, *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 2002, no. 5, pp. 49–51. (In Russian).
6. Sokirkin V. A., Shitarev V. S. *International maritime law. Part 6. International maritime environmental law*, Moscow, RUDN Publ. House, 2009, 217 p. (In Russian).
7. Stirling J. *Polar bears. Natural history of an endangered species* (translated from English), Kazan', Publishing House “Zaman”, 2016, 336 p. (In Russian).
8. Shaidullina A. A. International legal protection of biological diversity in a changing climate, *International Law*, 2011, no. 1–2 (45–46), pp. 304–308. (In Russian).
9. Shchegoleva A. M. Elaboration and adoption of the Cartagena protocol on biosafety 2000: Travaux préparatoires, *RUDN Journal of Law*, 2014, pp. 301–306. (In Russian).
10. Shcherbina G.P., Konovalova I.V., Fomenko P.V. *International turnover of wildlife objects of the Russian Far East: reference and methodological manual*, under general editorship of G.P. Shcherbina, Vladivostok, AVK “Apel'sin”, 2008, 122 p. (In Russian).
11. Yanin E.P. *Emission of mercury into the environment during the production of coke in Russia*, Moscow, IMGRE, 2004, 15 p. (In Russian).
12. Russia was predicted a “Second Chernobyl”. What is happening around the “Usolekhiprom” plant in the Irkutsk region, *Kommersant FM*, dated on July 24, 2019. (In Russian).
13. The Ministry of Natural Resources and Environment of the Russian Federation approved a plan for the fulfillment of the obligations by the Russian Federation stipulated by the Stockholm Convention on Persistent Organic Pollutants, *Public Council under the Federal Service for Supervision of Natural Resources*. Available at: <https://osrpn.ru/publications/smi/263/> (accessed 24.03.2021). (In Russian).

14. *Minamata Convention on Mercury (UN, UNEP)*. Available at: http://www.mercuryconvention.org/Portals/11/documents/Booklets/Minamata_convention_Russian.pdf (accessed 02.04.2021). (In Russian).
15. Aarhus Convention: guide to implementation, *UNECE*. Available at: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/Publications/2015/Aarhus_Convention_Implementation_Guide_R.pdf (accessed 24.03.2021). (In Russian).
16. Trakhtenberg I.M. The problem of mercury hazard and its prevention, *Health-Medix*. Available at: http://www.health-medix.com/articles/liki_ukr/2009-08-01/LU_Trahyenberg.indd.pdf (accessed 29.03.2021). (In Russian).
17. Under the auspices of UNEP, the World Campaign to combat marine litter has been announced, *UN*. Available at: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=20398#.VTPjLlCmXqs/> (accessed 24.03.2021). (In Russian).

Сафиуллин Марат Рашитович

д-р экон. наук, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3708-8184
e-mail: Marat.Safullin@tatar.ru

Груничев Александр**Станиславович**

канд. экон. наук, ФГАУ «Учебно-методический центр» Федеральной антимонопольной службы», г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4328-3560
e-mail: c.p@tatar.ru

Абдукаева Алия Айдаровна

ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1262-5588
e-mail: Aliya.Abdukaeva@tatar.ru

Marat R. Safullin

Dr. Sci. (Econ.), Kazan (Volga) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
ORCID: 0000-0003-3708-8184
e-mail: Marat.Safullin@tatar.ru

Alexander S. Grunichev

Cand. Sci. (Econ.), Federal Antimonopoly Service, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
ORCID: 0000-0002-4328-3560
e-mail: c.p@tatar.ru

Aliya A. Abdukaeva

Leading Researcher, Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
ORCID: 0000-0003-1262-5588
e-mail: Aliya.Abdukaeva@tatar.ru

ТЕОРИЯ РЕПУТАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Аннотация. Современная экономика со всем многообразием ее структурных элементов, с каждым годом все больше и больше погружающаяся в гиперсвязанное цифровое пространство, новые условия институционального функционирования, вызванные как сменой технологических укладов, так и инновационными формами мышления, нуждается в корректировке базовых, устоявшихся принципов и моделей экономического роста. Если раньше ключевую роль играли материальные производительные факторы, то сегодня их значение в некоторой степени нивелируется возрастающей ролью нематериальных факторов производства, к важнейшим из которых необходимо отнести репутационный капитал. Цель статьи – осмысление и теоретическое сопровождение указанной научной проблемы. В статье обоснована необходимость пересмотра некоторых принципов построения моделей экономической динамики и стратегического управления регионом на основе использования и ревизии структурно-логических и эволюционных взглядов к построению данного процесса. По результатам систематизации эволюции методических подходов к оценке эффективности регионального социально-экономического развития территорий/регионов обоснована позиция, в соответствии с которой в современных условиях хозяйствования эффективность территориального развития должна опираться на исследование и укрепление репутационного капитала.

Ключевые слова: стратегическое управление регионом, репутационная экономика, репутационный капитал, методология оценки эффективности, новая парадигма исследования, нематериальные факторы производства, экономическая динамика, институциональные преобразования

Для цитирования: Сафиуллин М.Р., Груничев А.С., Абдукаева А.А. Теория репутационной экономики как новая парадигма исследования экономического потенциала региона//Вестник университета. 2021. № 6. С. 52–60.

THE THEORY OF REPUTATION ECONOMY AS A NEW PARADIGM FOR THE STUDY OF THE REGION ECONOMIC POTENTIAL

Abstract. The modern economy with all the variety of its structural elements, which every year is increasingly immersed in a hyper-connected digital space, new conditions of institutional functioning caused by both a change in technological patterns and innovative forms of thinking, needs to adjust the basic, established principles and models of economic growth. If earlier the material productive factors was played a key role, today their importance is to some extent offset by the increasing role of non-material factors of production, the most important of which should include reputation capital. The purpose of the article is to comprehend and theoretically support this scientific problem. The need to revise some principles of building models of economic dynamics and strategic management of the region based on the use and revision of structural, logical and evolutionary views on the construction of this process is substantiated in the article. Based on the results of systematization of the evolution of methodological approaches to assessing the effectiveness of regional socio-economic development of territories / regions, the position is substantiated, according to which, in modern economic conditions, the effectiveness of territorial development should be based on research and strengthening of reputation capital.

Keywords: Strategic management of the region, reputation economy, reputation capital, efficiency assessment methodology, new research paradigm, intangible factors of production, economic dynamics, institutional transformations

For citation: Safullin M.R., Grunichev A.S., Abdukaeva A.A. (2021) The theory of reputation economy as a new paradigm for the study of the region economic potential. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 52–60. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-52-60

Благодарности. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-010-00211.

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the scientific project No. 19-010-00211 supported by the RFBR.

© Сафиуллин М.Р., Груничев А.С., Абдукаева А.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Safullin M.R., Grunichev A.S., Abdukaeva A.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Современные условия хозяйствования, характеризующиеся многоукладностью институтов развития, «погружением» экономических агентов в глобальную информационную среду, трансформацией некоторых традиционных моделей экономической динамики, требуют не просто ревизии существующих механизмов интенсификации роста социально-экономических систем, но и разработки новой парадигмы методов, основывающихся на использовании адаптированных к новым реалиям инструментам и направлениям развития. К ним, в частности, необходимо отнести механизмы эффективного использования нематериальных активов, роль которых возрастает с каждым годом по мере интеграции экономических систем в русло четвертой промышленной революции. Данный тезис, несмотря на его кажущуюся очевидность, нуждается, несомненно, в обосновании, которое, в свою очередь, нельзя отнести к разряду тривиальных. Тем более, если оно строится в рамках использования формализованных методов моделирования.

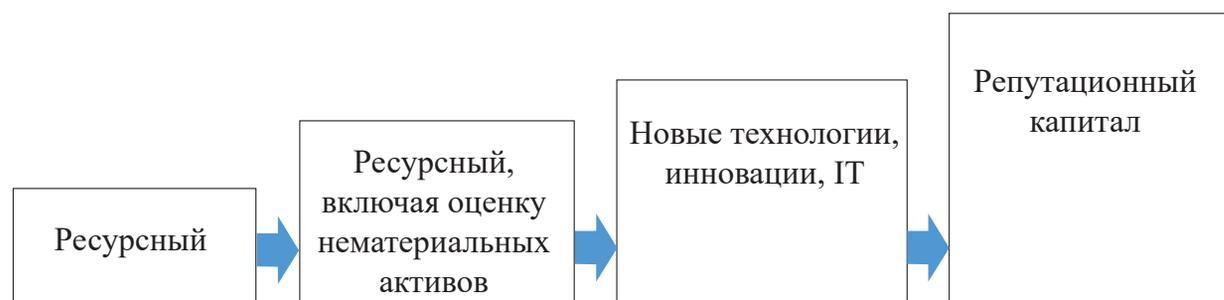
Сегодня в научно-публицистическом пространстве все чаще можно встретить позицию о необходимости исследовать процессы развития экономических агентов через призму нематериальных производительных факторов, которые в современных условиях глобализации и информатизации играют очень заметную роль. К ним, несомненно, необходимо отнести и репутационный капитал, который, как показывает практика развития современных хозяйствующих субъектов, имеет порой важнейшее, если не сказать доминирующее, значение для эффективного экономического роста.

Методы исследования

Корректировка традиционной парадигмы теории экономического роста предопределяет необходимость смещения акцентов при построении моделей. Наряду с традиционными неоклассическими (модель Солоу и др.) и неокейнсианскими (модель Домара, Харрода и др.) факторами (труд, капитал, природные ресурсы, человеческий капитал, технический прогресс) должны участвовать и те факторы, которые ранее не использовались, но сегодня имеют важнейшее значение как для процессов обеспечения экономической динамики, так и для процессов ее интенсификации. В связи с этим с определенной долей уверенности можно утверждать, что парадигма исследования потенциала развития хозяйствующих субъектов, равно как и отдельных территорий, должна на современном этапе развития экономики во многом опираться на оценку таковых «неосязаемых» факторов. К ним необходимо отнести, в частности, репутационный капитал, представляющий собой «нематериальный институциональный ресурс (актив) экономического агента, обеспечивающий его конкурентные преимущества на рынке посредством генерации разнообразных сигналов для потребителей, характеризующих его качественно-количественные параметры развития и обеспечивающая производительность хозяйствующего субъекта» [2].

Обсуждение результатов

Приведенная постановка вопроса предопределяет необходимость эволюции и совершенствования процессов оценки экономического потенциала как на микро-, так и на макроуровне (рис. 1). Сегодня простая оценка ресурсного и/или инфраструктурного потенциала не может всецело характеризовать перспективы развития хозяйствующего субъекта или территории в целом. Крайне важно оценивать репутационный капитал, в концентрированной форме представленный в информационной глобальной среде.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Эволюция оценки экономического потенциала

В более детализированном формате в таблице 1 представлены основные параметры эволюции подходов к оценке экономического потенциала через призму ключевых методических их характеристик:

- тип регулирующего механизма хозяйствования;
- применяемый подход к оценке эффективности;
- содержание подхода оценки эффективности.

В соответствии с данной интерпретацией, эволюция подходов к оценке эффективности регионального социально-экономического развития существенным образом продвинулась. Если в условиях административно-распределительной системы хозяйствования эффективность территориального развития определялась главным образом наличием соответствия фактических показателей плановым, то по мере смены типа экономических отношений на первый план стали выходить иные приоритеты, регламентирующие эффективность и потенциал будущего роста. К ним в первую очередь необходимо отнести: 1) баланс интересов субъектов хозяйствования как по вертикали, так и по горизонтали; 2) рост уровня и качества вовлеченности экосреды региона в систему национальных и глобальных воспроизводственных процессов и др.

Это связано в первую очередь с тем, что сегодня невозможно представить развитие экономического агента без учета его характеристик в информационной среде, формирующей не просто образ о нем, но и определяющей перспективы его будущего развития с точки зрения доверия. То же самое можно утверждать и применительно к целым территориям, регионам и т. п. Другими словами, репутация, репутационный капитал сегодня являются важнейшим мерилем эффективности развития. В связи с этим и происходит смещение в парадигме осознания того, каким образом и какие факторы становятся сегодня приоритетными с точки зрения генерирования импульсов для экономической динамики. Несмотря на выдвигаемые здесь постулаты, необходимо однозначным образом осознавать, что исключать из моделей экономического роста факторы материального порядка было бы абсолютно неверным и безрассудным.

Другими словами, необходимо понимать, что сегодня, на рубеже перехода глобальной экономики в стадию шестого технологического уклада, решения об эффективности развития территорий, опирающиеся исключительно на факторы материального порядка, являются, как минимум, не в полной мере обоснованными. Погружение экосистем в глобальное информационное пространство, их интеграция в множество сетевых платформ требует соответствующих настроек и в системе оценки перспективного развития экономических агентов, территорий и т. п.

«Информационное пространство, генерируя доступ компаний к благам, становится важнейшим ресурсом в процессе ведения хозяйственной деятельности. Более того, информационное цифровое пространство способно сегодня задавать куда более значимые импульсы экономического развития, нежели традиционные факторы производства» [1; 2].

Таким образом, с высоким уровнем уверенности можно утверждать, что репутационный капитал сегодня – один из ключевых активов как на микро-, так и на макроуровне. Его оценка должна, следуя изложенным выше доводам, выполняться на основе уровня вовлеченности экосреды региона в систему национальных и глобальных воспроизводственных процессов, на основе оценки количества «внешних» и «внутренних» адептов, проявляющих интерес к региону через глобальные информационные каналы (сеть «Интернет», средства массовой информации, социальные сети и т. п.), с последующей оценкой репутационного капитала и его влияния на ключевые макроэкономические параметры развития территорий.

В соответствии с изложенной выше парадигмой, раскрывающей особенности и приоритеты эффективности развития, на рисунке 2 представлена интерпретация процесса современного стратегического управления регионом/территорией в сравнении с прошлым индустриальным периодом.

Предложенная интерпретация, раскрывающая приоритеты и особенности регионального развития сегодня, в эпоху четвертой промышленной революции, раскрывает специфические особенности стратегического управления территориями. Если раньше в качестве ключевых показателей КРІ, оценивающих эффективность развития региона, выступали индикаторы, характеризующие, к примеру, прирост валового регионального продукта, рост занятости, налогов, активизация инвестиционных процессов и т. п., то сегодня, несмотря на всю значимость этих макроэкономических факторов, задающих динамику регионального развития, важнейшими индикаторами КРІ должны становиться и становятся: 1) репутационный капитал; 2) инклюзия экономической динамики; 3) социальная платформа; 4) качество развития экосистемы и т. п.

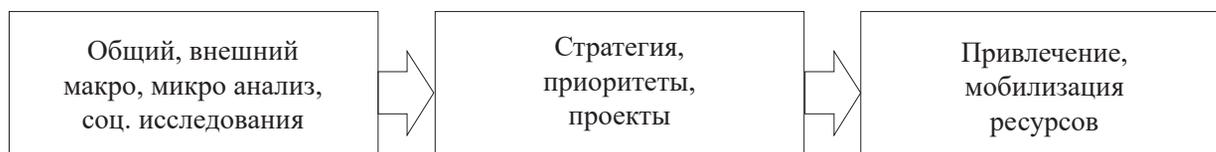
Таблица 1

Эволюция подходов к исследованию эффективности развития региональных/территориальных социально-экономических систем

Этапы к оценке эффективности регионального социально-экономического развития					
	I этап	II этап	III этап	IV этап	V этап
Ключевые характеристики	Административно-распределительная система хозяйства (1929 – 1988 гг.)	Административно-распределительная система хозяйства (1988 – 1992 гг.)	Переходная либерально-рыночная экономика (1992 – 2000 гг.)	Социально ориентированная рыночная экономика с элементами госрегулирования (2000 – 2010 гг.)	Репутационная экономика (2010 – наст. вр.)
Тип регулирующего механизма хозяйствования	Планово-административно-распределительный механизм	Планово-административно-распределительный механизм с элементами самокупаемости и самфинансирования	Либерально-рыночный механизм при отсутствии регулирующего воздействия государства	Рыночно-регулируемый механизм с элементами государственного регулирования	Рыночно-регулируемый механизм с элементами государственного регулирования в условиях глобализации экосреды
Применяемый подход к оценке эффективности	Единый (всеобщий) совокупно-результативный подход для всех субъектов хозяйствования	Единый совокупно-результативный подход для субъектов хозяйственной деятельности с государственной ответственностью и частично затратно-результативный (дифференцированный) подход для негосударственных хозяйствующих субъектов	Затратно-результативный подход к хозяйствующим субъектам всех форм собственности	Структурно-функциональный подход, обеспечивающий баланс, как общественных, так и отдельных результатов деятельности хозяйствующих субъектов всех форм собственности	Степень открытости и вовлеченности региона в национальную и глобальную экосреду, возможность разнообразия деятельности для экономических агентов
Содержание подхода оценки эффективности	Оценка эффективности осуществляется в целом по региону только исходя из степени выполнения плановых директивных показателей, определяемых центром	Оценка эффективности результатов развития региона, в целом, осуществляется исходя из степени достижения директивных показателей и отдельных оценок результатов хозяйственной деятельности предприятий и организаций негосударственных форм собственности	Оценка эффективности результатов развития региона на основе показателей эффективности использования ресурсов (ресурсного потенциала) рыночных хозяйствующих субъектов	Оценка эффективности осуществляется на основе учета баланса интересов результатов функционирования, как региона, в целом, так и каждого отдельного субъекта хозяйствования	Важным элементом, в дополнение к предыдущим, является оценка эффективности на основе уровня и качества вовлеченности экосреды региона в систему национальных и глобальных производственных процессов

Источник: [4]

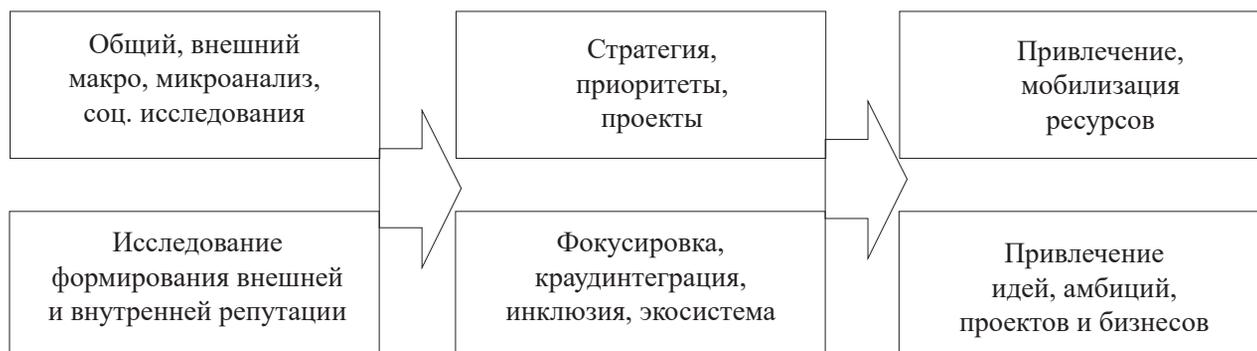
Традиционная модель

КРІ: прирост ВРП, рост занятости, налогов, активизация инвестиционных процессов

Недостатки: формальные количественные подходы, рост ради роста, слабая обратная связь, отсутствие инклюзии

Предлагаемая модель

КРІ: репутационный капитал, инклюзия, платформа, экосистема

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Процесс стратегического управления регионом

Таким образом, новые формы институциональных условий развития формируют новые показатели и индикаторы эффективности процесса организации стратегического управления регионом. К важнейшим из них необходимо отнести индекс репутационного капитала территорий.

Важно при этом подчеркнуть, что отождествление столь близких в теории понятий «репутация», «имидж», «бренд», «гудвилл», «нематериальный актив» является неверным. На рисунке 3 представлена графическая визуализация этих дефиниций в разрезе функциональных характеристик.

Несмотря на набирающую обороты актуальность и необходимость исследования репутационного капитала на макроуровне, в экономической теории не сформировано единого подхода к интерпретации этой категории на уровне региона, отсутствует целостная концепция его измерения и количественной оценки. Есть отдельные работы, которые предлагают алгоритм оценки репутации на уровне фирмы/организации. Они опираются на оценку и системный мониторинг информационного пространства на предмет обнаружения тональности отзывов об исследуемом объекте. С использованием методов количественной обработки данных строятся временные ряды, формирующие основу для понимания изменения репутации хозяйствующего субъекта.

К исследователям, активно изучающим репутацию фирмы, необходимо отнести М. Арслана (Стамбульский университет), С. Шекера (Иранский государственный университет), К. Ли, М. Норга, Дж. Лью (Университет Майями), П. Дорчака, П. Марковича (Словенский университет), Б. Бойда и др., которые являются известными учеными и основателями оригинальных подходов к изучению оценки влияния репутации фирмы на динамику ее развития [8; 11–13]. К российским исследователям следует отнести И. С. Вазнину, И. И. Решетникову, А. П. Панкрухина и др. [1; 5; 6].

Критерии	Имидж	Бренд	Гудвилл	Нематериальный актив	Репутация
Эмоциональная окраска	+	+	-	-	+
Уникальность	+	+	-	-	+
Отражение на балансе и в статистике	-	-	-	+	-
Прямое влияние на капитализацию	-	+	-	+	+
Возможность количественного измерения	-	-	+	+	+
Влияние на вовлеченность/притяжение человеческого капитала	+	+	-	-	+
Цифровой формат	-	-	-	-	+
Платформенность	-	-	-	-	+
Прямое влияние на экономическое развитие	+	+	-	+	+

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. «Репутация» и смежные категории

Что касается научных работ, посвященных исследованию репутационного капитала отдельных территорий, регионов, то здесь необходимо отметить, что их перечень весьма ограничен. К ним, в первую очередь, следует отнести исследования Х. Манамана, Ш. Джамали, Дж. Кляйна [9; 10]. Взгляды отмеченных авторов во многом коррелируют с нашими и придерживаются позиции о необходимости изучения современной макроэкономики через призму изучения репутационного капитала. Учитывая, что современные экономические агенты в частности и территории в целом с каждым годом все больше и больше погружаются в гиперсвязанное цифровое пространство, экономическая теория должна соответствующим адаптивным образом перестраивать сформировавшиеся традиционные модели экономического роста. Игнорирование в них такого фактора, как репутационный капитал, во многом делает их ограниченными в новых институциональных условиях хозяйствования.

В связи с этим представляется крайне важной и актуальной для современной науки задачей поиск методических решений, обеспечивающих количественные измерения репутации территорий. Это не только позволит диагностировать текущие значения репутационного капитала, но и прогнозировать перспективы территориального развития с учетом наметившихся трендов в сфере репутационной активности – важнейшего фактора макроэкономической динамики.

Полагаясь на представленные выше научные труды, а также ряд других российских и зарубежных исследований по этой теме, в настоящей работе представлена попытка методического сопровождения процесса измерений репутационного капитала территорий. Важно отметить, что представленные подходы получили свою апробацию на примере измерений индекса репутационного капитала применительно к регионам Российской Федерации [2; 7]. Полученные результаты позволили не только перейти к новым формам процесса диагностирования качества и эффективности регионального развития, но и разработать новые модели экономического роста, где в качестве экзогенных факторов, наряду с традиционными, используют и индекс репутационного капитала.

В концентрированной форме методология исследования теории экономического роста с использованием элементов теории репутационной экономики представлен на рисунке 4.

Этап 1. Идентификация ключевых факторов, определяющих изменение экономического потенциала региона и рынка капитала	
Этап 2. Адаптация и разработка новых методов и показателей для оценки экономического потенциала региона	
Этап 3. Построение моделей, взаимосвязей составляющих репутационного капитала и макроэкономическими показателями региона	<p>1. Количество «внешних» и «внутренних» адептов, проявляющих интерес к региону через глобальные информационные каналы (Интернет, СМИ, социальные сети и т.п.) в разрезе основных составляющих экосреды региона (экономика, социальная сфера, технологическое развитие, инфраструктура и т.п.)</p> <p>2. Количество времени, затрачиваемое экономическими агентами в глобальной информационной среде в контексте анализа ключевых составляющих эффективности регионального развития Специальные цифровые сервисы мониторинга социальных медиа, СМИ, Интернет Matrix, Integrum, IQBuzz, LexisNexis</p>
Этап 4. Факторный анализ влияния основных составляющих репутационного капитала региона на динамику инвестиций в основной капитал, ВР	
Этап 5. Сценарный анализ и разработка механизмов наращивания репутационного капитала региона в целях интенсификации социально-экономической динамики	
Этап 6. Построение прогностических моделей регионального экономического роста	
Этап 7. Разработка мер и механизмов интенсификации экономического роста региона через призму теории репутационной экономики	

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Методология оценки репутационного капитала региона

Выводы

Важно отметить, что измерение репутации – всего лишь инструментарий, который впоследствии открывает весьма эффективный набор итераций, позволяющих обнаружить закономерности и зависимости экономики от трансформации репутационного капитала, в том числе и на региональном уровне. Систематизация парадигмы и заложенных подходов и определило развитие такого понятия, как репутационная экономика, под которой предлагается понимать «совокупность отношений в системе производства, распределения, обмена и потребления, формирующихся в результате восприятия экономическими агентами возможностей и ресурсов территории на основе информационного поля, характеризующего экономический, социальный, институциональный и другие потенциалы территории» [7].

Заключение

Предложенный подход может содержать набор дискуссионных элементов, как, впрочем, и любой другой новый метод. Однако, на наш взгляд, его реализация открывает целый пласт новых, соответствующих современной действительности, возможностей для оценки и количественных измерений репутационного капитала территорий и формирования нового типа моделей экономического роста, а также для разработки мер и механизмов интенсификации экономической динамики через призму теории репутационной экономики.

Исследование социально-экономического развития через призму репутационной экономики является не просто важным методическим аспектом, но и формирует адаптационный к современным условиям хозяйствования инструментарий потенциала экономической динамики как на уровне хозяйствующих субъектов, так и на уровне региона, страны. В связи с этим представляется чрезвычайно важным направлением развития современной в экономической теории вопросов этого рода, имеющих, в том числе крайне высокий уровень практической значимости.

Библиографический список

1. Ваденина, И. С. Имидж и репутация территории // Региональная экономика. Теория и практика. – 2010. – № 23. – С. 2–12.
2. Груничев, А. С., Ельшин, Л. А. Формализованная оценка репутационного капитала региона: методические подходы и их апробация (на примере Республики Татарстан) // Региональная экономика: теория и практика. – 2019. – Т. 17, № 9 (468) – С. 1709–1722.

3. Груничев, А. С., Сафиуллин, М. Р., Ельшин, Л. А., Абдукаева, А. А. Влияние репутационного капитала на макроэкономические параметры региона: от теории к практике (на примере республики Татарстан) // *Экономический вестник Республики Татарстан*. – 2020. – № 3. – С. 14–19.
4. Ибраева, О. В. Управление эффективностью регионального социально-экономического развития: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 – Москва, 2013. – 152 с.
5. Панкрухин, А. П. Контр-маркетинг. Дебрендинг и разрушение имиджа территории // *Корпоративная имиджология*. – 2008. – № 23. – С. 12–15.
6. Решетникова, И. И. Репутационный капитал как фактор обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса: теория, методология исследования, проблемы формирования и управления в условиях глобализации рынков: дис. ... доктора экон. наук: 08.00.05. – Волгоград, 2011. – 357 с.
7. Сафиуллин, М. Р., Груничев, А. С., Ельшин, Л. А., Курбангалиева, Д. Л. Факторный анализ влияния репутационного капитала на экономическую динамику региона // *Экономика, предпринимательство и право*. – 2020. – Т. 10, № 7. – С. 1989–2004.
8. Boyd, B. K., Bergh, D. D., Ketchen, D. J. Reconsidering the reputation – Performance relationship: A resource-based view // *Journal of Management*. – 2010. – No. 36 (3). – Pp. 588–609. <https://doi.org/10.1177/0149206308328507>
9. Manaman, H. Sh., Jamali, Sh., Abolfazl, A. Online reputation measurement of companies based on user-generated content in online social networks // *Computers in Human Behavior*. – 2016. – No. 54 (3). – Pp. 94–100. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.061>
10. Klein, J. The rise of the reputation economy // *World Economic Forum – 2014* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.weforum.org/agenda/2014/01/the-rise-of-the-reputation-economy/> (дата обращения: 04.03.2019).
11. Arslan, M. L., Seker, S. E. Web Based Reputation Index of Turkish Universities // *International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning*. – 2014. – V. 4, No. 3. – Pp. 197–203. <https://doi.org/10.7763/IJEEEE.2014.V4.330>
12. Dorčák, P., Markovič, P., Pollákb, F. Multifactor analysis of online reputation of selected car brands / 12th International Scientific Conference of Young Scientists on Sustainable, Modern and Safe Transport // *Procedia Engineering*. – 2017. – V. 192. – Pp. 719–724. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.06.124>
13. Ji, Y. G., Li, C., North, M., Liu, J. Staking reputation on stakeholders: How does stakeholders' Facebook engagement help or ruin a company's reputation? // *Public Relations Review*. – 2017. – No. 43 (1). – Pp. 201–210. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2016.12.004>

References

1. Vazhenina I. S. Image and reputation of the territory, *Regional Economics: Theory and Practice*, 2010, no. 23, pp. 2–12. (In Russian).
2. Grunichev A. S., El'shin L. A. Formalized assessment of reputation capital of the region: methodological approaches and their testing, the Republic of Tatarstan case, *Regional Economics: Theory and Practice*, 2019, vol. 17, no. 9 (468), pp. 1709–1722. (In Russian).
3. Grunichev A. S., Safiullin M. R., El'shin L. A., Abdukaeva A. A. The influence of reputation capital on the macroeconomic parameters of the region: from theory to practice (on the example of the Republic of Tatarstan), *Ekonomicheskii Vestnik Respubliki Tatarstan*, 2020, no. 3, pp. 14–19. (In Russian).
4. Ibraeva O. V. *Management of the effectiveness of regional socio-economic development*, Dissertation of candidate of economic sciences: 08.00.05, Moscow, 2013, 152 p. (In Russian).
5. Pankrukhin A. P. Counter-marketing. Debranding and destruction of the image of the territory, *Corporate Imageology*, 2008, no. 23, pp. 12–15. (In Russian).
6. Reshetnikova I. I. *Reputational capital as a factor in ensuring the competitiveness of Russian business: theory, research methodology, problems of formation and management in the context of globalization of markets*, Dissertation of Doctor of Economic Sciences: 08.00.05, Volgograd, 2011, 357 p. (In Russian).
7. Safiullin M. R., Grunichev A. S., El'shin L. A., Kurbangaliev D. L. Factor analysis of the reputational capital impact on the economic dynamics of the region, *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 7, pp. 1989–2004. (In Russian).
8. Boyd B. K., Bergh D. D., Ketchen D. J. Reconsidering the reputation – performance relationship: a resource-based view, *Journal of Management*, 2010, no. 36 (3), pp. 588–609. <https://doi.org/10.1177/0149206308328507>
9. Manaman H. Sh., Jamali Sh., Abolfazl Al. Online reputation measurement of companies based on user-generated content in online social networks, *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 54 (3), pp. 94–100. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2015.07.061>
10. Klein J. The rise of the reputation economy, *World Economic Forum – 2014*. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2014/01/the-rise-of-the-reputation-economy/> (accessed 04.03.2019).
11. Arslan M. L., Seker S. E. Web based reputation index of Turkish universities, *International Journal of e-Education, e-Business, e-Management and e-Learning*, 2014, vol. 4, no. 3, pp. 197–203. <https://doi.org/10.7763/IJEEEE.2014.V4.330>

12. Dorčák P., Markovič P., Pollákb F. Multifactor analysis of online reputation of selected car brands, *12th International scientific conference of young scientists on sustainable, modern and safe transport, Procedia Engineering*, 2017, vol. 192, pp. 719–724. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2017.06.124>
13. Ji Y. G., Li C., North M., Liu J. Staking reputation on stakeholders: How does stakeholders' Facebook engagement help or ruin a company's reputation? *Public Relations Review*, 2017, no. 43 (1), pp. 201–210. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2016.12.004>

Танина Мария Алексеевна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», Пензенский филиал, г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Бондаренко Владимир Викторович

д-р экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», Пензенский филиал, г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6716-1963

e-mail: bond40@bk.ru

Юдина Вера Александровна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», Пензенский филиал, г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Лескина Ольга Николаевна

канд. экон. наук, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет)», Пензенский филиал, г. Пенза, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-1257-3725

e-mail: ONLeskina@fa.ru

Maria A. Tanina

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-7311-6280

e-mail: margo10@inbox.ru

Vladimir V. Bondarenko

Dr. Sci. (Econ.), Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-6716-1963

e-mail: bond40@bk.ru

Vera A. Yudina

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

ORCID: 0000-0001-9835-9430

e-mail: vayudina@fa.ru

Olga N. Leskina

Cand. Sci. (Econ.), Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

ORCID: 0000-0002-1257-3725

e-mail: ONLeskina@fa.ru

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОВЫШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Аннотация. В условиях ужесточения конкуренции на глобальном рынке высшего образования за ресурсы, кадры и студентов российские вузы должны быть востребованными среди потенциальных зарубежных абитуриентов. Посредством реализации экспорта образования в условиях экономики знаний и глобальной конкуренции появляется возможность привлечения талантливой молодежи из других стран. Кроме того, взаимодействие с иностранными студентами способствует академическому развитию университетов, дипломатии знаний и международному сотрудничеству. В статье проанализирован опыт Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики и Российского университета дружбы народов в сфере повышения и применения показателей оценки международной конкурентоспособности. Проведен корреляционно-регрессионный анализ зависимости численности иностранных студентов, обучающихся в России, от количества российских вузов в мировых университетских рейтингах. Выполнена оценка изменений в работе вузов по привлечению иностранных студентов в период пандемии COVID-19.

Ключевые слова: международная конкурентоспособность, высшие учебные заведения, экспорт образования, глобальные вызовы и угрозы, глобальная конкуренция, мировые университетские рейтинги, иностранные обучающиеся, рекрутинг

Для цитирования: Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н. Отечественные практики повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений в условиях глобальных вызовов и угроз // Вестник университета. 2021. № 6. С. 61–69.

DOMESTIC PRACTICES OF INCREASING THE INTERNATIONAL COMPETITIVENESS OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES AND THREATS

Abstract. The Russian universities have to be demand among potential foreign applicants in the context of tightening competition in the global higher education market for resources, personnel and students. The possibility of attraction talented young people from other countries appears through the implementation of the education export in the context of the knowledge economy and global competition. In addition, interaction with foreign students contributes to the academic development of universities, knowledge diplomacy and international cooperation. The experience of the National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics and the Peoples' Friendship University of Russia in the field of increasing and applying indicators for assessing international competitiveness has been analysed. The correlation and regression analysis of the dependence of the number of foreign students studying in Russia on the number of Russian universities in the world university rankings has been carried out. The assessment of changes in the work of universities to attract foreign students during the COVID-19 pandemic has been performed.

Keywords: international competitiveness, higher educational institutions, education exports, global challenges and threats, global competition, world university rankings, foreign students, recruiting

For citation: Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Leskina O.N. (2021) Domestic practices of increasing the international competitiveness of the Russian higher education institutions in the context of global challenges and threats. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 61–69. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-61-69

Благодарности. Публикация подготовлена по результатам исследования в рамках государственного задания на тему «Повышение международной конкурентоспособности российских вузов в условиях глобальных трансформаций и эпидемиологических угроз» (ВТК-ГЗ-ПИ-42-21).

Acknowledgements. Gratitude. The publication was prepared based on the results of a study within the framework of the state task on the topic "Improving the international competitiveness of Russian universities in the context of global transformations and epidemiological threats" (VTK-GZ-PI-42-21).

© Танина М.А., Бондаренко В.В., Юдина В.А., Лескина О.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Tanina M.A., Bondarenko V.V., Yudina V.A., Leskina O.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Современные российские вузы ведут свою деятельность в глобальной среде генерации, распространения и использования научных и профессиональных знаний. Глобализация на современном этапе является средой функционирования вузов. Процессы глобализации вызывают рост трансграничных потоков информации, данных и инноваций, замещающих трансграничные потоки товаров и финансовых услуг [2]. Конкурентоспособность университета как субъекта и участника информационных, технологических, экономических процессов определяется его позиционированием в глобальных рыночных сетях, охваченных цифровизацией.

Экспорт образования занимает большое место не только в работе университетов, но и в экономике стран – лидеров экспорта образования. Посредством реализации экспорта образования в условиях экономики знаний и глобальной конкуренции появляется возможность привлечения талантливой молодежи из других стран. Кроме того, взаимодействие с иностранными студентами способствует академическому развитию университетов, дипломатии знаний и международному сотрудничеству.

В условиях ужесточения конкуренции на глобальном рынке высшего образования за ресурсы, кадры и студентов российские вузы должны быть востребованными среди потенциальных зарубежных абитуриентов. С целью повышения уровня международной конкурентоспособности российского высшего образования на федеральном уровне были разработаны несколько проектов [3].

Цель настоящего исследования – проведение анализа практик повышения международной конкурентоспособности ведущих российских вузов в условиях реализации федеральных проектов «5–100» и «Экспорт образования». В процессе исследования проанализирован опыт Национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики и Российского университета дружбы народов повышения и применения показателей оценки международной конкурентоспособности. Проведен корреляционно-регрессионный анализ зависимости численности иностранных студентов, обучающихся в России, от количества российских вузов в мировых университетских рейтингах, и выполнена оценка изменений в работе вузов по привлечению иностранных студентов в период пандемии.

Литературный обзор

Вопросам повышения международной конкурентоспособности российских вузов посвящены работы И. В. Алешиной, А. И. Васильевой, А. М. Габриелян, В. И. Гришина, Д. А. Штыхно, Е. В. Шубенковой, Т. В. Комаровой, Н. Г. Скворцова, А. Н. Суетина, С. Н. Суетина, А. А. Шулус, О. А. Богомолова, А. В. Трифоновой [2; 4–7; 9; 10]. Например, в научно-исследовательской работе И. В. Алешиной разработана пирамида глобальной конкурентоспособности университета эпохи цифровой глобализации, включающая четыре уровня: цифровая инфраструктура, глобально-ориентированные цели, коммуникации, исследования и контент образования; цифровизация бизнес-процессов и функций управления университетом; цифровая трансформация; глобальная и национальная конкурентоспособность университета [2].

Авторским коллективом под руководством А. Н. Суетина проведено исследование конкурентоспособности вуза в условиях возрастающей конкуренции на мировых образовательных рынках, процессов интернационализации образования. Для выживания в конкурентной борьбе на мировых рынках образовательных услуг вузы должны быстро адаптироваться к меняющимся требованиям рынка труда, технологического прогресса, процессов миграции и урбанизации [10].

Авторы единогласно отмечают необходимость быстрой адаптации и приспособляемости вузов к меняющимся условиям глобальной конкурентной образовательной среды, а также важность государственной поддержки и стратегии повышения конкурентоспособности российского высшего образования на международных рынках с целью наращивания интеллектуального и экспортного потенциалов и привлечения наиболее талантливых молодых людей для обучения в российских вузах.

Теория и методы

В качестве базы данных исследования выступили научные разработки отечественных авторов, учебные издания, данные эмпирических исследований, в том числе размещенных в открытом доступе в сети

«Интернет». В качестве методов исследования применялись монографический, логический, сравнительный, системный методы, а также корреляционно-регрессионный анализ.

Актуальность повышения международной конкурентоспособности отечественных вузов обусловлена реализацией Федерального проекта «Экспорт образования», в качестве ключевой цели которого выдвинуто положение об увеличении численности иностранных студентов в России до 425 тыс. чел к 2024 г. через повышение конкурентоспособности, развитие инфраструктуры и посредством государственной поддержки.

Кроме того, в России реализовывался «Проект 5–100», который был запущен в рамках реализации Указа Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» [1]. В 2015 г. проект был продлен до 2020 г. Ключевой целью проекта было содействие вхождению не менее 5 российских вузов в сотню лучших в рамках 3-х крупнейших авторитетных мировых рейтингов [14].

Проанализировав результаты реализации «Проекта 5–100», Счетная палата Российской Федерации установила, что ни один из 21 вуза-участника не смог войти в первую сотню ведущих глобальных институциональных рейтингов университетов. Лучших результатов удалось достичь на уровне отдельных предметных рейтингов – по итогам 2020 г. восемь университетов попали в топ-100 таких списков.

Анализ результатов

Рассмотрим ключевые показатели международной конкурентоспособности российских вузов – участников «Проекта 5–100», которые способствовали реализации целей этого проекта.

Состав показателей международной конкурентоспособности университета совпадает у всех вузов – участников проекта, к основным показателям относятся:

- позиции, занимаемые вузом в мировых университетских рейтингах (THE, QS, ARWU);
- количество публикаций в Web-of-Science на одного научно-педагогического работника (далее – НПП) (за 5 лет);
- количество публикаций Scopus на одного НПП (за 5 лет);
- средний показатель цитируемости в Web-of-Science на одного НПП (за 5 лет);
- средний показатель цитируемости в Scopus на одного НПП (за 5 лет);
- доля иностранных НПП, включая российских граждан – обладателей степени Philosophy Doctor (PhD) зарубежных университетов, %;
- доля иностранных студентов, %;
- средний балл ЕГЭ студентов вуза, принятых для обучения по очной форме обучения за счет средств федерального бюджета по программам бакалавриата и программам подготовки специалистов;
- доля доходов из внебюджетных источников в структуре доходов вуза, %;
- удельный вес численности обучающихся по программам магистратуры и аспирантуры, имеющих диплом других организаций, %;
- объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на одного НПП (тыс. руб.) [12; 13; 14].

В таблице 1 отражена количественная динамика присутствия российских вузов в мировых университетских рейтингах, при этом рассмотрено 3 ключевых рейтинга, с целью попадания в которые реализовывался «Проект 5–100».

Таблица 1

Динамика присутствия российских вузов в мировых университетских рейтингах

Год	Количество российских вузов в рейтинге Academic Ranking of World Universities (ARWU)	Количество российских вузов в рейтинге QuacquarelliSymonds (QS World University Rankings)	Количество российских вузов в рейтинге The Times Higher Education World University Rankings	Итого
2015	2	21	13	36
2016	3	21	24	48
2017	12	24	24	60

Год	Количество российских вузов в рейтинге Academic Ranking of World Universities (ARWU)	Количество российских вузов в рейтинге QuacquarelliSymonds (QS World University Rankings)	Количество российских вузов в рейтинге The Times Higher Education World University Rankings	Итого
2018	12	28	24	64
2019	11	25	35	71
2020	11	28	39	78

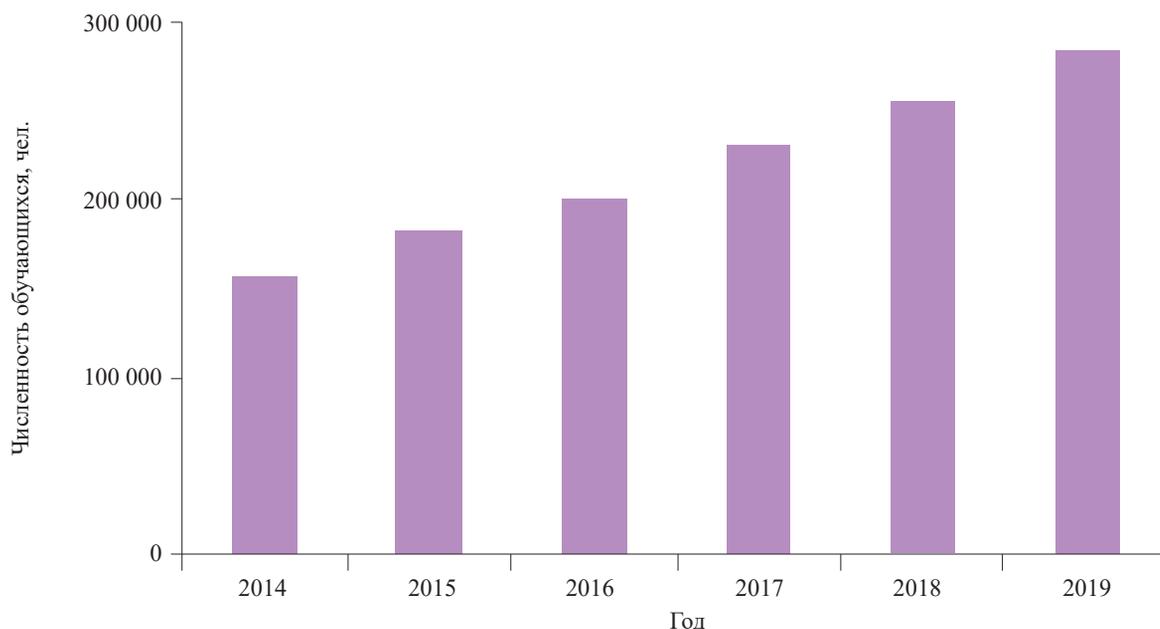
Составлено автором по материалам исследования

Из таблицы 1 следует, что динамика присутствия российских вузов в мировых университетских рейтингах является положительной. Практически по всем трем рейтингам с течением времени наблюдается увеличение числа российских вузов, что способствует повышению узнаваемости бренда российского высшего образования среди иностранных абитуриентов и положительно влияет на численность иностранных студентов, обучающихся в России.

Таким образом, каждый вуз, участвующий в «Проекте 5–100», разрабатывал, реализовывал и осуществлял мониторинг показателей, влияющих на уровень международной конкурентоспособности. При этом набор показателей, влияющих на уровень международной конкурентоспособности и попадание в международные рейтинги у различных вузов практически одинаковый.

Ключевые цели и конечные показатели международной конкурентоспособности российского высшего образования – численность иностранных обучающихся и численность иностранных научно-педагогических работников в российских вузах.

На рисунке 1 отражена динамика численности иностранных обучающихся в российских вузах за 2014–2019 гг. Этот показатель за 2014–2019 гг. вырос на 70,99 % (110 889 чел.), что свидетельствует о повышении конкурентоспособности и привлекательности российского высшего образования для иностранных абитуриентов.

Источник: [8]

Рис. 1 Динамика численности иностранных обучающихся в российских вузах за 2014–2019 гг.

При выборе иностранного вуза для абитуриентов важными являются следующие критерии:

- положение вуза в различных рейтингах;
- наличие программ обучения русскому языку как иностранному;

- наличие совместных образовательных программ;
- материально-техническая база вуза;
- инфраструктура вуза, условия обучения и проживания;
- численность иностранных обучающихся;
- численность иностранных НПР;
- совместные публикации НПР вуза с зарубежными учеными;
- публикации НПР вуза в ведущих рейтинговых международных журналах;
- проведение совместных научных исследований с зарубежными партнерами;
- эффективная система трудоустройства.

Проведем корреляционно-регрессионный анализ с целью выявления влияния показателя «количество российских вузов в мировых университетских рейтингах» на численность иностранных студентов, обучающихся в России. В таблице 2 представлены сводные результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости численности иностранных студентов, обучающихся в России, от количества российских вузов в мировых университетских рейтингах.

Таблица 2

Сводные результаты корреляционно-регрессионного анализа зависимости численности иностранных студентов, обучающихся в России, от количества российских вузов в мировых университетских рейтингах

x-факторы влияния	Численность обучающихся, чел. (y-зависимый фактор)			
	Коэффициент корреляции r	Характеристика связи	Значимость r по t -критерию Стьюдента	Уравнение регрессии $y=a_0+a_1x$
Количество российских вузов в рейтинге Academic Ranking of World Universities (ARWU), шт.	0,64	Средняя прямая $0,5 < r \leq 0,7$	Значимый $t_{\text{расч.}}(3,01) > t_{\text{табл.}}(2,1604)$	$\bar{y}_x = 29\,198 + 22\,383x$
Количество российских вузов в рейтинге QuacquarelliSymonds (QS World University Rankings), шт.	0,82	Сильная прямая $0,7 < r \leq 0,9$	Значимый $t_{\text{расч.}}(5,145) > t_{\text{табл.}}(2,1604)$	$\bar{y}_x = -149 + 9\,869x$
Количество российских вузов в рейтинге The Times Higher Education World University Rankings), шт.	0,88	Сильная прямая $0,7 < r \leq 0,9$	Значимый $t_{\text{расч.}}(6,75) > t_{\text{табл.}}(2,1604)$	$\bar{y}_x = 8\,131 + 8\,233x$

Составлено автором по материалам исследования

Для определения коэффициента корреляции r рассчитано несколько промежуточных величин [11]. При этом $t_{\text{расч.}}$ (t -критерий Стьюдента) должно быть больше $t_{\text{табл.}} = 2,1604$ – только в этом случае полученный коэффициент корреляции r будет значимым [11]. В результате проведенных расчетов получены следующие значения промежуточных величин: $\sigma_x = 10,17$; $\sigma_y = 32\,969,32$; $r = 0,99$; $a_1 = 3\,847,32$; $a_0 = 1\,523,78$; $\bar{y}_x = 1\,523,78 + 3\,847,82x$; $t_{\text{расч.}} = 28,27 > t_{\text{табл.}}$. Следовательно, рассчитанный коэффициент корреляции r является значимым, и значимой является связь переменных x и y .

Из данных таблицы следует, что в результате корреляционно-регрессионного анализа выявляются средняя и сильные прямые корреляционные зависимости численности иностранных студентов от численного значения присутствия российских вузов в трех мировых университетских рейтингах. Следовательно, можно сделать вывод, что присутствие российских вузов в мировых рейтингах оказывает положительное влияние на численность иностранных студентов, прибывающих в Россию, что подтверждает необходимость и целесообразность реализации федеральных программ и проектов поддержки экспорта образования и популяризации российского образования за рубежом.

Позиция России на мировом образовательном рынке была достаточно устойчива до пандемии вследствие привлечения большого количества иностранных студентов из стран СНГ. В современных условиях требуются активные усилия для сохранения и упрочения своего места и уровня конкурентоспособности на рынке мировых образовательных услуг.

Изменения, связанные с пандемией COVID-19, способствуют появлению новых рисков (а также возможностей) для России как образовательного направления. Речь идет о трансформациях в самом формате образовательных продуктов (например, существенном увеличении доли студентов, заинтересованных в дистанционном обучении), в направлении потоков иностранных студентов (в частности, ожидаемом сокращении числа иностранных студентов в США, Великобритании, Канаде, Австралии и некоторых странах – членах Европейского союза при обратной тенденции для стран Азиатско-Тихоокеанского региона). Все это способно в значительной степени еще больше изменить статистику и контингент иностранных студентов, обучающихся в России, в положительную сторону.

Большая часть иностранных студентов осталась в России на период пандемии. При этом появились определенные сложности, связанные с миграционными процедурами, а также с организационной поддержкой иностранных студентов. Наибольшие проблемы вызывает организация учебного процесса и необходимость психологической помощи для обучающихся этой группы. При этом большинство вузов не испытывают особых сложностей с их размещением.

Набор иностранных студентов на дипломные программы – один из основных инструментов интернационализации российских университетов. Наибольшую важность для вузов с точки зрения международной деятельности и рекрутинга представляют программы бакалавриата, магистратуры, а также набор иностранных студентов на программы довузовской языковой подготовки, тогда как программы краткосрочной мобильности в целом рассматриваются как менее важные для университетов.

Важная задача в реализации приемной кампании иностранных студентов на 2020/2021 учебный год – гибкость процедуры приема. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации были предложены соответствующие правила приема на этот учебный год, однако для большинства иностранных студентов эти процедуры были не вполне понятны.

Для иностранных студентов особо значимо получение своевременной информации как о правилах и сроках приема, так и о формате обучения в 2020/2021 учебном году. Это помогало потенциальным абитуриентам принять решение о возможности обучения за рубежом в 2020 г. в целом, а также выбрать университеты, правила приема в которые позволяют подготовить документы и пройти вступительные испытания в условиях пандемии и самоизоляции.

Успех университетов и стран как образовательных направлений тесно связан с грамотной организацией и высокой активностью маркетинговых мероприятий. В период пандемии российские вузы использовали достаточно широкий набор онлайн-инструментов для привлечения иностранных студентов. Отметим, что важным инструментом привлечения иностранных студентов является работа с иностранными рекрутинговыми агентствами.

Большая часть российских вузов проводила дополнительные мероприятия по привлечению иностранных студентов во время пандемии. Наиболее распространенные – рост числа информационных вебинаров для иностранных абитуриентов, применение гибких правил поступления в 2020/2021 учебном году, а также увеличение объемов рекламы. При этом вузы нуждаются в таких мерах государственной поддержки, как помощь в рекрутинге на государственном уровне (например, через государственные организации) и создание более простой системы приема иностранных студентов, считая их самыми важными для поддержания экспорта образования в период пандемии.

Российские вузы вносят коррективы в свои программы повышения международной конкурентоспособности на зарубежных образовательных рынках. Более половины вузов планируют организовывать онлайн-курсы для иностранных студентов. Кроме того, около одной трети университетов планируют создание дипломных онлайн-программ, в том числе совместных образовательных программ с зарубежными вузами.

Таким образом, российские вузы проводят достаточно активную маркетинговую кампанию с использованием онлайн-инструментов продвижения вузов и образовательных программ. Несмотря на меры, предпринимаемые университетами, основными вызовами для российского экспорта образования может стать падение числа студентов из двух приоритетных групп – стран СНГ и Китая.

Университеты ориентируются на создание новых продуктов экспорта, соответствующих запросам образовательного рынка и уже ставших популярными, – онлайн-курсов и дистанционных образовательных программ, в том числе в сотрудничестве с зарубежными вузами.

Ключевыми направлениями повышения уровня международной конкурентоспособности российских университетов должны стать:

- разработка маркетинговой стратегии университета по продвижению образовательных услуг на международной арене в ключевых странах экспорта образования;
- проведение более активной пропаганды российского образования и конкретного вуза в зарубежных средствах массовой информации и социальных сетях;
- активизация сотрудничества с ассоциациями иностранных выпускников в целевых странах;
- активизация участия в международных образовательных выставках и ярмарках, проводимых на территории целевых стран;
- активизация сотрудничества с рекрутинговыми агентствами в целевых странах, в которых рекрутинговые компании являются одним из основных источников привлечения иностранных студентов;
- активизация двустороннего сотрудничества с вузами целевых стран;
- проведение мероприятий для потенциальных иностранных абитуриентов обучающей направленности;
- создание полноценных версий сайтов российских университетов на иностранных языках целевых стран;
- проведение региональных, городских и университетских культурных, спортивных, волонтерских мероприятий с участием иностранных студентов с освещением в российских и зарубежных средствах массовой информации, социальных сетях;
- расширение спектра образовательных программ, востребованных абитуриентами целевых стран, включая программы на иностранных языках, по востребованным направлениям и специальностям, программы дистанционного обучения;
- проведение различных мероприятий информационной и пропагандистской направленности для потенциальных иностранных абитуриентов с использованием дистанционных технологий (дни открытых дверей, виртуальные экскурсии по вузу).

Выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа отечественных практик повышения международной конкурентоспособности российских высших учебных заведений можно сделать следующие выводы.

1. Повышение международной конкурентоспособности российских вузов является актуальной задачей, поскольку приток иностранных студентов российские вузы способствует академическому развитию университетов, дипломатии знаний и международному сотрудничеству, значительно повышает уровень доходов вузов.

2. Возрастание численности иностранных обучающихся в России за 2014–2019 гг. свидетельствует о повышении конкурентоспособности и привлекательности российского высшего образования для иностранных абитуриентов. Решению этой задачи способствует также государственная политика повышения международной конкурентоспособности российского высшего образования. В период 2015–2020 гг. в России реализовывался «Проект 5–100», в результате которого значительному числу российских вузов удалось попасть в мировые рейтинги вузов.

3. Корреляционно-регрессионный анализ зависимости численности иностранных студентов, обучающихся в России, от количества российских вузов в мировых университетских рейтингах выявил среднюю и сильные прямые корреляционные зависимости, что свидетельствует о целесообразности проведения различных мероприятий по поддержке экспорта российского высшего образования и его популяризации на мировых рынках.

Возможными направлениями дальнейших исследований может стать проведение сравнительного анализа отечественных и зарубежных практик повышения конкурентоспособности национальных университетов, а также возможностей применения лучших кейсов зарубежных вузов в области экспорта образования в российских университетах.

Библиографический список

1. Указ Президента России от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (дата обращения: 18.03.2021).

2. Алешина, И. В. Маркетинг университета эпохи цифровой глобализации // Вестник университета. – 2021. – № 1. – С. 20–27. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-20-27>
3. Бондаренко, В. В., Танина, М. А., Селезнев, П. С., Юдина, В. А. Формирование устойчивой конкурентоспособности отечественных вузов в условиях глобальных и пандемических угроз // Теоретические и прикладные вопросы экономики, управления и образования: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. – С. 27–30.
4. Васильев, А. И. Качество образования и конкурентоспособность вуза: аспекты взаимосвязи // Высшее образование в России. – 2019. – № 4. – С. 37–43.
5. Габриелян, А. М. Факторы повышения конкурентоспособности университета: международный опыт // Южно-российский журнал социальных наук. – 2017. – Т. 18, № 2. – С. 85–100.
6. Гришин, В. И., Штыхно, Д. А., Шубенкова, Е. В. Повышение конкурентоспособности российских университетов на мировой арене: проблемы и пути решения // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2019. – № 4 (106). – С. 85–95.
7. Комарова, Т. В. Конкурентоспособность российских вузов в мировом образовательном пространстве: основные тенденции и перспективы // Креативная экономика. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 423–432. <https://doi.org/10.18334/ce.10.4.35120>
8. Россия в цифрах: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат-М., 2020 – 550 с.
9. Скворцов, Н. Г. Конкурентоспособность университетов в глобальной системе высшего образования: вызовы и стратегии // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2017. – Т. 23, № 4. – С. 45–57.
10. Суетин, А. Н., Суетин, С. Н., Шулу, А. А., Богомолов, О. А., Трифонова, А. В. Повышение конкурентоспособности вуза: глобальные тенденции и современное состояние мирового рынка образовательных услуг // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 6. – С. 143–149.
11. Теория статистики: учебник / под ред. Г. Л. Громыко. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 476 с.
12. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики» среди ведущих мировых научно-образовательных центров на 2013–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://5100.itmo.ru/file/pages/35/universitet_itmo_dk_4_rus_itog_02.2018_na_sayt.pdf (дата обращения: 18.03.2021).
13. План мероприятий по реализации программы повышения конкурентоспособности («Дорожная карта») Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский университет дружбы народов» на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kpfu.ru/portal/docs/F2016035775/DK.RUDN.pdf> (дата обращения: 18.03.2021).
14. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Повышение конкурентоспособности ведущих университетов Российской Федерации среди ведущих мировых научно-образовательных центров (5–100) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.5top100.ru> (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. Decree of the President of Russia No. 599 dated on May 7, 2012 “On measures to implement state policy in the field of education and science”. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (accessed 18.03.2021).
2. Aleshina I. V. University marketing in an age of digital globalization, *Vestnik universiteta*, 2021, no. 1, pp. 20–27. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-1-20-27>
3. Bondarenko V. V., Tanina M. A., Seleznev P. S., Yudina V. A. Building sustainable competitiveness of domestic Universities in the face of global and pandemic threats, *Proceedings of the international scientific and practical conference “Theoretical and Applied Issues of Economics, Management and Education”*, Penza, 2020, pp. 27–30. (In Russian).
4. Vasil’ev A. I. Quality and competitiveness in the system of higher education: aspects of interrelation, *Higher Education in Russia*, 2019, no. 4, pp. 37–43. (In Russian).
5. Gabrielyan A. M. Factors of increasing of the competitiveness of the University: international experience, *South-Russian Journal of Social Sciences*, 2017, vol. 18, no. 2, pp. 85–100. (In Russian).
6. Grishin V. I., Shtykhno D. A., Shubenkova E. V. Raising competitiveness of Russian universities on the global scene: problems and their solution, *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2019, no. 4 (106), pp. 85–95. (In Russian).
7. Komarova T. V. Competitiveness of Russian Universities in the world educational space: the main trends and prospects, *Creative Economy*, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 423–432. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.10.4.35120>
8. *Russia in numbers: A short statistical collection*, Moscow, Rosstat-M., 2020, 550 p.

9. Skvortsov N. G. Competitiveness of Universities in the global system of higher education: challenges and strategies, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2017, vol. 23, no. 4, pp. 45–57. (In Russian).
10. Suetin A. N., Suetin S. N., Shulus A. A., Bogomolov O. A., Trifonova A. V. University competitiveness management: integration of educational space, *Fundamental Research*, 2020, no. 6, pp. 143–149. (In Russian).
11. *Theory of statistics: textbook*, edited by G. L. Gromyko, Moscow, INFRA-M, 2015, 476 p.
12. Action plan for the implementation of the program for improving the competitiveness of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “St. Petersburg National Research ITMO University” among the world’s leading scientific and educational centers for 2013–2020. Available at: https://5100.itmo.ru/file/pages/35/universitet_itmo_dk_4_rus_itog_02.2018_na_sayt.pdf (accessed 18.03.2021).
13. Action plan for the implementation of the competitiveness improvement program (“Road Map”) of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “RUDN University” for 2016-2020. Available at: <https://kpfu.ru/portal/docs/F2016035775/DK.RUDN.pdf> (accessed 18.03.2021).
14. Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Improving the competitiveness of the leading Universities of the Russian Federation among the world’s leading research and educational centers (5–100). Available at: <http://www.5top100.ru> (accessed 18.03.2021).

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 339.13 JEL M 31

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-70-76

Асташова Юлия

Владимировна

канд. экон. наук, ФГАОУ ВО
«Южно-Уральский государственный
университет», г. Челябинск,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-8854-2266

e-mail: julia_asta@mail.ru

Окольнишникова Ирина

Юрьевна

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-4958-8189

e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Гатилова Ольга Николаевна

Специалист по учебно-методической
работе, ФГБОУ ВО «Государствен-
ный университет управления», г. Мо-
сква, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-6652-9885

e-mail: gatilowa.olga@yandex.ru

Yulia V. Astashova

Cand. Sci. (Econ.), South Ural State
University, Chelyabinsk, Russia

ORCID: 0000-0001-8854-2266

e-mail: julia_asta@mail.ru

Irina Yu. Okolnishnikova

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4958-8189

e-mail: okolnishnikova.i@mail.ru

Olga N. Gatilova

Specialist in educational and
methodological work, State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6652-9885

e-mail: gatilowa.olga@yandex.ru

МАРКЕТИНГОВЫЙ АНАЛИЗ РЫНКА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛЕСОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация. Представлены результаты анализа рынка оборудования для лесозаготовительной промышленности России. Выполнен литературный обзор отечественного и зарубежного рынков оборудования, оценены размеры рынка, проведена его сегментация, выявлены и охарактеризованы предпочтения потребителей. Дана оценка ключевого ассортимента продукции для отрасли, выявлены основные зарубежные конкуренты и проанализированы существующие барьеры для выхода отечественной продукции на рынок, а также предложены и обоснованы пути их преодоления. Проанализированы особенности спроса на продукцию, изучены возможности импортозамещения используемых сейчас лесозаготовительных машин и представлены пути их маркетингового продвижения. Обоснованы направления дальнейшего развития лесного машиностроения и всего лесного комплекса России на основе импортозамещения и обеспечения экономической и технологической безопасности России.

Ключевые слова: маркетинг, маркетинговый анализ, оценка рынка, конкурентоспособность машин, конкурентоспособность оборудования, оборудование для лесозаготовок, лесопромышленный комплекс, лесозаготовительная промышленность, лесопромышленный сектор

Для цитирования: Асташова Ю.В., Окольнишникова И.Ю., Гатилова О.Н. Маркетинговый анализ рынка технологического оборудования для отечественной лесозаготовительной промышленности // Вестник университета. 2021. № 6. С. 70–76.

MARKETING ANALYSIS OF THE TECHNOLOGICAL EQUIPMENT MARKET FOR THE RUSSIAN LOGGING INDUSTRY

Abstract. The results of the analysis of the equipment market for the logging industry in Russia are presented. A literary review of the domestic and foreign equipment markets is presented, the size of the market is estimated, its segmentation is carried out, consumer preferences are identified and characterized. The assessment of the key product range for the industry is carried out, the main foreign competitors are identified and the existing barriers to the entry of domestic products into the market are analysed, as well as ways to overcome them are proposed and justified. The features of the demand for products are analysed, the possibilities of import substitution of currently used logging machines are studied and the ways of their marketing promotion are presented. The directions of further development of forest engineering and the entire forest complex of Russia based on import substitution and ensuring the economic and technological security of Russia are substantiated.

Keywords: marketing, marketing analysis, market assessment, competitiveness of machines, equipment competitiveness, logging equipment, timber industry, logging industry, timber industry sector

For citation: Astashova Yu.V., Okolnishnikova I.Yu., Gatilova O.N. (2021) Marketing analysis of the technological equipment market for the Russian logging industry. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 70–76. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-70-76

© Асташова Ю.В., Окольнишникова И.Ю., Гатилова О.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Astashova Yu.V., Okolnishnikova I.Yu., Gatilova O.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Поступательное развитие экономики страны во многом определяется стабильностью ее опорных отраслей, одной из которых традиционно является лесопромышленный комплекс. Его успешное развитие и технологическая независимость во многом определяется рынком технологических машин и оборудования. В то же время рынок оборудования для лесозаготовительной промышленности России переживает период технологического, инвестиционного и инновационного упадка, что актуализирует проведение комплексного маркетингового исследования и анализа текущего состояния и путей развития лесозаготовительной отрасли.

Источники и методы исследования

В ходе изучения проблемы авторами были проанализированы официальные интернет-ресурсы ведущих российских и зарубежных производителей лесозаготовительной техники, машиностроительных и лесозаготовительных предприятий, крупнейших зарубежных производителей машин и оборудования для лесной отрасли. Кроме того, исследовались данные официальной статистики и показатели социально-экономического развития, представленные на порталах субъектов Российской Федерации – лидеров в сфере лесозаготовок. При проведении исследования были использованы общенаучные методы системного и сравнительного анализа, обобщения и синтеза.

Анализ результатов

Анализ рынков сбыта и специфики спроса на технологическое оборудование для отечественной лесозаготовительной отраслей необходимо начать с изучения особенностей развития отрасли лесного машиностроения в целом, а также лесопромышленного комплекса и лесозаготовительного производства.

По мнению отраслевых экспертов, у мирового лесопромышленного комплекса в настоящее время наблюдаются благоприятные перспективы развития. При этом ключевые стимулы роста – увеличение потребления бумаги, обусловленное растущими рынками России, Индии и Китая, а также спроса на древесную массу, используемую в качестве топлива в связи с постепенным истощением мировых запасов нефти [7].

Мировой рынок лесозаготовительной индустрии в последние годы показывает положительную динамику. Общемировое производство лесной индустрии растет практически по всем секторам. Сейчас в Европе ежегодно заготавливается порядка 380 млн м³ древесины. Объемы ежегодной вырубki в России составляют 170 млн м³, причем практически вся древесина поступает из естественных лесов. Лесозаготовительный потенциал России оценивается до 400 млн м³ древесины в год. В отличие от Европы, в России до сих пор широко распространены хлыстовые методы заготовки при низком уровне механизации, хотя следует отметить и некоторый рост применения сортиментных технологий [1; 7].

Наибольшую долю в лесозаготовительной отрасли составляет производство круглого леса, направляемого для последующей обработки. Промышленный круглый лес идет на производства шпона для изготовления фанеры, целлюлозы, пиломатериалов и прочей древесины. Остальная часть приходится на топливную древесину [9].

Согласно статистике, основным производителем промышленного круглого леса выступает США (17 % мирового производства). Россия, имея показатель в 11 % от совокупного производства леса в мире, находится на втором месте. На Канаду, Бразилию и Китай приходится по 9 % мирового выпуска древесины. По 4 % занимают Швеция и Индонезия. Около 3 % мирового выпуска приходится на Индию и Финляндию. Десятку стран-лидеров замыкает Германия, составляя около 2 % от мирового производства [8].

Россия обладает крупнейшими запасами леса на корню (около 650 млн м³), более чем в 3 раза превосходящим суммарные запасы США и Канады: 70 % территории Северного Урала, Сибири и Дальнего Востока (так называемая «восточная зона») покрыто лесом. В зоне «европейского севера» России лес покрывает 30 % площади. Треть запасов представляет собой спелые и перестойные леса для промышленного использования. Почти две трети лесов состоят из хвойных пород. При этом каждый регион характеризуется своей долей освоения лесосеки при этом в целом по стране осваивается не более 30 % лесосеки [10].

Лидирующую позицию в лесозаготовке занимает европейский север – он производит более 20 % леса. Второе место занимает Восточно-Сибирский район, Урал занимает третье место. Следует отметить, что

существует две ключевые проблемы в освоении огромных лесных запасов: с одной стороны – отсутствие потребителей вблизи мест заготовок, а с другой – плохая доступность лесозаготовки (недостаточное количество дорог, сложный рельеф) [3].

Доля отрасли в объеме валового внутреннего продукта – 3 %, в ней занято более 1 млн человек, которые работают в 22 тыс. предприятий. Следует отметить, что лесозаготовительная отрасль – ресурсная база для ведущих зарубежных лесопромышленных предприятий. С осознанием неприемлемости такого подхода, в России начались серьезные преобразования в лесной промышленности: введен в действие новый Лесной кодекс, ужесточается таможенно-тарифная политика при вывозе сырьевой древесины, стимулируется развитие переработки древесины внутри страны [11].

Важным фактором, оказавшим существенное влияние на российский рынок древесины, стало ослабление рубля, вызвавшее увеличение доходности от экспорта древесины и, как следствие, увеличение объемов экспорта и рост цен на внутреннем рынке. Тем не менее, неинтегрированные лесозаготовительные компании по-прежнему осторожны в инвестициях. Среди причин – возрастающая стоимость капитала и существенная турбулентность лесного законодательства. С другой стороны, растет доля крупных предприятий в лесозаготовительном секторе страны.

В целом можно утверждать, что лесная отрасль в сравнительно меньшей степени, чем другие, затронута санкциями. Нестабильная политическая обстановка, без сомнения, оказывает негативное влияние на перспективы ее развития, но Россия, будучи связанной с зарубежным бизнесом долгосрочными договорами, по-прежнему поставляет лесопродукцию на глобальные рынки.

Следует отметить, что развитие лесопромышленного комплекса существенно сдерживается недостаточной инвестиционной привлекательностью лесопромышленного комплекса, несовершенной структурой производства и экспорта, низким уровнем лесопользования и рядом других факторов [11].

По прогнозам экспертов, российская лесная отрасль в ближайшие годы будет расти [14]. Согласно «Прогнозу развития лесного комплекса России до 2030 г.», опубликованному Продовольственной и сельскохозяйственной FAO OUN, существуют реальные предпосылки вывести отрасль на новый, инновационный уровень развития.

Согласно этому прогнозу, за 20 лет площадь лесов в России должна увеличиться на 0,9–1,5 %. При этом прогноз строился по трем возможным сценариям развития: инерционному; умеренному развитию; инновационному. Планируется, что независимо от выбора пути развития, к 2030 г. ежегодная расчетная лесосека будет расти. Однако наиболее предпочтительным является инновационный сценарий – в этом случае лесосека составит 710 млн м³ в год.

Данные прогноза по объему инвестиций в лесной сектор представлены в таблице 1.

Таблица 1

Прогноз объема инвестиции в лесной сектор экономики России

Сценарий развития	2020 г.	2025 г.	2030 г.
<i>Инвестиции в лесозаготовку, млрд руб.</i>			
Инновационный	14,786	19,691	22,736
Умеренный	9,707	12,546	14,817
Инерционный	8,094	9,641	11,189
<i>Общие инвестиции в отрасль, млрд руб.</i>			
Инновационный	160,701	221,084	305,078
Умеренный	130,116	153,276	198,186
Инерционный	99,212	116,679	143,336

Источник: [14]

В рамках упомянутого выше прогноза ожидается увеличение эксплуатации ранее неиспользованных лесных площадей и улучшения доступа в труднопроходимые районы. Эксперты прогнозируют рост заготовки древесины благодаря рубкам ухода [14].

Все эти подходы к развитию лесозаготовок требуют организации производства конкурентоспособной техники, а также разработки и внедрения ресурсоэффективных и экологически безопасных процессов.

Таким образом, эксперты FAO OUN утверждают, что реализация инновационного сценария на основе технологических прорывов с использованием инновационного потенциала, накопленного мировыми промышленными лидерами за предыдущие годы, позволит в обозримом будущем лесопромышленному комплексу нашей страны сделать мощный рывок в своем развитии.

В настоящее время спектр техники отечественного производства для лесозаготовительной отрасли ограничен. Выпускается трелевочная техника для хлыстовой технологии заготовки леса, однако на рынке практически не представлена российская колесная техника для заготовки леса, нет гусеничных машин для хлыстовой заготовки по «канадской технологии» и т. д. [12].

Таким образом, с маркетинговой точки зрения сложившаяся конъюнктура отрасли благоприятна для реализации проектов по созданию лесозаготовительной техники отечественного производства – она с высокой степенью вероятности будет востребована рынком и сможет составить конкуренцию зарубежным производителям.

Традиционно в рассматриваемой отрасли наиболее дискуссионным является вопрос выбора технологий лесозаготовок и, как следствие, состава оборудования, так как его изменение требует существенных капитальных затрат [6].

Сегодня в России, США и Канаде используется технология, при которой сырье вывозится на нижний склад для первичной обработки. Такая технология определяется похожими условиями заготовки древесины: сплошной рубки, низкими температурами окружающей среды, холмистым рельефом местности, значительным снежным покровом, и заболоченными участками. В скандинавских странах (Финляндия, Швеция) сортимент изготавливается непосредственно в лесу с последующей его вывозкой [5].

Проанализируем основных конкурентов отечественной лесозаготовительной техники. Как показало исследование, на российском рынке широко присутствует зарубежная техника. Основными игроками являются глобальные бренды John Deere, Caterpillar, Tigercat, Komatsu Forest, Ponsse, HSM. При этом высокие цены на их продукцию и недостаток предложений от российских компаний позволяют занять определенную рыночную нишу небольшим европейским компаниям, производящим оборудование для лесной отрасли. Это, в основном, скандинавские предприятия: шведские компании Vimek, Eco Log, Rottne, Gremo и финские марки Harvy Foresteri, Sampo-Rosenlev, Logset [13].

Кроме того, российский рынок спецтехники рассматривают как один из наиболее перспективных корейские производители. Так, один из крупнейших в Корее производителей спецмашин Doosan предлагает на рынке России лесопогрузчики и другую лесозаготовительную технику.

Анализ показал, что российские лесопромышленные предприятия пополняют свой парк в основном импортной техникой, что объясняется отсутствием широкой номенклатуры отечественной техники.

К настоящему времени в России практически не выпускается лесозаготовительная техника и деревообрабатывающее оборудование. К тому же, техника, которая все же есть, часто неконкурентоспособна по своим совокупным техническим, экономическим и экологическим параметрам. Неудовлетворительные показатели демонстрирует сектор сервисного обслуживания отечественной лесной техники, актуальна проблема недостатка запчастей. В результате лесопромышленный комплекс оснащен недостаточно [2; 4].

Отечественные лесозаготовительные машины, как показал анализ рынка, имеют ограниченный модельный ряд. Разработка новой техники ведется недостаточно интенсивно, что сдерживает выпуск отечественных машин, сопоставимых с импортной техникой. При этом в среднем по рынку цены на зарубежную технику в 2–4 раза выше, чем на аналогичную или близкую по своему функционалу отечественную. Как следствие, с маркетинговой точки зрения существует благоприятная возможность выхода на российский рынок с новыми высокотехнологичными разработками российского производства [3].

Целесообразно выделить следующие группы конкурентов на рассматриваемом рынке.

1. Зарубежные производители, обладающие широким ассортиментом и высоким качеством машин, развитой системой дистрибуции и сервиса, но высокой ценой.
2. Отечественные производители, продукция которых технологически отстает от зарубежных аналогов.
3. Отечественные сборочные предприятия, занимающиеся сборкой техники из комплектующих иностранного производства.

Анализ показал, что в отрасли нашло применение немалое количество бывшей в употреблении импортной техники. Естественно, что работа на физически и морально устаревшем оборудовании не способствует росту экономических показателей российских предприятий. Кроме того, сам процесс выбора технологий и машин на лесозаготовительных предприятиях часто протекает бессистемно.

Специалисты ФГУП «Государственный научный центр лесопромышленного комплекса» (ФГУП «ГНЦ ЛПК») провели исследование оснащенности лесопромышленного сектора экономики, которое подтвердило, что более 25 ключевых лесных регионов России испытывают потребность в качественных машинах и оборудовании, и выявили их необходимое количество – более 32 тыс. [14]. Таким образом, можно считать доказанным факт, что в отрасли катастрофически не хватает конкурентоспособных российских образцов техники – высококачественной, производительной, удовлетворяющей экологическим требованиям.

При этом среди потребителей лесозаготовительной отрасли можно выделить несколько сегментов: малые и средние лесозаготовительные предприятия; предприятия в структуре крупных холдинговых структур; лизинговые компании (как независимые, так и в составе крупных лесопромышленных холдингов).

На основе прогнозов ООН по объему инвестиций в лесозаготовительный сектор экономики России, можно определить темпы роста лесозаготовительной техники. Прогноз объема российского рынка заготовительной техники по умеренному сценарию, представленный экспертами ФГУП «ГНЦ ЛПК», приведен в таблице 2 [14].

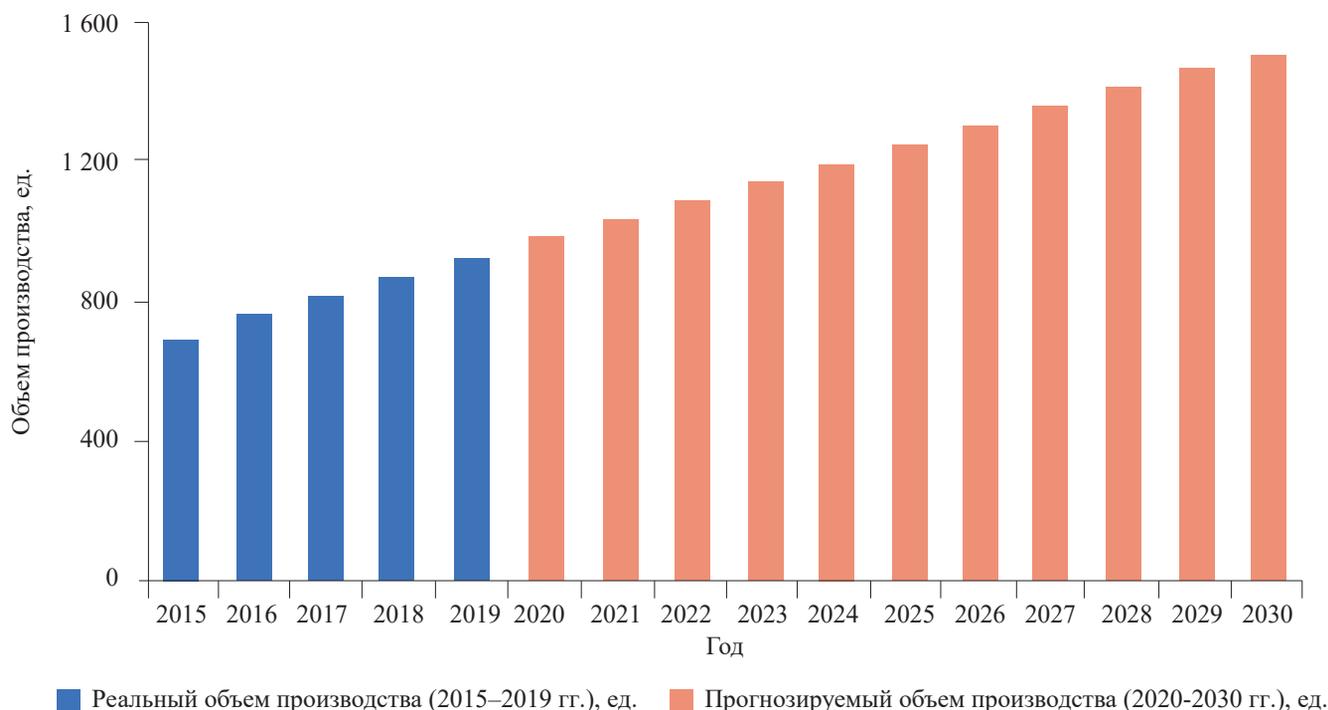
Для определения ежегодных темпов роста рынка нами построен график (рис. 1).

Таблица 2

Прогноз объема российского рынка лесозаготовительной техники до 2030 г.

Год	Инвестиции в лесозаготовку, млн руб.	Прирост относительно предыдущего периода, %	Объем рынка техники, ед.	Объем рынка техники, млн руб.
2025	12 546,00	129,25 (по отношению к 2020 г)	1 275	14 768,04
2030	14 817,00	118,10	1 506	17 441,26

Источник: [14]

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Прогноз объема рынка лесозаготовительной техники, в натуральном выражении

На основе полученного тренда нами спрогнозирован ежегодный объем российского рынка лесозаготовительных машин на основе умеренного сценария (табл. 3.)

Таблица 3

Прогноз объема российского рынка лесозаготовительной техники

Год	Объем рынка лесозаготовительной техники	
	в натуральном выражении, ед.	млн руб.
2020	986	11 420,08
2021	1 035	11 984,14
2022	1 089	12 611,90
2023	1 143	13 239,65
2024	1 197	13 867,41
2025	1 252	14 495,17
2026	1 306	15 122,92
2027	1 360	15 750,68
2028	1 414	16 378,44
2029	1 468	17 006,20
2030	1 505	17 431,26

Составлено авторами по материалам исследования

Таким образом, основными барьерами выхода на рассматриваемый рынок являются высокий профессионализм потребителей и тенденция к вертикальной интеграции конкурентов, предлагающих комплексные решения и полный цикл обслуживания. Как следствие, ключевыми элементами организации продвижения продукции должны стать:

- высококомпетентная служба продаж, хорошо разбирающаяся в предлагаемых технологиях;
- сопроводительный информационный материал в виде детально проработанного веб-сайта и рекламных материалов;
- детально проработанная технология продаж с подробно описанными этапами коммуникации и технологиями преодоления возражений потенциальных покупателей.

К основным инструментам маркетинговых коммуникаций необходимо отнести: выставочно-ярмарочную деятельность, digital-формы продвижения, размещение информационных статей в отраслевых журналах, а также организацию персональных продаж.

Заключение

Проведенный авторами маркетинговый анализ текущего состояния и ключевых тенденций развития рынка технологического оборудования для лесозаготовительной промышленности показал, что при выполнении даже умеренного сценария развития рынок отечественных лесозаготовительных машин в перспективе способен обеспечить не только замену всей устаревшей техники в отрасли, но и запланированный в стратегии экономического развития страны рост лесозаготовок. Это приведет к повышению национальной экономической и технологической безопасности, решению задач импортозамещения и развитию лесного машиностроения как главной составляющей лесного комплекса России.

Библиографический список

1. Воскобойников, И. В., Кондратюк, Д. В. Проблемы и перспективы производства лесных машин // Деловая слава России. – 2015. – № 49. – С. 18–21.
2. Заикин, А. Н. Совершенствование теории, методов и моделей интенсификации лесосечных работ: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. техн. наук: 05.21.01. – Брянск, 2010. – 36 с.
3. Клубничкин, Е. Е., Клубничкин, В. Е., Крылов, В. М., Кондратюк, Д. В. К обоснованию удельного давления гусеничного лесопромышленного оборудования // Лесной вестник. – 2012. – № 8 (91). – С. 48–51.

4. Клинов, М. Ю., Кондратюк, В. А., Воскобойников, И. В., Крылов, В. М., Кондратюк, Д. В. Система унифицированных машин нового поколения для лесосечных работ // Лесной вестник. – 2012. – № 8 (91). – С. 6–9.
5. Кондратюк, Д. В. Совершенствование технологических процессов лесосечных работ и обоснование выбора системы гусеничных лесозаготовительных машин: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. техн. наук: 05.21.01. – Москва, 2013. – 19 с.
6. Макуев, В. А. Новые экономические подходы к формированию и функционированию парка лесосечных машин // Лесной вестник. – 2010. – № 2 (71). – С. 123–125.
7. «Джон Дир» – 169 лет успеха [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/1015> (дата обращения: 20.03.2021).
8. Дмитриева, Е. Глобальный рынок круглого леса промышленного назначения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lesonline.ru/analic/?cat_id=12&n=398546 (дата обращения: 23.03.2021).
9. Заготовка круглого леса мировыми лидерами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bizon.ru/news/view/news_id/57219 (дата обращения: 01.04.2021).
10. Лесная статистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sdelanounas.ru/blogs/125108/> (дата обращения: 13.03.2021).
11. Обзор лесопромышленного комплекса России 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/obzor-lesopromyshlennogo-kompleksa-rossii-2020-god.html> (дата обращения: 12.03.2021).
12. Обзор рынка лесозаготовки и деревообрабатывающей промышленности России, оборудования для отрасли [Электронный ресурс]. – <http://www.klag.ru/analyst/detail.php?ID=1465> (дата обращения: 17.03.2021).
13. Стрельцов, Э. Зарубежные гусеничные гиганты для лесозаготовок: обзор машины харвестерного типа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.os1.ru/article/4945-obzor-mashiny-harvesternogo-tipa-zarubejnye-gusenichnye-giganty-dlya-lesozagotovok> (дата обращения: 03.04.2021).
14. Тимкина, Д. Прогноз развития лесного комплекса России до 2030 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lesindustry.ru/issues/li_n55/Prognoz_razvitiya_lesnogo_kompleksa_Rossii_do_2030_g_558/ (дата обращения: 07.04.2021).

References

1. Voskoboinikov I. V., Kondratyuk D. V. Problems and prospects of forest equipment production, *Business Glory of Russia*, 2015, no. 49, pp. 18–21. (In Russian).
2. Zaikin A. N. *Improving the theory, methods and models of intensification of logging operations*: Abstract of the Dissertation of Doctor of Technical Sciences: 05.21.01, Bryansk, 2010, 36 p. (In Russian).
3. Klubnichkin E. E., Klubnichkin V. E., Krylov V. M., Kondratyuk D. V. Justification of unit pressure of track forestry tractor, *Forestry Bulletin*, 2012, no. 8 (91), pp. 48–51. (In Russian).
4. Klinov M. Yu., Kondratyuk V. A., Voskoboinikov I. V., Krylov V. M., Kondratyuk D. V. New generation of unified track machines for logging and of forests thinning, *Forestry Bulletin*, 2012, no. 8 (91), pp. 6–9. (In Russian).
5. Kondratyuk D. V. *Improvement of technological processes of logging operations and justification of the choice of a system of tracked logging machines*, Abstract of the dissertation of Candidate of Technical Sciences: 05.21.01, Moscow, 2013, 19 p. (In Russian).
6. Makuev V. A. New economical approachments to forming and using park of forest-cutting machines, *Forestry Bulletin*, 2010, no. 2 (71), pp. 123–125. (In Russian).
7. “John Deere” – 169 years of success. Available at: <http://lesprominform.ru/jarchive/articles/itemshow/1015> (accessed 20.03.2021).
8. Dmitrieva E. Global industrial roundwood market. Available at: https://www.lesonline.ru/analic/?cat_id=12&n=398546 (accessed 23.03.2021).
9. Harvesting of roundwood by world leaders. Available at: https://bizon.ru/news/view/news_id/57219 (accessed 01.04.2021).
10. Forest statistics. Available at: <https://sdelanounas.ru/blogs/125108/> (accessed 13.03.2021).
11. Overview of the Russian timber industry in 2020. Available at: <https://proderevo.net/analytics/main-analytics/obzor-lesopromyshlennogo-kompleksa-rossii-2020-god.html> (accessed 12.05.2021).
12. Overview of the Russian logging and woodworking industry market, equipment for the industry. Available at: <http://www.klag.ru/analyst/detail.php?ID=1465> (accessed 17.03.2021).
13. Strel'tsov E. Foreign caterpillar giants for logging: An overview of the harvester-type machine. Available at: <http://www.os1.ru/article/4945-obzor-mashiny-harvesternogo-tipa-zarubejnye-gusenichnye-giganty-dlya-lesozagotovok> (accessed 03.07.2021).
14. Timkina D. Forecast of the development of the Russian forest complex until 2030. Available at: http://www.lesindustry.ru/issues/li_n55/Prognoz_razvitiya_lesnogo_kompleksa_Rossii_do_2030_g_558/ (accessed 07.04.2021).

Байкова Оксана Викторовна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-4345-5497**e-mail:** o-baykova@yandex.ru**Громыко Елена Олеговна**

студент, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-9730-4179**e-mail:** lenagromiko@mail.ru

ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации достаточно часто поднимаются вопросы о цифровизации, а именно цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса. Актуальность темы заключается в важности и необходимости внедрения цифровых инструментов в нефтяную и газовую отрасли. Представлены аргументы, обосновывающие эффекты цифровой трансформации в нефтегазовом комплексе. Дана трактовка цифровой трансформации российского топливно-энергетического и нефтегазового комплекса. Приведены статистические данные Министерства энергетики по оценке суммарного эффекта от цифровой трансформации к 2035 г. Проанализировано влияние цифровых технологий на примере нефтегазовой компании ПАО «Лукойл». Показана необходимость национального инфраструктурного инвестиционного проекта, важность создания центра трудноизвлекаемых запасов и внедрения интеллектуального месторождения.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, нефтегазовый комплекс, топливно-энергетический комплекс, процессы цифровой трансформации, технологические эффекты, нефтегазовая наука, трудноизвлекаемые запасы

Для цитирования: Байкова О.В., Громыко Е.О. Эффекты цифровой трансформации в нефтегазовом комплексе // Вестник университета. 2021. № 6. С. 77–81.

EFFECTS OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE OIL AND GAS COMPLEX

Abstract. Currently, questions about digitalization, namely the digital transformation of the fuel and energy complex, are often raised in the Russian Federation. The relevance of the topic lies in the importance and necessity of introducing digital tools in the oil and gas industry. The arguments, substantiating the effects of digital transformation in the oil and gas complex are presented. The interpretation of the digital transformation of the Russian fuel and energy complex is given. The statistical data of the Ministry of Energy on the assessment of the total effect of digital transformation by 2035 are presented. The influence of digital technologies is analysed on the example of the oil and gas company Public Joint Stock Company "Lukoil". The necessity of the National Infrastructure Investment Project, the importance of creating a center for hard-to-recover reserves and the introduction of an intelligent field are shown.

Keywords: digitalization, digital transformation, oil and gas complex, fuel and energy complex, digital transformation processes, technological effects, oil and gas science, hard-to-recover reserves

For citation: Baykova O.V., Gromyko E.O. (2021) Effects of digital transformation in the oil and gas complex. Vestnik universiteta, no. 6, pp. 77–81. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-77-81

Oksana V. Baykova

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4345-5497**e-mail:** o-baykova@yandex.ru**Elena O. Gromyko**

Student, State University of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9730-4179**e-mail:** lenagromiko@mail.ru

Введение

В современности неоднократно поднимался вопрос о цифровизации, а именно цифровой трансформации, в нефтяной и газовой отраслях. Цифровая трансформация является оптимизацией и/или изменением логики технического процесса в результате внедрения цифровых технологий на основе анализа данных.

В России инвестиции в нефтяную и газовую отрасли по данным на 2020 г. составили 3,89 трлн руб. По сравнению с 2019 г., произошло снижение на 6,6 %. Такое сокращение произошло из-за завершения строительства крупных объектов компаний ПАО «Газпром» и ПАО «Транснефть», а также в связи со снижением добычи нефти в рамках сделки ОПЕК+ [1; 7; 8]. Несмотря на это, в мире нефтегазовый комплекс относится к одному из самых высокотехнологичных секторов топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК).

© Байкова О.В., Громыко Е.О., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Baykova O.V., Gromyko E.O., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

В Российской Федерации цифровая трансформация некоторых отраслей ТЭК – это широкое внедрение новых инновационных технологий как при создании производственного ряда, так и в системах управления на уровне компаний и государственных органов, включая налоговый и таможенный учет [4; 10].

Одними из первых отраслей мировой экономики, в которых начала происходить цифровая трансформация стали нефтяная и газовая отрасли. В наши дни практически все крупнейшие нефтегазовые компании, в том числе и российские, начали преобразование стратегий развития своих бизнес-сегментов, активное сотрудничество с информационно-технологическими компаниями и стали создавать собственные центры соответствующих компетенций. Внедрение новых технологий и переход на инновационное управление стало преимуществом для ТЭК. [3].

Анализ потенциальных эффектов

В зависимости от направления деятельности нефтегазовой компании и внедряемых цифровых технологий эффекты от цифровой трансформации будут разными. В основном выделяют производственные (технологические) и экономические эффекты.

Технологические эффекты могут носить локальный и системный характер. Локальные технологические эффекты – эффекты, зависящие от уменьшения численности персонала при удаленном исследовании энергетических объектов, автоматизации процессов управления оборудованием. При этом внедрение цифровых решений приводит к изменению производственных параметров. Взаимосвязь нефтяной и газовой отраслей существует благодаря системным технологическим эффектам, возникающим при цифровой трансформации одной отрасли.

В рамках национальной программы «Цифровая экономика» цифровая трансформация создает эффект, необходимый для энергетической платформы в ХХ в. Соответственно, наибольшая активность возникает при внешних эффектах цифрового развития отраслей ТЭК как на уровне энергетических объектов, компаний, регионов, так и в целом [6; 7].

Один из внешних эффектов цифровой трансформации – снижение негативного экологического воздействия, в результате сокращения натуральных объемов выбросов загрязняющих веществ, включая и парниковые газы. Вследствие этого улучшаются экологические показатели в нефтяной и газовой отраслях: снижение аварийных выбросов, удельного потребления углеродсодержащих топливно-энергетических ресурсов, потерь при транспортировке топлива и энергии.

Другой, не менее значимый эффект, – мультипликативность. Величина этого эффекта зависит от экономических вложений в новые технологии в ТЭК. По данным Министерства энергетики России, в результате цифровой трансформации можно сформировать заказ для всей промышленности, создавая таким образом мультипликативный эффект для всей экономики. Суммарный эффект от цифровой трансформации к 2035 г. оценивают более чем в 700 млрд руб. в год: это снижение на 10–15% затрат на разведку и добычу, сокращение на 40 % сроков ввода объектов [9; 12].

Третьим внешним эффектом цифровой трансформации рассматривают совершенствование средств для экономической интеграции и конкуренции. Сегодня этот эффект способствует развитию инфраструктуры, связанной с использованием сжиженного природного газа, а также имеет целью повышение конкуренции в сфере оптовых поставок газа потребителям вследствие появления альтернативных вариантов предложения газа.

Социальные следствия из цифровой трансформации являются заключающимися внешними эффектами, включающими в себя безопасность труда, снижение производственного травматизма, а также снижение рисков для здоровья и жизни персонала в результате улучшений условий производства.

Таким образом, внедряя цифровую трансформацию, компании нефтегазового сектора получают много внутренних и внешних положительных эффектов.

Возможная практика закрепления эффектов в отрасли

Отрасли ТЭК являются важнейшим источником пополнения бюджета нашей страны. При этом добыча нефти на традиционных объектах стремительно падает. В связи с этим необходимо развитие альтернативной (трудной) нефти.

Реализация современной парадигмы развития нефтегазового комплекса Российской Федерации, ее научное, техническое и методическое сопровождение связано с проектом создания центра трудноизвлекаемых

запасов (далее – центра ТРИЗ). Результатом деятельности такого центра должно стать обеспечение поддержания уровня добычи нефти в стране объемом 500–550 млн тонн на ближайшие десятилетия.

Получение основных эффектов от создания центра ТРИЗ (экономический, инновационный, кадровый, социальный, логистический), сравнение рисков при отсутствии с рисками создания такого центра, анализ прогноза добычи традиционной и трудноизвлекаемой нефти, а также поступления в бюджет от нефтегазовых доходов, – все эти прогнозные значения усиливают необходимость в реализации этого проекта.

Освоение трудноизвлекаемых запасов становится единственным и значимым путем для России на следующие десятилетия, чтобы держать лидирующие позиции в мировой экономике и на мировых энергетических рынках, а также для уверенного стабильного роста социально-экономического развития страны. Санкционные ограничения и неприменимость многих западных технологий на российских месторождениях ввиду различного рода особенностей – реальная угроза энергетической безопасности страны.

Для получения прорывных результатов в современных условиях необходим национальный инфраструктурный инвестиционный проект. В результате сосредоточения уникальных знаний, необходимых компетенций, геологического материала ТРИЗ, планируется формирование беспрецедентного опыта интеграции с научными организациями и реальным сектором экономики.

На сегодняшний день мировые лидеры нефтегазовой науки и бизнеса вкладывают гигантские ресурсы в обеспечение технологий освоения ТРИЗ (яркий пример – сланцевая революция США, 30 млрд долл. и 30 лет поиска решений, «нефтяная игла»). В России эти работы сосредоточены в инновационном центре «Сколково», Московском государственном университете, Институте нефтегазовой геологии и геофизики им. А. А. Трофимука Сибирского отделения РАН, государственных и частных компаниях. Большинство исследований носит фрагментарный характер, нет единой координации, финансирование научного обеспечения освоения ТРИЗ крайне нестабильно и недостаточно. Поэтому, по мнению авторов, необходимо коренное технологическое перевооружение научных исследований, приборной и аппаратурной базы, что свидетельствует об актуальности создания проекта.

Основные результаты

На сегодняшний день многие зарубежные нефтегазовые компании (Shell, BP, Chevron, Statoil и др.) используют «умные месторождения», которые позволяют повысить коэффициент извлечения на 5–10 % [10]. Помимо увеличения коэффициентов извлечения нефти и газа, умные месторождения позволяют снизить затраты и приводят к снижению выбросов углекислого газа, могут управлять некоторыми этапами технологического процесса добычи нефти или природного газа.

Таким образом, отечественные вертикально-интегрированные нефтяные компании выделяют цифровизацию в качестве приоритетного вида деятельности на ближайшие годы.

Одна из вертикально-интегрированных нефтяных компаний – ПАО «Лукойл» – ведет добычу нефти и газа в 8 странах мира, основная ее деятельность осуществляется в России [5]. Программы цифрового развития ПАО «Лукойл» в сегменте разведки и добычи направлены в первую очередь на увеличение объемов добычи нефти, снижение операционных затрат и повышение эффективности разработки месторождений.

Главный проект ПАО «Лукойл» в области цифровизации – Life-Field, заключающийся во внедрении модели интеллектуального месторождения. Концепция Life-Field основана на интеграции управления месторождением с помощью автоматизированных компьютерных систем и сбора данных. Интеллектуальное месторождение позволяет полностью покрыть производственный цикл от стадии разведки до завершения разработки. Концепция включает интегрированное моделирование, которое позволяет осуществлять мониторинг работы скважин и технологических объектов, прогнозировать уровень добычи по скважинам и месторождениям в целом и др. [11].

Наиболее полно технологии интеллектуального месторождения внедрены на крупнейших зарубежных месторождениях в Узбекистане и Ираке. В проекте «Западная Курна – 2» применение интеллектуального месторождения позволило снизить количество остановок скважин, а также в результате этого были рассчитаны и реализованы оптимизационные мероприятия по снижению входного давления на установке подготовки нефти. В Узбекистане с помощью интеллектуального месторождения выполнен расчет добычных возможностей газовых скважин. Интеллектуальное месторождение позволило ПАО «Лукойл» в зарубежных активах увеличить добычу в результате сокращения потерь и оптимизации, а также сократить операционные расходы [2].

Заключение

Отрасли топливно-энергетического комплекса являются важным и необходимым элементом жизнеобеспечения страны. Для развития всех отраслей топливно-энергетического комплекса необходимо совершенствование инновационной деятельности, которая непосредственно влияет на уровень мировых конкурентных позиций России. Цифровая трансформация в полной мере не решает стратегические инвестиционные задачи по развитию топливно-энергетического комплекса.

Цифровая трансформация нефтяной и газовой отраслей позволяет в каждой отрасли топливно-энергетического комплекса, применяя современные технологии сбора, передачи, хранения и обработки больших массивов данных, методы математического моделирования и прогнозирования, сложные алгоритмы управления, выбрать наилучшую стратегию развития, которая, с одной стороны, максимизирует эффективность использования существующей производственной базы, а с другой – расширяет технические возможности для вовлечения новых технологий производства (добычи, переработки), транспорта и потребления топливно-энергетических ресурсов.

Библиографический список

1. Байкова, О. В., Родина, А. В. Цифровизация и энергосбережение в топливно-энергетическом комплексе // Искусственный интеллект и цифровая экономика: взгляд студенчества. Материалы I Всероссийской студенческой научно-практической конференции / Министерство науки и высшего образования РФ. Государственный университет управления. – Москва, 2020. – С. 18–21.
2. Боев, В. Ю., Григорьян, С. А. Влияние цифровых технологий на деятельность нефтегазового сектора РФ // Современная архитектура мировой экономики (4I'S). – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 6 декабря 2019 г. – С. 105–110.
3. Козлова, Д. В., Пигарев, Д. Ю. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: барьеры и пути их преодоления // Газовая промышленность. – 2020. – № 7 (803). – С. 34–38.
4. Лапшина, М. А. Цифровизация нефтегазового сектора на примере ПАО «Лукойл» // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 4.
5. Анализ руководством компании финансового состояния и результатов деятельности за 2 квартал 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/495233.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
6. Ведомственный проект «Цифровая энергетика» // Министерство энергетики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://in.minenergo.gov.ru/energynet/docs/%D0%92%D0%B5%D.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
7. Измерение и оценка результатов и эффектов цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса // Министерство энергетики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://in.minenergo.gov.ru/upload/iblock/29a/29a0484ea0e4bd272252a486a80f2c32.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
8. Инвестиции крупнейших нефтегазовых компаний России в 2020 год сократятся на 6,6 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3iI4WrC> (дата обращения: 15.03.2021).
9. Концепция Цифровой трансформации 2030 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rosseti.ru/investment/Kontseptsiya_Tsifrovaya_transformatsiya_2030.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
10. Цифровая добыча нефти – тюнинг для отрасли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vygon.consulting/upload/iblock/d11/vygon_consulting_digital_upstream.pdf (дата обращения: 15.03.2021).
11. Цифровая трансформация нефтегазовой отрасли: популярный миф или объективная реальность? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oilandgasforum.ru/data/files/Digest%20site/DAIDJEST%20WEB2.pdf> (дата обращения: 15.03.2021).
12. Павел Сорокин: «Суммарный эффект от цифровой трансформации к 2035 году оценивается в более чем 700 млрд руб. в год» // Министерство энергетики РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/19270> (дата обращения: 15.03.2021).

References

1. Baikova O. V., Rodina A. V. Digitalization and energy saving in the fuel and energy complex, *Artificial Intelligence and the Digital Economy: Students' View. Proceedings of the I all-Russian student scientific-practical conference*, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, State University of Management, Moscow, 2020, pp. 18–21. (In Russian).

2. Boev V. Yu., Grigoryan S. A. Influence of digital technologies on the oil and gas sector of the Russian Federation, *Modern Architecture of the World Economy (4I'S)*, Rostov-on-Don, Publishing and Printing Complex of the Rostov State University of Economics (RINH), December 6, 2019, pp. 105–110. (In Russian).
3. Kozlova D. V., Pigarev D. Yu. Digital transformation of the oil and gas industry: barriers and ways to overcome them, *Gas Industry Magazine*, 2020, no. 7 (803), pp. 34–38. (In Russian).
4. Lapshina M. A. Digitalization of the oil and gas sector on the example of PJSC “Lukoil”, *Ustoichivoe razvitie nauki i obrazovaniya*, 2020, no. 4.
5. Analysis by the Company’s management of the financial condition and performance results for the 2nd quarter of 2020. Available at: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/495233.pdf> (accessed 15.03.2021).
6. Departmental project “Digital Energy”, *Ministry of Energy of the Russian Federation*. Available at: <https://in.minenergo.gov.ru/energynet/docs/%D0%92%D0%B5%D.pdf> (accessed 15.03.2021).
7. Measurement and evaluation of the results and effects of digital transformation of the fuel and energy complex, *Ministry of Energy of the Russian Federation*. Available at: <https://in.minenergo.gov.ru/upload/iblock/29a/29a0484ea0e4bd272252a486a80f2c32.pdf> (accessed 15.03.2021).
8. Investments of the largest oil and gas companies in Russia in 2020 will decrease by 6.6 %. Available at: <https://bit.ly/3iI4WrC> (accessed 15.03.2021).
9. Concept of digital transformation 2030. Available at: http://www.rosseti.ru/investment/Kontseptsiya_Tsifrovaya_transformatsiya_2030.pdf (accessed 15.03.2021).
10. Digital oil production – tuning for the industry. Available at: https://vygon.consulting/upload/iblock/d11/vygon_consulting_digital_upstream.pdf (accessed 15.03.2021).
11. Digital transformation of the oil and gas industry: popular myth or objective reality? *Oil and Gas Forum*, 2018. Available at: <http://oilandgasforum.ru/data/files/Digest%20site/DAIDJEST%20WEB2.pdf> (accessed 15.03.2021).
12. Pavel Sorokin: “The total effect of digital transformation by 2035 is estimated at more than RUB 700 billion per year”, *Ministry of Energy of the Russian Federation*. Available at: <https://minenergo.gov.ru/node/19270> (accessed 15.03.2021).

Жмурко Даниил Юрьевич

канд. экон. наук, ФКБОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел России», докторант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина», г. Краснодар, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-6508-9454**e-mail:** danis1982@list.ru**МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКОГО ГЕНОМА НА РЫНКЕ СЫРЬЯ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА САХАРА**

Аннотация. Определены комплекты циклов высокой вероятности, а также выявлен общий циклический геном для сахарной отрасли, которые в своей совокупности влияют на показатели производства сахара, сахарной свеклы и тростника. Исследованы закономерности циклической динамики больших региональных структур в сахарной отрасли. Впервые на практике реализована методика выявления циклического генома посредством не только спектрального анализа, но и форвардного (периодограммы строятся на базе форвардного анализа). Практически подтверждено, что форвардный анализ при построении периодограмм показывает результаты существенно лучше, чем классический спектральный. Выявлены новые закономерности в смещении (мутации) циклического генома мирового производства сахара. Определены социогенетические закономерности (циклы разной природы), например, цикл группы развитых стран составил 8,23 лет, цикл развивающихся стран – 8,39; цикл стран «третьего мира» – 7,6. Выявлен циклический дрейф в мировом производстве сахара: после окончания Второй мировой войны он сдвинулся с привычных для XIX в. – середины XX в. 9,49 лет до нынешнего значения 7,12 лет.

Ключевые слова: социоэкономическая генетика, циклический геном, циклы высокой вероятности, спектральное преобразование, форвардный анализ, периодограммы, циклокластер

Для цитирования: Жмурко Д.Ю. Методика выявления социоэкономического генома на рынке сырья для производства сахара//Вестник университета. 2021. № 6. С. 82–95.

Daniil Yu. Zhmurko

Cand. Sci. (Econ.), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, doctoral, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russia

ORCID: 0000-0001-6508-9454**e-mail:** danis1982@list.ru**METHODOLOGY FOR IDENTIFYING THE SOCIO-ECONOMIC GENOME ON THE COMMODITY MARKET FOR SUGAR PRODUCTION**

Abstract. Sets of high probability cycles are determined, and also a common cyclic genome for the sugar industry is identified, which together affect the indicators of sugar, sugar beet, and sugarcane production. The regularities of the cyclical dynamics of large regional structures in the sugar industry are studied. For the first time in practice, the method of detecting the cyclic genome has been implemented not only by spectral analysis, but also by forward analysis (periodograms are built based on forward analysis). It is practically confirmed that the forward analysis when constructing periodograms shows results significantly better in than the classical spectral analysis. New patterns in the displacement (mutation) of the cyclic genome of the world sugar production are revealed. Sociogenetic patterns (cycles of different nature) are determined, for example, the cycle of a group of developed countries was 8.23 years, the cycle of developing countries – 8.39, the cycle of “Third world” countries – 7.6. A cyclical drift in world sugar production is revealed: after the end of World War II it shifted from the usual 9.49 years for the XIX century – the middle of the XX century to the current value of 7.12 years.

Keywords: socio-economic genetics, cyclic genome, high probability cycles, spectral transformation, forward analysis, periodograms, cyclo-cluster

For citation: Zhmurko D.Yu. (2021) Methodology for identifying the socio-economic genome on the commodity market for sugar production. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 82–95. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-82-95

Введение

Социоэкономическая «генетика имеет дело с закономерностями и механизмами развития социальных и экономических отношений, рыночных механизмов, динамики воспроизводственной структуры, взаимодействия факторов, влияющих на изменение жизненного уровня населения, с причинами и последствиями

© Жмурко Д.Ю., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

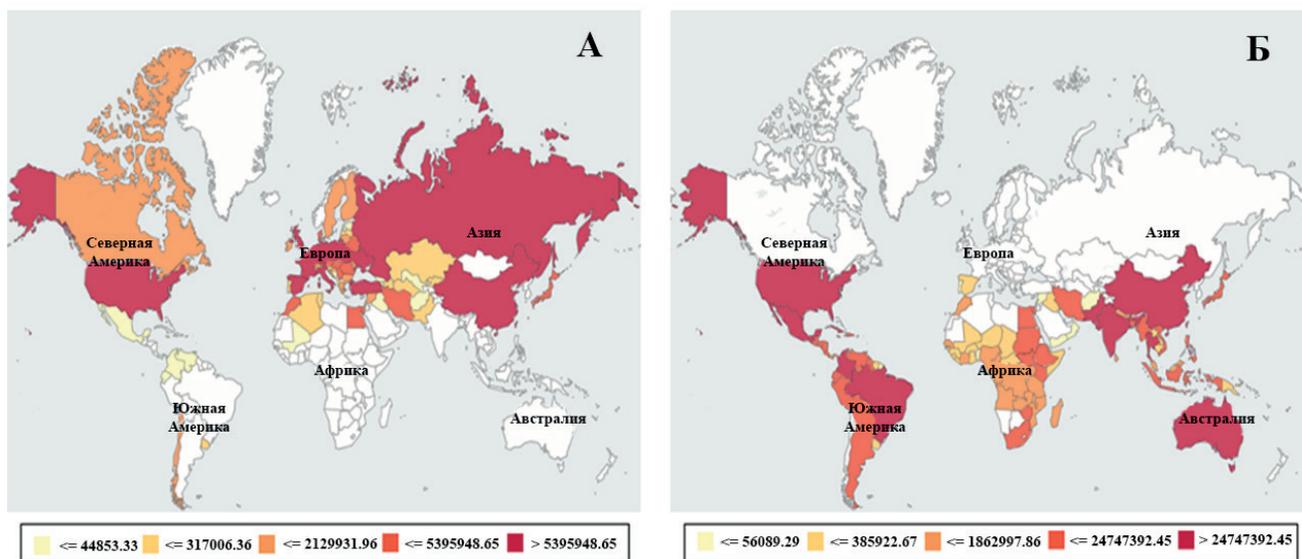
© Zhmurko D.Yu., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

периодических экономических кризисов разной глубины. Этой сфере уделяли основное внимание А. Смит и Д. Рикардо, К. Маркс и В. Ленин, Н. Кондратьев и А. Богданов, а также многочисленные современные исследователи. Литература по этим проблемам обширна, однако закономерности социоэкономической генетики во многом не изучены, что порождает изобилие противоречивых рекомендаций» [10, с. 86].

При реализации целей «важно правильно определить закономерности и механизмы, измерить ритм смены технологических способов производства, технологических укладов, раскрыть кумулятивность и изменчивость в динамике технических систем, энергоисточников, основных материалов, информационных систем, оценить причины, механизмы и последствия волн технических инноваций в любом производстве» [10, с. 87].

Производством сахара в мире занимаются порядка 110 стран, из них 75 стран – вырабатывают сахар из сахарного тростника, 35 – из сахарной свеклы, в 11 странах культивируют обе культуры (рис. 1). В это число не вошли страны, образовавшиеся после распада СССР, Югославии, Чехословакии и других, так как не имеют достаточной продолжительности истории самостоятельного управления сахарной отраслью.

Источник: [12]

Рис. 1. Ареалы производства сахара: А – из сахарной свеклы; Б – из сахарного тростника

Главная задача исследования – выявление новых закономерностей в виде общих для производителей сахара циклических траекторий, которые позволят более точно прогнозировать деятельность как отдельных производственных единиц, региональных участников сегмента, так и всей сахарной подотрасли.

Предметом исследования являются циклы высокой вероятности и периодограммы циклов высокой вероятности (циклические геномы).

В настоящей работе представлена концепция циклов высокой вероятности. Здесь ключевым моментом является обнаружение циклов высокой вероятности, которые будут получены наряду с постоянными циклами, то есть с циклами, которые работают одинаково все время. Например, невозможно предположить, что 18-летний цикл всегда будет одинаково работать для всех показателей. Исследования показывают, что циклический профиль постоянно меняется. Например, на сегодня актуален 15-летний цикл, но через сорок лет он исчезнет, и вместо него, возможно наберет силу новый, 13,5-летний. Подобная изменчивость циклов является предметом исследования спектрального преобразования (вейвлет-анализа, форвардного и др.).

Любые циклы проявляются как реакция на некоторые фундаментальные события. В исследуемом случае – это экономика сахарной подотрасли «общается» с «большим миром».

Поскольку в этом сегменте мировые события отображаются в виде комплекта циклов, необходимо дополнить, скорректировать поставленную задачу следующей подзадачей: выявить циклы сахарной подсистемы, которые являются реакцией на фундаментальные мировые события, исходя из того, что в различные

периоды времени работают разные циклы. Необходимо помнить, что в мире много событий, и сахарная подсистема реагирует на его событийность разными циклами (или комплектами циклов).

Поясним концепцию реализации циклов высокой вероятности на следующем примере: предположим, что в сахарной отрасли периодически наблюдаются циклы в 7, 9, 11,5, 14 лет и т. д. Все они периодически проявляют себя. Но 7-летний цикл появляется по неизвестной причине чаще, чем другие. Это непостоянный цикл, который работает одинаково все время. Он может появиться в истории социально-экономических временных рядов несколько раз, и не всегда этот цикл можно увидеть в периодограмме. Однако по некоторым причинам он имеет большую вероятность проявиться в исследуемых временных рядах чем циклы 9, 11,5, 14 лет и т. д.

Циклы высокой вероятности будут использоваться как модель поведения, которая является общей для определенного множества однородных показателей, то есть одного сегмента в экономике агропромышленного комплекса, в нашем случае – это производство сахарной свеклы, тростника и сахара.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования использованы следующие методы: абстрактно-логический, системно-структурный, спектральный, форвардный и сравнительный анализы. Информационно-эмпирической базой стали:

- данные, опубликованные на сайте Продовольственной организации при ООН [12];
- данные, опубликованные государственными службами статистики ряда стран (Германии, Бразилии, Индии, США (USDA) и Кубы);
- данные, опубликованные Федеральной службой государственной статистики России, а также ее территориальным органом по Краснодарскому краю [15];
- данные, предоставленные департаментом экономического развития администрации Краснодарского края;
- архивы котировок цен на сахар, размещенные на сайтах международной базы данных и Института конъюнктуры аграрного рынка «Икар» [11; 16–18].

Математические модели исследования

В практической части исследования применялись два вида анализа: спектральный и форвардный.

Спектральный анализ основан на исходных данных, которые представляются в виде сигналов, заданных в дискретные моменты наблюдения. Фурье-преобразование для дискретного сигнала $U(t)$ длительностью T_s , представленного N отсчетами через шаг Δt , можно выразить следующим образом:

$$U_t = a_0 \sum_{k=1}^{\infty} [a_k \cos(2\pi ki/N) + b_k \sin(2\pi ki/N)]; \tag{1}$$

$$a_k = 2/N \cdot \sum_{i=1}^N U_i \cos(2\pi ki/N); \quad b_k = 2/N \cdot \sum_{i=1}^N U_i \sin(2\pi ki/N),$$

где k – порядковый номер гармоники, $i = 1, 2, 3, \dots, K$; N – порядковый номер отсчета сигнала.

Форвардный анализ или «скользящий контроль» имеет следующий алгоритм расчета.

- выбирается значение t ;
- выборка разбивается всеми возможными способами на две части $T^l = T^t \quad T^{l-t}$ (табл.1).

Таблица 1

Train, T	Test, T^{l-t}
...	...

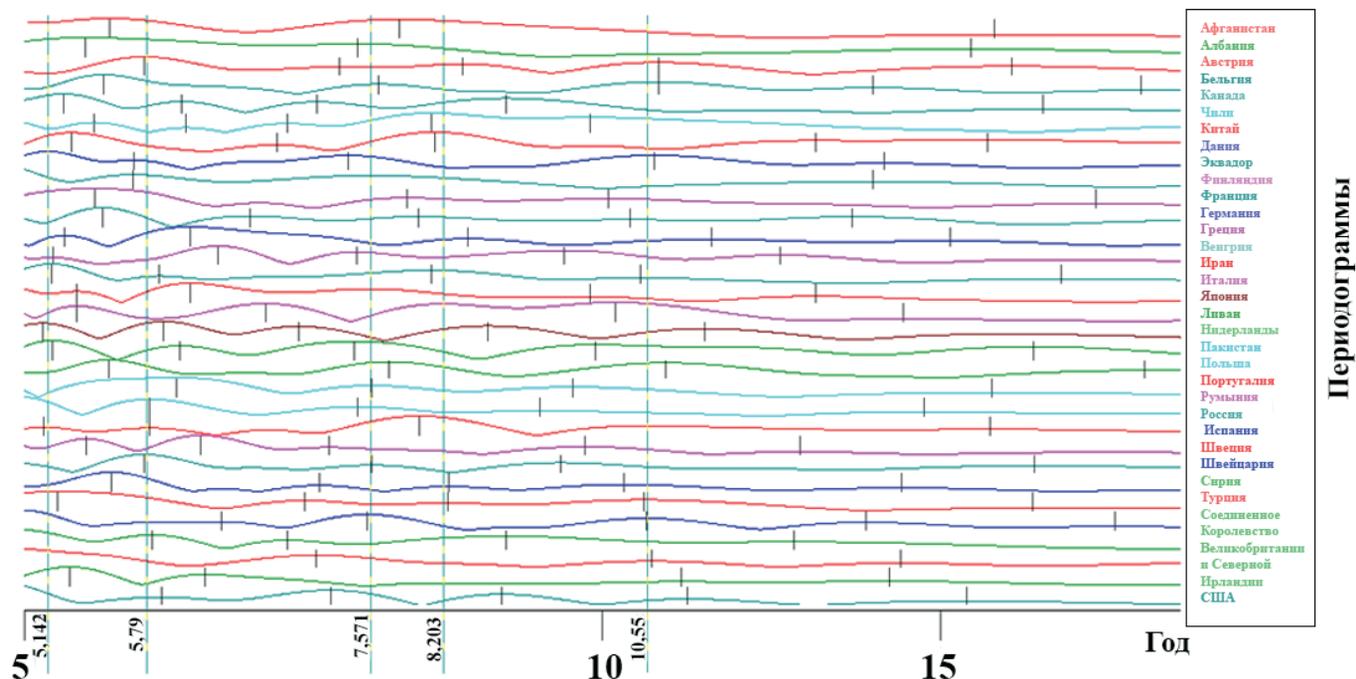
Составлено автором по материалам исследования

$$CVV_t = \frac{1}{C_t^{l-t}} \sum_{T^l = T^t \cup T^{l-t}} Q(\mu(T^t), T^{l-t}) \rightarrow \min. \tag{2}$$

Здесь число разбиений C_i^{l-t} становится слишком большим даже при сравнительно малых значениях t , что затрудняет практическое применение данного метода; X – множество признаков, описывающих объекты, а Y – конечное множество меток; $T^l = (x_i, y_i)_{i=1}^l, x_i \in X, y_i \in Y$ – обучающая выборка; Q – мера качества; A – модель, $\mu: (X \times Y)^l \rightarrow A$, – алгоритм обучения.

Обсуждение результатов

На рисунке 2 показаны периодограммы циклов высокой вероятности, выявленные классическим способом, т.е. с помощью спектрального анализа.

Примечание. Все диаграммы построены в программе Spectrum viewer (автор С. Тарасов).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Спектральная периодограмма циклов высокой вероятности мировой урожайности сахарной свеклы (1961–2017)

На рисунке 3 показаны периодограммы циклов высокой вероятности, выявленные неклассическим способом, то есть с помощью форвардного анализа.

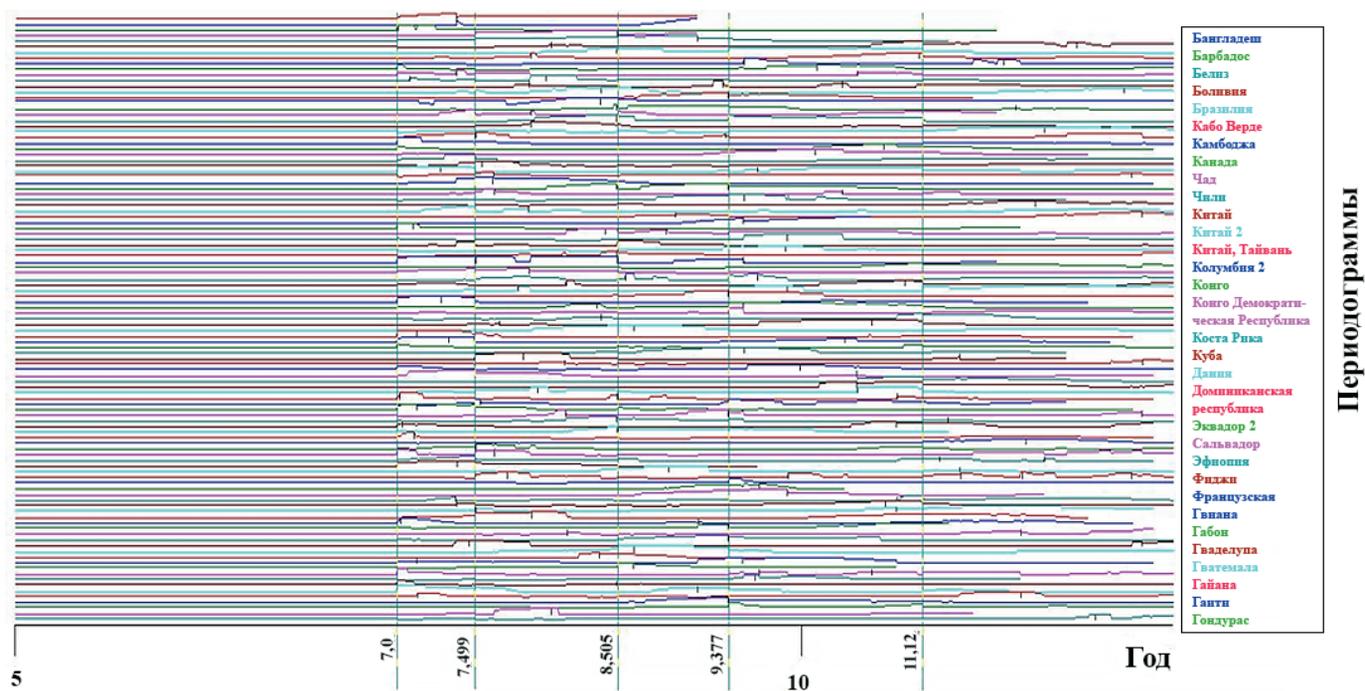
На рисунке 4 представлена обобщенная форма в виде единой периодограммы (циклические геномы).

Форвардный и спектральный анализ показывают, как правило, одни и те же циклы, единственное отличие – классический подход выделяет другие, менее значимые (табл. 2).

Таблица 2

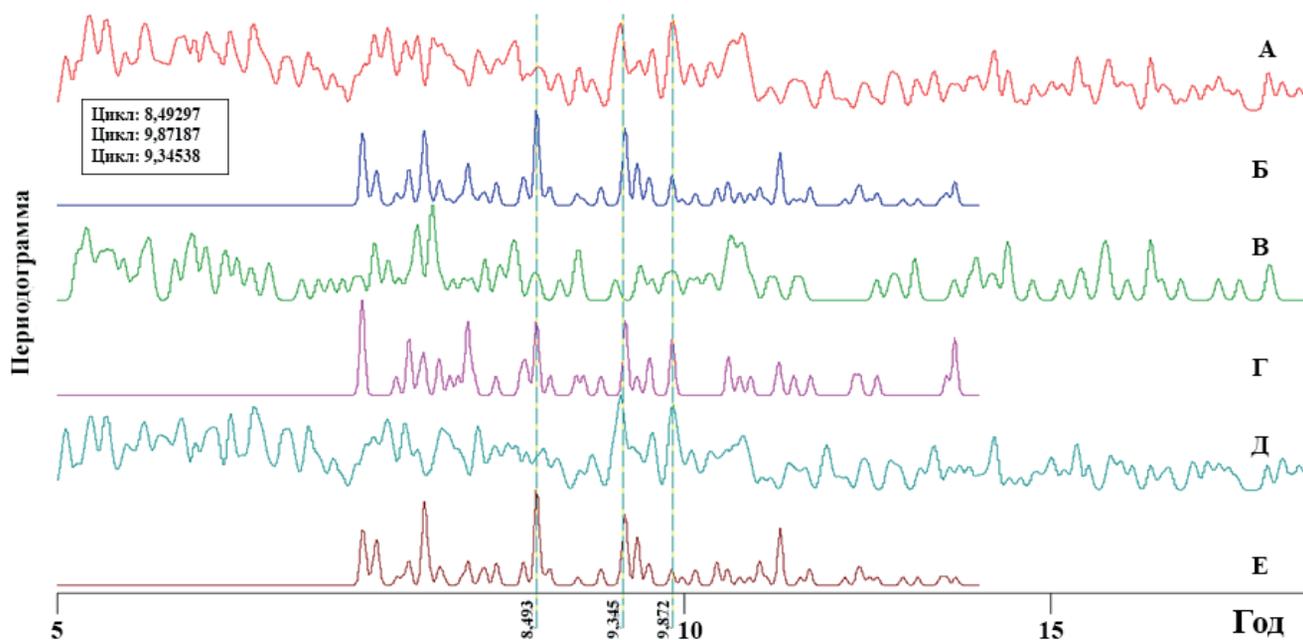
Спектральный анализ, лет	Форвардный анализ, лет
5,1424	7,0000
5,7897	7,4890
7,5715	8,5050
8,2627	9,3770
10,5500	11,1200

Составлено автором по материалам исследования

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Форвардная периодограмма циклов высокой вероятности мировой урожайности сахарного тростника (1961–2017)

Примечание – А = В+Д; Б = Г+Е

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Циклические геномы урожайности сахарной свеклы (В и Г) и тростника (Д и Е):
А, В и Д – спектральный профиль, Б, Г и Е – форвардный

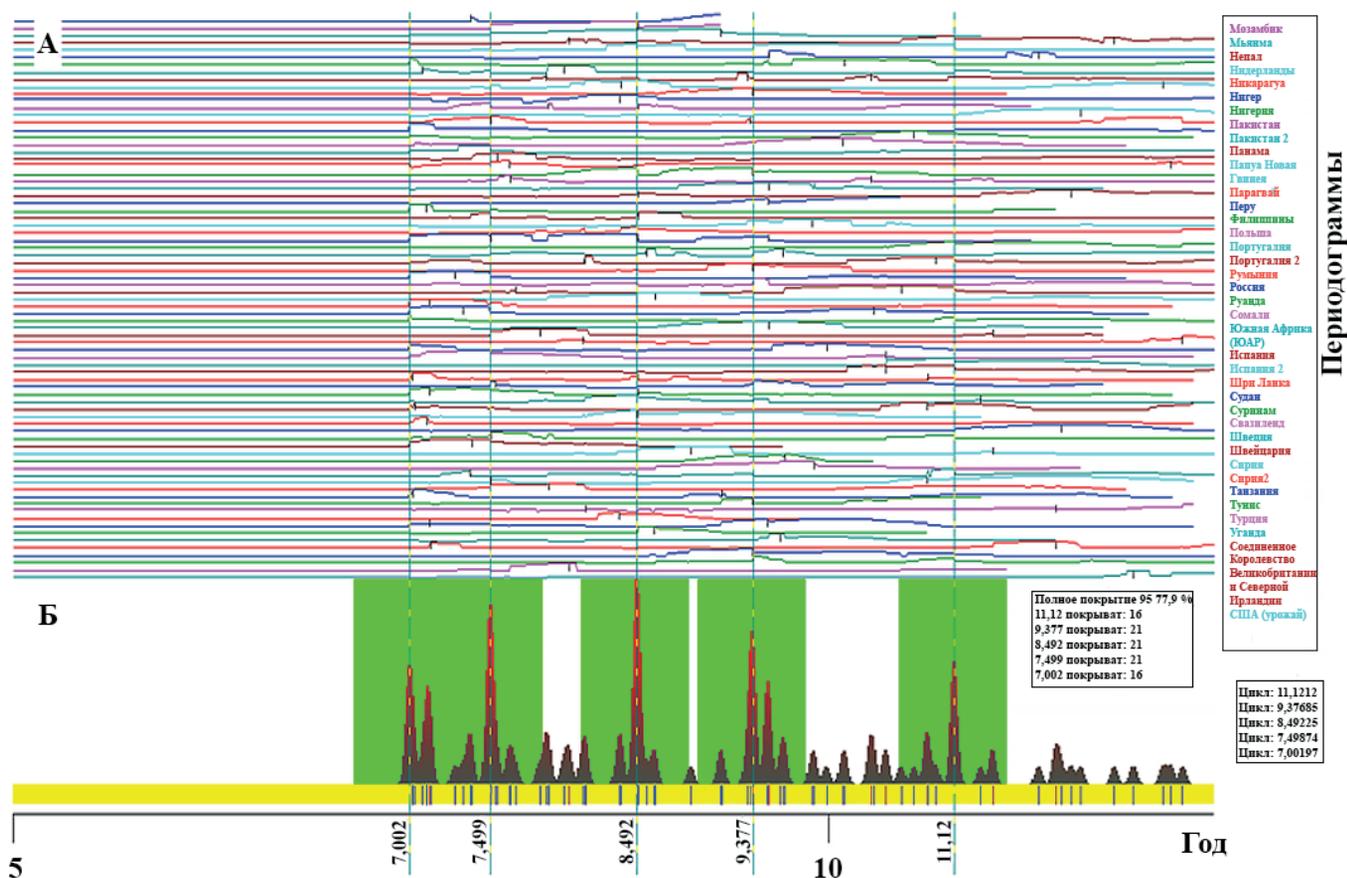
Результаты периодограмм и сводной таблицы 2 указывают на предпочтительность использования форвардно-го анализа, так как он основан на критериях форвардного анализа. Это ближе к реальной картине исследования,

в то время как классический спектр больше связан с подгонкой кривой (стандартная математическая процедура определения активных циклов). Таким образом, полученные результаты дают возможность перейти к работе с циклическим геномом.

Методика расчета циклического генома

Исследование показало, что в настоящее время в сахарной отрасли существует порядка 5–6 подобных циклов высокой вероятности. Называется это множество периодограммами циклов высокой вероятности (от англ. high probability periodogram), или циклическим геномом (от англ. cyclic genome). Таким образом, определение циклического генома, если рассматривать с позиции математики, формулируется так: это минимальный набор циклов, который максимально приближенно описывает движение всех исследуемых показателей к эталону, иными словами, это минимальный набор циклов, который дает максимальную информацию о движении изучаемого объекта [13; 14].

В настоящем исследовании для вычисления циклического генома применены специфические математические алгоритмы: проведен циклический анализ по показателям (398 временным рядам), относящимся к сахарной подсистеме, извлечены наиболее важные циклы и выполнена их кластеризация. Для выявления кластеров данные по ним сведены в общую гистограмму, которая позволяет установить зоны циклов высокой вероятности. Такая спектрограмма называется высокочастотной периодограммой. Она может использоваться так же, как и в классическом циклическом анализе, для выявления наиболее существенных циклов. Отличие только в одном: высокочастотная периодограмма позволяет одновременно проводить циклический анализ сразу для многих временных рядов (рис. 5).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Форвардная периодограмма циклов высокой вероятности мировой урожайности сахарной свеклы и тростника (1961–2017) – А; циклический геном и циклокластеры – Б

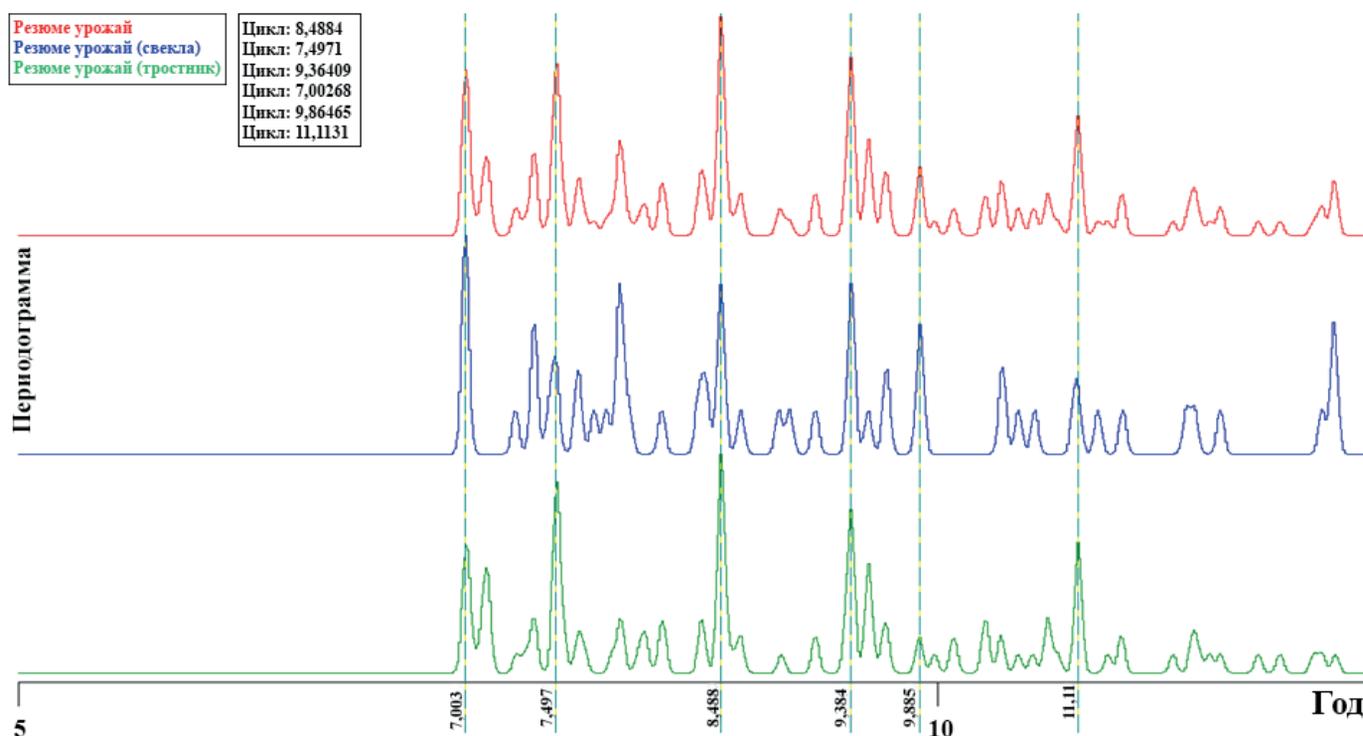
На рисунке 5 показаны высокочастотные периодограммы и циклический геном, рассчитанные по исследуемым временным рядам. Вертикальные линии показывают пять самых важных циклов (циклокластеров), найденных для этих кривых, то есть это текущий циклический геном для большинства временных рядов сахарного подсистеме.

Отмеченные в нижней части графика пики очень резкие. Это означает, что данные циклы весьма убедительно проявили (и проявляют) себя в сахарной отрасли. Зеленая зона – это целые кластеры из циклов, на которые разбиты наиболее статистически значимые из них. На этих пяти циклокластерах сосредоточено порядка 80 % из всех выявленных циклов.

Кластеры, соответственно, указывают на наиболее часто проявляющиеся циклы.

Красная гистограмма (см. рис. 5Б, полоса снизу) показывает разницу в активности этих кластеров по-другому: чем выше гистограмма, тем чаще этот цикл появляется в диаграмме показателей исследуемых временных рядов.

На рисунке 6 показана обобщенная картина циклического генома по урожайности сахарной свеклы и тростника в мире.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 6. Циклический геном урожайности, все страны мира (1961–2017)

Всего было выявлено 180 (из временных рядов по 110 странам-производителям) наиболее значимых циклов. Высокочастотная периодограмма показывает, как распределяются эти циклы и какие из них более/менее однородны. Например, видно, что самые высокие пики (циклы) соответствуют величинам в 7,003; 7,497; 8,488; 9,364; 9,865 и 11,113 лет. Это указывает на то, что эти циклы проявляются в сегменте производства сахарной свеклы и тростника чаще, чем другие.

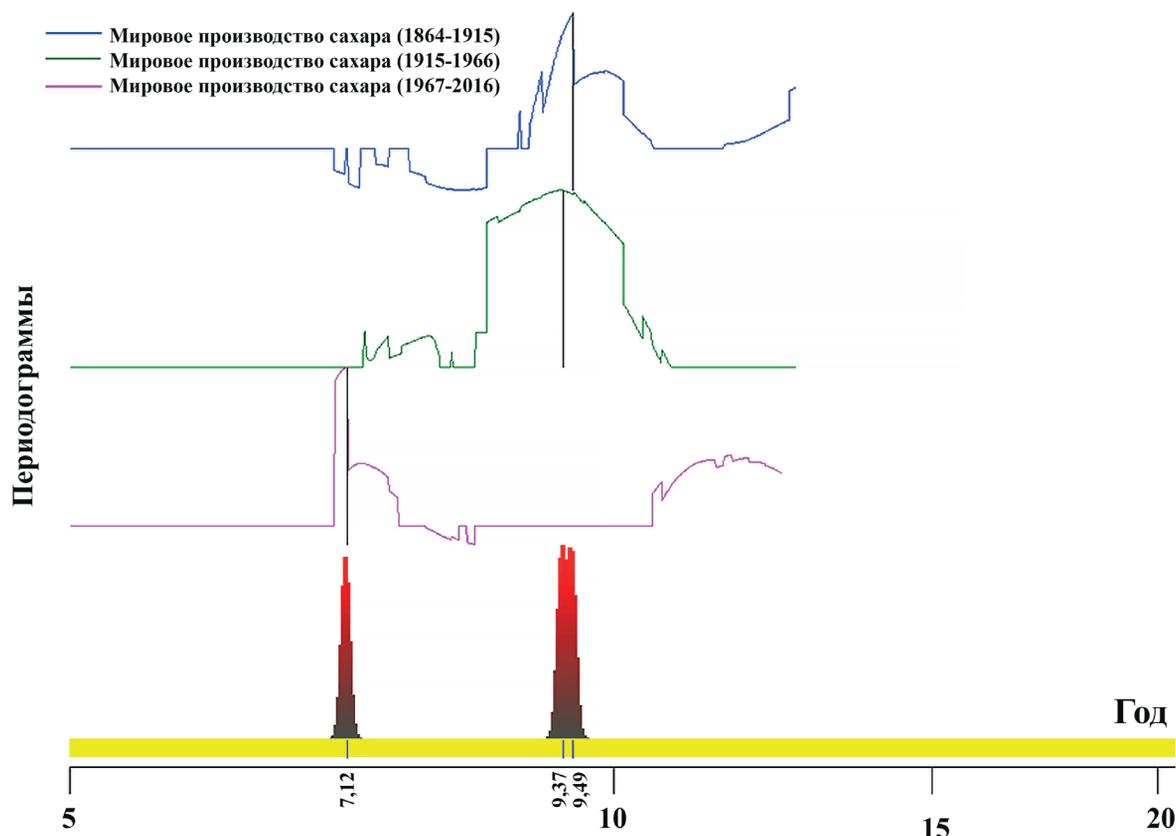
Мутации в циклическом геноме

При исследовании всего мирового сахарного комплекса нами было выявлено 646 различных циклов, однако проблема их оценки делает визуальный кластерный анализ просто невозможным. На этом этапе необходимо использовать гистограмму, чтобы увидеть как распределяются эти циклы. Под мутацией в циклический геном понимается сдвиг по генеральной совокупности в заранее определенной выборке. Называется такая гистограмма высокопараметрической периодикой.

Поскольку циклический геном во всем мире меняется со временем, некоторые циклы исчезают и появляются новые. Очень важный факт состоит в следующем: циклический геном очень стабилен (на определенном промежутке времени), он существует практически без изменений. Так, если рассмотреть три временных диапазона (нами выбраны диапазоны, равные «кондратьевским волнам» – от 48 до 60 лет.) мирового производства сахара с 1864 г. по 2016 г. (т. е. усредненная картина за последние 150 лет), то увидим следующие «мутации»: 1) 1864–1915 гг. – 9,4934 лет; 2) 1916–1966 гг. – 7,3712 лет и 3) 1967–2016 гг. – 7,12 лет, то есть все это время мировой сахарный комплекс реагировал на внешние события одним и тем же набором циклов (проявлял себя через данный циклический геном). Этот циклический геном стабилен на протяжении последних 50 лет.

На рисунке 7 показан циклический геном, который изменяется с течением времени. Диаграмма (гистограмма) построена в качестве пояснения исторического изменения циклического генома.

Из представленной выше гистограммы нами извлечены три самых мощных цикла (пика). Это и есть циклический геном мирового производства сахара. Полученный результат – 7,12-летний цикл – определенно более активен (т. е. он «моложе»), чем другие циклы. Этот факт указывает на существенно расширенное представление об общей циклической картине, когда рассматривается не один временной ряд, а сразу множество.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 7. Циклические сдвиги в мировом производстве сахара (1864–2016)

В таблице 3 показаны циклические «мутации» для отдельных показателей участников сахарной отрасли.

Таблица 3

Смена (мутация) циклического генома

Диапазон	Вид анализа	Частота				
		1	2	3	4	5
Мировое производство сахара						
1864–1946 гг.	Спектральный	5,772	11,1073	5,2123	13,4989	9,4205
	Форвардный	9,35	–	–	–	–

Диапазон	Вид анализа	Частота				
		1	2	3	4	5
1947–2016 гг.	Спектральный	6,2044	5,0904	7,8136	11,2624	14,3606
	Форвардный	7,4991	8,1343	–	–	–
<i>Производство сахара в США</i>						
1832–1892 гг.	Спектральный	7,3511	9,2906	5,562	25,582	–
	Форвардный	7,5323	9,6316	–	–	–
1893–1953 гг.	Спектральный	5,538	8,0984	6,8444	9,9408	12,661
	Форвардный	7,3754	9,1229	–	–	–
1954–2015 гг.	Спектральный	5,5796	9,3384	12,358	6,8585	7,8835
	Форвардный	7,6287	11,3679	–	–	–
<i>Производство сахара на Кубе</i>						
1849–1904 гг.	Спектральный	9,4853	7,9383	6,6703	11,912	16,2941
	Форвардный	7,0068	9,6341	–	–	–
1905–1959 гг.	Спектральный	5,5238	11,174	7,651	16,1918	–
	Форвардный	7,6293	10,8207	–	–	–
1960–2014 гг.	Спектральный	5,3464	6,0776	10,8425	14,4279	8,0114
	Форвардный	10,8207	–	–	–	–
<i>Валовой сбор сахарной свеклы в Германии</i>						
1836–1896 гг.	Спектральный	6,3056	8,6761	10,7834	14,048	5,104
	Форвардный	8,4051	10,9271	–	–	–
1897–1957 гг.	Спектральный	12,3104	7,2922	5,6263	8,7055	–
	Форвардный	7,5073	11,4988	–	–	–
1958–2015 гг.	Спектральный	5,9232	9,1155	11,2995	7,8419	6,8255
	Форвардный	7,36	10,3663	–	–	–

Составлено автором по материалам исследования

Представляется интересным опыт выявления циклов для топ-10 стран – производителей сахарной свеклы, тростника и сахара (табл. 4).

Таблица 4

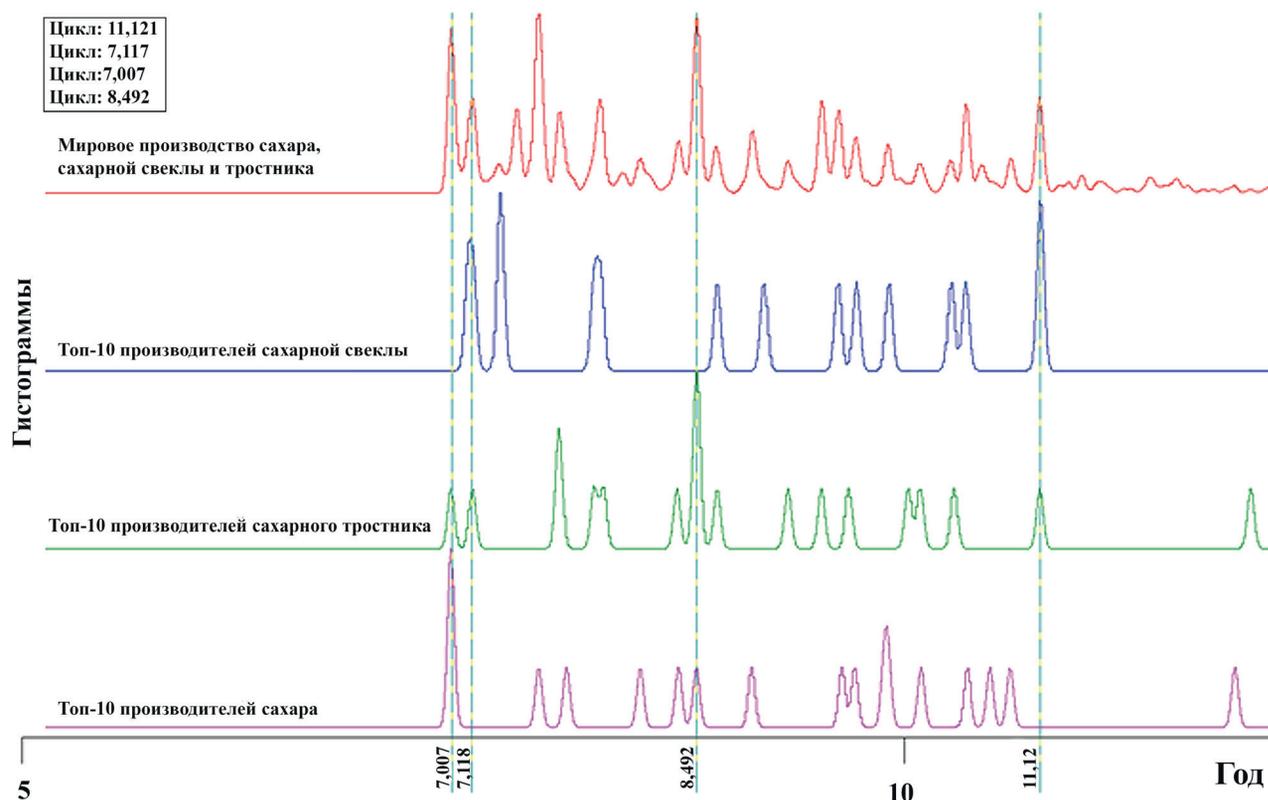
Топ-10 мировых производителей продукции сахарной подсистемы

Номер в рейтинге	Производство, млн тонн		
	сахарная свекла	сахарная тростник	сахар
1	Россия – 51,4	Бразилия – 770	Бразилия – 37,8
2	Франция – 38	Индия – 350	Индия – 24
3	Германия – 30	Китай – 123	Китай – 9,5
4	США – 28,5	Таиланд – 89	Таиланд – 9
5	Турция – 16,8	Пакистан – 66	США – 8,5
6	Украина – 16	Мексика – 56,5	Мексика – 6,7
7	Польша – 13,5	Колумбия – 37	Россия – 6,4
8	Египет – 11	Австралия – 34,5	Пакистан – 5,8
9	Великобритания – 9,4	Гватемала – 33,5	Австралия – 5,2
10	КНР – 8	США – 30	Франция – 4,8

Источник: [12]

Чтобы понять суть исследования, мы рассчитали вероятностную периодику для топ-10 стран-производителей мирового сахарного комплекса.

На рисунке 8 показана вероятностная периодограмма для 30 временных рядов производства сахара, сахарной свеклы и тростника. Обобщенный индекс мировой сахарной отрасли обозначен красной линией.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 8. Циклический геном для показателей мирового сахарного комплекса и топ-10 стран – производителей сахарной продукции

Из рисунка следует, что циклы (пики) существенно различаются, хотя некоторые из них совпадают: 7,007; 7,117; 8,492 и 11,121 лет.

Периодограммы показывают в значительной степени одни и те же циклы (т.е. топ-10 стран-производителей сахарной продукции), они довольно точно отражают циклический портрет мирового производства сахара (из сахарной свеклы и тростника), но значительно хуже соотносятся с показателями других участников рынка. Математически это означает, что страны-производители данной продукции из топ-10 имеют лучшую корреляцию, чем остальные ее участники.

На рисунке 9 графически отображены периодограммы циклов высокой вероятности мирового производства сахара, сахарной свеклы и тростника, а также их циклический геном (в виде гистограммы).

С помощью форвардного анализа выявлены циклы в количестве 646 единиц, вычисленные по 398 макроэкономическим временным рядам.

На рисунке 10 представлена композитная линия до 2033 г., построенная на основе циклического генома (группа посевные площади).

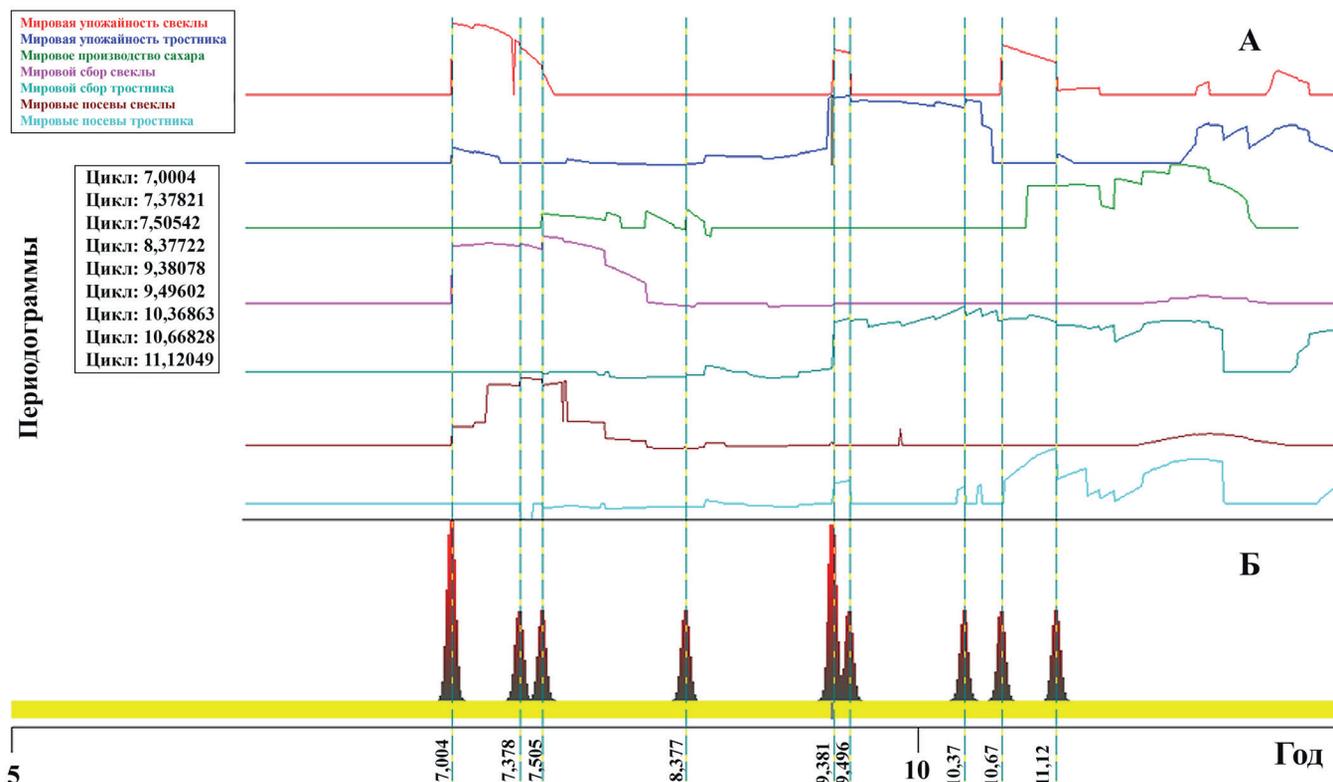
В таблице 5 представлены обобщенные результаты по трем группам стран – участниц мирового сахарного комплекса.

Например, больше всего полос вокруг 7-летнего цикла (более 20 % от общего числа), этот цикл присущ странам со слаборазвитой экономикой. Это означает, что среди многих других цикл в 7 лет появляется чаще, чем другие циклы во временном ряду. В связи с этим ему необходимо уделять больше внимания. И вероятность того, что этот цикл будет работать в исследуемых временных рядах, выше, чем подобная вероятность для других.

Сводные показатели циклического генома сахарной подсистемы агропромышленного комплекса

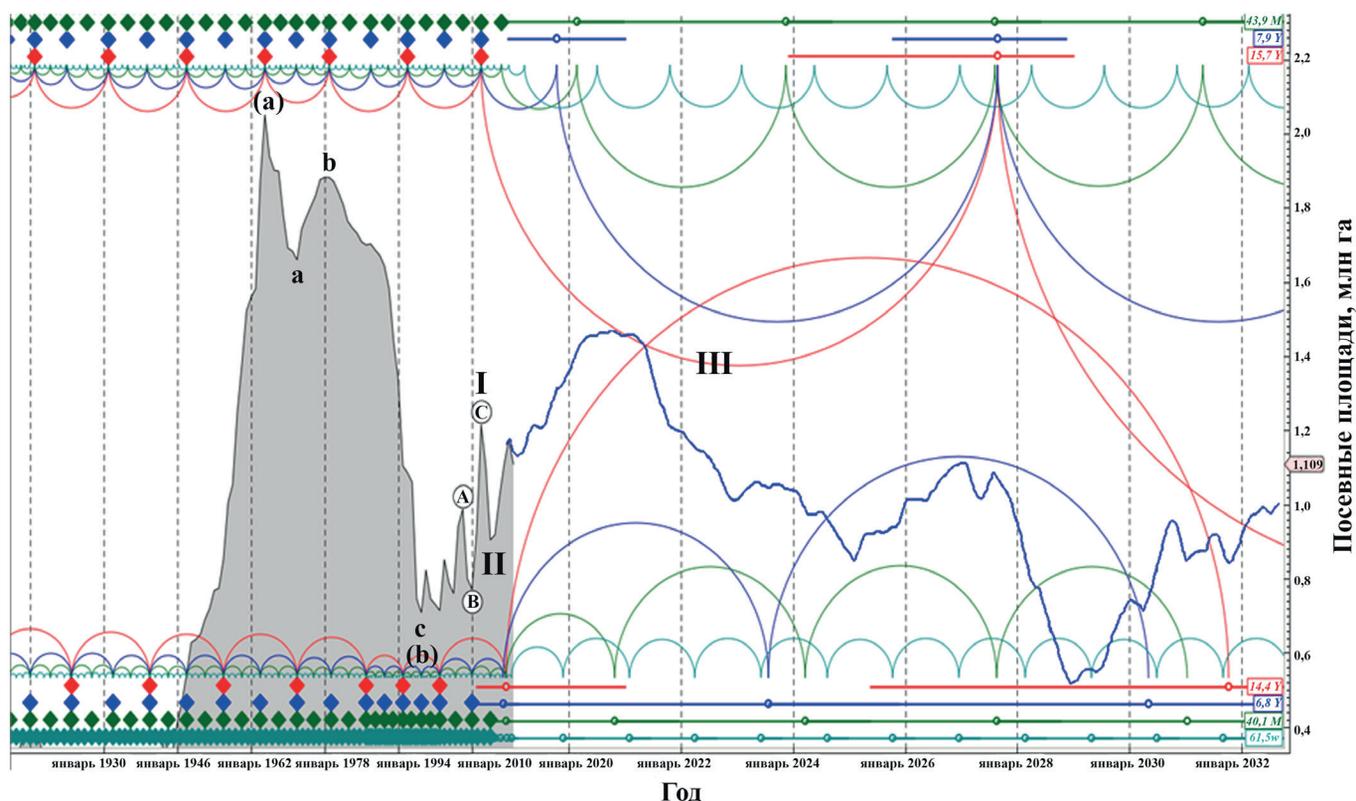
Показатель	Номер в рейтинге	Категория стран			Сред. знач. по группе
		развитые	развивающиеся	слаборазвитые	
Урожайность	I	8,5	9,38	7,5	8,35
	II	-	-	9,38	
	III	-	-	7	
Площади посевов	I	7,5	7,5	7,5	7,6
	II	8,5	7 и 8,5	7	
	III	-	9,5; 10,5 и 11,12	-	
Валовой сбор	I	11,12	11,12	7,5	8,5
	II	7,63	7,86	7,12	
	III	7,12	-	7 и 11,12	
Производство сахара	I	8,5	7,5	7	7,57
	II	7	7	8,5	
	III	-	-	7,5	
Сред. значение		8,23	8,39	7,6	8

Составлено автором по материалам исследования

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 9. Мировой сахарный комплекс (1961–2017): А – форвардные периодограммы циклов высокой вероятности; Б – циклический геном

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 10. Посевные площади сахарной свеклы в России (1881–2017) и проекционная линия, построенная на основе циклического генома

Таким образом, с помощью вычислений можно увидеть вместе на одном графике наиболее важные для изучаемого производственного показателя циклы, а также циклический геном, который указывает на наиболее вероятные циклы.

Генетические смещения в циклах «в больших или меньших масштабах меняют сложившуюся картину мира и становятся наследственным ядром, исходной базой для появления нового (или радикально обновленного) кластера все более дифференцирующейся системы в структуре сахарного отрасли» [10, с. 88].

Важно отметить, что в настоящей статье говорится о возможностях, а не о силе или значимости анализируемых циклов.

Выводы

В заключение можно с полной уверенностью сказать, что только с «помощью социогенетики (циклического генома) можно выяснить внутренний механизм, закономерности развития, выделить инвариантное ядро, выражающее суть изучаемой области, оценить содержание и перспективы периодически возникающих кластеров мутаций, отбирая те из них, которые войдут в состав обогащаемого генотипа общественной системы (в нашем случае мирового сахарного комплекса), что в конечном счете делает его удобным инструментом для выработки достоверных прогнозов» [10, с. 84].

1. В нашем исследовании и впервые на практике циклы были вычислены с помощью форвардного анализа.
2. На практике при работе со спектральным или форвардным анализом такие циклы можно отобразить (представить) как высокостабильные.
3. Все выявленные в работе циклы довольно стабильны. Они работают практически одинаково на протяжении последних 50 лет.
4. Циклический геном является индикатором опережающего развития, то есть именно его задачей является указание вероятностных узловых пунктов для поворотных точек при соотношении волновых разворотов

(инверсивных полей). Для повышения практической значимости, параллельно с методом выявления циклического генома необходимо применять теорию временных циклов Дж. Хёрста, которая существенно дополняет данную методику при построении фрактальной структуры волн прогнозирования изучаемого процесса.

5. Глубинные закономерности наследственности и изменчивости в динамике агропромышленного комплекса во многом остаются неизученными из-за того, что в других его сегментах исследования в области социогенетики (циклического генома), не проводятся.

В новых подходах эконометрики визуализация перестала быть вспомогательной инструментальной функцией. «Исчисление многокритериальных задач приводит к множеству решений, оптимальных по тому или иному параметру. Объединение их в некоторый кластер означает многомерную интеграцию подобных объектов, сведение множества характеристик к небольшому ряду обобщающих итогов. Разного рода графические отображения кластеров, выбор из них подходящего по каким-то критериям, поиск оптимального решения внутри кластера основывается на» его математической и научной визуализации [2]. Ее методы и возможности стали важным элементом исследования.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада, И. В. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999 / Ред. и автор-составит. И. В. Бестужев-Лада. – М.: Academia, 2000. – 328 с.
2. Владимирова, Л. П. Прогнозирование и планирование в условиях рынка. – М.: Дашков и К, 2004. – 264 с.
3. Довгань, Е. Ф., Мокосеева, М. А. Правовые проблемы функционирования Евразийского экономического союза // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 71–79.
4. Жмурко, Д. Ю. Анализ иерархических структурных сдвигов как инструмент выявления смены трендов в сахарном подкомплексе АПК // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 8 (122). – С. 567–595.
5. Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: Предварительный эскиз. – М.: Наука, 1991. – 567 с.
6. Мартишин, Е. М. Генетические механизмы экономической эволюции. Дис... д-ра экон. наук: 08.00.01. – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. – 433 с.
7. Субетто, А. И. Системогенетика и теория циклов. Ч. 1. – М.: Междун. фонд Н. Д. Кондратьева, ИЦПКПС, 1992. – 248 с.
8. Субетто, А. И. Системогенетика и теория циклов. Ч. 2. – М.: Междун. фонд Н. Д. Кондратьева, ИЦПКПС, 1992. – 260 с.
9. Шаповалова, И. С. Социогенетическое моделирование организационной культуры. Дис. ... док-ра соц. наук: 22.00.08 – Белгород: Белгород. гос. ун-т., 2010 – 500 с.
10. Яковец, Ю. В. Социогенетика: становление интегрированной отрасли знаний // Общественные науки и современность. – 1993. – № 4. – С. 82–88.
11. Институт конъюнктуры аграрного рынка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ikar.ru (дата обращения: 22.03.2021).
12. Продовольственная и сельскохозяйственная организация объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/faostat/ru/> (дата обращения: 22.03.2021).
13. Тарасов, С. Циклический геном (CG) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://timing-solution.livejournal.com/35862.html> (дата обращения: 22.03.2021).
14. Тарасов, С. Циклический геном (CG) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://timing-solution.livejournal.com/?skip=48> (дата обращения: 22.03.2021).
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).
16. Stooq [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stooq.com/> (дата обращения: 22.03.2021).
17. ISCO-I Sugar monitoring [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.isco-i.ru/> (дата обращения: 22.03.2021).
18. Quandl [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.quandl.com/> (дата обращения: 22.03.2021).

References

1. Bestuzhev-Lada I. V. *Ahead of the XXI century: prospects, forecasts, futurologists. An anthology of modern classical prognostics. 1952–1999*, Editor and author-compiler I. V. Bestuzhev-Lada, Moscow, Academia, 2000, 328 p.

2. Vladimirova L. P. *Forecasting and planning in market conditions*, Moscow, Dashkov i K, 2004, 264 p.
3. Dovgan' E.F., Mokoseeva M.A. Legal problems of the functioning of the Eurasian Economic Union, *Vestnik of the Mari State University. Chapter "History. Law"*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 71–79. (In Russian).
4. Zhmurko D. Yu. Analysis of hierarchical structural shifts as a tool to identify changing trends in the sugar subcomplex of agrarian and industrial complex, *Scientific Journal of Kuban State Agrarian University*, 2016, no. 8 (122), pp. 567–595. (In Russian).
5. Kondrat'ev N. D. *The main problems of economic statics and dynamics: A preliminary sketch*, Moscow, Nauka, 1991, 567 p. (In Russian).
6. Martishin E. M. Genetic mechanisms of economic evolution: Dissertation of Doctor of Economic Sciences: 08.00.01, Rostov-on-Don, Southern Federal University, 2016, 433 p.
7. Subetto A. I. *Systemogenetics and cycle theory*, Part 1, Moscow, The International N. D. Kondratieff Foundation, Research Center for Problems of Quality of Training of Specialists, 1992, 248 p. (In Russian).
8. Subetto A. I. *Systemogenetics and cycle theory*, Part 2, Moscow, The International N. D. Kondratieff Foundation, Research Center for Problems of Quality of Training of Specialists, 1992, 260 p. (In Russian).
9. Shapovalova I. S. *Sociogenetic modeling of organizational culture*, Dissertation of Doctor of Social Sciences: 22.00.08, Belgorod, Belgorod State University, 2010, 500 p. (In Russian).
10. Yakovets Yu. V. Sociogenetics: the formation of an integrated branch of knowledge, *Social Sciences and Contemporary World*, 1993, no. 4, pp. 82–88. (In Russian).
11. Institute of Agricultural Market Conjuncture. Available at: www.ikar.ru (accessed 22.03.2021).
12. Food and Agriculture Organization of the United Nations. Available at: <http://www.fao.org/faostat/ru/> (accessed 22.03.2021).
Tarasov S. Cyclic genome (CG). Available at: <https://timing-solution.livejournal.com/35862.html> (accessed 22.03.2021).
13. Tarasov S. Cyclic genome (CG). Available at: <https://timing-solution.livejournal.com/35862.html> (accessed 22.03.2021).
14. Tarasov S. Cyclic genome (CG). Available at: <https://timing-solution.livejournal.com/?skip=48> (accessed 22.03.2021).
15. Federal State Statistics Service. Available at: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed 22.03.2021).
16. Stooq. Available at: <https://stooq.com/> (accessed 22.03.2021).
17. ISCO-I Sugar monitoring. Available at: <http://www.isco-i.ru/> (accessed 22.03.2021).
18. Quandl. Available at: <https://www.quandl.com/> (accessed 22.03.2021).

УДК 351.82

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-96-103

Кукарин Максим Владимирович

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6148-7447
e-mail: maximkukarin80@gmail.com

Рокотянская Виолетта Валерьевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5302-1807
e-mail: rokotyanskay_v_v@mail.ru

Maxim V. Kukarin

Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6148-7447
e-mail: maximkukarin80@gmail.com

Violetta V. Rokotyanskaya

Cand. Sci. (Econ.), Russian State Agrarian University named after K.A. Timiryazev, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-5302-1807
e-mail: rokotyanskay_v_v@mail.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аннотация. Цель статьи – оценка уровня устойчивого развития муниципальных образований и совершенствование методики оценки посредством учета индекса бюджетной устойчивости. В работе определено понятие устойчивого развития муниципального образования как процесса управления эколого-социально-экономической системой муниципального образования, обеспечивающими целостную устойчивость структуры, элементов и их связей. Проанализировано современное состояние городских округов Республики Башкортостан в динамике за период 2015–2019 гг., выполнена оценка уровня устойчивости муниципальных районов по индикаторам экономической, экологической и социальной подсистем. Методика оценки дополнена следующими показателями бюджетной подсистемы: общая бюджетная устойчивость; дефицит/профицит бюджетов; общая платежеспособность; соотношение кредиторской задолженности и расходов местного бюджета; соотношение муниципального долга и объема доходов; уровень сбалансированности бюджета.

Ключевые слова: устойчивое развитие, муниципальное образование, социально-экономическое развитие, методика, развитие, алгоритм оценки, экономическая подсистема, экологическая подсистема, социальная подсистема, бюджетная подсистема

Для цитирования: Кукарин М.В., Рокотянская В.В. Совершенствование методики оценки устойчивого развития муниципальных образований // Вестник университета. 2021. № 6. С. 96–103

IMPROVING THE METHODOLOGY FOR ASSESSING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES

Abstract. The purpose of the article is to assess the level of sustainable development of municipalities and improve the assessment methodology by taking into account the budget sustainability index. The paper defines the concept of sustainable development of a municipality as a process of managing the ecologo-socio-economic system of a municipality that ensure the integral stability of the structure, elements and their connections. The current state of the urban districts of the Republic of Bashkortostan in dynamics in the period from 2015 to 2019 is analysed, the level of sustainability of municipal districts is assessed according to indicators of economic, environmental and social subsystems. The assessment methodology is supplemented by the following indicators of the budget subsystem: overall budget stability; budget deficit/surplus; total solvency; the ratio of accounts payable and local budget expenditures; the ratio of municipal debt and revenue; the level of budget balance.

Keywords: sustainable development, municipal formation, socio-economic development, methodology, development, evaluation algorithm, economic subsystem, environmental subsystem, social subsystem, budget subsystem

For citation: Kukarin M.V., Rokotyanskaya V.V. (2021) Improving the methodology for assessing the sustainable development of municipalities. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 96–103. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-96-103

Введение

В процессе развития государственной системы реформа местного самоуправления приобрела особое значение. В связи с этим крайне важная роль отводится развитию муниципальных образований (далее – МО) как территориально-производственных единиц муниципальной экономики, первоначальных звеньев территориальной структуры экономики страны.

© Кукарин М.В., Рокотянская В.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kukarin M.V., Rokotyanskaya V.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Литературный обзор

Термин *sustainable development* в переводе на русский язык означает «устойчивое развитие». Впервые он прозвучал в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Г. Х. Брундтланд и определен как «развитие, при котором удовлетворение потребностей общества осуществляется без вреда для будущих поколений» [8; 9].

Устойчивое развитие имеет динамический характер, представляя не стабильность гармонии, а процесс изменений, в рамках которого объем эксплуатируемых ресурсов, направленность инвестиций, техническая оснащенность и институциональные изменения координируются не только с нынешними, но и с будущими потребностями.

Для МО устойчивое развитие возможно только при грамотной и эффективной стратегии формирования территории. В результате этого социально-экономическое устойчивое развитие должно касаться не только отдельных сфер жизнедеятельности, но и МО в целом, в том числе муниципальных сфер деятельности населения, взаимодействия с органами государственной власти и органами местного самоуправления других муниципалитетов.

Устойчивое развитие МО – процесс управления его социально-экономической системой, обеспечивающий целостную устойчивость структуры, элементов и их связей, которые направлены на рост уровня качества жизни населения в балансе с окружающей средой [8].

При рассмотрении устойчивого развития МО необходимо уделить особое внимание следующим стратегически важным моментам:

- устойчивое развитие муниципалитета должно, прежде всего, гарантировать комфортное проживание и удовлетворение потребностей проживающих на его территории граждан, что невозможно без создания условий для развития человеческого потенциала, соблюдения и уважения прав и свобод человека;
- МО следует рассматривать как единый организм с собственной структурой и внутренними законами развития;
- устойчивое развитие муниципалитета необходимо для межмуниципального сотрудничества, позволяющего согласовать интересы и скоординировать действия МО для решения вопросов местного значения;
- важнейшим фактором и условием устойчивого развития в настоящее время является внедрение и широкое применение информационных технологий и цифровизация всех сфер общественной деятельности на разных уровнях, в связи с чем цифровизация управления муниципальным объектом представляется крайне целесообразной;
- использование современных информационных технологий и инноваций, направленное на обеспечение устойчивого развития, должно прежде всего содействовать интеграции всех муниципальных сфер деятельности;
- наконец, все факторы, указанные выше, должны найти воплощение в последовательно и тщательно разработанной стратегии устойчивого социально-экономического развития МО, которую следует представить в виде последовательности конкретных мер и сроков их реализации.

Основные результаты

В Башкортостане всего 895 МО, из них 54 муниципальных района, 9 городских округов, 14 городских поселений, 818 сельских поселений [10]. Для оценки устойчивого развития необходимо рассмотреть несколько МО. Для анализа были выбраны три наиболее крупных городских округа Республики Башкортостан – г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак.

Городской округ г. Уфа, столица Республики Башкортостан, – один из самых крупных административных, промышленных, культурных, образовательных и научных центров Российской Федерации, ценный транспортный узел, на территории которого проживает 1 124 226 чел. [10].

Городской округ г. Салават – город республиканского значения, культурный, спортивный центр, находящийся в южной части Республики Башкортостан, один из крупных промышленных центров с населением более 153 тыс. человек, общей площадью в 106 км² [10].

Население г. Стерлитамак – 278,1 тыс. чел. или 6,88 % населения Республики Башкортостан [10]. Стерлитамак – второй после Уфы по численности населения, промышленному и культурному потенциалу город республики.

Рассмотрим социально-экономические показатели указанных городских округов за 2015 г. и 2019 г. и проведем их сравнительную характеристику (табл. 1).

Таблица 1

**Социально-экономические показатели городских округов городов
Уфа, Салават, Стерлитамак за 2015 г. и 2019 г.**

Показатели	Уфа		Салават		Стерлитамак	
	2015 г.	2019 г.	2015 г.	2019 г.	2015 г.	2019 г.
Численность населения, чел.	1 105 667	1 124 226	155 655	151 571	278 678	278 127
Число родившихся, чел.	18 108	12 176	1 898	1 229	4 315	2 725
Число умерших на 1 000 человек	12 901	11 957	1 928	1 798	3 299	2 914
Естественный прирост населения, чел.	5 207	219	-30	-529	1 016	-189
Валовой муниципальный продукт на душу населения, млн руб.	414 431,9	586 451,9	213 246,2	244 687,9	158351,1	178201,0
Среднемесячная заработная плата работников, руб.	35 674,1	50 656	25 368	32 742	26 239	36 869
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	101 231,9	105 171,0	15 983,1	28 501,9	10 547,7	6 038,9

Источник: [10]

Демографические показатели трех городских округов разные, но динамика очень схожа. Численность родившихся в Уфе в 2019 г., по сравнению с 2015 г., снизилась на 32,8 %. В г. Салават происходит сокращение рождаемости (с 12,3 ‰ в 2015 г. до 8,1 ‰ в 2019 г.) и снижение смертности (с 12,5 ‰ в 2015 г. до 11,9 ‰ в 2019 г.), обуславливающее ускорение естественной убыли населения за 2015–2019 гг. с -30 чел. на до -529 чел. Сложившаяся тенденция привела к снижению численности постоянного населения города с 155,7 тыс. чел. до 151,5 чел. Как и в двух других городах, в г. Стерлитамак наблюдается снижение рождаемости и смертности.

В городах Уфа, Салават и Стерлитамак происходит повышение демографической нагрузки на трудоспособное население. Рынок труда демонстрирует стабильность, при этом доля граждан, не имеющих постоянного заработка, составляет всего 1 % от всего трудоспособного населения этих городов. Следует отметить, что количество безработных имеет тенденцию к снижению и в целом ниже среднего показателя по республике. В период 2015–2019 гг. официальный уровень безработицы снизился с 0,99 до 0,78 %.

После рассмотрения общей характеристики трех МО необходимо перейти к оценке уровня устойчивого развития выбранных городских округов.

В современном мире отсутствуют общие, единые подходы и методы, предназначенные для разработки индекса социально-экономической устойчивости стран, регионов и муниципалитетов [1; 3–5; 7]. На первом этапе необходимо определить набор индикаторов, которые отражали бы устойчивость развития МО. В этом и заключается сложность, так как следует охватить все сферы общества. Следующий этап состоит в том, чтобы все индикаторы разных единиц измерений привести в сопоставимый вид. Заключительным этапом нужно гармонично объединить индикаторы в несколько блоков: экологические, социально-экономические и др.

В процессе оценки устойчивого развития МО можно придерживаться определенного алгоритма, состоящего из нескольких взаимозависимых шагов:

- 1) сбор данных по системным индикаторам муниципального образования за определенный период;
- 2) расчет показателей для соответствующей подсистемы;
- 3) приведение индикаторов в сопоставимый вид;
- 4) расчет комплексных показателей для каждой подсистемы;
- 5) оценка уровня устойчивого развития муниципального образования;
- 6) анализ полученных результатов и поиск путей совершенствования управления устойчивым развитием муниципальной экономики [2].

Набор базовых индикаторов для оценки устойчивого развития МО включает 32 показателя, приведенных ниже [2].

1. Экономическая подсистема (валовой муниципальный продукт, валовой муниципальный продукт на душу населения, среднедушевые денежные доходы населения, среднемесячная заработная плата работников, ввод в действие общей площади жилых домов, инвестиции в основной капитал, доля инвестиций в основной капитал в валовой муниципальный продукт, величина прожиточного минимума, число предприятий и организаций, сальдированный финансовый результат деятельности организаций на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, индекс промышленного производства, объем отгруженных товаров собственного производства, товаров и услуг на душу населения, стоимость основных фондов, степень износа основных производственных фондов).

2. Экологическая подсистема (доля расходов на охрану окружающей среды в бюджете МО, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сброс загрязненных сточных вод в водные объекты, улавливание загрязняющих атмосферу веществ, образование отходов производства и потребления, индекс физического объема природоохранных расходов).

3. Социальная подсистема (численность безработных, уровень безработицы, потребительские расходы в среднем на душу населения, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, удельный вес расходов домашних хозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг, доля расходов на образование в общих расходах бюджета, доля расходов на здравоохранение в общих расходах бюджета, расходы бюджетов на реализацию мер социальной поддержки отдельных категорий граждан, число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек населения, заболеваемость на 1 000 человек населения).

Комплексные показатели рассчитывают по формуле:

$$I_i = \frac{x_i - x_{i\min}}{x_{i\max} - x_{i\min}}, \quad i = 1, 2, 3, 4, \quad (1)$$

где I_i – комплексный показатель каждого исследуемого индикатора; x_i – значение крайнего года ряда; $x_{i\min}$ – минимальное значение ряда; $x_{i\max}$ – максимальное значение ряда.

Далее рассчитывают интегральный показатель $I_{\text{инт.}}$ оценки уровня устойчивости муниципальной экономики. Он определяется произведением индексов изменения частных критериев комплекса экономических $I_{\text{экон.}}$, социальных $I_{\text{соц.}}$ и экологических $I_{\text{экол.}}$ показателей:

$$I_{\text{инт.}} = \sqrt[3]{I_{\text{экон.}} + I_{\text{соц.}} + I_{\text{экол.}}} \quad (2)$$

Расчет индексов экономической, экологической и социальной устойчивости был проведен в динамике за период 2015–2019 гг.

На рисунке 1 представлены результаты расчета комплексных показателей МО. В соответствии с рисунком 1 можно сделать вывод о том, что экономическое и экологическое развитие городов Уфы и Салават находятся на одном уровне, чего нельзя сказать о г. Стерлитамак. В свою очередь, индекс социального развития выше у городского округа Стерлитамак.

При проведении оценки уровня были получены интегральные показатели, представленные на рисунке 2.

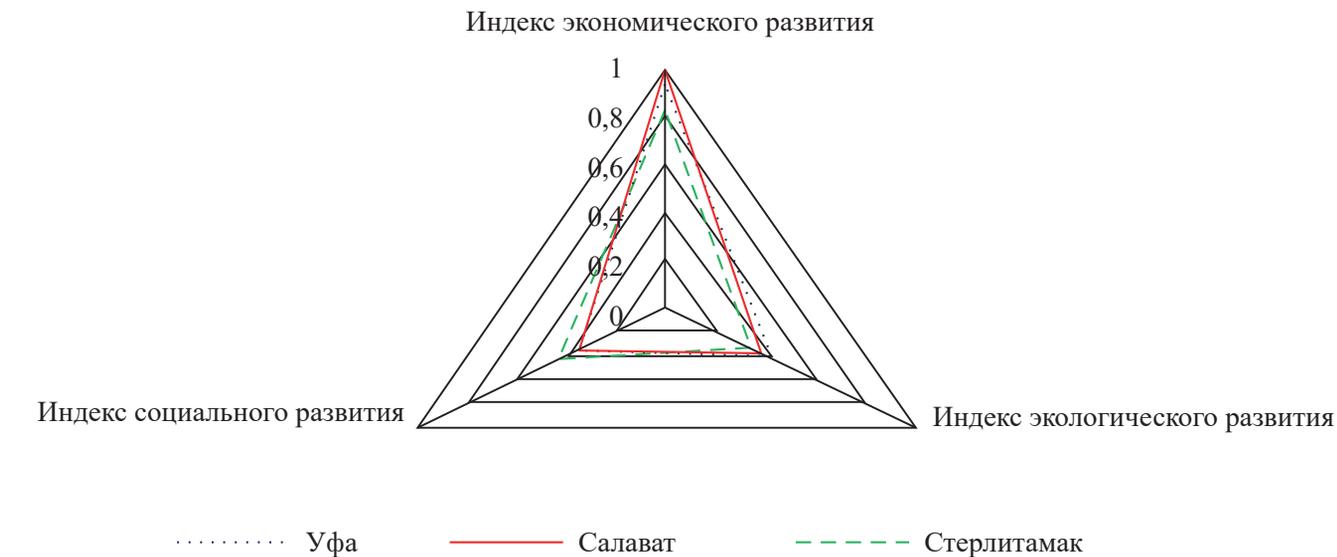
По интерпретации пороговых значений интегрального индекса устойчивости муниципальной социально-экономической системы городские округа г. Уфа и г. Салават относятся ко второй области устойчивости развития, которая соответствует устойчивому или близкому к нему развитию, чего нельзя сказать о городском округе г. Стерлитамак, который вошел в область, соответствующую развитию с признаками неустойчивости [2].

Проведя оценку устойчивого развития МО Республики Башкортостан, мы пришли к выводу, что в методике, по которой оценивался уровень устойчивого развития городских округов, следовало бы учесть элемент бюджетной составляющей МО, а именно структуру и объем бюджетных ресурсов органа местного самоуправления.

Бюджетная подсистема должна включать несколько показателей:

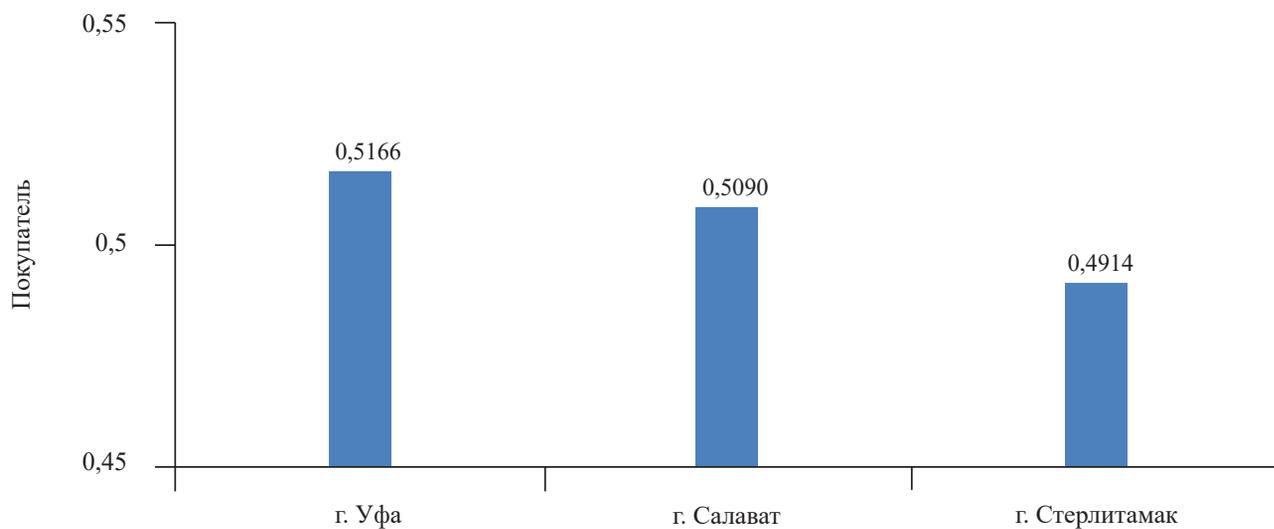
- общая бюджетная устойчивость;
- дефицит/профицит бюджетов;
- общая платежеспособность;

- соотношение кредиторской задолженности и расходов местного бюджета;
- соотношение муниципального долга и объема доходов;
- уровень сбалансированности бюджета.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Комплексные показатели городских округов г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак

Составлено авторами по материалам исследования

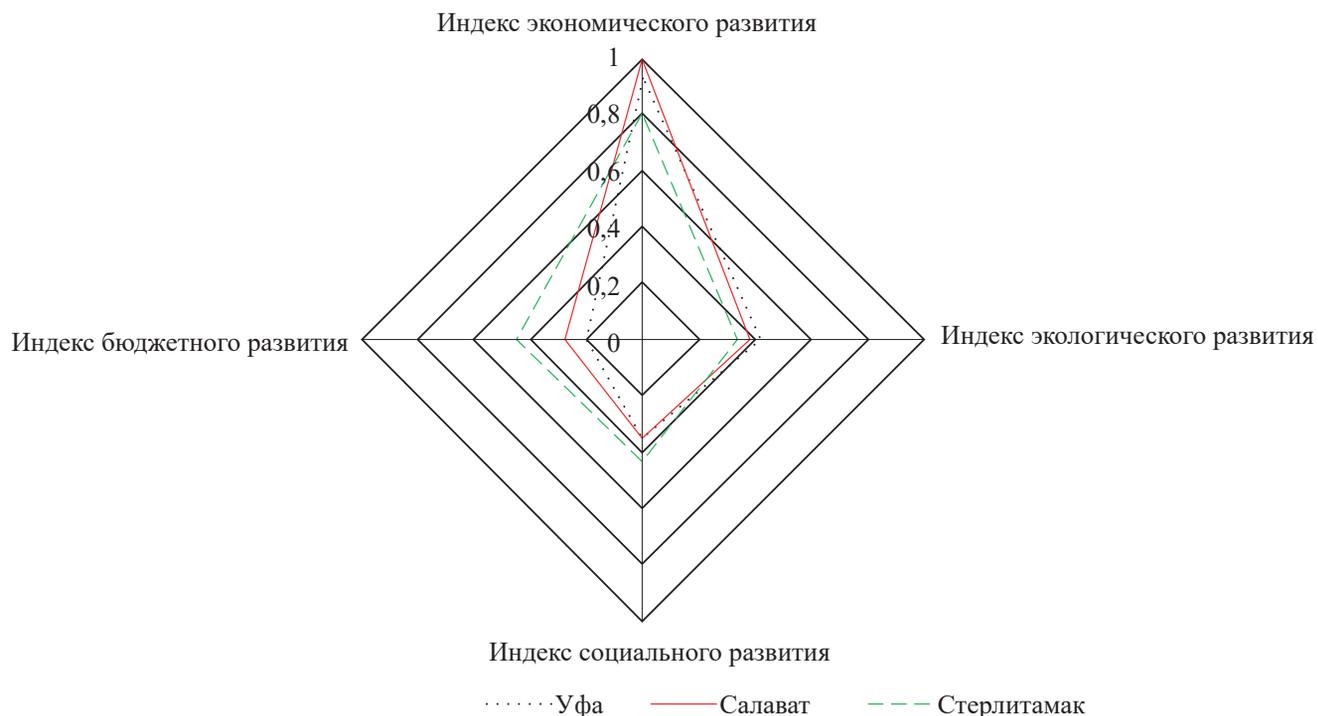
Рис. 2. Интегральные показатели городских округов г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак

В связи с этим необходимо провести расчеты, аналогичные приведенным выше, с учетом бюджетной устойчивости МО.

На рисунках 3, 4 представлены индексы устойчивого развития городских округов г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак с учетом указанной поправки.

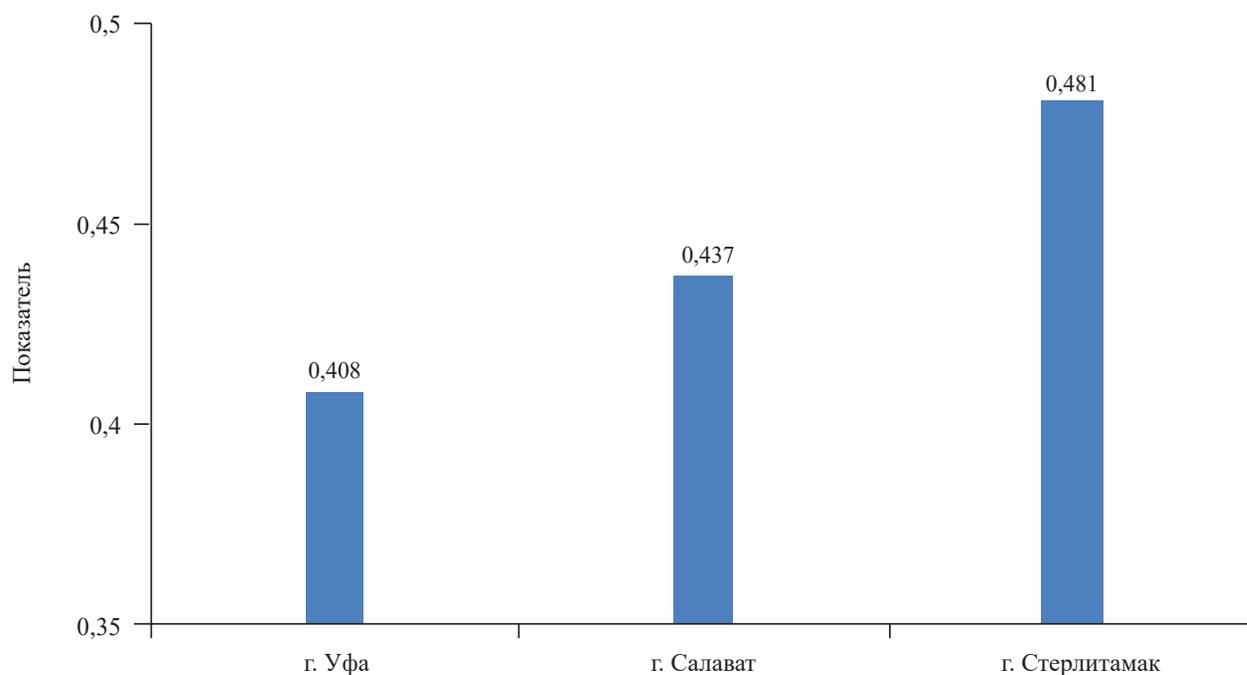
Исходя из представленных на рисунке 3 данных, можно сделать вывод, что г. Стерлитамак намного более развит в бюджетной сфере: индекс бюджетного развития составляет 0,451, а в Уфе и Салавате этот показатель соответственно равен 0,200 и 0,277.

Включив в оценку устойчивого развития МО бюджетную устойчивость, мы получили совершенно иные данные. Так, городской округ г. Стерлитамак имеет преимущество перед другими городами, так как бюджетная устойчивость этого города существенно отличается от г. Уфа и г. Салават.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис.3. Комплексные показатели городских округов г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Интегральные показатели городских округов г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак

По интерпретации пороговых значений интегрального индекса устойчивости муниципальной социально-экономической системы городские округа г. Уфа, г. Салават, г. Стерлитамак относятся к области устойчивого развития, которая соответствует развитию с признаками неустойчивости. В этой зоне накапливаются факторы, снижающие устойчивость системы. Воздействия субъекта управления должны быть направлены

на снижение влияния этих факторов. Данная область отражает присутствие отрицательных тенденций и процессов, которые нарушают равновесие системы, и свидетельствуют об угрозах безопасности системы. Требуется принятие комплекса мер, направленных прежде всего на устранение угроз, обеспечение устойчивого развития системы в долгосрочной перспективе.

Заключение

Систематическое проведение оценки уровня устойчивого развития муниципального образования обеспечивает стабильность системы, ее ориентированность на улучшение уровня и качества жизни населения, а также на социально-экономическое развитие муниципального образования.

Библиографический список

1. Бобылев, С. Н. Устойчивое развитие: методология и методики измерения: Учебное пособие. – М.: Экономика, 2017. – 358 с.
2. Голованов, Е. Б. Методический подход в оценке устойчивого развития региональной экономики // *Современные технологии управления*. – 2015. – № 3 (51). – С. 23–29.
3. Казяйкина, С. А. Устойчивое развитие экономики с точки зрения институциональной природы государства // *Вестник Самарского государственного университета*. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 10 (101). – С. 179–184.
4. Стороненко, М. Г. Потребительская кооперация в условиях устойчивого развития региона // *Вестник Чувашского университета*. – 2016. – № 7. – С. 488–495.
5. Татаркин, А. И., Львов, Д. С., Куклин, А. А., Мызин, А. Л., Яковлев, А. М. Моделирование устойчивого развития как условие повышения экономической безопасности территории. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2010. – 274 с.
6. Филонова, О. О., Боженко А. И. Проблемы устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований // *Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки: международная студенческая научно-практическая конференция № 6*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sibac.info/archive/economy/6.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
7. Фоломьев, А. И. Экономическая динамика и устойчивость хозяйственных систем // *Экономическая устойчивость и инвестиционная активность*. – 2012. – 39 с.
8. Чуркина, И. Ю. Научные основы устойчивого развития региональных социально-экономических систем // *Вестник Поволжского государственного университета сервиса*. Серия: «Экономика». – 2016. – № 1 (15). – С. 43–46.
9. ООН. Повестка дня на 21 век // ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения: 12.04.2021).
10. Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bashstat.gks.ru/> (дата обращения: 09.04.2021).
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики: регионы России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.04.2021).

References

1. Bobylev S. N. *Sustainable development: methodology and measurement methods: Textbook*, Moscow, Ekonomika, 2017, 358 p. (In Russian).
2. Golovanov E. B. Methodological approach in assessing sustainable development of regional economy, *Modern Management Technology*, no. 3 (51), pp. 23–29. (In Russian).
3. Kazyaikina S. A. Sustainable economic development in terms of institutional nature of state, *Vestnik of the Samara State University. Series: Economics and Management*, 2012, no. 10 (101), pp. 179–184. (In Russian).
4. Storonenko M. G. Consumer cooperation in the conditions of sustainable development of the region, *Vestnik Chuvashskogo Universiteta*, 2016, no. 7, pp. 488–495. (In Russian).
5. Tatarkin A. I., L'vov D. S., Kuklin A. A., Myzin A. L., Yakovlev A. M. *Modeling of sustainable development as a condition for increasing the economic security of the territory*, Ekaterinburg, Ural Federal University Publishing House, 2010, 276 p. (In Russian).
6. Filonova O. O., Bozhenko A. I. Problems of sustainable socio-economic development of municipalities, *Scientific Community of Students of the XXI Century. Economic Sciences: International Student Scientific and Practical Conference No. 6*. Available at: <http://sibac.info/archive/economy/6.pdf> (accessed 14.03.2021). (In Russian).
7. Folom'ev A. I. Economic dynamics and stability of economic systems, *Economic Stability and Investment Activity*, 2012, 39 p.

8. Churkina I. Yu. Scientific basis for sustainable development of regional socio-economic systems, *Vestnik of Volga Region State University of Service. Series: "Economics"*, 2016, no. 1 (15), pp. 43–46. (In Russian).
9. UN. Agenda for the 21st century, *UN*. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (accessed 12.04.2021).
10. *Official website of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan*. Available at: <https://bashstat.gks.ru/> (accessed 09.04.2021).
11. *Official website of the Federal State Statistics Service: Regions of Russia*. Available at: <http://www.gks.ru> (accessed 08.04.2021).

Мусинова Нина Николаевна

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Финансовый университет при
правительстве Российской Федерации
(Финуниверситет)», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2194-7856
e-mail: 65651951@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И РАЗВИТИЕ РИТУАЛЬНО-ПОХОРОННОЙ СФЕРЫ В МОСКВЕ

Аннотация. Рассмотрена востребованность ритуально-похоронных услуг, чем обоснована значимость развития ритуально-похоронной сферы для г. Москвы. Отмечено, что правовая основа организации ритуально-похоронной сферы перестала соответствовать темпу и уровню ее развития, и в настоящее время разрабатывается новая редакция базового федерального закона. Выявлены существенные недостатки в организации ритуально-похоронной сферы и содержания мест захоронения, препятствующие ее развитию. С позиции оценки указанных проблем определены основные направления совершенствования данной отрасли, в том числе: совершенствование законодательства; организация эффективной системы деятельности рынка; повышение защищенности граждан в сфере предоставления ритуально-похоронных услуг.

Ключевые слова: сфера услуг, ритуальные услуги, ритуально-похоронное дело, предоставление ритуальных услуг, ритуальное страхование, содержание мест захоронения, регулирование похоронно-ритуальной отрасли, ритуально-похоронная сфера

Для цитирования: Мусинова Н.Н. Организация и развитие ритуально-похоронной сферы в Москве // Вестник университета. 2021. № 6. С. 104–111.

Nina N. Musinova

Cand. Sci. (Econ.), Financial
University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2194-7856
e-mail: 65651951@mail.ru

ORGANIZATION AND DEVELOPMENT OF THE RITUAL AND FUNERAL INDUSTRY IN MOSCOW

Abstract. The demand for ritual and funeral services, which substantiates the importance of the development of the ritual and funeral industry for the Moscow is considered. It is noted that the legal basis for the organization of the ritual and funeral industry has ceased to correspond to the pace and level of its development, and a new version of the basic Federal law is currently being developed. Significant shortcomings in the organization of the ritual and funeral industry and the maintenance of burial places that hinder its development are revealed. From the point of view of the assessment of these problems, the main directions of improvement of this industry are determined, including: improvement of legislation, organization of an effective system of market activities, increasing the protection of citizens in the provision of ritual and funeral services.

Keyword: service sector, funeral services, ritual and funeral business, provision of funeral services, ritual insurance, maintenance of burial places, funeral and ritual industry regulation, ritual and funeral industry

For citation: Musinova N.N. (2021) Organization and development of the ritual and funeral industry in Moscow. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 104–111. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-104-111

Введение

Ритуально-похоронное дело – одно из немногих направлений сферы услуг, которое переживает в настоящее время свое активное развитие. Накопленный опыт показывает, что в рамках рыночной экономики имеется огромный резерв для развития этой сферы.

Значимость организации ритуальных услуг и содержания мест захоронения в городе Москве определяется востребованностью этого вида услуг, затрагивающего интересы всего населения столицы. В похоронах ежегодно участвуют сотни тысяч горожан (табл. 1).

© Мусинова Н.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Musinova N.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Таблица 1

Динамика смертности населения Москвы в 2015–2020 гг.

Показатель	Год						Изменение за период, %
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Численность умерших, тыс. чел.	121,9	123,8	118,9	122,1	120,4	132,7	108,9
На 1 000 чел. населения	9,9	10	9,6	9,7	9,5	11,4	1,5

Источник: [14]

Смертность населения в Москве увеличилась за последние 6 лет на 8,9 %, особенно заметен рост этого показателя в 2020 г. – на 10,1 % по сравнению с 2019 г. Значительно вырос показатель смертности на 1 000 чел. населения с 9,5 в 2019 г. до 11,4 в 2020 г. Причиной его рекордного роста, безусловно, явилась пандемия COVID-19.

В связи с ростом смертности в 2020 г., объем оказываемых ритуальных услуг населению Москвы существенно увеличился относительно 2019 г. (на 40,1 %) и составил 9 495 млн руб., о чем свидетельствуют данные, представленные в таблице 2.

Таблица 2

Объем ритуальных услуг в г. Москва за 2015–2020 гг.

Показатели	Год						Изменение за период, %
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
Объем РУ населению города Москвы, млн руб.	6 528	5 356	6 304	6 179	6 778	9 495	145,5
Всего оказанные бытовые услуги, млн руб.	71 340	73 255	77 176	79 967	97 696	86 005	120,6
Доля ритуальных услуг в общем объеме оказанных бытовых услуг, %	9,2	7,3	8,2	7,7	6,9	11,0	1,9

Источник: [14]

За период 2015–2020 гг. объем ритуальных услуг, оказываемых населению, увеличился на 45,5 %, в том числе за 2015–2019 гг. – на 3,8 %. В 2020 г. Доля ритуальных услуг в общем объеме оказанных бытовых услуг населению возросла по сравнению с предыдущим годом на 4,1 %. Таким образом, пандемия COVID-19 оказала существенное влияние на развитие рынка, стимулировала его рост.

Базовым законом ритуально-похоронной сферы, особенно в части формирования специфического рынка ритуально-похоронных услуг, является федеральный закон «О погребении и похоронном деле» [1]. В Москве вопросы похоронной сферы наряду с этим регламентируются также Законом города Москвы [2].

Следует отметить, что положения базового федерального закона были призваны способствовать оздоровлению ритуально-похоронной сферы, однако его нормы перестали соответствовать темпу и уровню ее развития, не позволяя интенсивно развиваться дальше. Наряду с этим на федеральном портале проектов нормативных правовых актов размещена редакция нового законопроекта о похоронном деле, реальное вступление в силу которого может состояться в 2021–2022 гг. [13]. Одновременно разрабатывается пакет подзаконных актов, в том числе Правила предоставления ритуально-похоронных услуг.

Вместе с тем многие вопросы организации ритуально-похоронного дела приходится решать практически работникам предприятий и органов власти уже сейчас, не дожидаясь выхода закона. Например, оценка качества изделий и услуг ритуально-похоронного назначения, повторное использование брошенных (бесхозных) мест захоронений и др. Необходимость поиска путей преодоления имеющихся проблем осуществляется не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов Российской Федерации. Актуальны эти вопросы и для города федерального значения, столицы Российской Федерации Москвы.

Литературный обзор

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых и практиков в сфере организации похоронного дела и ритуальных услуг.

Социальная значимость ритуально-похоронной сферы, вопросы регулирования деятельности по предоставлению ритуальных услуг и роль профессионального стандарта как основного инструмента обеспечения качества обслуживания потребителей услуг такого рода показана О. А. Ларионовым в научно-аналитическом обзоре [6].

В работах [10; 11] проанализированы понятия «похоронные услуги» и «ритуальные услуги» и выявлены их отличительные признаки, рассмотрены вопросы организации ритуально-похоронного дела и ритуального сервиса, конкуренции в регионах и муниципальных образованиях, а также в других странах Европы. Определению перспективы захоронений в России посредством кремации посвящено исследование [9].

Проблемы и механизмы устойчивого развития ритуально-похоронной сферы в регионах и муниципальных образованиях рассмотрены в работе [5]. Проблемам похоронного дела в городе Москве в период пандемии посвящена работа [8]. Направления совершенствования деятельности муниципальных органов в сфере оказания ритуальных услуг и содержания мест захоронения рассмотрены в работах [4; 7], вопросам ритуального страхования и перспективам его развития в России посвящено исследование [3].

Теория и методы

Рынок похоронных услуг города Москвы разделен на 4 рыночных сегмента: агентских услуг; услуг кладбищ; услуг крематориев; услуг благоустройства на месте захоронений, установки надмогильных захоронений. На рынке ритуальных услуг Москвы основную долю занимает находящееся в ведении Департамента торговли и услуг города Москвы ГБУ «Ритуал», созданное с целью оказания населению качественно и по доступным ценам полного спектра ритуальных услуг. В настоящее время ГБУ «Ритуал» обслуживает 136 кладбищ и 3 городских крематория. Отметим, что в последний год в связи с ограничениями в рамках пандемии COVID-19, наибольшее развитие в столице получает кремация умерших – около 70 % от их общего количества. Если в 2000 г. на кремацию приходилось 37 % захоронений, в 2010 г. – 49 %, то в 2020 г. – их уже 66 %, при этом прогнозируется, что к 2030 г. этот показатель достигнет 78 % [8].

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что ГБУ «Ритуал» фактически является монополистом в сфере приобретения мест захоронения и оказания услуг кремации, поскольку его доля на рынке кремации и кладбищ Москвы составляет 100 %. В сфере оказания агентских услуг на долю ГБУ «Ритуал» приходится около 30 %, а остальные 70 % разделены между частными структурами. На рынке установки надмогильных сооружений ГБУ «Ритуал» принадлежит 10 %, остальные 90 % распределены между 400 частными структурами.

Наблюдается монополизация рынка ритуальных услуг государственными и муниципальными унитарными предприятиями, неофициальное ранжирование мест захоронений на элитные (места у центральных дорожек, рядом с воротами, культовыми сооружениями, участками, выделенными под воинские могилы и историко-мемориальные могилы), плановые и места социальных захоронений.

Проблемой также является зафиксированная законом стоимость услуг по гарантированному перечню. Даже с учетом районных коэффициентов и предполагаемого уровня инфляции итоговая сумма, которая возмещается специализированным похоронным службам или выплачивается в виде пособия на погребение, не покрывает реальных затрат на организацию погребения усопшего. В Москве в 2020 г. средняя стоимость похорон составляла 70–80 тыс. руб., а пособие с 1 февраля 2021 г. составляет 6 424 руб., что в 11,6 раз меньше, чем необходимая сумма на организацию похорон.

Одной из острых проблем мегаполиса является проблема противоправного сотрудничества ритуальных фирм с различными структурами, которым в короткие сроки становится доступна информация о смерти человека, а также наличие в этой сфере тотальной коррупции и механизмов недобросовестной конкуренции (скупка информации об умерших, формирование псевдомогил как резервных мест для захоронения; повторная продажа мест для захоронения, ранее оформленных под семейное захоронение; продажа мест по «договоренности» и др.).

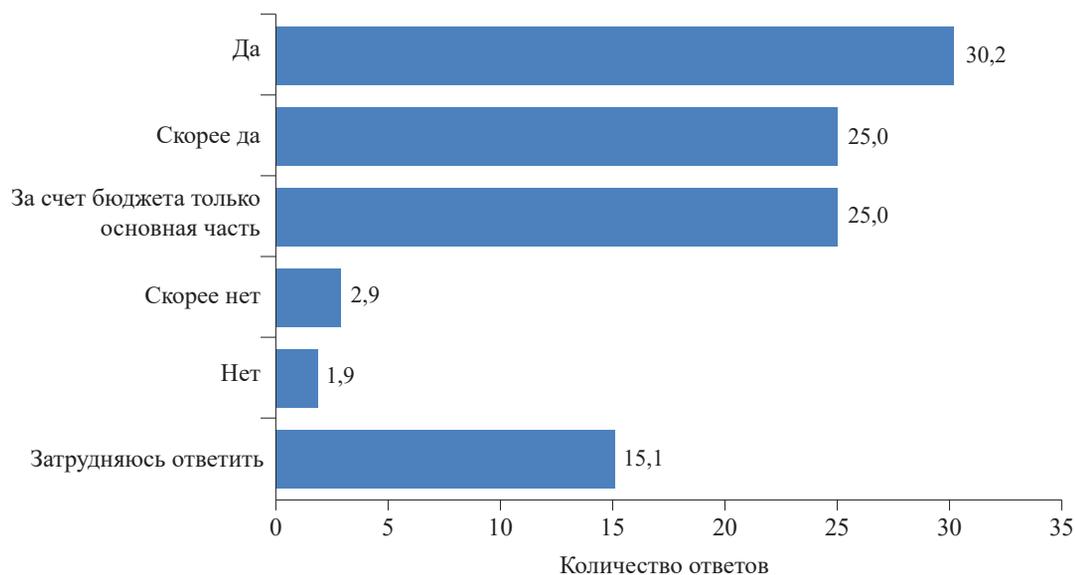
Значимой проблемой не только для рынка Москвы, но и других регионов является отсутствие системы лицензирования и сертификации. Доступ на рынок ритуальных услуг может получить любой, что влечет за собой появление на рынке недобросовестных поставщиков услуг и, как следствие, снижение защищенности получателей услуг [5]. В этой сфере отсутствуют специализированные службы государственного и общественного контроля, а также утвержденные критерии качества предоставления услуг. Это приводит к росту числа неблагонадежных ритуальных агентств, основной целью которых является не исполнение социальной функции, а получение выручки и минимизация налогов, что приводит к снижению уровня защищенности получателей услуг, к наличию случаев предоставления услуг с нарушением санитарно-эпидемиологических, технических, этико-моральных норм.

Другой острой проблемой является недостаток мест для захоронений. Сейчас кладбища в Москве занимают 2 тыс. га, на них имеется 10–12 млн захоронений. В столице каждый год из 100 тыс. погребаемых 48 тыс. захоранивается в землю, из них только 10 тыс. – на новых участках открытых кладбищ, остальные хоронят преимущественно в родственные могилы и ранее приобретенные родовые захоронения. Имеющиеся затруднения в подсчете свободных мест на кладбищах, а также увеличение численности населения (в т. ч. и вследствие миграционного прироста) затрудняют объективную оценку ситуации относительно возможной вместимости кладбищ в будущем. Это нередко приводит к нарушению норм территориальной организации кладбищ (например, когда территория кладбища «наползает» на селитебные территории) или под кладбища выделяются территории, не соответствующие санитарным и правовым нормам.

Как показывают результаты социологического исследования [12], проведенного в 2019 г., в Москве сохраняется дефицит земли для кладбищенских нужд и в ближайшие годы, с учетом темпов роста населения, эта проблема только усугубится. Дело здесь не только в жестких требованиях, затрудняющих поиск участков под новые кладбища, но и в негативном отношении жителей любого поселения к появлению по соседству таких объектов. Вероятное соседство с кладбищем может привести к росту социально-политической напряженности.

Проблемой является и дефицит бюджетных средств не только для поддержания на должном уровне состояния кладбищ, качества предоставляемых ритуальных услуг, но и для развития данной отрасли. В связи с этим из желания сэкономить наблюдается пренебрежение рядом норм при реализации требований законодательства.

Вместе с тем результаты социологического исследования показывают, что 30,2 % горожан ответили вполне определенно, что в социальном государстве похороны каждого человека должны финансироваться из государственного бюджета. Еще четверть горожан скорее согласна с этим утверждением. Еще 25 % считают, что за счет бюджета должна финансироваться только основная часть. Обратной точки зрения придерживаются в совокупности всего 4,8 % (рис. 1).

Источник: [12]

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Считаете ли вы, что в социальном государстве похороны каждого человека должны финансироваться из государственного бюджета?»

Вопросы социальных гарантий сейчас стоят наиболее остро в связи с определенным снижением доходов населения. С одной стороны, в расходной части государственного бюджета и внебюджетных фондов социальные расходы имеют существенный удельный вес, и тенденцию к их увеличению нельзя назвать положительной. С другой стороны, большая часть потенциальных потребителей ритуальных услуг находится в пенсионном возрасте и нуждается в социальной поддержке, поскольку часто не в состоянии полностью оплачивать ритуальные услуги ввиду их дороговизны. Вероятно, предложенный механизм социального обеспечения должен действовать избирательно и касаться наименее обеспеченных слоев населения, для которых такая поддержка особенно важна. При этом результаты опроса косвенно указывают на то, что тех социальных компенсаций, которые действуют сейчас, однозначно недостаточно для проведения похорон даже в самом бюджетном варианте.

Проблемой является и закрепление в законе приоритета органов государственного и муниципального управления в организации похоронного дела. Частный бизнес города Москвы ограничен в возможности принимать участие в организации и предоставлении ритуальных услуг, стать источником финансирования развития похоронной сферы, например, создания крематориев.

Основные результаты

Оценка проблем организации предоставления ритуальных услуг и содержания мест захоронения в Москве позволяет определить стратегическую цель ритуально-похоронной сферы – повышение прозрачности рынка, его предсказуемости как для клиентов, так и для существующих на рынке компаний. Ее основные направления:

- совершенствование законодательства в ритуально-похоронной сфере;
- организация эффективной системы деятельности рынка;
- повышение защищенности граждан в сфере предоставления ритуально-похоронных услуг.

На наш взгляд, довольно прогрессивным стало бы включение в текст законодательных актов в сфере похоронного дела норм о ведении на территории Москвы единого реестра кладбищ и реестра специализированных служб и иных лиц, оказывающих услуги по погребению. Порядок формирования и ведения этих реестров должен определяться Правительством Москвы. В реестры должны заноситься данные о специализированных службах и лицах, оказывающих услуги по погребению на обязательной основе и только о тех из них, которые прошли сертификацию в порядке, установленном Правительством Москвы. При этом информация, содержащаяся в них, через сеть «Интернет» должна стать доступной населению. Тем самым создание базы проверенных поставщиков услуг приведет к тому, что выход на рынок ритуальных услуг недобросовестным поставщикам будет закрыт.

В настоящее время Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации разработан проект, согласно которому на государственной земле будут организованы новые кладбища, обслуживать которые смогут частные операторы, – те компании, с которыми субъектом Российской Федерации заключены соглашения, и сведения о которых внесены в региональный реестр (базу добросовестных участников рынка).

Утверждение правил, в том числе содержания кладбищ и крематориев, типовых договоров на организацию похорон, требования к оказанию ритуальных услуг, правила организации, минимальные размеры и плата за организацию семейных мест захоронения, содержание мест захоронения, предоставление гарантированного перечня услуг родственникам умерших, которые имеют право на оплату похорон за государственный счет – все это и многое другое законопроектом закреплено за региональной властью и муниципальными органами. При этом муниципалитеты должны будут вести учет мест захоронения и кладбищ, заниматься содержанием мест захоронения, предоставлением гарантированного перечня услуг родственникам умерших, которые имеют право на оплату похорон за государственный счет. На местном уровне утверждается и перечень предметов, необходимых для оказания таких похорон [13].

В Москве необходимо обеспечить комплексность предоставления ритуальных услуг посредством создания похоронных домов, предлагающих клиенту полный комплекс необходимых услуг, начиная от констатации смерти до захоронения (или кремации).

Одно из направлений повышения защищенности граждан в сфере развития рынка предоставления ритуально-похоронных услуг – ритуальное страхование как гарантия подобающей организации похорон и предоставления прочих ритуальных услуг. Ритуальное страхование – программа страхования, покрывающая расходы родственников умершего на проведение похорон, дающая возможность прижизненно распорядиться

погребением и застраховать похоронные сбережения от возможных рисков. Закрепление ритуального страхования на законодательном уровне позволит узаконить этот вид услуг, обеспечить его прозрачность и повысить уверенность клиента в качестве проведения похорон.

Крупным шагом на пути усиления общественного контроля в этой сфере может стать включение в правовые акты вопроса о создании попечительских (наблюдательных) советов по вопросам похоронного дела, которые могут создаваться по решению Правительства Москвы и органов местного самоуправления.

Проблему нехватки земли под захоронения поможет решить при создании кладбищ на территории Московской области государственно-частное партнерство. В качестве рекомендаций по развитию похоронного дела в Москве в ситуации ограниченности мест захоронения перспективным может стать создание регламента на отведение определенной площади под захоронение на одного человека со всеми необходимыми атрибутами (могильные плиты, памятники).

Перспективным, на наш взгляд, является создание в Москве парков памяти, популярных сейчас в Австралии, Германии и Америке. Это зеленая зона, обыкновенный парк или сад, где происходит захоронение урн, развеивание праха, то есть альтернативные действия (не закапывание гробов в землю). Там нет могильных оградок, земля не разделена на квадратики и не привязана к конкретному человеку. Это про единое пространство для всех захороненных.

Выводы

Основные тенденции рынка ритуально-похоронных услуг в Москве – преобладание кремации умерших над захоронением в гробу, а также предоставление онлайн-услуг. Цифровизация оказывает значительное влияние на рынок ритуальных услуг [15].

Существующие проблемы в законодательстве, регулирующем организацию похоронного дела в Российской Федерации, оказывают весомое влияние на положение как получателей ритуально-похоронных услуг, так и их поставщиков. Однако формирование ассоциаций и союзов специалистов ритуальной сферы, их активность в формулировке и продвижении концепций, программ и стратегий развития отрасли, поддержка этой инициативы органами государственной власти, нашедшая свое отражение в вынесении на рассмотрение проекта нового закона, дает надежду, что многие из указанных проблем будут решены, законодательная база в этой сфере будет в большей степени соответствовать международным стандартам и станет новым толчком к развитию сферы ритуальных услуг, повышению качества последних, возрастанию степени реализации заявленных законом социальных гарантий для граждан.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. 30.04.2021) // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/105870> (дата обращения: 11.04.2021).
2. Закон г. Москвы от 4 июня 1997 г. № 11 «О погребении и похоронном деле в городе Москве» (ред. 07.05.2014) // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.garant.ru/#/document/360299> (дата обращения: 11.04.2021).
3. Проект Федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.11.2020) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/> (дата обращения: 16.04.2021).
4. Гзогян, С. А., Саргсян, Н. М. Ритуальное страхование и перспективы его развития в Российской Федерации // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 12 (29). – С. 228–231.
5. Ивановская, М. Е. О направлениях совершенствования деятельности органов муниципальной власти в сфере оказания ритуально-похоронных услуг // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики и управления. Сборник научных статей. – 2019. – С. 222–225.
6. Кириллова, А. Н., Мусинова, Н. Н. Проблемы и механизмы устойчивого развития ритуально-похоронной сферы в регионах и муниципальных образованиях // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 12 (ч.1) (декабрь). – С. 540–546.
7. Ларионов, О. А. Регулирование деятельности социально значимой сферы услуг (вопросы качества обслуживания): научно-аналитический обзор / под ред. Л. А. Михайловой. – М.: Экономическое образование, 2013. – 234 с.

8. Литвинова, Ю. А., Арутюнова, А. Е. Совершенствование системы управления в сфере оказания ритуальных услуг и содержания мест захоронения на муниципальном уровне // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Новая парадигма развития экономических систем в условиях цифровизации: теория, методология, управление»*, 13–14 февраля 2020 г. / Кубанский государственный технологический университет, Институт экономики, управления и бизнеса. – Краснодар, 2020. – С. 189–197.
9. Полянко, Н. И., Галузо, В. Н. О некоторых проблемах похоронного дела в городе Москве в условиях пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) // *Актуальные исследования*. – 2020. – № 11 (14). – С. 8–14.
10. Сулоев, А. В. Кремация в России: 1919–2019 гг. Анализ. Состояние. Перспектива // *Материалы XX Международной научно-практической конференции «Современные подходы к управлению похоронным делом»*. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://drive.google.com/file/d/1xhohwxb3mZ_Bb3K7hreg-UT6Z6VhcTxA/view (дата обращения: 16.04.2021).
11. Сюткин, Г. Н., Говорин, А. А. Организация ритуально-похоронного дела: монография. – Москва: Изд-во РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 315 с.
12. Сюткин, Г. Н., Говорин, А. А. Ритуальный сервис: учебное пособие для среднего профессионального образования. – М.: Юрайт, 2019. – 232 с.
13. Информационно-аналитический отчет о результатах социологического исследования «Мониторинг общественного мнения о системе ритуального обслуживания в городе Москве». – 2019. – 49 с.
14. Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mosstat.gks.ru/> (дата обращения: 10.04.2021).
15. Цифровизация поможет повысить качество ритуальных услуг // *Российская газета* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/12/24/cifrovizaciia-pomozhet-povysit-kachestvo-ritualnyh-uslug.html> (дата обращения: 10.04.2021).

References

1. Federal Law No. 8-FZ dated on January 12, 1996 “On burial and funeral business” (as amended, dated on April 30, 2021), *Information and legal portal “Garant”*. Available at: <http://study.garant.ru/#/document/105870> (accessed 11.04.2021).
2. Law of the city of Moscow No. 11 dated on June 4, 1997 “On burial and funeral business in the city of Moscow” (as amended, dated on May 5, 2014), *Information and legal portal “Garant”*. Available at: <http://study.garant.ru/#/document/360299> (accessed 11.04.2021).
3. Draft Federal Law “On funeral in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (as amended, introduced in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text dated on November 27, 2020), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/> (accessed 16.04.2021).
4. Gzogyan S. A., Sargsyan N. M. Ritual insurance and prospects for its development in the Russian Federation, *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*, 2018, no. 12 (29), pp. 228–231. (In Russian).
5. Ivanovskaya M. E. On the directions of improving the activities of municipal authorities in the provision of ritual and funeral services, *Actual problems and prospects for the development of innovative economics and management: Collection of scientific articles*, 2019, pp. 222–225. (In Russian).
6. Kirillova A. N., Musinova N. N. Problems and mechanisms of the sustainable development in the ritual- funeral sphere in the regions and municipalities, *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2016, no. 12 (part 1) (December), pp. 540–546. (In Russian).
7. Larionov O. A. *Regulation of the activities of a socially significant service sector (issues of service quality): scientific and analytical review*, edited by L. A. Mikhailova, Moscow, Ekonomicheskoe obrazovanie, 2013, 234 p.
8. Litvinova Yu. A., Arutyunova A. E. Improving the management system in the provision of funeral services and maintenance of burial sites at the municipal level, *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference “New paradigm for the development of economic systems in the context of digitalization: theory, methodology, management”*, Kuban State Technological University, Institute of Economics, Management and Business, Krasnodar, 2020, pp. 189–197. (In Russian).
9. Polyanko N. I., Galuzo V. N. About some problems of funeral business in Moscow in the context of a coronavirus pandemic (COVID-19), *Aktual'nye issledovaniya*, 2020, no. 11 (14), pp. 8–14. (In Russian).
10. Suloev A. V. Cremation in Russia: 1919–2019. Analysis. Condition. Perspective, *Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference “Modern Approaches to Funeral Management”*, 2019. Available at: https://drive.google.com/file/d/1xhohwxb3mZ_Bb3K7hreg-UT6Z6VhcTxA/view (accessed 16.04.2021).
11. Syutkin G. N., Govorin A. A. *Organization of ritual and funeral business: monograph*, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics Publ. House, 2017, 315 p.

12. Syutkin G. N., Govorin A. A. *Ritual service: textbook for secondary vocational education*, Moscow, Yurait, 2019, 232 p.
13. Information and analytical report on the results of the sociological research “*Monitoring of public opinion on the system of ritual services in the city of Moscow*”, 2019, 49 p. (In Russian).
14. Department of the Federal State Statistics Service for Moscow and the Moscow Region. Available at: <https://mosstat.gks.ru/> (accessed 10.04.2021).
15. Digitalization will help improve the quality of funeral services, Rossiiskaya gazeta. Available at: <https://rg.ru/2020/12/24/ci-frovizaciia-pomozhet-povysit-kachestvo-ritualnyh-uslug.html> (accessed 10.04.2021).

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

УДК 336.025 JEL H21

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-112-120

Карп Марина Викторовна
д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7339-9911
e-mail: marvik-09@mail.ru

Захарова Александра Вячеславовна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4444-1209
e-mail: avzakharova@mail.ru

Типалина Мария Валерьевна
канд. экон. наук, «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: mariatipalina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9984-1891

Самоделько Людмила Сергеевна
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: Samodelko-diplom@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6551-5625

Marina V. Karp
Dr. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7339-9911
e-mail: marvik-09@mail.ru

Aleksandra V. Zakharova
Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4444-1209
e-mail: avzakharova@mail.ru

Mariya V. Tiplalina
Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: mariatipalina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9984-1891

Lyudmila S. Samodelko
Cand. Sci. (Econ.), State University of Management, Moscow, Russia
e-mail: Samodelko-diplom@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6551-5625

ОБЗОР ПОКАЗАТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ РЕСУРСОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ НАЛОГОВОЙ СЛУЖБЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Предпринимательство является неотъемлемой составляющей рыночной экономики. Однако, лишь в последнее время представилась возможность анализировать этот кластер в оперативном режиме. Цель работы – качественный анализ показателей, формируемый Федеральной налоговой службой России для характеристики деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства. В статье представлены результаты обзора показателей информационно-цифровых ресурсов Федеральной налоговой службы России, характеризующих деятельность субъектов малого предпринимательства: единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства; единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки; единый государственный реестр налогоплательщиков; государственный информационный реестр бухгалтерской (финансовой) отчетности; сервис «Прозрачный бизнес». Сделан вывод, что информационно-статистические базы Федеральной налоговой службы России обладают существенным потенциалом для частичного формирования данных статистической отчетности субъектов малого и среднего предпринимательства, а также допустимы для экономико-статистического анализа деятельности как конкретного субъекта, так и для группы субъектов.

Ключевые слова: налогообложение, налоговое администрирование, налоговый контроль, декларирование, средний бизнес, малый бизнес, микропредприятия, информационно-цифровой ресурс, налоговый реестр, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Карп М.В., Захарова А.В., Типалина М.В., Самоделько Л.С. Обзор показателей информационно-цифровых ресурсов Федеральной налоговой службы, характеризующих деятельность субъектов малого предпринимательства // Вестник университета. 2021. № 6. С. 112–120.

OVERVIEW OF INDICATORS OF INFORMATION AND DIGITAL RESOURCES OF THE FEDERAL TAX SERVICE THAT CHARACTERIZE THE SMALL BUSINESSES ACTIVITIES

Abstract. Entrepreneurship is an integral part of the market economy. However, only recently it has been possible to analyse this cluster online. The purpose of the research paper is a qualitative analysis of indicators formed by the Federal Tax Service of Russia to characterize the activities of small and medium-sized businesses. The article presents the results of a review of the indicators of information and digital resources of the Federal Tax Service of Russia that characterize the activities of small businesses: the unified register of small and medium-sized businesses; the unified register of small and medium-sized businesses – recipients of support; the unified state register of taxpayers; the state information register of accounting (financial) reporting; the “Transparent Business” service. It is concluded that the information and statistical databases of the Federal Tax Service of Russia have a significant potential for partial formation of statistical reporting data of small and medium-sized businesses, and are also acceptable for economic and statistical analysis of the activities of both a specific entity and a group of entities.

Keywords: taxation, tax administration, tax control, declaration, medium-sized business, small business, microenterprises, information and digital resource, tax register, interdepartmental interaction

For citation: Karp M.V., Zakharova A.V., Tiplalina M.V., Samodelko L.S. (2021) Overview of indicators of information and digital resources of the Federal Tax Service that characterize the small businesses activities. Vestnik universiteta, no. 6, pp. 112–120. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-112-120

© Карп М.В., Захарова А.В., Типалина М.В., Самоделько Л.С., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Karp M.V., Zakharova A.V., Tiplalina M.V., Samodelko L.S., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Проблемы снижения административной нагрузки на хозяйствующие субъекты, в том числе малый бизнес, находятся сегодня в центре внимания государственных органов. При этом до определенного момента отсутствовала сама возможность оперативной оценки и анализа деятельности хозяйствующих субъектов. В свою очередь оценочные и аналитические выкладки опирались на показатели, формируемые Федеральной службой государственной статистики России (Росстат), что не способствовало своевременному принятию решений в области оперативного и стратегического регулирования этой экономической составляющей.

Первые шаги в указанном направлении сделаны: организации освобождены от сдачи бухгалтерской отчетности в Росстат, поскольку ее представляют в налоговые органы в электронном виде и размещают на общедоступном государственном информационном ресурсе; отменена обязанность организаций представлять декларации по транспортному и земельному налогам и т. п. [7; 9; 10]. Федеральная налоговая служба России (далее – ФНС России) начала публикацию пока минимального объема общепринятых и отражаемых Росстатом показателей, характеризующих предпринимательскую деятельность в виде открытых и публичных данных [5]. Определенно, это только начало большого процесса, но цифровые возможности и разнообразие имеющихся показателей позволяют констатировать наличие показателей иного качества, характеризующих предпринимательскую деятельность [6]. Однако у организаций остался существенный объем работы по формированию статистической отчетности для Росстата. Часть показателей данных форм предпринимательства может быть сформирована на основе данных информационных баз ФНС России.

Цель исследования – оценка качества показателей, формируемых ФНС России, для характеристики предпринимательской деятельности субъектов малого и среднего бизнеса.

В качестве задач выделены:

- определение ресурсного потенциала ФНС России с целью характеристики деятельности малого и среднего бизнеса;
- выделение показателей, характеризующих предпринимательскую деятельность рассматриваемых субъектов;
- качественная оценка возможности их применения.

Исследование

Субъекты малого и среднего бизнеса – хозяйствующие субъекты, относимые к данной форме предпринимательства на основании условий ст. 4 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» и Постановления Правительства Российской Федерации (далее – РФ) от 4 апреля 2016 № 265, к которым относятся средние, малые и микропредприятия [3; 4].

Сегодня к статистическим данным, формируемым ФНС России в виде индивидуальных и агрегированных данных, необходимо отнести показатели, отражаемые в статистических налоговых формах отчетности, специализированных реестрах и информационных сервисах, опирающихся на данные, полученные в результате администрирования деятельности субъекта, и на налоговую и бухгалтерскую отчетность организации.

В качестве агрегированных источников информации, публикуемых информационно-цифровым ресурсом в рубрике статистика и аналитика вкладки «Деятельность», выступают формы официальной статистической налоговой отчетности [11]. В результате анализа указанных источников информации был подтвержден факт, что в формах статистической налоговой отчетности ФНС России содержится сводная информация по налогоплательщикам, администрированию и налогообложению. Однако эта информация в итоге не обеспечивает характеристику деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства в связи с отсутствием выделения субъектов в качестве самостоятельных групп.

На ФНС России возложена обязанность по ведению единого реестра субъектов малого предпринимательства и реестра бухгалтерской (финансовой) отчетности [1; 2]. Данные, отражаемые в этих реестрах формируются на базе первичных налоговых источников информации (налоговые декларации) и бухгалтерской отчетности хозяйствующего субъекта. Таким образом, ФНС России формирует статистические наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства и осуществляет их публикацию на собственном официальном сайте [3; 11].

Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, формируемый ФНС России, является одним из основных информационно-цифровых ресурсов, аккумулирующий административные данные о налогоплательщиках данной группы [3; 8]. Основная цель реестра заключается в публикации и предоставлении пользователям результирующих данных, которые качественно характеризуют деятельность хозяйствующих субъектов и базируются на обезличенных налоговых данных в режимах поиска информации и статистических данных. Сведения из реестра предоставляются в виде документа или документов из источника информации «вид сведений», которым и является реестр. Таким образом, ФНС России обеспечивает обмен информацией в рамках межведомственного взаимодействия и рамках общего доступа. В первом случае предоставляемые сведения носят официальный характер, а во втором – характер публичной информации [8].

Выделение субъектов малого предпринимательства в реестре осуществляется по определенным критериям [3]. Основными критериальными условиями отнесения субъекта хозяйственной деятельности к той или иной группе предпринимательства выступают:

- размер дохода;
- численность работающих;
- доля участия других организаций и компаний в уставном капитале [5].

В то же время общими критериями для всех субъектов хозяйственной деятельности в рамках формирования показателей, характеризующих деятельность микропредприятий целесообразно считать размер дохода и численность работающих, так как иные условия для производственных, потребительских кооперативов, крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей в расчетах не учитываются [3].

В связи с изложенным выше можно констатировать, что ФНС России на сегодняшний день является поставщиком специализированной информации как в рамках межведомственного взаимодействия для федеральных и региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, так и в виде общедоступных статистических данных в виде агрегированных форм отчетности и аналитико-статистических выкладок.

В качестве способов получения данных из информационно-цифрового ресурса ФНС России, в том числе сведений из Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства и обеспечения тем самым доступа потребителя к налоговой информации необходимо выделить следующие методы:

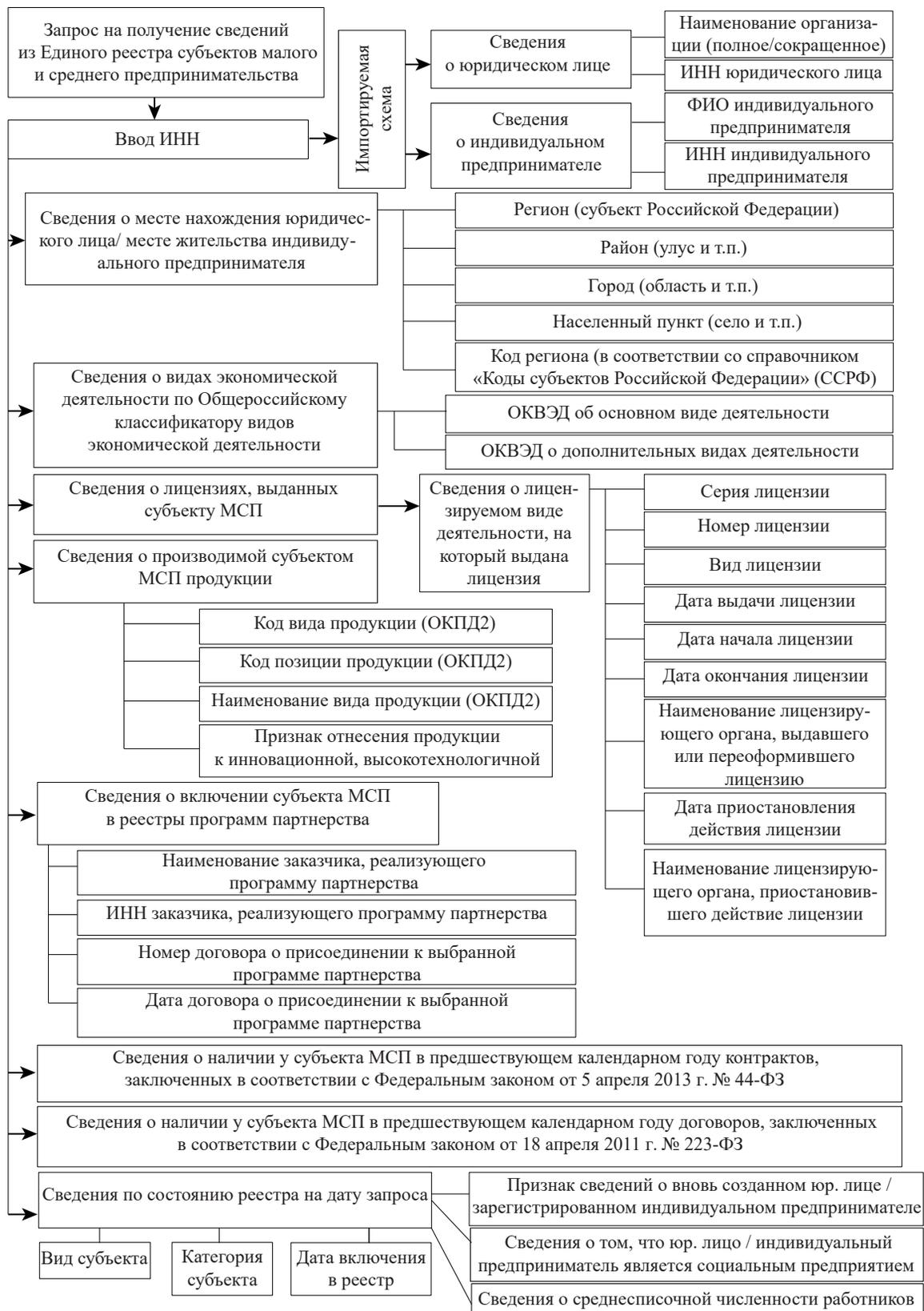
- метод экспорта данных, то есть формирование выборочных (конкретных) данных из реестра осуществляемый по запросу потребителя в рамках как межведомственного взаимодействия, так и общего доступа, например, сведения (выписка) из реестра;
- метод публикации информации, то есть формирование агрегированных форм отчетности как в целом по РФ, так и в различных разрезах, например, по территориальному признаку, ОКВЭД и т. п.

Запросная форма предоставления данных из реестра базируется на данных из других реестров ФНС России: ЕГРН (Единый государственный реестр налогоплательщиков), ЕГРИП (Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей), ЕГРЮЛ (Единый государственный реестр юридических лиц), а показатели формируются в соответствии со справочником «Субъекты Российской Федерации», Общероссийским классификатором видов экономической деятельности, Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности ОК 034-2014 (КПЕС 2008) (ОКПД2 – расширенный состав), выбираются из справочника программ партнерства [8] (рис. 1).

Однако данная форма является наиболее комфортной при проверке контрагента или при получении общей информации, в том числе в виде количественных показателей о хозяйствующем субъекте, и наименее желательна с позиции формирования статистических показателей в рамках межведомственного взаимодействия, так как поисковые запросы не позволяют формировать количественные показатели, характеризующие предпринимательскую деятельность малого и среднего бизнеса в целом. Количественные показатели, характеризующие деятельность субъектов малого и среднего бизнеса, предоставляются из реестра в том числе при использовании режима поиска (рис. 2). Поисковый запрос осуществляется на базе вводимых поисковых атрибутов из раздела реестра в виде статистических данных.

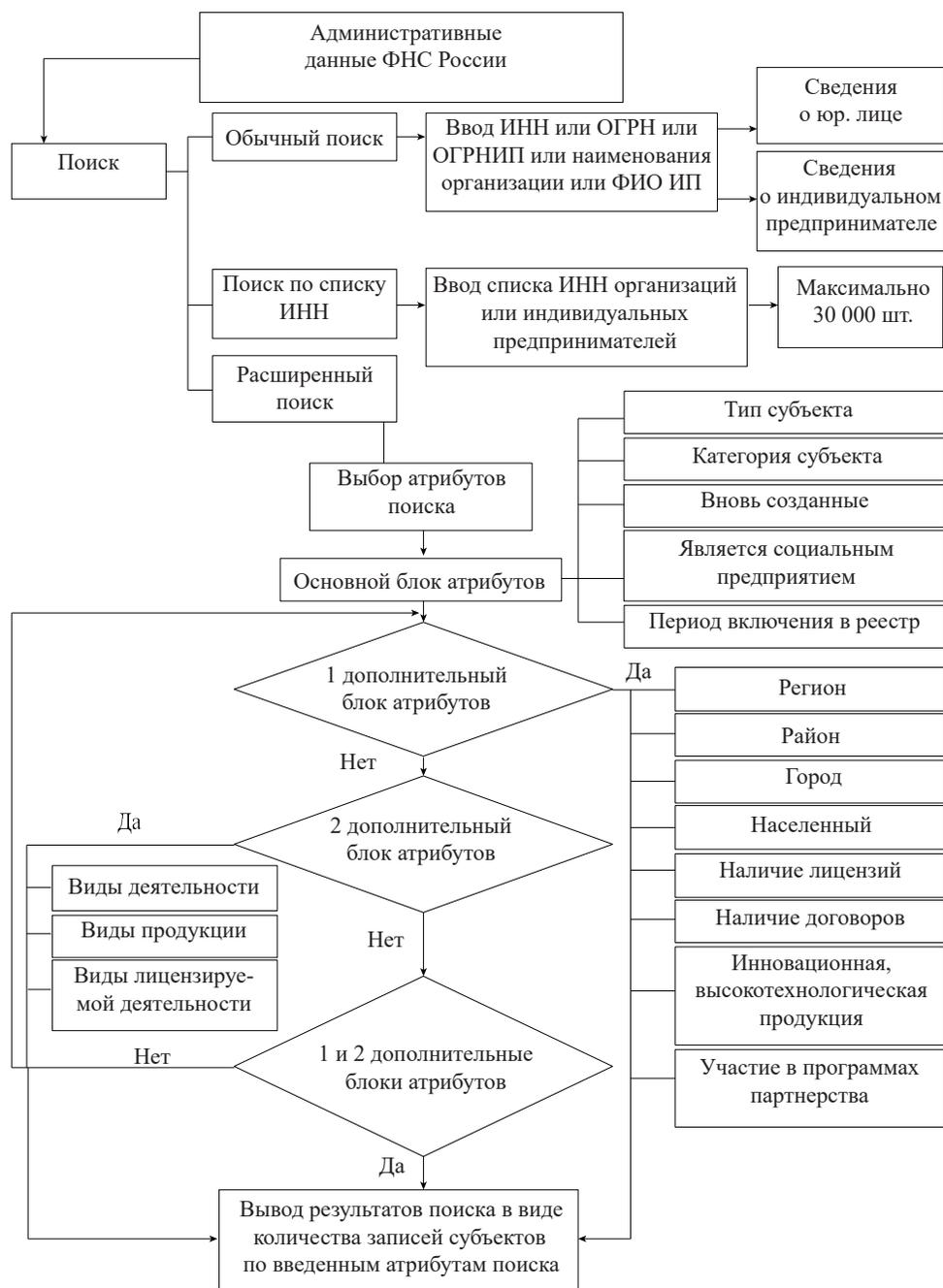
Результатом использования поискового режима являются показатели, характеризующие количество субъектов предпринимательства как в целом, так и в качестве вновь созданных, имеющих лицензии и договора, участвующих в программах партнерства или производящих инновационную, или высокотехнологическую продукцию. Пользователь самостоятельно указывает необходимые атрибуты поиска, информация по которым

необходима в данный момент. В результате поиск осуществляется по состоянию последнего внесения изменений на 10 число месяца, а также по типу субъекта, видам деятельности, региональным и муниципальным единицам.

Источники: [5; 8]

Рис. 1. Алгоритм формирования сведений из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства при запросе информации

Источники: [5; 8]

Рис. 2. Алгоритм формирования сведений из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства при использовании режима поиск

В свою очередь набор дополнительных атрибутов подразделяется на два блока:

- атрибуты, характеризующие основные показатели в разрезе региональных и муниципальных единиц;
- атрибуты, характеризующие основные показатели в разрезе экономических видов деятельности и видов продукции.

Таким образом, основными показателями с точки зрения ФНС России являются:

- общее количество субъектов (микропредприятий), в том числе юридические лица и индивидуальные предприниматели;
- количество субъектов (микропредприятий), имеющих признак «вновь созданные»;
- количество субъектов (микропредприятий), имеющих признак «социальное предприятие»;
- дата включения субъекта (микропредприятия) в реестр субъектов МСП.

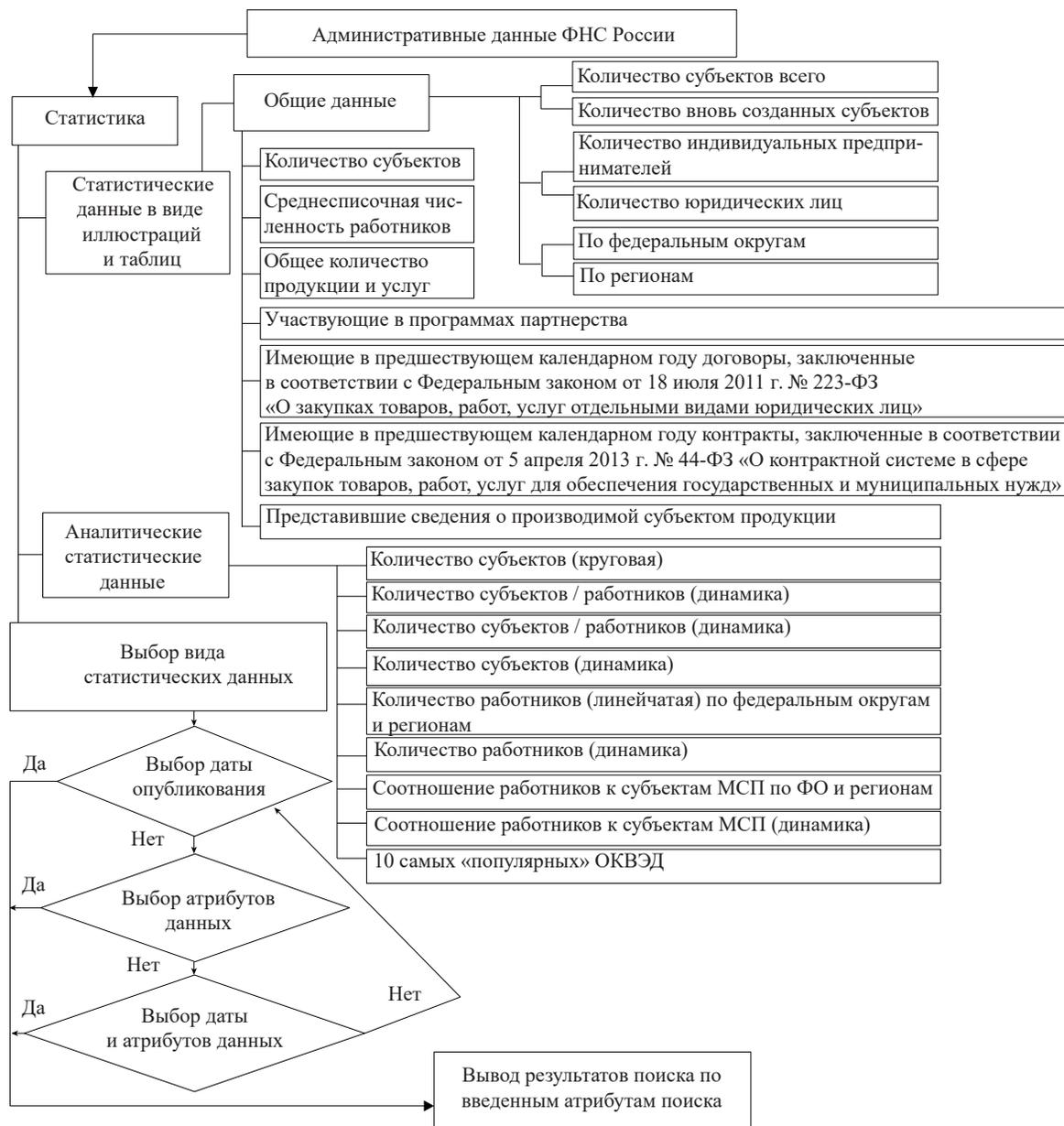
Использование дополнительных наборов атрибутов позволяет получить результат в виде следующих показателей:

- количество субъектов (микропредприятий), имеющих лицензии;
- количество субъектов (микропредприятий), имеющих договора;
- количество субъектов (микропредприятий), производящих инновационную, высокотехнологическую продукцию;
- количество субъектов (микропредприятий), участвующих в программах партнерства [5; 8].

Для получения публичных статистических данных необходимо использовать раздел «Статистика» Единого реестра субъектов МСП, который в свою очередь подразделяется на основные и аналитические показатели. Данные из раздела «Статистика» предоставляются в иллюстративной, табличной и графической формах (рис. 3).

К основным публичным статистическим данным относятся следующие показатели:

- количество субъектов;

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Алгоритм формирования сведений из реестра субъектов малого и среднего предпринимательства при пользовании разделом «Статистика»

- среднесписочная численность работников;
- количество субъектов, имеющих признак «вновь созданные»;
- количество субъектов, участвующих в программах партнерства;
- имеющие в предшествующем календарном году договоры, заключенные в соответствии с Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;
- имеющие в предшествующем календарном году контракты, заключенные в соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [5; 8].

Получить данные из раздела «Статистика» рассматриваемого реестра допустимо в следующих разрезах (изначально выводятся с позиции всего по РФ):

- по типу субъекта (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель);
- по федеральным округам и регионам;
- по дате создания (действующее, вновь созданное).

В рассматриваемом разделе также предлагается аналитическая статистическая информация, заключающаяся в формировании долевых и динамических показателей:

- количество субъектов МСП (круговая);
- количество субъектов/работников МСП (динамика);
- количество субъектов МСП (динамика);
- количество работников (линейчатая) по федеральным округам и регионам;
- количество работников (динамика);
- соотношение работников к субъектам МСП по ФО и регионам;
- соотношение работников к субъектам МСП (динамика);
- 10 самых «популярных» ОКВЭД.

К аналитическим показателям применяются те же разрезы, что и к основным, за исключением деления данных, исходя из территориального критерия.

В качестве отличительной особенности раздела «Статистика» необходимо выделить факт, что получаемая информация может быть экспортирована в Excel. Однако необходимо помнить о временной составляющей при публикации данных. Так, в поисковых режимах применяется поиск конкретных данных по состоянию последнего внесения изменений на 10 число месяца, а в разделе «Статистика» показатели формируются ежемесячно на 10 число за весь период, начиная с 1 августа 2016 г.

К новшествам ФНС России необходимо отнести начало ведения Единого реестра субъектов МСП – получателей поддержки [3; 11]. Этот реестр начал аккумулировать информацию недавно, но уже позволяет получать данные, характеризующие процесс оказания помощи субъектам МСП.

По состоянию на сегодняшний день к показателям, формируемым в рамках данного направления формирования статистической информации, необходимо отнести:

- количество получателей поддержки;
- размер оказанной помощи;
- признаки нарушения при оказании поддержки.

Эти показатели представляют также исходя из категории субъектов МСП в разрезе субъектов РФ, в разрезе форм и видов поддержки, а также в части объема оказанной помощи поддержки.

В рамках настоящей статьи целесообразно выделить Государственный информационный реестр бухгалтерской (финансовой) отчетности. Этот информационно-цифровой ресурс представляет интерес для пользователей с позиции получения первоначальных данных о результатах финансово-хозяйственной деятельности хозяйствующего субъекта. Однако этот ресурс предоставляет отчетность по каждому субъекту в индивидуальном порядке и не агрегирует ее, что не позволяет характеризовать деятельность субъектов в целом и в определенных разрезах. Самостоятельная агрегация трудозатратна.

Среди сервисов определенного внимания заслуживает сервис ФНС России «Прозрачный бизнес». С помощью этого сервиса возможно выделение информации о применяемой хозяйствующим субъектом системе налогообложения и суммах уплаченных налогов. Однако этот сервис, как и реестр бухгалтерской (финансовой) отчетности, не предоставляет информацию в агрегированном состоянии, а для самостоятельной

агрегации потребуется перечень ИНН в разрезе территориальной принадлежности организаций, которую, например, можно извлечь из Единого реестра субъектов МСП. Таким образом, самостоятельная агрегация данных также трудозатратна.

Заключение

Проведенное исследование позволяет отметить, что показатели, формируемые Федеральной налоговой службой России в качестве характеристики деятельности малых предприятий с помощью информационных ресурсов направлены, прежде всего, на мониторинг состояния малого бизнеса с точки зрения задач, поставленных перед налоговой службой – контроль за правильностью исчисления, поступлением налоговых платежей и учетом налогоплательщиков. В то же время представленные сервисы позволяют использовать содержащуюся в них информацию в расширенном аспекте посредством проведения детального анализа функционирования субъектов малого предпринимательства в разрезе территорий Российской Федерации, видов деятельности, занятости населения.

Информационные базы Федеральной налоговой службы России обладают существенным потенциалом для частичного формирования данных статистической отчетности субъектов малого предпринимательства и широким спектром показателей, характеризующих малое и среднее предпринимательство. Посредством подбора идентификационных показателей, таких как ИНН, ОКВЭД, номера строк деклараций и бухгалтерской отчетности, отражающих показатели деятельности малого и среднего бизнеса, возможно собрать информацию о деятельности компаний и в дальнейшем снизить административную нагрузку на них.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 444-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» (ред. от 26.07.2019) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312099/ (дата обращения 10.03.2021).
2. Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 408-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191298/ (дата обращения 11.03.2021).
3. Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (в последней редакции) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (дата обращения 05.03.2021).
4. Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/ (дата обращения 11.03.2021).
5. Формирование статистических показателей, характеризующих деятельность микропредприятий, на основе информационных ресурсов ФНС России в целях снижения административной нагрузки на малый бизнес: монография / Под общ. ред. М. В. Карп. – М.: КноРус, 2021, 296 с.
6. Цифровая экономика – драйвер формирования налоговой стратегии РФ и способов ее реализации: монография / Под ред. Т. М. Рогуленко, М. В. Карп. – М.: КноРус, 2020. – 142 с.
7. Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности // Федеральная налоговая служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bo.nalog.ru/about> (дата обращения 10.03.2021).
8. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 06.03.2021).
9. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки // Федеральная налоговая служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rmsp-pp.nalog.ru/index.html> (дата обращения 05.03.2021).
10. Прозрачный бизнес (сервис Федеральной налоговой службы России) // Федеральная налоговая служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pb.nalog.ru/index.html> (дата обращения 10.03.2021).
11. Федеральная налоговая служба России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nalog.ru> (дата обращения: 20.03.2021).

References

1. Federal Law No. 444-FZ dated on November 28, 2018 “On amendments to the Federal Law “On accounting” (as amended, dated on July 26, 2019), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312099/ (accessed 10.03.2021).
2. Federal Law No. 408-FZ dated on December 29, 2015 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (as amended, dated on July 3, 2016), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191298/ (accessed 11.03.2021).
3. Federal Law No. 209-FZ dated on July 24, 2007 “On the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation” (in the latest version), *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/ (accessed 05.03.2021).
4. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 265 dated on April 4, 2016 “On the maximum values of income received from entrepreneurial activity for each category of small and medium-sized businesses”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/ (accessed 11.03.2021).
5. *Formation of statistical indicators that characterize the activities of microenterprises, based on the information resources of the Federal Tax Service of Russia in order to reduce the administrative burden on small businesses: monograph*, under general editorship of M. V. Karp, Moscow, KnoRus, 2021, 296 p. (In Russian).
6. *Digital economy – the driver of the formation of the tax strategy of the Russian Federation and ways of its implementation: monograph*, edited by T. M. Rogulenko, M. V. Karp, Moscow, KnoRus, 2020, 142 p. (In Russian).
7. State information resource of accounting (financial) statements, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: <https://bo.nalog.ru/about> (accessed 10.03.2021).
8. Unified register of small and medium-sized businesses, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (accessed 06.03.2021).
9. Unified register of small and medium-sized Businesses – recipients of support, *Federal Tax Service of Russia*. Available at: <https://rmsp-pp.nalog.ru/index.html> (accessed 05.03.2021).
10. Transparent business (service of the Federal tax service of Russia), *Federal tax service of Russia*. Available at: <https://pb.nalog.ru/index.html> (accessed 10.03.2021).
11. *Federal Tax Service of Russia*. Available at: <https://www.nalog.ru> (accessed 05.03.2021).

Лысенко Денис Владимирович
канд. экон. наук, ФГБОУ ВО «Мос-
ковский государственный универси-
тет им. М.В. Ломоносова», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-3773-3158

e-mail: delysenko@mail.ru

Акгюн Лейла

д-р экон. наук, Игдырский
университет, г. Игдыр, Турция

ORCID: 0000-0001-5876-0211

e-mail: leyla.akgun@igdir.edu.tr

ВЫЯВЛЕНИЕ РЕЗЕРВОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАО «НОВАТЭК» НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И БУХГАЛТЕРСКОГО АНАЛИЗА

Аннотация. Представлен сравнительный анализ трех крупных компаний России: ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром» и ПАО «Сургутнефтегаз». Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью газовой отрасли для страны в целом, а также спецификой ее текущего положения: масштабным падением мировых цен на газ; обесцениванием рубля по отношению к доллару США; введением санкций по отношению к России. В статье исследована финансово-хозяйственная деятельность компании ПАО «Новатэк». Изучались различные подходы к анализу и выявлению потенциала деятельности компании. Дана оценка инвестиционной привлекательности компаний конкурентов. Методология исследования включала комплексный, эмпирический, ретроспективный виды анализа (так как расчеты показателей финансового состояния компаний основаны на данных их консолидированной финансовой отчетности на 31 декабря 2015 г.); сравнительный, горизонтальный и вертикальный виды анализа; метод группировки – категорирование. В результате сформированы методологические принципы проведения экономического анализа деятельности газодобывающих компаний с целью принятия эффективных управленческих решений в условиях риска и неопределенности.

Ключевые слова: доходы, расходы, эффективность, задолженности, анализ, конкуренты, продажи, рентабельность

Для цитирования: Лысенко Д.В., Акгюн Л. Выявление резервов эффективности деятельности ПАО «Новатэк» на основе экономического и бухгалтерского анализа // Вестник университета. 2021. № 6. С. 121–128.

Denis V. Lysenko

Cand. Sci. (Econ.), Moscow State
University under the name
of M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-3773-3158

e-mail: delysenko@mail.ru

Leyla Akgün

Dr. Sci. (Econ.), Igdir University,
Igdir, Turkey

ORCID: 0000-0001-5876-0211

e-mail: leyla.akgun@igdir.edu.tr

THE PJSC “NOVATEK” ACTIVITY EFFICIENCY RESERVES IDENTIFICATION BASED ON THE ECONOMIC AND ACCOUNTING ANALYSIS

Abstract. A comparative analysis of three large Russian companies – PJSC “Novatek”, PJSC “Gazprom”, PJSC “Surgutneftegaz”, – is presented. The study relevance is caused by the gas industry strategic importance of the country as a whole as well as the specifics of its current situation: a large-scale drop of world gas prices, the ruble depreciation in relation to the US dollar, the introduction of sanctions on Russia. The financial and economic activities of the company PJSC “Novatek” is examined in the article. Various approaches to the analysis and identification of the company’s activities potential are studied. The investment attractiveness of competitors’ companies is evaluated. The research methodology included: complex, empirical, retrospective types of analysis (since the calculations of the companies’ financial conditions indicators are based on their consolidated financial statements data as of December 31, 2015); comparative, horizontal and vertical types of analysis; grouping method is categorization. As a result methodological principles of carrying out an economic analysis of gas producing companies’ activities are formed in order to make effective management decisions in conditions of risk and uncertainty.

Keywords: income, expenses, efficiency, debt, analysis, competitors, sales, profitability

For citation: Lysenko D.V., Akgün L. (2021) The PJSC “Novatek” activity efficiency reserves identification based on the economic and accounting analysis. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 121–128. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-121-128

Введение

Экономическая ситуация, сложившаяся сегодня в России и мире, несмотря на последствия мирового финансового кризиса 2008 г., представляет собой достаточно благоприятную основу для ведения коммерческой деятельности, а значит для инвестирования, развития проектов и в конечном счете для получения прибыли [10].

Для выживания в современных рыночных условиях, а также для достойного участия в постоянно усиливающейся конкурентной борьбе, компаниям требуется эффективно вести свою деятельность, а следовательно, постоянно принимать самые решения, связанные с реализацией новых, более прибыльных проектов, что в свою очередь влечет за собой необходимость постоянно выносить реальную оценку эффективности принимаемых управленческих решений и реализуемых проектов, грамотно управлять рисками, возникающими в процессе деятельности [4].

Для максимально эффективного управления коммерческой деятельностью, помимо стандартных приемов, применимых в любой сфере экономической деятельности, каждой компании необходимо профессиональное знание специфических особенностей отрасли, в которой действует предприятие [12]. Внутриотраслевые особенности играют ключевую роль в оценке инвестиционных проектов и управлении рисками, а значит и эффективности принимаемых решений и деятельности предприятия в целом [5].

Таким образом, классические основы экономического анализа в сочетании со знанием тонкостей и специфических особенностей конкретной отрасли дают конкурентное преимущество и при грамотном применении способны многократно увеличить потенциал компании. Поэтому приобретает актуальность разработка основных методических принципов принятия управленческих решений в условиях риска и неопределенности в конкретной отрасли на основе научной базы с учетом специфических особенностей рассматриваемой отрасли [1].

Научный и практический интерес для авторов статьи представляет деятельность одной из ведущих компаний нефтегазовой отрасли – ПАО «Новатэк». Цель статьи – экономическая оценка финансово-хозяйственной деятельности компании, исследование ее потенциала и инвестиционной привлекательности в сравнении с компаниями-конкурентами, выработка практических методических рекомендаций по экономическому анализу и принятию управленческих решений в газовой отрасли.

Современное состояние нефтегазовой отрасли

Сегодня несколько трендов могут определять дальнейшее развитие нефтегазовой отрасли: повышение спроса на газ и нефть как следствие социально-демографических изменений, повышение энергоэффективности, рост издержек по реализации нефти и рост добычи нетрадиционного природного газа в Северной Америке. Анализ этих векторов развития может помочь более детально проследить за развитием глобального рынка энергоресурсов [7].

Относительно геополитических факторов некоторые эксперты выделяют два основных вектора развития. Один из них – обострение политической ситуации в различных регионах мира, что осложняет торговые отношения и может привести к сокращению производства материальных благ. Другой – мирная политика сосуществования, создающая условия для экономического процветания в будущем [2]. Он характеризуется устойчивым ростом, который идет рука об руку с интеграцией мировых рынков, заключением многосторонних соглашений между странами и завершением текущих переговоров во Всемирной торговой организации [8].

Ситуация на мировом рынке газа в настоящее время меняется. Например, вместо планирования увеличения импорта газа, Северная Америка становится экспортером. Это коренным образом меняет баланс сил не только на рынке Атлантического бассейна, но и во всей мировой торговле, в том числе такая жесткая конкуренция негативно сказывается на цене акций ПАО «Новатэк». Изменениями на глобальном мировом рынке нефти и газа и продиктована актуальность нашего исследования.

Экономическая деятельность ПАО «Новатэк»

Крупная российская газовая компания «Новатэк» была основана в г. Новокуйбышевске Самарской области в 1994 г. Это крупнейший независимый производитель газа в Российской Федерации. Сегодня корпорация занимает второе место в России по объему добычи и переработки природного газа. Компания осуществляет добычу, переработку и поставку газа и других жидких углеводородов в Ямало-Ненецком автономном

округе. Относительно недавно благодаря реализации крупного проекта «Ямал СПГ» компания вышла на мировой рынок природного газа. Это событие стало ключевым моментом в трансформации компании в мирового поставщика газа. Группа компаний «Новатэк» реализует свою деятельность через дочерние компании, которых насчитывается около 45. Крупнейшими по масштабу деятельности являются компании ООО «Новатэк – Таркосаленефтегаз», ООО «Новатэк – Юрхаровнефтегаз» и ООО «Арктик СПГ 2».

Комплексный проект по реализации, сжижению и транспортировке природного газа «Ямал СПГ» включает строительство комплекса по производству сжиженного природного газа (далее – СПГ) мощностью около 16,5 млн т в год на базе ресурсов Южно-Тамбейского месторождения. Доказанные и возможные запасы природного газа на месторождении по международным стандартам составляют 926 млрд м³. В рамках плана будет реализована транспортная сеть, включая морской порт и аэропорт.

Следующий крупный амбициозный проект ПАО «Новатэк» связан с реализацией СПГ – «Арктик СПГ». Проект включает строительство 3-х технологических сетей по производству СПГ, каждая линия мощностью 6,6 млн т в год и стабильного природного газового конденсата до 1,6 млн т в год. Планируемая суммарная мощность всех 3-х линий должна составить 19,8 млн т СПГ в год. В основе проекта лежит крупная инновационная идея строительства на гравитационном основании. Оператором проекта и владельцем всех активов является ООО «Арктик СПГ 2».

Анализ финансовых показателей компании

С точки зрения финансовых показателей ПАО «Новатэк» много лет подряд показывает положительную динамику в выручке. Исключение составил период с 2018 по 2019 г., когда выручка впервые за долгий период не увеличилась, а уменьшилась: она снизилась на 5,7 %. Вероятнее всего, причиной такого спада является падение цен на газ. На рисунке 1 представлена динамика выручки компании за последние 7 лет с учетом инфляции.

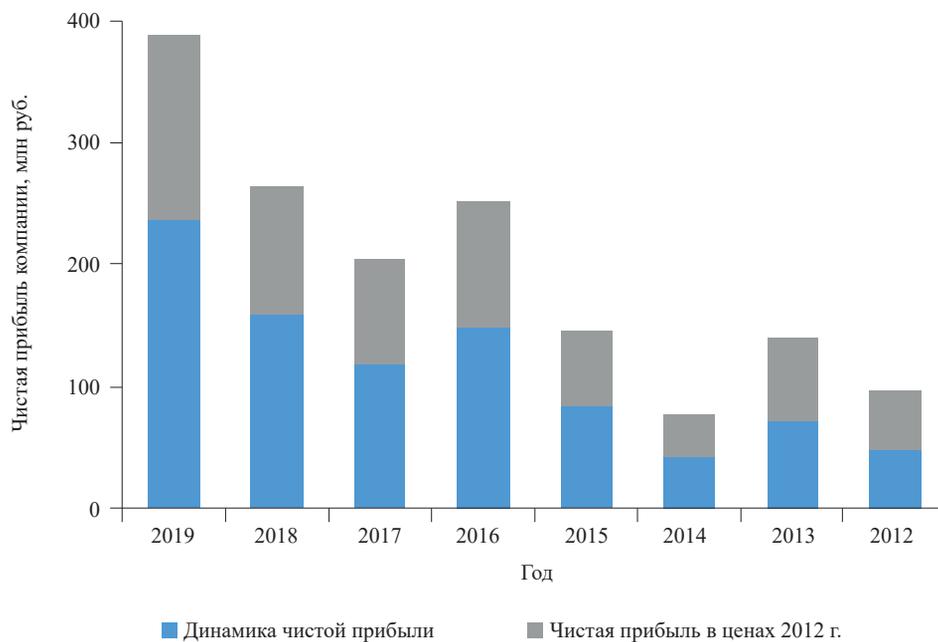
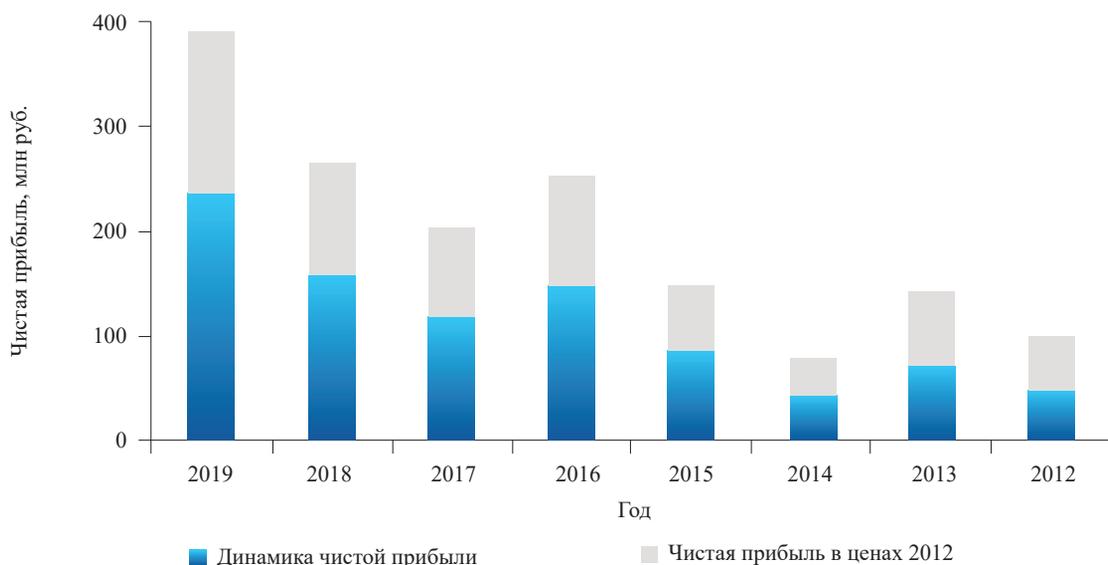

Рис. 1. Динамика выручки компании

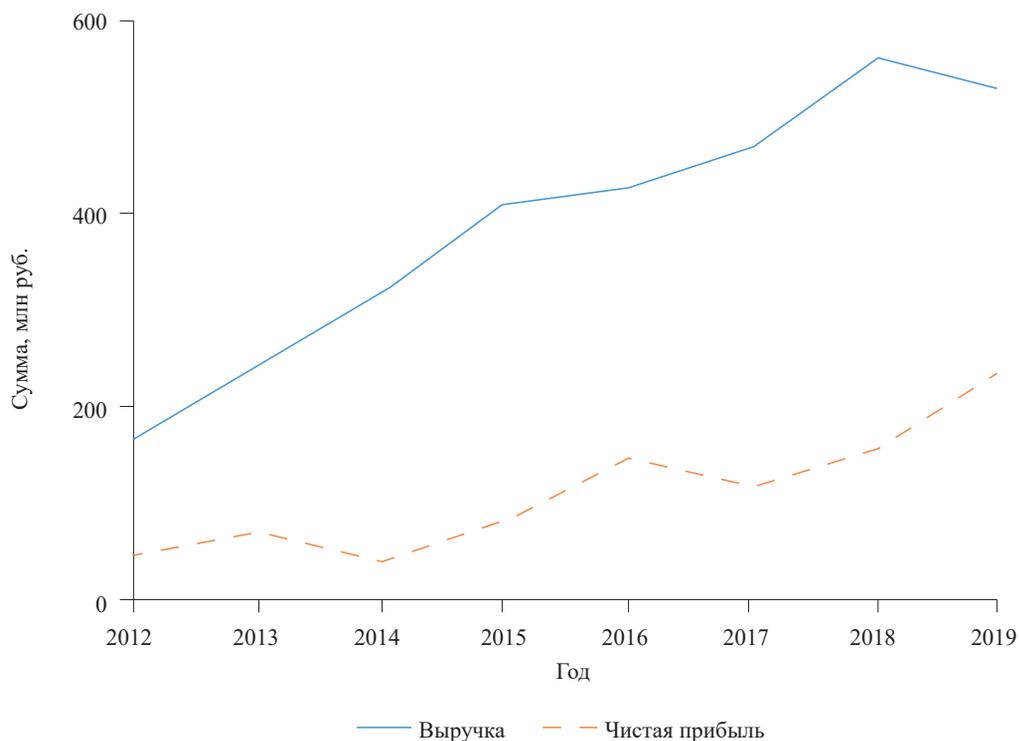
Относительно чистой прибыли, последние 3 года компания показывает значительный рост в этом показателе, за период с 2018 по 2019 г. чистая прибыль компании увеличилась на 49 %. Это значительный рост, но он состоит в большей степени из продажи доли «Арктик СПГ 2» иностранным инвесторам из Китая, Японии и Франции. Тем не менее, чистая прибыль компании растет не только благодаря финансовой и инвестиционной деятельности, но и благодаря ее основной деятельности [9]. Бурный рост во многом обусловлен введением в эксплуатацию в 2018 г. высокоэффективного производственного комплекса «Ямал СПГ». На рисунке 2 представлена динамика чистой прибыли компании за последние 7 лет с учетом инфляции.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Динамика чистой прибыли компании

Несмотря на снижение выручки в 2019 г., ПАО «Новатэк» показало положительный рост ввиду финансовой деятельности компании – как уже упоминалось выше, из-за продажи долей в «Ямал СПГ». Без учета эффекта от этих продаж прибыль составила около 230 млрд руб., что примерно равно чистой прибыли предыдущего года. На основании этого можно заключить, что чистая прибыль ПАО «Новатэк» 2019 г. не выросла. Для сравнения на рисунке 3 представлена динамика номинальной выручки и чистой прибыли вместе.

Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Динамика номинальной выручки и чистой прибыли компании

Из рисунка следует, что несмотря на отрицательный уклон графика выручки, чистая прибыль показывает положительную динамику.

Анализ расходов

В доле расходов корпорации большую долю занимают: «прочие расходы» – около 51 %; «себестоимость» – 32 %; «коммерческие расходы» – 13 %; управленческие расходы и проценты к уплате – остальная доля. Таким образом, большую часть расходов компании представляет статья «прочие расходы», в которые входят в основном расходы по продаже валюты, разница в курсах валют, что почти полностью компенсируется «прочими доходами» (аналогичные показатели, только со знаком плюс) [11]. По этой причине «прочим расходам» в анализе расходов компании не стоит уделять особого внимания (табл. 1).

Таблица 1

Доходы и расходы ПАО «Новатэк» в 2019 г.

Наименование дохода/расхода	Доход, тыс. руб.	Расход, тыс. руб.
Продажа валюты	380 908 074	381 452 847
Разница в курсах валют	58 188 189	89 205 259
Безвозмездно полученные от дочерней компании денежные средства	84 460 000	-
Расходы по банковской гарантии	-	1 457 046
Благотворительность	-	1 536 453
Прочее	1 147 811	3 088 109
Итого	524 704 074	476 739 714

Составлено авторами по материалам исследования

Относительно коммерческих расходов и их доли в общей сумме затрат компании доля компании относительно другого газового гиганта России – ПАО «Газпром» – ниже и составляет 13 % и 24 % соответственно. Несмотря на то, что ПАО «Новатэк» не имеет собственного газопровода, а арендует таковой у ПАО «Газпром», в будущем, в связи с введением в эксплуатацию «Арктик СПГ 2», ПАО «Новатэк» снизит свои коммерческие расходы, так как в эксплуатацию будут введены танкеры, а использование морского транспорта дешевле, чем трубопроводного.

Операционные расходы ПАО «Новатэк» в 2019 г. выросли умеренно (на 6 %). Компания старается оптимизировать технологические и бизнес-процессы, вследствие чего не допускает бесконтрольного роста расходов [6].

Анализ эффективности финансовых вложений

Доходы от участия в других организациях серьезно выросли по сравнению с прошлым годом (на 123 %). Рост вызван выплатой дивидендов компании «Новатэк» от дочерних компаний ОАО «Арктик Газ», ООО «Новатэк-Пуровский ЗПК», ООО «Новатэк Усть-Луга». Доходность предоставления займов, по сравнению с предыдущим периодом, выросла на 0,71 п. п., а доходность вложений в другие организации выросла почти на 18 п.п. и достигла отметки в 32,5 %, что в целом говорит о положительной динамике инвестиционной деятельности.

Анализ дебиторской и кредиторской задолженностей

Дебиторская задолженность выросла на 94 %, по сравнению с прошлым годом, и составила 206 млрд руб., а кредиторская задолженность – 66 млрд руб., следовательно коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженностей равен 3,11, что, по сравнению с компаниями-конкурентами ПАО «Газпром» и ПАО «Сургутнефтегаз», является худшим показателем. Превышение этим показателем единицы означает слишком большую раздутость дебиторской задолженности [15].

Анализ цен на акции компании

Цены на акции компании уже многие годы имеют восходящий тренд, даже кризисный 2008 г. оказал незначительное давление на цены. Инвесторы всегда держали компанию «на прицеле», и все локальные просадки быстро выкупались. В последнее время перегретость в ценах на акции компании сохранялась. На конец

2020 г. цена одной акции варьировалась в пределах 1 350 руб. На рост цен на акции компании повлияла самая низкая налоговая нагрузка в нефтегазовом секторе Российской Федерации и самая высокая прибыльность [13]. Падения цен на акции обусловлены ужесточением конкуренции на мировом рынке природного газа вследствие запуска американскими сланцевиками большого количества СПГ-проектов в 2019–2020 гг.; кроме того, фаза активного роста ПАО «Новатэк» подходит к концу. Резкое падение цен на акции в 2019 г. было вызвано строительством «Арктик СПГ 2» стоимостью 25,5 млрд долл.

Анализ операционных показателей

Динамика основных операционных показателей за последние 4 года представлена в таблице 2.

Таблица 2

Динамика основных операционных показателей

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Добыча нефти, млн т	12,4	11,8	11,8	12,1
Добыча газа, млн т	67,7	63,4	68,8	74,7
Экспорт газа, млн т	-	-	6,1	12,8
Общая реализация газа, млн т	64,7	65	72,13	78,45

Составлено авторами по материалам исследования

Динамику операционных показателей ПАО «Новатэк» следует признать позитивной. Добыча нефти стабильна, а добыча и общая реализация газа уверенно растут. Кроме того, благодаря проекту «Ямал СПГ» компания «Новатэк» начала экспортировать за рубеж СПГ, объемы экспорта в 2019 г. выросли более чем в 2 раза. Кроме того, текущие значения – далеко не предел, так как планируется запуск четвертой очереди «Ямал СПГ» мощностью 0,9 млн т). ПАО «Новатэк» уверенно занимает второе место в Российской Федерации по производству газа, обходя ПАО «Роснефть» и уступая ПАО «Газпром».

На рисунке 4 представлена матрица SWOT-анализа деятельности компании.

Сильные стороны	В 2019 г. получена разовая прибыль от продажи «Арктик СПГ 2» Дифференцированная структура продаж	Слабые стороны	Слабая динамика роста выручки На прибыль оказала влияние разовая статья Низкая дивидендная доходность (около 3,2 %)
Возможности	Выход на полную мощность проекта «Ямал СПГ» Рост интереса мировых компаний к сжиженному природному газу	Угрозы	Геополитические риски Снижение поставок сжиженного природного газа в кризис Высокая конкуренция зарубежных компаний

Источник: [3]

Рис. 4. SWOT-анализ деятельности компании

Сравнительный анализ с конкурентами

По рентабельности продаж ПАО «Новатэк» показывает лучший результат по сравнению с такой же газовой компанией ПАО «Газпром», но уступает в целом по нефтегазовым компаниям, к примеру – ПАО «Сургутнефтегаз». По затратам на 1 рубль произведенной продукции ПАО «Новатэк» идет вровень с ПАО «Газпром». По коэффициенту финансовой независимости среди газовых компаний ПАО «Новатэк» на первом

месте, но уступает ПАО «Сургутнефтегаз». По периоду дебиторской оборачиваемости ПАО «Новатэк» показывает результат лучше, чем у ПАО «Газпром» 108 и 153 дней соответственно. В периоде оборачиваемости кредиторской задолженности ПАО «Новатэк» опережает своих конкурентов. Рентабельность активов у ПАО «Новатэк» самая лучшая. По затратам на 1 м³ добытого газа ПАО «Новатэк» более рентабелен, чем его основной конкурент ПАО «Газпром» (табл. 3).

Таблица 3

Сравнительный анализ ПАО «Новатэк», ПАО «Газпром», ПАО «Сургутнефтегаз»

Сравниваемый показатель	Компания		
	Новатэк	Газпром	Сургутнефтегаз
Рентабельность продаж	0,18	0,13	0,24
Затраты на 1 рубль произведенной продукции	0,558	0,558	0,689
Коэффициент финансовой независимости	0,799	0,712	0,945
Период оборачиваемости дебиторской задолженности, дни	108	153	71
Период оборачиваемости кредиторской задолженности, дни	43	135	51
Рентабельность активов	0,287	0,041	0,023
Соотношение дебиторской и кредиторской задолженности	3,11	2,07	2,12
Затраты на 1 м ³ добытого газа	3,75	5,85	-

Составлено авторами по материалам исследования

Заключение

При принятии управленческих решений в любой отрасли мировой экономической деятельности используются одни и те же классические методы. Набор этих методов достаточно известен и стандартизирован, у каждого метода есть свои достоинства и недостатки, однако ни один из них не является универсальным. Невозможно одинаково оценивать финансовое состояние компаний различных масштабов, даже в рамках одной отрасли, тем более использовать методику анализа для компаний, действующих в различных отраслях и преследующих разные цели [14]. Поэтому при построении методики анализа нефтегазовых компаний, несмотря на обширную научно-методическую базу по теории инвестирования, очень важно учитывать особенности деятельности конкретной компании, в случае представленного в статье исследования – особенности газовой отрасли.

ПАО «Новатэк» – подающая большие надежды компания, которая показывает стабильный и устойчивый рост своих финансовых показателей, даже в тяжелые для всей национальной экономики времена. Сегменты продаж различаются по направленности и структуре. У компании «Новатэк» простая и понятная бизнес-модель. Фирма инвестирует в бизнес и реализует новые проекты, из-за этого несут издержки дивидендные инвесторы, однако это гарантирует рост выручки и прибыли от продаж в будущих периодах.

В рамках статьи выполнен классический экономический анализ деятельности газовой компании по выявлению ее резервов целью формирования методических принципов принятия эффективных управленческих решений с учетом отраслевых особенностей. В процессе исследования рассмотрены специфические показатели в газовой отрасли и исследовано влияние специфических и характерных отраслевых факторов на принятие управленческих решений. Влияние всей совокупности рассмотренных факторов вносит достаточное количество неопределенности и рисков в деятельность газовых компаний, а с учетом существенной капитализации компаний и больших временных масштабов, свойственных отрасли, рассмотрение этого аспекта потребовало отдельного изучения. Исходя из этого выявлены и описаны основные отраслевые резервы эффективности деятельности.

Проведен сравнительный анализ крупнейших нефтегазовых компаний. С целью углубленного рассмотрения изучаемой темы, дополнительно выполнено краткое исследование общемировой тенденции в газодобыче. Изученные теоретические основы нашли свое отражение в практических примерах, основой которых стали конкретные данные, материалы, статистика и проекты, взятые из реальной деятельности современных российских нефтедобывающих компаний.

Результатом исследования являются представленные принципы, которые могут стать основой формирования методики проведения экономического анализа деятельности газодобывающих компаний с целью

принятия эффективных управленческих решений в условиях риска и неопределенности на базе классической теории с учетом специфических особенностей рассматриваемой отрасли.

Библиографический список

1. Бачурин, А. А. Анализ производственно-хозяйственной деятельности автотранспортных организаций. – М.: Юрайт, 2020. – 297 с.
2. Косолапова, М. В., Свободин, В. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебник. – М.: Дашков и К, 2016. – 248 с.
3. Косорукова, И. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник. – М.: КноРус, 2021. – 456 с.
4. Орлова, Т. М. Практикум по комплексному экономическому анализу хозяйственной деятельности. – М.: КноРус, 2019. – 48 с.
5. Пястолов, С. М. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник. – М.: Академия, 2018. – 272 с.
6. Савиных, А. Н. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебное пособие. – М.: КноРус, 2017. – 480 с.
7. Савицкая, Г. В. Теория анализа хозяйственной деятельности: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2018. – 352 с.
8. Серов, В. М. Анализ производственно-хозяйственной деятельности строительных организаций. – М.: Инфра-М, 2019. – 302 с.
9. Сосненко, Л. С., Свиридова, Е. Н. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности: учебное пособие. – М.: КноРус, 2018. – 375 с.
10. Толпегина, О. А. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности в 2 частях. Часть 1. – М.: Юрайт, 2020. – 365 с.
11. Фридман, А. М. Анализ финансово-хозяйственной деятельности. – М.: Инфра-М, 2019. – 264 с.
12. Хазанович, Э. С. Анализ финансово-хозяйственной деятельности. – М.: КноРус, 2016. – 40 с.
13. Чернышева, Ю. Г. Анализ и диагностика финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник. – М.: Инфра-М, 2016. – 236 с.
14. Чечевицына, Л. Н. Анализ финансово-хозяйственной деятельности: учебник. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2016. – 512 с.
15. Шадрина, Г. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности. – М.: Юрайт, 2020. – 432 с.

References

1. Bachurin A. A. *Analysis of production and economic activities of motor transport organizations*, Moscow, Yurait, 2020, 297 p. (In Russian).
2. Kosolapova M. V., Svobodin V. A. *Comprehensive economic analysis of economic activity: textbook*, Moscow, Dashkov i K, 2016, 248 p. (In Russian).
3. Kosorukova I. V. *Analysis of financial and economic activities: textbook*, Moscow, KnoRus, 2021, 456 p. (In Russian).
4. Orlova T. M. *Workshop on integrated economic analysis of economic activity*, Moscow, KnoRus, 2019, 48 p. (In Russian).
5. Pyastolov S. M. *Analysis of financial and economic activities: textbook*, Moscow, Academia, 2018, 272 p. (In Russian).
6. Savinykh A. N. *Analysis and diagnostics of the financial and economic activities of the enterprise: a tutorial*, Moscow, KnoRus, 2017, 480 p. (In Russian).
7. Savitskaya G. V. *The theory of economic activity analysis: a tutorial*, Moscow, Infra-M, 2018, 352 p. (In Russian).
8. Serov V. M. *Analysis of production and economic activities of construction organizations*, Moscow, Infra-M, 2019, 302 p. (In Russian).
9. Sosnenko L. S., Sviridova E. N. *Comprehensive economic analysis of economic activity: textbook*, Moscow, KnoRus, 2018, 375 p. (In Russian).
10. Tolpegina O. A. *Comprehensive economic analysis of economic activities in 2 parts*. Part 1, Moscow, Yurait, 2020, 365 p. (In Russian).
11. Fridman A. M. *Analysis of financial and economic activities*, Moscow, Infra-M, 2019, 264 p. (In Russian).
12. Khazanovich E. S. *Analysis of financial and economic activities*, Moscow, KnoRus, 2016, 40 p. (In Russian).
13. Chernyshcheva Yu. G. *Analysis and diagnostics of the financial and economic activities of the enterprise: textbook*, Moscow, Infra-M, 2016, 236 p. (In Russian).
14. Chechevitsyna L. N. *Analysis of financial and economic activities: textbook*, Rostov-on-Don, Feniks, 2016, 512 p. (In Russian).
15. Shadrina G. V. *Analysis of financial and economic activities*, Moscow, Yurait, 2020, 432 p. (In Russian).

УДК 339.92 JEL F13

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-129-134

Талалова Лариса Николаевна
д-р пед. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Россий-
ская Федерация
ORCID: 0000-0003-1380-2339
e-mail: talalova@gmail.com

Ханг Чу Тхань
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Россий-
ская Федерация
ORCID: 0000-0001-7373-6957
e-mail: thanhhangptitt@gmail.com

Морозова Анна Валериевна
ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Россий-
ская Федерация
ORCID: 0000-0002-0588-5966
e-mail: anna25807@mail.ru

Larissa N. Talalova
Dr. Sci. (Ped.), State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1380-2339
e-mail: talalova@gmail.com

Hang Chu Thanh
Graduate Student, State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7373-6957
e-mail: thanhhangptitt@gmail.com

Anna V. Morozova
Senior Lecturer, State University
of Management, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-0588-5966
e-mail: anna25807@mail.ru

ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ ИНДИИ ПО ВЫХОДУ ИЗ СОГЛАШЕНИЯ О ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕМ РЕГИОНАЛЬНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ

Аннотация. Рассмотрен политико-экономический контекст для Индии по результатам подписанного в ноябре 2020 г. Соглашения о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (далее – Соглашение). Дана характеристика основным выгодам по укреплению экономическо-го сотрудничества для стран-участниц от его подписания. Проанализированы гипотетические плюсы для Индии в случае ее вхождения в Соглашение. В связи с выходом страны из Соглашения авторами выделены для исследования три блока причин (политические, правовые и экономические), обусловивших такое решение Индии. Среди политических причин отказа Индии от Соглашения акцентирована проблема обострившегося индо-китайского пограничного конфликта по спорной территории. Среди правовых причин, детерминировавших выход из договора, отмечены вопросы инвестиционной политики и интеллектуальной собственности вне рамок Всемирной торговой организации. Исследованы экономические причины, нивелирующие для Индии выгоды от Соглашения. Продемонстрирована связь между всеми тремя блоками причин. Дана оценка прогнозам экспертов по выходу Индии на третье место в мировой экономике по вкладу валового внутреннего продукта и изучены предпосылки к этому. Сделан вывод о возможности достижения цели при соблюдении ряда условий и выполнении набора необходимых мероприятий.

Ключевые слова: региональные торговые соглашения, зона свободной торговли, либерализация торговли, сертификация происхождения товаров, снижение транзакционных издержек, свободное перемещение товаров, лоббирование экспорта продукции, двусторонние соглашения, низкие тарифные барьеры, торговый дефицит, освобождение от таможенной пошлины, среднегодовой темп роста, неолиберальная политика

Для цитирования: Талалова Л.Н., Ханг Чу Тхань, Морозова А.В. Оценка последствий для Индии по выходу из соглашения о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве//Вестник университета. 2021. № 6. С. 129–134.

CONSEQUENCES APPRAISAL ON INDIA'S OPTING OUT OF THE REGIONAL COMPREHENSIVE ECONOMIC PARTNERSHIP AGREEMENT

Abstract. The political and economic context for India based on the results of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement (RCEP) signed in November 2020 is considered. The benefits of strengthening economic cooperation for the participating countries from its signing are characterized. The hypothetical advantages for India in the case of its entry into RCEP are analyzed. In connection with country's opting out of RCEP the authors have highlighted three segments of reasons for studying (political, legal and economic) that caused such India's decision. Among the political reasons for India's opting out of RCEP the problem of the Indo-Chinese border conflict over disputed territory escalating is emphasized. Among the legal reasons that determined opting out of the treaty, the issues of investment policy and intellectual property outside the World Trade Organization frameworks are noted. The economic reasons offset the benefits of RCEP for India are investigated. The connection between all three segments of causes is demonstrated. The experts' forecasts is evaluated for India's entry into third place in the world economy in terms of the gross domestic product contribution and the prerequisites for this are studied. It is concluded about the possibility of achieving the goal if a number of conditions are met and a set of necessary measures is carried out.

Keywords: regional trade agreements, free trade zone, trade liberalization, goods origin rules, transaction costs reduction, free movement goods, goods export lobbying, bilateral agreements, low tariff barriers, trade deficit, exemption from customs duty, average annual growth rate, neoliberal politics

For citation: Talalova L.N., Hang Chu Thanh, Morozova A.V. (2021) Consequences appraisal on India's opting out of the Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 129–134. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-129-134

© Талалова Л.Н., Ханг Чу Тхань, Морозова А.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Talalova L.N., Hang Chu Thanh, Morozova A.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement, RCEP, далее – соглашение о ВРЭП) было подписано членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – ASEAN) и странами-партнерами 15 ноября 2020 г. в Ханое в режиме онлайн. Документ был принят на IV саммите стран – участниц соглашения в заключительный день 37-го саммита ASEAN. Соглашение о ВРЭП включает 10 стран ASEAN и другие 5 стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР): Японию, Китай, Южную Корею, Австралию и Новую Зеландию. Эти страны имеют совокупное население более 2 млрд человек и совокупный валовой внутренний продукт (далее – ВВП) более 26 трлн долл., иначе, это около 30 % населения мира и 30 % ВВП всей мировой экономики. Соглашение о ВРЭП было инициировано в соответствии с нормами Всемирной торговой организации в 2012 г. с целью развития торговли между странами блока и другими шестью странами – потенциальными торговыми партнерами, связанными со странами ASEAN соглашениями о свободной торговле (англ. free trade agreements, FTAs).

По замыслу торговля между странами – членами соглашения о ВРЭП должна подпитываться более низкими тарифными барьерами, стандартизированными таможенными правилами и процедурами. В контексте того, что мировая и региональные экономики сталкиваются с определенными препятствиями, тренд на торговую защиту, включая подписание соглашения о ВРЭП с целью либерализации торговли, инвестиционная торговля и общее укрепление экономического сотрудничества между странами АТР будут в дальнейшем способствовать глобализации, в частности, созданию новой институциональной структуры в регионе, упрощающей процедуры торговли.

Соглашение о ВРЭП станет надежным ключом для всех экономик, в том числе развивающихся. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство как снизит, так и совсем отменит пошлины на: а) 61 % товаров, импортируемых из стран – членов ASEAN, Австралии и Новой Зеландии; б) 56 % товаров из Китая; в) 49 % – из Южной Кореи. Интеграция цепочек поставок, особенно с учетом согласования всех правил и процедур сертификации происхождения товаров (англ. rules of origin) для всех сторон, будет стимулировать инвестиции, сокращать транзакционные издержки и способствовать более свободному перемещению товаров между членами ВРЭП.

По прогнозам П. Петри и М. Пламмера из Института мировой экономики Петерсона (США), одного из наиболее влиятельных центров в мире по проблемам мировой экономики, соглашение о ВРЭП повысит мировой ВВП к 2030 г. на 186 млрд долл. в год. Таким образом, на сегодня ВРЭП – самое большое в мире по количеству стран – участниц многостороннее соглашение о крупнейшей зоне свободной торговли, целью которого является: а) создание основы для очень широкого экономического сотрудничества; б) формирование чрезвычайно большого рынка. Ожидается, что ВРЭП, открывая региональную торговлю и производственно-сбытовые цепочки, тем самым способствуя экономическому росту в странах ASEAN и их партнерах, будет иметь серьезное и долгосрочное экономическое влияние.

Изначально в шестерку стран-участниц (от АТР) входила и Индия (и сейчас она сохраняет за собой все права: вхождение в соглашение в любой момент без ожидания срока в полтора года, предусмотренного для новых возможных членов; присутствие на встречах в роли наблюдателя без возможности принятия решений и др.). Таким образом, первоначально в переговорах по ВРЭП участвовало 16 стран.

Какие факторы обусловили принятие Индией решения по выходу из соглашения о самой большой зоне свободной торговли, позиционировавшегося как крайне привлекательное для всех стран-партнеров, и какие фидбэки (англ. feedback – ответная реакция) ждут страну в связи с этим решением – вопросы, на которые авторы предлагают ответы в этой статье.

Гипотетические плюсы от соглашения о ВРЭП для Индии

Формально подписание соглашения о ВРЭП выглядело для Индии привлекательным:

1) страна не входит ни в Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (далее – АТЭС), ни в Транстихоокеанское партнерство – региональные преференциальные торговые соглашения, одной из стратегических целей которых является таможенное сотрудничество и снижение тарифных барьеров в рамках свободной и открытой торговли и либерального инвестиционного режима, а доля участвующих экономик, например Транстихоокеанского партнерства, в мировом ВВП может в перспективе достигнуть четверти оборота мировой торговли (не уступая тем самым странам ASEAN);

2) это хорошая возможность усилить действие уже имеющихся у страны двусторонних торговых соглашений со странами-партнерами;

3) можно лоббировать экспорт конкурентоспособной продукции (например, информационные технологии и сервисы, текстиль, медицинское оборудование и фармацевтическая продукция, др.) тех отраслей, которые занимают в стране лидирующее положение, и др.

Далее рассмотрим совокупность политических, правовых, экономических факторов, приведших к выходу Индии из соглашения о ВРЭП.

Политические причины выхода из соглашения о ВРЭП

Индия решила официально отказаться от соглашения от 4 ноября 2019 г. – за год до подписания. Причины выхода из альянса были озвучены министром иностранных дел Индии С. Джайшанкармом. Первая и главная причина – серьезное ухудшение политических отношений с Китаем в связи с резко обострившимся впервые после войны 1962 г. индо-китайским пограничным конфликтом по спорной территории Аксайчин, в 2019 г. только начавшимся, а завершившимся после вооруженных столкновений в Гальванской долине не в пользу Индии только в феврале 2021 г. [6]. Индия считает, что соглашение о ВРЭП даст дорогу протекционизму в отношении импорта, действиям в обход правил по сертификации продукции, нарушение которых позволит актуализировать демпинговую политику для одних стран, а другим, заинтересованным в более низких пошлинах, участвовать в этом демпинговании. Индия, в свою очередь, не сможет применить контрмеры, в частности, по увеличению пошлин на свою продукцию, поскольку не относится к государствам с так называемым статусом стран с режимом наибольшего благоприятствования во внешней торговле (англ. *most favoured nation*, MFN). Таким образом, соглашение о ВРЭП еще больше усугубит ситуацию для Индии, поскольку оно, хотя и ориентировано на защиту интересов всех стран-участниц, тем не менее будет обязывать обходить стороной те страны, у которых имеются какие-либо геополитические проблемы, в том числе по приграничным конфликтам. Кроме этого, у соглашения о ВРЭП нет прямого воздействия на международный рынок, оно не сможет повлиять на внешнеторговую политику того же Китая, лоббировать политику низких тарифных барьеров для индийских компаний. Все это вкуче нанесет серьезный ущерб индийским производителям. Для Китая Индии понадобилось бы открывать рынок, что равно мощному потоку в страну дешевой китайской продукции и выдавливанию собственной. Торговый дефицит между странами – 50 % от общего размера торгового дефицита Индии. Эта цифра (даже при отсутствии договора о зоне свободной торговли с Китаем) только растет после вступления Китая в 2001 г. во Всемирную торговую организацию. Для защиты своих производителей от дешевого китайского импорта Индия выступила с предложением, которое не было поддержано, о создании таких инструментов, которые бы гарантировали восстановление пошлин (по достижению некоего предела, который бы был, в свою очередь, согласован странами – участницами соглашения о ВРЭП). Этому есть объяснение – Индии нужен был механизм, запускавшийся бы автоматически для защиты интересов страны.

Правовые причины выхода из соглашения о ВРЭП

Вопросы, лежащие в сфере права, стали еще одной причиной выхода Индии из готовящегося соглашения. Они касались, в частности, интеллектуальной собственности и инвестиционной политики. Индия была против создания непрозрачной схемы урегулирования споров, позволявшей крупным игрокам за рубежом, в первую очередь транснациональным корпорациям, диктовать Индии, не считаясь с ее законодательством [3]. Соглашение также предусматривало юридические положения по интеллектуальной собственности вне рамок Всемирной торговой организации по отношению, в частности, к одной из приоритетных продукций Индии – фармацевтической (результаты клинических испытаний препаратов, др.). Эти юридические препоны нанесли бы урон при производстве недорогостоящих лекарств, которые не запатентованы и доля которых велика как для внешнего, так и для внутреннего рынка.

Экономические причины выхода из соглашения о ВРЭП

Экономические причины были озвучены премьер-министром Н. Моди. На начальном этапе Индия предлагала подобие трехуровневой схемы, которая позволяла бы поэтапно отказываться от торговых пошлин на импорт,

в частности на 65 % товаров, идущих из ASEAN, а далее в течение следующих 10 лет еще на 15 %. Основные конкуренты для Индии – Китай с его продукцией, а также Австралия и Новая Зеландия с сельхоз- и молочными продуктами. Еще в 2017 г. Индия просила снизить пошлины для 74 % товаров из Китая, Австралии и Новой Зеландии, а также для 86 % товаров, идущих из остальных стран соглашения о ВРЭП. Просьба Индии не была услышана – от страны требовались гораздо большие уступки, цифра сниженных пошлин на товары из потенциальных стран – участниц соглашения о ВРЭП ожидалась в 92 %. А к 2019 г. в случае присоединения к ВРЭП от Индии потребовали отмены импортных пошлин для более чем четверти товаров. Стало очевидным, что полученные от соглашения плюсы не перевесят расходы от членства в нем.

Если сравнивать Индию с другими потенциальными странами – участницами соглашения о ВРЭП, то можно отметить ее крайне высокие торговые пошлины, это означает, что ей понадобилось бы делать (для уменьшения пошлины до нуля) самые крупные сокращения, таким образом, вопрос о компенсации убытков гипотетическими выгодами – опять дискуссионный. И наоборот, снижение пошлин другими странами неэквивалентно увеличению импорта продукции Индии, поскольку рост индийского экспорта не связан напрямую с изменением ценовой политики как следствие торговых уступок, а скорее обусловлен ростом покупательной способности других стран.

У Индии есть 15 своих двусторонних (трехсторонних) торговых соглашений, которые также пострададут (по части либерализации рынков) от вхождения страны во ВРЭП. Япония, например, много сделала для того, чтобы вернуть Индию в соглашение о ВРЭП, а в результате существующий договор о международном торговом партнерстве между Индией, Японией и Австралией уже сейчас не столь результативный, как задумывалось изначально. Это же верно и в плане соглашения между Индией, Японией и Южной Кореей при вхождении во ВРЭП пошлины в отношении импорта из Японии и Южной Кореи могут сократиться на 62,5 %.

Подписание каждого из региональных торговых соглашений Индии независимо от вхождения во ВРЭП значительно расширило двустороннюю торговлю, что привело к возрастанию доли импорта в ущерб экспорту, тем самым не дав особых выгод для страны, а лишь добавив беспокойности местным производителям. В качестве компенсации Индия в своем самом южном штате Андхра-Прадеш, еще недавно специализирующемся только на сельском хозяйстве, открыла экономический коридор площадью 2 500 га в портовом городе Атчутапурам, дав возможность для развития производственных мощностей (информационные технологии, в том числе), притока инвестиций и создания огромного числа рабочих мест. Хаб, в состав которого входит современный порт, международный аэропорт, железнодорожный узел и автомобильная трасса, позволил сформировать на этой территории специальную свободную зону (APSEZ). Она – первая такого рода свободная зона в стране, вписанная в масштабные планы Индии по созданию прибрежных экономических коридоров для выхода на Юго-Восточную Азию и Восточную Азию. Подобных зон – индустриальных кластеров – планируют построить поэтапно девять в разных районах штата для включения их в Визаг – Ченнаи промышленный коридор (VCIC), который является ключевым в экономическом коридоре Восточного побережья (ЕСЕС). Коридор будет поддерживать «Золотой четырехугольник» и проекты «Сделай в Индии» и «Действуй на Восток». Поддерживаемый Азиатским Банком развития 800-километровый коридор свяжет Индию напрямую с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии и странами Восточной Азии. Протяженная береговая линия коридора с входящими в нее портами – выход одновременно на глобальные производственно-сбытовые цепочки и расширение возможностей внутреннего рынка (до появления юго-восточного коридора Индия пользовалась только кластерами, расположенными на западном побережье страны) [12].

Индия проанализировала опыт последних пяти финансовых лет других стран АТР, имеющих соглашения о свободной торговле, и пришла к выводу, который озвучило правительство: совокупный среднегодовой темп роста для них и Индии более чем скромный – 7,1 %. В исследование были включены Шри Ланка, Афганистан, Таиланд, Сингапур, Япония, Бутан, Непал, Южная Корея и Малайзия. Сегодня Индия имеет внешнеторговый дефицит с 11-ю из 15 стран из ВРЭП, и эксперты считают, что стране не удастся выровнять ситуацию в результате двусторонних торговых соглашений, то есть увеличить долю экспорта. Профессор Б. Дхар полагает, что по этой же причине и объем импорта в страны-партнеры будет в стадии стагнации или даже сокращения.

Видный индийский экономист и критик экономической политики страны А. К. Багчи полагает, что правительство не готово проводить сколько-либо серьезных трансформаций, а значит страна пока не готова конкурировать на рынке, не может она пока и существенно нарастить объемы производства – ни в промышленности,

ни в сельском хозяйстве [2]. Хотя определенные сдвиги в сельском хозяйстве есть – урожайность зерновых культур возросла, что «... привело к чуть более быстрой динамике увеличения продуктивности земли, по сравнению с изменением производительности труда. Однако этот рост <...> недостаточен для увеличения общей эффективности и прибыльности сельского хозяйства. В дальнейшем ожидается такой же вялотекущий тренд как в динамике продуктивности земли, так и производительности труда» [1, с. 14]. Профессор Дж. Гош, также критикующая неолиберальную политику страны, считает, что при нынешних крайне низких темпах роста экономики предлагаемые правительством трансформации могут быть результативны только в краткосрочной перспективе [5]. Для выстраивания действенной долгосрочной программы необходимы меры по серьезной реформе внутренней политики.

Дискуссия: перспективы Индии стать третьей экономикой мира

Если бы гипотетически Индия вошла в состав участников соглашения о ВРЭП, то стала бы к началу 2021 г. третьей по величине экономикой внутри ВРЭП. В случае невхождения страны в соглашение, по данным доклада экспертов Bank of America, экономика Индии займет свое третье место в мире через десять лет, к 2031 г. (по прогнозам, этого можно было бы достичь и ранее, но последствия пандемии коронавируса снизили темпы роста).

На период 2014–2019 гг., по мнению занимавшего тогда пост министра финансов, корпоративных вопросов и обороны А. Джетли, реформатора, влиятельного в стране политика и юриста по образованию, Индия – страна, штаты которой находятся в различных фазах экономического развития, а подход к штатам – единый, что порождает разногласия между ними и центральным правительством по поводу экономического развития страны. Следовательно, для развития рыночной экономики, полностью интегрированной с мировой, и приходу следующей фазы экономического развития Индии необходимо развитие кооперативного федерализма: более активного вовлечения 29 штатов и 7 союзных территорий в составление экономической политики страны через создание региональных советов, то есть используя подход «снизу-вверх» вместо действующего до сих пор подходом по централизованному планированию политического курса [8]. Это даст штатам равное участие в формировании и претворении в жизнь программ по социально-экономическому развитию при условии, что им будет разрешено самостоятельно формулировать планы.

Чтобы сделать Индию конкурентоспособной в сегодняшней глобальной экономике, этой стратегии придерживалась и учрежденная в 2015 г. и возглавляемая премьер-министром комиссия аналитического правительственного центра НИТИ (NITI Aayog – «политика, этика и равноправие в справедливости»), Национального исследовательского института правительства Индии. Среди других ее инициатив в связи с меняющимися потребностями Индии – социально-экономическое развитие страны через уход от плановой экономики; развитие транспортной системы (в частности, железнодорожной); уделение особого внимания а) индийскому сельскохозяйственному сектору, в котором преобладают высокая стоимость и низкая производительность, б) производственному сектору через запуск кампании “Make in India” [10]. В частности, было принято решение признать неправильным размещение свыше половины рабочей силы страны в сельскохозяйственном секторе для поддержки бедных фермеров, поскольку проблему бедности это не решает; об этом же давно говорил еще один известный критик неолиберальных реформ А. Джетли профессор П. Патнаик [7; 9]. В качестве исправительной меры было предложено размещение части сельскохозяйственной рабочей силы (после ее необходимого обучения) в производственном секторе. По мнению бывшего главного экономиста Азиатского Банка Развития А. Паначарии, первого вице-председателя комиссии НИТИ, темп роста сельскохозяйственного сектора и расширение спектра хороших условий трудоустройства его в промышленном секторе и в секторе услуг могут идти параллельно и заложить основу устойчивого развития [11, с. 20].

Заключение

Сегодня Индия на пятом месте по вкладу валового внутреннего продукта в мировую экономику (после США, Китая, Японии, ФРГ). Эксперты Bank of America считают, что в ближайшей перспективе Индия, держа курс на масштабную реструктуризацию экономики, действительно сможет обогнать Японию и ФРГ, и для этого у нее есть все предпосылки: 1) рост реального валового внутреннего продукта на 6–7 %, рост числа рабочих мест, изменение самой структуры занятости (изменение числа рабочих мест в сфере услуг), и др. В качестве основы выступает государственная программа «Атманирбхар Бхарат» («Самодостаточная Индия»), которую представил

в 2020 г. премьер-министр Н. Моди [4]; 2) развитие финансового рынка как гаранта эффективного использования производственных инвестиций; 3) рост доходов населения, снижение цен, повышение спроса. По прогнозам, если в течение ближайшего десятилетия Индия будет показывать экономический рост на 9 % валового внутреннего продукта в год, то у нее есть все шансы стать к 2030 г. третьей экономикой в мире после США и Китая.

Библиографический список

1. Дерюгина, И. В. Стратегическое планирование vs долгосрочное прогнозирование экономического роста в сельском хозяйстве в России, Индии, Китае // Восточная аналитика. – № 3. – 2016. – С. 7–20.
2. Bagchi, A. K. *Capitalism, development and democracy: promise and reality*. – London: Pluto Press, 2020. – 224 p.
3. Bushra, S., Akhter, J. Venture capital financing in India: prospects and challenges // *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*. – 2019. – V. 9, No. 1. – Pp. 4661–4666.
4. Dubey, S., Dubey, H. K. Atmanirbhar Bharat Abhiyan: an analytical review // *UGC Care Group I Journal*. – 2020. – V. 10, No. 4. – Pp. 27–34.
5. Ghosh, J. Two key numbers to look out for in the upcoming budget 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/349554010_Two_Key_Numbers_to_Look_Out_for_in_the_Upcoming_Budget_2021 (дата обращения: 23.03.2021).
6. Malone, D. M., Mukherjee, R. (2010). India and China: conflict and cooperation // *Survival*. – V. 52, Is. 1. – Pp. 137–158. <https://doi.org/10.1080/00396331003612513>
7. Patnaik, P. *Retreat to unfreedom: essays on the emerging world order*. – New Delhi: Tulika, 2003. – 302 p.
8. Rao, M. G. Role and functions of NITI Aayog // *Economic and Political Weekly*. – 2015. – V. L, No. 4 (4). – Pp. 13–16.
9. Shettar, R. M. Impact of make in India campaign: a global perspective // *Journal of Research in Business and Management*. – 2017. – V. 5, No. 2. – Pp. 1–6.
10. Srivastava, R. Impact of “Make in India” in Indian economy // *International Journal of Trend in Scientific Research and Development (IJTSRD)*. – 2019. – V. 3, No. 4. – Pp. 429–432. <https://doi.org/10.31142/ijtsrd23728>.
11. Annual Report 2019–2020. Agriculture Reforms // NITI Aayog [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://niti.gov.in/sites/default/files/2020-02/Annual_Report_2019-20.pdf (дата обращения: 24.03.2021).
12. Larkin, J. In Andhra Pradesh, India, new economic corridors create path to prosperity // ADB. Asian Development Bank [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.adb.org/results/andhra-pradesh-india-new-economic-corridors-create-path-prosperity> (дата обращения: 23.03.2021).

References

1. Deryugina I.V. Strategic planning vs long-term prediction of economic growth in agriculture of Russia, India, China, *Eastern Analytics*, 2016, no. 3, pp. 7–20. (In Russian).
2. Bagchi A. K. *Capitalism, development and democracy: promise and reality*, London, Pluto Press, 2020, 224 p.
3. Bushra S., Akhter J. Venture capital financing in India: prospects and challenges, *International Journal of Engineering and Advanced Technology (IJEAT)*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 4661–4666.
4. Dubey S., Dubey H. K. (2020). Atmanirbhar Bharat Abhiyan: An Analytical Review, *UGC Care Group I Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 27–34.
5. Ghosh J. Two key numbers to look out for in the upcoming budget 2021. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349554010_Two_Key_Numbers_to_Look_Out_for_in_the_Upcoming_Budget_2021 (accessed 23.03.2021).
6. Malone D.M., Mukherjee R. India and China: conflict and cooperation, *Survival*, vol. 52, issue 1, pp. 137–158. <https://doi.org/10.1080/00396331003612513>
7. Patnaik P. *Retreat to unfreedom: essays on the emerging world order*, New Delhi, Tulika, 2003, 302 p.
8. Rao M.G. Role and functions of NITI Aayog, *Economic and Political Weekly*, 2015, vol. L, no. 4 (4), pp. 13–16.
9. Shettar R.M. Impact of make in India campaign: a global perspective, *Journal of Research in Business and Management*, 2017, vol. 5, no. 2, pp. 1–6.
10. Srivastava R. Impact of “Make in India” in Indian economy, *International Journal of Trend in Scientific Research and Development (IJTSRD)*, 2019, vol. 3, no. 4, pp. 429–432. <https://doi.org/10.31142/ijtsrd23728>
11. Annual Report 2019–2020. Agriculture Reforms, *NITI Aayog*. Available at: http://niti.gov.in/sites/default/files/2020-02/Annual_Report_2019-20.pdf (accessed 24.03.2021).
12. Larkin J. In Andhra Pradesh, India, new economic corridors create path to prosperity, *Asian Development Bank*. Available at: <https://www.adb.org/results/andhra-pradesh-india-new-economic-corridors-create-path-prosperity> (accessed 23.05.2021).

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

УДК 330.322.214 JEL G31

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-135-140

**Астафьева Ольга
Евгеньевна**

канд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3957-790X

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

**Козловский Александр
Васильевич**

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государ-
ственный университет управления»,
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-9387-5284

e-mail: kozlovsky@guu.ru

**Моисеенко Наталья
Анатольевна**

д-р экон. наук, ФГБОУ ВО «Государ-
ственный университет управления»
г. Москва, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-5600-1155

e-mail: DmitriM@rambler.ru

Olga E. Astafieva

Cand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3957-790X

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Alexander V. Kozlovsky

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9387-5284

e-mail: kozlovsky@guu.ru

Nataly A. Moiseenko

Dr. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5600-1155

e-mail: DmitriM@rambler.ru

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ В РАМКАХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Рассмотрены основные проблемы, связанные с разработкой и реализацией инвестиционных проектов на предприятиях реального сектора экономики в целях устойчивого развития. Дана оценка сложившейся ситуации в инвестиционно-строительной сфере и намечены пути решения основных проблем инвестиционной активности в строительной отрасли. Последовательно рассмотрены вопросы формирования механизма инвестиционной привлекательности отраслей и отдельных организаций, производственно-инвестиционная деятельность. Проанализированы традиционные показатели и критерии эффективности инвестиций. Обоснована целесообразность использования показателей рентабельности капитала или активов организации, необходимых для реализации проекта. Отмечено, что в процессе разработки стратегии устойчивого развития организации необходимо учитывать его цифровую трансформацию в рамках возможности функционирования в единой цифровой среде с целью повышения конкурентоспособности. Рекомендовано применение комплексной оценки эффективности привлечения инвестиций для реализации инвестиционных программ на базе выбранных критериев с учетом их функционирования в условиях цифровой среды.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная привлекательность, эффективность, рентабельность, инвестиционный проект, цифровизация, цифровая среда, устойчивое развитие, реальный сектор экономики

Для цитирования: Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А. Инвестиционная привлекательность реального сектора экономики в рамках устойчивого развития // Вестник университета. 2021. № 6. С. 135–140.

INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY IN THE FRAMEWORK OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. The article discusses the main problems associated with the development and implementation of investment projects at enterprises of the real sector of the economy for sustainable development. The current situation in the investment and construction sector of the economy has been evaluated and the ways of solving the main problems of investment activity in the construction industry are outlined. The issues of formation mechanism of the investment attractiveness of industries and individual organizations, production and investment activities have been consistently considered. Traditional indicators and criteria of investment efficiency have been analysed. The expediency of using indicators of the return on capital or assets of the organization necessary for the implementation of the project has been substantiated. It has been noted that in the process of developing an organization's sustainable development strategy, it is necessary to take into account its digital transformation, within the framework of the possibility of functioning in a single digital environment in order to increase competitiveness. The applying a comprehensive assessment of the effectiveness of attracting investments for the implementation of investment programs based on the selected criteria, taking into account their functioning in the digital environment, – has been recommended.

Keywords: investments, investment attractiveness, efficiency, profitability, investment project, digitalization, digital environment, sustainable development, real sector of the economy

For citation: Astafieva O.E., Kozlovsky A.V., Moiseenko N.A. (2021) Investment attractiveness of the real sector of the economy in the framework of sustainable development. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 135–140. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-135-140

© Астафьева О.Е., Козловский А.В., Моисеенко Н.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Astafieva O.E., Kozlovsky A.V., Moiseenko N.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В современных экономических условиях на фоне снижения роста производства и доходности производственно-хозяйственной деятельности во многих отраслях, падения покупательной способности потребителей многих видов продукции закономерным результатом стало снижение валового внутреннего продукта почти на 5 % только в 2020 г. Государство предприняло серьезные меры поддержки бизнеса. Из федерального бюджета профинансированы многочисленные субсидии в адрес малого и среднего бизнеса, велась активная поддержка различных слоев населения. В определенной степени это позволило стабилизировать ситуацию, но сегодня необходим эффективный механизм движения вперед. Таким механизмом являются различные технологии привлечения инвестиций в реальный сектор экономики, прирост производственного потенциала предприятий, увеличение капиталоемкости и снижения себестоимости выпускаемой продукции.

Для решения этих и многих других вопросов необходимо активизировать механизм инвестиционной привлекательности отраслей и отдельных предприятий. Когда падают доходы объектов реального сектора экономики, первыми попадают под удар инвестиционные программы и, прежде всего, крупных компаний. Среди крупных отраслевых инвесторов выделяются компании топливно-энергетического комплекса, основные экспортеры, финансово-кредитный сектор. Активизация инвестиционной деятельности сегодня связана с компенсацией потерь при снижении производства и потребления продукции и поиском новых стабильных и эффективных источников финансирования капитальных вложений [4]. Мы возвращаемся к этому термину, поскольку фондовый рынок и другие направления инвестирования работают с большей степенью самостоятельности, но и с более высоким уровнем риска. Любые вложения, как краткосрочные, так и долгосрочные связаны с экономическими и даже политическими рисками. Эта проблема может быть положительно решена только при наличии эффективной системы страхования инвестиций, однако развитие этой системы связано с наличием разветвленной сети страховых компаний.

Страхование инвестиций имеет свою специфику: 1) страховать нужно значительные суммы, исчисляющиеся в миллиардах рублей; 2) учитывать длительные сроки строительства объектов и производственных мощностей (период страхования составит 2 года и более). Далеко не все страховые компании обладают для этого достаточным капиталом. Инвестиционные риски при этом только возрастают. Доказательством этому служит, например, обманутые дольщики жилищном строительстве, повсеместное нарушение сроков ввода в эксплуатацию объектов, крайне низкий уровень качества строительно-монтажных работ. Все эти тенденции наблюдаются при параллельном росте стоимости строительной продукции. Вместе с тем правительство ставит задачу увеличивать объемы жилищного строительства более чем на 20 % ежегодно [6].

Следует отметить ряд положительных мер, принятых за последние годы. Введены в практику взаимоотношений застройщиков и потребителей продукции строительства эскроу-счета, создан единый реестр застройщиков, образован Государственный компенсационный фонд долевого строительства. Меняется структура доходов и расходов застройщиков в динамике, увеличивается плата за услуги банков, рекламу. Конечно, страхование, дополнительные гарантии, в том числе и государственные и другие меры ведут к росту стоимости строительно-монтажных работ и готовой строительной продукции. Эти и другие факторы отрицательно сказываются на инвестиционной привлекательности подотрасли «жилищное строительство». Помогает льготная ипотека, реализация программы реновации, но это пока только в Москве. К сожалению, перечисленных мер недостаточно.

Анализ подходов и методов решения проблемы

Развитие любого бизнеса обеспечивается притоком инвестиций и прежде всего в реальный сектор экономики, к которому в полной мере относится и строительство. К категории «инвестиционная привлекательность» можно отнести совокупность средств, действий и возможностей инвесторов вкладывать собственные, заемные или привлеченные средства в наиболее прибыльные сферы деятельности. Организации, располагающие свободными средствами, собственным капиталом, или возможностями привлечения относительно дешевых заемных средств будут наиболее инвестиционно привлекательны. Для ответа на вопрос об инвестиционной привлекательности необходимо провести предварительный анализ платежеспособности, ликвидности и рентабельности организации. Следует учесть и инвестиционный климат, инвестиционный потенциал, риски, наличие финансовых гарантий для всех видов и направлений вложений.

В компетенции инвестора находятся факторы, которые формируют инвестиционный потенциал. Это наличие численности работников, возможности привлечения трудовых ресурсов различного уровня квалификации, производственные мощности и возможности их увеличения, организационно-правовая форма предприятия, условия лицензирования производственно-хозяйственной деятельности, наличие собственных оборотных средств и кредитоспособность заемщиков, конкурентоспособность выпускаемой продукции и доля в ней инновационной составляющей [1].

На инвестиционную привлекательность влияют и внешние факторы. Это прежде всего, региональные преимущества, связанные с климатическими факторами, близостью к крупным городам и рынкам сбыта продукции, наличием квалифицированной рабочей силы, экономическая и социальная стабильность, транспортные коммуникации и др. На государственном уровне на инвестиционную привлекательность влияют такие факторы, как наличие природных ресурсов, инновационный характер экономики и уровень научно-технического прогресса, производственный потенциал, состояние финансовой системы, возможность модернизации экономики.

В последние годы появился еще один фактор – внешние санкции в адрес как юридических, так и физических лиц. Но это общие показатели, которые невозможно объединить в единую модель [2]. Необходим единый критерий или показатель, на основании которого можно принимать решения по выбору эффективных направлений инвестирования. Таким показателем может выступать рентабельность капитала или активов организации. На практике при принятии инвестиционных решений можно использовать и дополнительные показатели: рентабельность собственного и заемного капиталов, соотношение дебиторской и кредиторской задолженностей и аналогичные показатели, рассчитанные на базе чистой прибыли.

Рядовой инвестор реального сектора экономики заинтересован не только в абсолютных значениях получаемого дохода, но и в стабильности и долгосрочности его получения. Внешнего инвестора, конечно, интересуют не подробности производственного процесса, технологии производства продукции или рынки сбыта, а рентабельность производства. Барьером инвестиционной привлекательности может быть уровень рентабельности хозяйственной деятельности от 15 % и более. Можно учитывать и другие косвенные факторы, такие как эффективное управление портфелем ценных бумаг, участие в деятельности смежных предприятий и др.

Важным моментом является наличие инвестиционной программы. Такие программы призваны обеспечивать не только поступательное развитие предприятий, но их экономическую устойчивость и надежность. Для этого необходим периодический всесторонний анализ всех направлений деятельности, определение стратегии долгосрочных и краткосрочных планов развития, определение методов реализации этих планов, контроль за ходом их выполнения. В основе принятия решений лежит рентабельность активов, но этот показатель учитывает «внутреннее» состояние предприятия, а инвестиционная привлекательность более широкое понятие.

Для измерения инвестиционной привлекательности можно использовать метод интегральной индексации для построения математических моделей на базе которых можно прогнозировать перспективную доходность активов [3].

Инвестиционная привлекательность на базе анализа бизнес-климата в регионе или на отдельно взятом предприятии формируется на основе теории устойчивого развития. Все субъекты рынка заинтересованы в устойчивом развитии, задачей государства является создание условий для такого развития. В рамках выбранной концепции развития на определенном конкретном этапе функционирования экономики, можно выделить несколько направлений: политическая, экономическая, социальная, региональная миссии. Политическая устойчивость сегодня прежде всего определяется возможностями государства по нейтрализации внешних санкций, экономических и социальных. Благодаря политике импортозамещения и другим формам государственного бизнеса экономические потери удалось минимизировать, но снижения валового внутреннего продукта и других глобальных показателей полностью избежать не удалось. Сохранить положительные тенденции развития экономики можно, но для этого необходима эффективная инвестиционная политика на всех уровнях управления от конкретного предприятия до федерального бюджета.

Если говорить о благоприятном бизнес-климате на уровне предприятия и стабилизации роста, то прежде всего следует оценить возможности инвесторов на базе согласования экономических интересов всех участников инвестиционного процесса, возможности роста деловой активности и капитализации результатов производственно-хозяйственной деятельности [7]. Если экономические интересы участников сбалансированы, то возможно активизировать и деловую активность. Эффективная предпринимательская

деятельность позволит благоприятно повлиять на рост капитализации. Если эти тенденции реализовать на практике, то инвестиционная привлекательность хозяйствующих субъектов будет возрастать на всех уровнях от федерального до регионального.

Инвестиции в современной экономике должны в первую очередь обеспечивать инновационное развитие на базе цифровых технологий [8]. На это должна быть направлена реструктуризация имущественного комплекса организации. Реструктуризация должна затронуть не только коммерческую недвижимость, но и земельные участки, находящиеся в собственности или пользовании предприятий, движимое имущество, финансовые активы, юридические права и другие регистрируемые объекты промышленной собственности. В процессе реструктуризации имущественного комплекса организаций целесообразно избавляться от лишних активов, приносящих доход даже временно. Инвестиционные программы организаций должны хотя бы косвенно способствовать целям экономического и социального развития. Инвестиции оправданны, если обеспечивают расширенное воспроизводство ресурсного потенциала, позволяют внедрять современные технологии в рамках цифровизации и на этой основе обеспечивать устойчивое развитие, образ жизни, развитие исторических и культурных тенденций, национальных ценностей.

Последовательность действий по привлечению инвестиций начинается с формализации процедур управления капитальными вложениями, построения системы взаимодействия участников инвестиционного процесса с использованием цифровых технологий. На базе растущей капитализации и деловой активности будет обеспечено устойчивое развитие организаций региона.

Таким образом, создаются предпосылки не только для привлечения средств, но и формирования собственных накоплений для инвестирования.

Основные результаты

В научной литературе выделяют политическую, экономическую, социальную и культурную устойчивость, но все они могут и должны рассматриваться в динамике, если будут обеспечены соответствующими инвестиционными программами.

В процессе реализации инвестиционных программ можно выделить планирование (предпроектный этап), осуществление капитальных вложений (проектирование, финансирование, контроль), оформление результатов инвестиционной деятельности (оформление прав собственности на вновь построенные, реконструируемые, капитально отремонтированные объекты жилой и коммерческой недвижимости).

Сложным этапом является организация финансирования инвестиционных проектов [5]. Самым трудоемким здесь представляется процесс оформления, согласования и утверждения документации. Это не только разрешительные документы, но и проектно-сметная документация, определение договорных цен на строительную продукцию, выбор модели финансирования капитальных вложений, контроль за движением денежных потоков, страхование и разработка управленческих решений по возникающим отклонениям. По результатам контроля принимаются решения по согласованию состава комплекса объектов, проводятся конкурсные процедуры на выполнение строительно-монтажных работ, поставок материалов и оборудования, оцениваются объемы работ в физическом измерении, которые сопоставляются с размерами финансирования на базе укрупненных показателей стоимости строительства, ценовая политика, соотношение кредиторской и дебиторской задолженности и ее реструктуризация при необходимости, сроки строительства и ввода в эксплуатацию объектов и производственных мощностей.

Инвестиционная привлекательность объекта связана не только с прогрессирующими финансовыми показателями, но и стратегией развития предприятий, которая должна включать стратегию цифровой трансформации организации. Эта стратегия базируется на отраслевых и региональных программах развития, прогнозах спроса на продукцию, емкости рынков сбыта, возможностями прироста производственных мощностей предприятий. Достижение стратегических целей должно обеспечиваться сегментом рынка сбыта, объемом продаж, рентабельностью выпускаемой продукции и капитала, наличием новых технологий, включая цифровые, наукоемких продуктов, эффективным менеджментом и бюджетом компании. Руководствуясь принятой стратегией развития и роста, выбираются инвестиционные проекты, очередность их реализации, источники финансирования. Оцениваются показатели эффективности на основе выбранных критериев, проводится оптимизация технологической и воспроизводственной структур капитальных вложений. В процессе экономического

анализа эффективности инвестиционных программ, их следует разделить на активные, которые обеспечивают рост эффективности (рентабельности) хозяйственной деятельности, производительности труда на базе новых прогрессивных, в том числе цифровых, технологий. Пассивные инвестиции позволяют обеспечить ресурсное обеспечение производства на длительную перспективу, включая разведку полезных ископаемых, получение (покупку) лицензий, логистику, юридическое сопровождение.

Выбирая направления вложений, инвесторы руководствуются множеством факторов, среди которых в первую очередь нужно оценить финансовые возможности, ограниченность средств, уровень риска, внешние и внутренние угрозы. Для решения этих задач необходимо детальное и поэтапное изучение эффективности проекта, систем финансирования, мониторинг реализации и последствий (результатов) инвестиционных проектов. Нужно уметь привлекать, распределять, возвращать и воспроизводить инвестируемые средства. Для этого необходимо снижать капитальные и текущие затраты, увеличивать капитализацию, снижать себестоимость будущей продукции и электропотребление, материалоемкость и машиноёмкость производимых товаров. Наряду с часто применяемыми в сегодняшней практике схемами финансирования инвестиций необходимо шире использовать лизинговые, акционерные, смешанные (частно-государственные) и другие механизмы инвестирования, среди которых можно также выделить средства населения (депозиты, акции предприятий). Для эффективного использования этих вложений необходимо более чем сейчас применять государственное страхование вкладов на большую сумму и совершенствовать механизм страхования с целью вовлечения вкладов в хозяйственный оборот.

Заключение

Анализируя различные технологии привлечения инвестиций в реальный сектор экономики с целью обеспечения устойчивого развития, можно выделить финансовый, технический и организационный аспекты. Для определения потребности в инвестициях на первой фазе реализации инвестиционных проектов нужны укрупненные показатели на единицу строительной продукции в динамике с использованием цифровых технологий для пересчета этих показателей под текущие экономические условия. Необходим подбор во времени источников финансирования, страховые и антисанкционные действия, определение инвестиционно-необходимого уровня рентабельности проекта. Поскольку проект реализуется при участии большого количества организаций из различных сфер бизнеса необходимо определять потребности в инвестировании смежных областей. Оценивая технико-технологические и инновационные характеристики инвестиционной программы, можно выделить производственную мощность, технологичность оборудования и техническое совершенство, преимущества, достоинства и недостатки новых технологий. К числу организационных факторов относятся производительность оборудования, сроки реализации и результативность программы, кадровый потенциал, уровень логистики, соответствие запасов потребностям технологии. Завершающим этапом должна стать комплексная оценка эффективности реализации инвестиционной программы на базе выбранных критериев с учетом функционирования в условиях цифровой среды.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (в ред. Постановления Правительства РФ от 13.02.2019 № 316) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.03.2021).
2. Указ президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Информационно-правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F71947200%2Fparagraph%2F1%2Fhighlight%2Fуказ%20204%3A2> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Астафьева, О. Е. Анализ необходимости перехода на систему опережающей подготовки кадров для инновационного развития экономики // Вестник университета. – 2019. – № 7. – С. 32–36.
4. Короткевич, А. И., Шпарун, Д. В., Сьюй, Ц. Инвестиционно-инновационные стратегии трансформации национальной экономической системы и реализация стратегии инвестиционно-инновационной деятельности региона // Новая экономика. – 2018. – № 2 (72). – С. 53–58.

5. Серов, В. М., Панкратов, О. Е. Об имущественном подходе к оценке экономической эффективности инвестиционной деятельности предприятий и организаций // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы IX Международной научно-практической конференции, посвященной 112-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова / Под редакцией В. И. Ресина. – М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова. – 2019. – С. 86–90.
6. Трошин, А. С. Инвестиционно-инновационная составляющая воспроизводственного процесса в экономике (на примере малого бизнеса) // Наука и образование: новое время. – 2016. – № 5 (16). – С. 40–47.
7. Хомкин, К. А. Инновационный проект. Подготовка для инвестирования. – М.: Дело, РАНХиГС. – 2019. – 120 с.
8. Цифровую платформу, объединяющую информационные системы в области строительства, создадут 2024 году // Минстрой России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minstroyrf.ru/press/tsifrovuyu-platformu-obedinyayushchuyu-informatsionnye-sistemy-v-oblasti-stroitelstva-sozdadut-k-202/> (дата обращения: 11.03.2021).

References

1. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 316 dated on April 15, 2014 (as amended by the Resolution of the Government of the Russian Federation No. 316 dated on February 13, 2019) “On Approval of the State program of the Russian Federation “Economic Development and Innovative Economy”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons> (accessed 15.03.2021).
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 dated on May 7, 2018 “On National Goals and Strategic Objectives of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024”, *Information and legal portal “Garant”*. Available at: <http://ivo.garant.ru/#%2Fdocument%2F71937200%2Fparagraph%2F1%2Fhighlight%2Fukaz%20204%3A2> (accessed 15.03.2021).
3. Astafyeva O. E. Analysis of the need of transition to the system of advanced training of personnel for innovative development of economy, *Vestnik universiteta*, 2019, no. 7, pp. 32–36. (In Russian).
4. Korotkevich A. I., Shparun D. V., Xu Ts. Investment and innovation strategies for transforming the national economic system and the implementation of the strategy of investment and innovation activities in the region, *New Economics*, 2018, no. 2 (72), pp. 53–58. (In Russian).
5. Serov V. M., Pankratov O. E. On the property approach to assessing the economic efficiency of investment activities of enterprises and organizations, *Proceedings of the IX international scientific and practical conference “Modern problems of project management in the investment and construction sector and environmental management” dedicated to the 112th anniversary of the Plekhanov Russian University of Economics*, Edited by V. I. Resin, Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2019, pp. 86–90. (In Russian).
6. Troshin A. S. Investment and innovation component of the reproduction process in the economy (for example, small business), *Science and education: a new time*, 2016, no. 5 (16), pp. 40–47. (In Russian).
7. Khomkin K.A. *Innovation project. Preparation for investment*, Moscow, Publishing House “Delo”, Russian Presidential Academy of Economy and Public Administration, 2019, 120 p. (In Russian)
8. A digital platform combining information systems in the field of construction will be created in 2024, *Ministry of Construction of Russia*. Available at: <http://www.minstroyrf.ru/press/tsifrovuyu-platformu-obedinyayushchuyu-informatsionnye-sistemy-v-oblasti-stroitelstva-sozdadut-k-202/> (accessed 11.03.2021).

Быканова Ольга**Алексеевна**канд. физ.-мат. наук,
ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет
им. Г. В. Плеханова»,
г. Москва, Российская
Федерация**ORCID:** 0000-0003-3915-0180**e-mail:** bykanova@inbox.ru**АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРИРОДООХРАННЫЕ
МЕРОПРИЯТИЯ НА СТРУКТУРУ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАТРАТ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА
(ЯКУТИЯ)**

Аннотация. Современные инвестиционные процессы могут считаться основным фактором развития отдельных субъектов Российской Федерации. Появление дополнительных рабочих мест, улучшение социальной инфраструктуры способствуют росту качества жизни населения. Однако активное использование природных ресурсов в качестве сырьевой базы для промышленности и сельского хозяйства имеет последствия: истощение объемов ресурсов и нарушение их структуры и качества. Природоохранные мероприятия являются важной составной частью развития регионов. В статье рассмотрены инвестиции, направленные на защиту земельного и водного ресурсов в Республике Саха (Якутия). Исследование статистики затрат на сохранение и восстановление воды и земель с помощью интегрального индекса Гатева позволило сделать вывод о значимых изменениях структуры текущих расходов. На основе корреляционно-регрессионного анализа получено соотношение между индексом Гатева структурных различий затрат и долей инвестиций в реабилитацию почвенного и водного ресурсов с корреляцией 0,85. Сделан вывод о том, что снижение уровня привлеченных инвестиций влечет за собой в совокупности значительное перераспределение средств на мероприятия, направленные на оздоровление природных ресурсов сельскохозяйственного назначения.

Ключевые слова: природоохранные мероприятия, защита окружающей среды, инвестиционные процессы, реабилитация земель, структура текущих затрат, индекс структурных различий, экологические затраты, природные ресурсы

Для цитирования: Быканова О.А. Анализ влияния инвестиций в природоохранные мероприятия на структуру распределения экологических затрат на примере Республики Саха (Якутия)//Вестник университета. 2021. № 6. С. 141–146.

Olga A. BykanovaCand. Sci. (Phys.-Math.),
Plekhanov Russian University
of Economics, Moscow,
Russia**ORCID:** 0000-0003-3915-0180**e-mail:** bykanova@inbox.ru**ANALYSIS OF THE INVESTMENTS INFLUENCE
IN ENVIRONMENTAL PROTECTION MEASURES ON THE
STRUCTURE OF ECOLOGICAL COSTS DISTRIBUTION ON THE
EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

Abstract. Modern investment processes can be considered the main factor in the development of individual constituent entities of the Russian Federation. The emergence of additional jobs, the improvement of social infrastructure contribute to the growth of the quality of life of the population. However, the active use of natural resources as a raw material base for industry and agriculture has consequences: the depletion of resources and the violation of their structure and quality. Environmental protection measures are an important component of the development of regions. The article considers investments aimed at protecting land and water resources in the Republic of Sakha (Yakutia). The study of the statistics of costs for the conservation and restoration of water and land using the Gatev integral index allowed us to conclude about significant changes in current costs structure. Based on the correlation and regression analysis, the ratio between the Gatev index of structural differences in costs and the share of investments in the rehabilitation of soil and water resources with a correlation of 0.85 has been obtained. It has been concluded that a decrease in the level of attracted investments entails, in aggregate, a significant redistribution of funds for measures aimed at improving the natural resources of agricultural purposes.

Keywords: environmental protection measures, environmental protection, investment processes, land rehabilitation, current cost structure, structural difference index, environmental costs, natural resources

For citation: Bykanova O.A. (2021) Analysis of the investments influence in environmental protection measures on the structure of ecological costs distribution on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 141–146. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-141-146

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-010-00120а) «Системные характеристики прогнозируемых сценариев экологизации производства в аграрном сегменте экономики».

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 19-010-00120a) “System characteristics of projected scenarios for greening production in the agricultural segment of the economy”.

© Быканова О.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Bykanova O.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

В современном мире изучение и прогнозирование инвестиционных процессов носит особо значимый характер, что обусловлено возможностью развития региона в экономическом, а следовательно, и социальном направлении. Привлечение интереса со стороны финансовых институтов может обеспечить отдельному субъекту Российской Федерации (далее – РФ) не только рост производственных мощностей, но и появление дополнительных рабочих мест, улучшение социальной инфраструктуры, что в свою очередь способствует решению демографической ситуации и проблемы оттока квалифицированных специалистов из конкретного региона страны. Таким образом, можно утверждать, что инвестиционная привлекательность регионов напрямую является точкой отсчета для технологического и социального прорыва в экономике [4].

Следует отметить, что в силу географических причин основным фактором для вложения денежных средств можно считать наличие природных ресурсов в промышленных масштабах. Однако активное использование природных ресурсов в качестве сырьевой базы для промышленности и сельского хозяйства имеет последствия в виде не только истощения объемов ресурсов, но и нарушения их структуры и качества. В связи с этим значимым в деятельности государства является сохранение окружающей природной среды, которое обеспечивается последовательностью функционирования федерального и регионального законодательств.

Природоохранные мероприятия являются важной составляющей программы развития всех регионов РФ. В частности, Республика Саха (Якутия) в своих программах развития традиционных отраслей сельского хозяйства в качестве обязательной составляющей вносила требования на поддержку здоровья естественных ресурсов окружающей среды – воздуха, земли, воды, что является одной из форм реализации основного стратегического направления обеспечения высокого уровня жизни населения [5]. Привлекая инвесторов в свой регион благодаря крупным природным месторождениям полезных ископаемых (алмазы, золото, природный газ, нефть, железные руды, уголь и др.), данный субъект РФ в свою очередь предъявляет требования соблюдения федерального и регионального законодательств в области природоохранных мер в виде выделения части инвестиционных средств на реализацию соответствующих мероприятий.

При проведении исследования следует рассмотреть меры по оздоровлению земельных и водных ресурсов республики, связанных с сельскохозяйственной деятельностью ввиду того, что климатические особенности расположения республики влекут значительные финансовые вливания в стратегическую отрасль для обеспечения населения питанием [2].

Самый большой по территории регион России является рекордсменом по климатическим условиям: температура воздуха здесь колеблется от -60°C до $+40^{\circ}\text{C}$. Территория в большей степени горная, и из всей площади в 308,4 млн га под сельское хозяйство выделено только 1 640,2 тыс. га (менее одного процента). Развитие и сохранение производства собственной сельскохозяйственной продукции обусловлено ограничениями транспортной доступности и стоимостью доставки. Использование земельных, водных ресурсов должно вестись под экологическим контролем промышленных предприятий из-за распространения водными артериями продуктов отхода вредных производств и заражения почв сельскохозяйственного назначения и, как следствие, попадания в пищу вредных веществ. Экологические рекомендации следует соблюдать и в сельскохозяйственной деятельности, для повышения эффективности которой используют минеральные и органические удобрения из-за низкого естественного плодородия верхнего почвенного слоя.

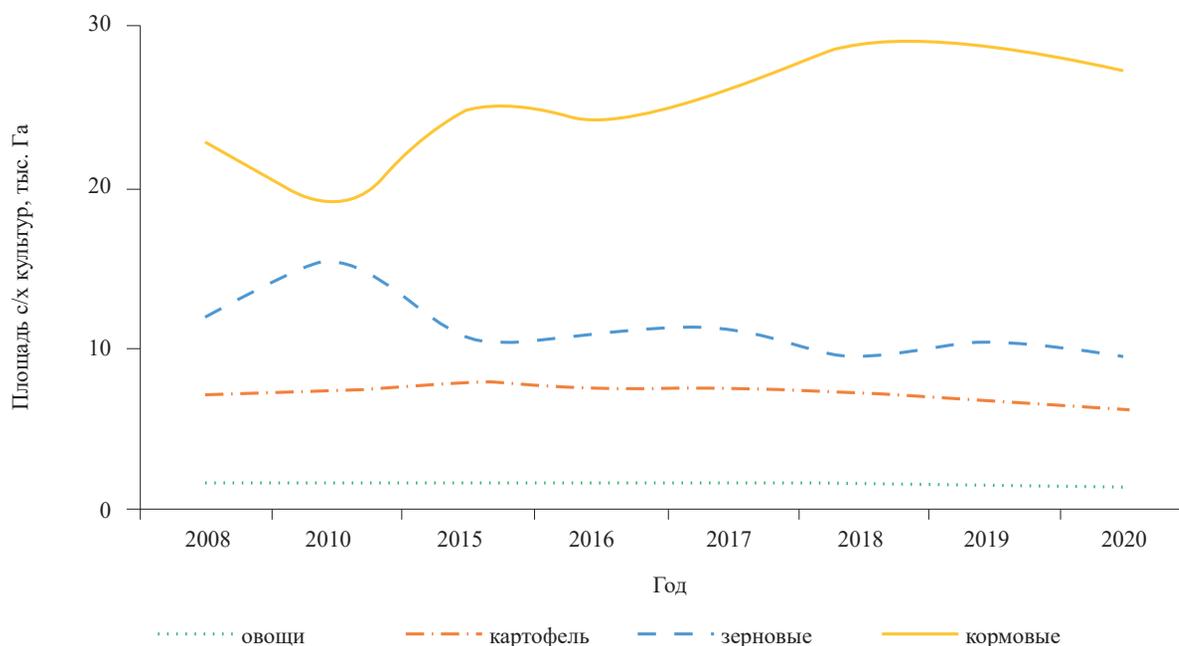
Оценка инвестиционной привлекательности региона

Оценим инвестиции в природоохранные мероприятия для сохранения и оздоровления водного и земельного ресурсов в контексте сельскохозяйственной деятельности [3].

На рисунке 1 отражена структура посевных площадей сельскохозяйственных культур Республики Саха (Якутия) согласно статистическим данным Управления Росреестра по этому региону [8].

Следует отметить, что площади посевов под зерновые культуры, овощи и картофель с 2017 г. медленно, но сокращаются, при этом, согласно данным Росстата, прирост продукции сельскохозяйственного назначения составляет около 1,5 % в год, что косвенно указывает на внедрение эффективных технологий химико-биологического направления. С другой стороны, вследствие использования экспрессивных методов для увеличения объема продукции загрязняется естественный почвенный слой земли и подземных вод [1].

В связи с этим республика привлекает инвестиции с обязательным выделением части средств на природоохранную деятельность, направленную на защиту и реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод (табл. 1).

Источник: [8]

Рис. 1. Посевные площади сельскохозяйственных культур Республики Саха (Якутия)

Таблица 1

Текущие (эксплуатационные) расходы на охрану окружающей среды

Год	Всего	Статья расходов, млн руб.				
		на охрану атмосферного воздуха и предотвращение изменения климата	на сбор и очистку сточных вод	на обращение с отходами	на защиту и реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод	прочие
2012	5 185,5	563,4	2 221,9	760,9	1 529,9	109,3
2013	5 792,0	773,4	2 324,7	757,8	1 791,6	144,5
2014	6 461,2	835,4	2 926,1	811,3	1 805,2	83,2
2015	6 991,2	930,7	2 958,3	1 030,6	2 000,4	71,2
2016	7 864,4	1 029,5	3 163,1	1 243,3	2 301,6	109,0
2017	7 930,4	1 172,8	2 687,4	1 481,2	2 480,4	108,6
2018	9 070,1	1 258,7	3 017,1	2 148,9	2 546,0	99,3
2019	11 586,6	1 350,8	3 484,5	4 816,1	1 786,5	148,8

Источник: [8]

Анализ структуры затрат на охрану окружающей среды

Для анализа различий в структуре затрат на природоохранные мероприятия в Республике Саха (Якутия) за период 2012–2019 гг. автором выбран интегральный коэффициент К. Гатева, как один из универсальных индексов, позволяющих оценить величину расхождений между компонентами структуры. Этот показатель является относительной величиной, варьирующейся от 0 до 1, где 0, соответственно, указывает на отсутствие

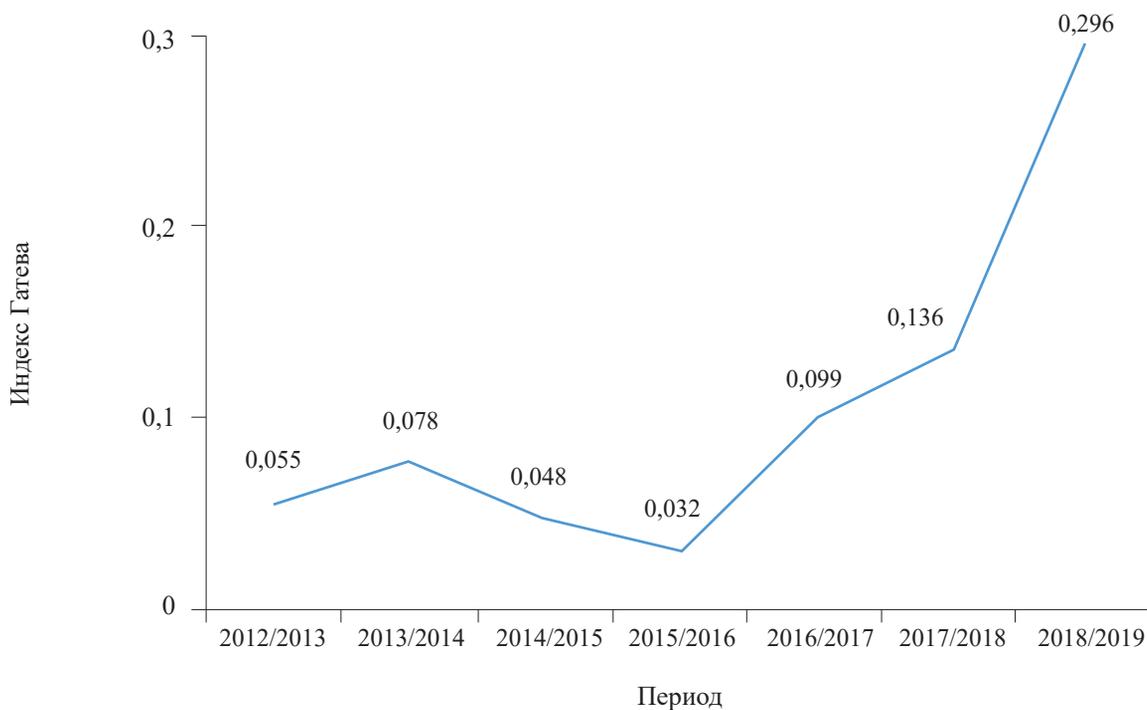
структурных различий, а чем ближе коэффициент Гатева к 1, тем более существенными можно считать расхождения между элементами изучаемой структуры. Коэффициент Гатева вычисляют по следующей формуле:

$$K_G = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^n (d_{1j} - d_{2j})^2}{\left(\sum_{j=1}^n d_{1j}^2 + \sum_{j=1}^n d_{2j}^2\right)}}, \quad (1)$$

где d_{1j} – удельный вес j -го вида затрат в отчетном периоде; d_{2j} – удельный вес j -го вида затрат в базовом периоде.

Применение индекса К. Гатева к структуре затрат на охрану окружающей среды Якутии позволяет сформулировать следующие результаты:

- период 2012–2016 гг. характеризуется практически неизменной структурой затрат по видам природоохранных мероприятий (исследовалось 5 видов, в той либо иной степени влияющих на верхний почвенный слой, используемый в сельском хозяйстве), при этом значения коэффициента находятся в интервале от 0,03 до 0,08;
- период 2017–2018 гг. характеризуется достаточно низким уровнем расхождений между компонентами структуры затрат: значения коэффициента находятся в интервале от 0,1 до 0,15;
- 2019 г. можно считать переломным периодом с возможной тенденцией к кардинальному изменению структуры затрат, поскольку зафиксирован значительный уровень различий: индекс Гатева составил 0,3 (рис. 2).

Составлено автором на основе исследований

Рис. 2. Величина интегрального индекса Гатева структуры затрат на природоохранные мероприятия по видам воздействия за период 2012–2019 гг.

Существенный уровень различий в структуре затрат на природоохранные мероприятия в 2019 г. относительно средств, выделенных на оздоровление земельных и водных ресурсов (сокращение выделенных финансов на реабилитацию земель, поверхностных и подземных вод на 30 %), может быть результатом изменения объема инвестиций в целом и, в частности, направленных на защиту окружающей среды [7].

В качестве исходных данных при обсуждении выдвинутого предположения нами были рассмотрены структура затрат на охрану природы в виде индекса Гатева, как ее реализации, и статистика инвестиций по республике, которые были сконцентрированы в области оздоровления почв и вод (см. рис. 2). Результаты исследования сведены в таблицу 2.

Таблица 2

**Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов в Республике Саха (Якутия), млн руб.
в фактически действовавших ценах**

Инвестиции	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего	1 693,3	4 889,7	4 311,3	3 323,6	3 736,8	8 369,2	9 761,8
Из них на охрану:							
– водных ресурсов	1 025,1	3 257,7	3 230,3	2 234,1	1 532,9	1 363,7	1 962,0
– земель	230,9	255,8	61,2	219,6	550,4	374,7	16,9

Источник: [9]

На основе корреляционного и регрессионного анализа нами получено уравнение связи между интегральным индексом Гатева структурных различий и долей инвестиций в реабилитацию почвенного и водного ресурсов в виде: $y = -0,3x + 0,28$, при этом корреляция составила 0,85, что характеризует значимую связь между изменениями в компонентах структуры затрат на различные виды природоохранной деятельности и величиной инвестиций, выделенных на указанные цели.

При этом важно отметить, что снижение уровня привлеченных инвестиций влечет за собой более значительное перераспределение средств в совокупности мероприятий, направленных на оздоровление природных ресурсов сельскохозяйственного назначения [6]. В частности, именно этот вид ресурсов подвергся наибольшему сокращению при распределении финансовых средств по соответствующему субъекту РФ.

Выводы

Таким образом, нами предложено применять функциональное соотношение между индексом Гатева и долей инвестиций в качестве аналитической процедуры сравнительного анализа зависимости состава структуры затрат на мероприятия природоохранной деятельности (в части сохранности почвенного и водного ресурсов) от величины инвестиций, целью которых является рациональное использование и реабилитационные меры по отношению к окружающей среде.

В результате проведенного анализа отмечена неоднозначная тенденция, при которой на снижение уровня требовательности к условиям привлечения инвестиций (сельскохозяйственное направление природных ресурсов) отношение к окружающей среде, как к фактору стабилизации, является значимым вследствие стратегической независимости и самодостаточности самого региона, а следовательно, проводимой государственной политики в аграрном секторе экономики [9].

На основе проведенного исследования и с учетом статистических данных нами выявлен характер перераспределения средств в пользу переработки отходов и очистки сточных вод, что также оказывает реабилитационное воздействие на почву. Однако в дальнейшем необходимо целенаправленно восстановить прежний уровень затрат на сохранение земель, являющихся источником жизни и здоровья населения региона. Дальнейшие наблюдения за экономическими показателями республики Саха (Якутия) позволят сделать вывод об эффективности структурного распределения привлекаемых инвестиций и усиления контроля над природоохранными мероприятиями.

Библиографический список

- Ахмадеев, Р. Г., Смбалян, Э. Т. Водный налог: сберегающее направление фискальной политики государства // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. – 2020. – № 1-2. – С. 55–65. <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-1-2-05>
- Бакуменко, Л. П., Петухова, О. А. Статистический анализ структуры инвестиций в регионе // Статистика и экономика. – 2013. – № 5. – С. 143–146. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-5-143-146>
- Гаврильева, Н. К., Николаева, Ф. В., Старостина, А. А., Гоголева, Н. И. Мониторинг земельных ресурсов республики (Саха) Якутия // Московский экономический журнал. – 2020. – № 7. – С. 45–57. <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10524>

4. Денисов, В. И. Ускорение развития аграрного сектора экономики России на основе повышения эффективности государственной поддержки сельских товаропроизводителей // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 1 (172). – С. 95–105.
5. Денисов, В. И., Черноградский, В. Н., Потравный, И. М., Иванова, П. Ю. Направления сбалансированного социально-экономического развития Арктической зоны России (на примере Якутии) // Проблемы прогнозирования. – 2020. – № 4. – С. 66–73.
6. Новоселов, А. Л., Потравный, И. М., Новоселова, И. Ю., Чавез Феррейра, К. Й. Механизм реализации инвестиционных проектов экологической направленности на основе долевого финансирования // Экономика региона. – 2018. – № 4. – С. 1488–1497. <https://doi.org/10.17059/2018-4-33>
7. Тихомиров, Н. П., Потравный, И. М., Тихомирова, Т. М. Методы анализа и управления эколого-экономическими рисками: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. Н. П. Тихомирова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 350 с.
8. Региональная статистика // РОССТАТ (Федеральная служба государственной статистики) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 25.03.2021).
9. Novoselov A. L., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Sustainable development of the Arctic indigenous communities: the approach to projects optimization of mining company // Sustainability. – 2020. – V. 12, No. 19. – Pp. 7963. <https://doi.org/10.3390/su12197963>

References

1. Akhmadeev R. G., Smbatyan E. T. Water tax. Saving way government's fiscal policy, *Scientific Review. Series 1. Economics and Law*, 2020, no. 1-2, pp. 55–65. (In Russian). <https://doi.org/10.26653/2076-4650-2020-1-2-05>
2. Bakumenko L. P., Petukhova O. A. Statistical analysis of composition of investment in the region, *Statistics and Economics*, 2013, no. 5, pp. 143–146. (In Russian). <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2013-5-143-146>
3. Gavril'eva N. K., Nikolaeva F. V., Starostina A. A., Gogoleva N. I. Monitoring of land resources of the Republic (Sakha) Yakutia, *Moscow Economic Journal*, 2020, no. 7, С. 45–57. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2413-046X-2020-10524>
4. Denisov V. I. Accelerating the development of the agrarian sector of the Russian economy on the basis of increasing the efficiency of state support for rural commodity producers, *Problemy prognozirovaniya*, 2019, no. 1 (172), pp. 95–105. (In Russian).
5. Denisov V. I., Chernogradskii V. N., Potravny I. M., Ivanova P. Yu. Directions of the balanced socioeconomic development of the Arctic zone of Russia (with the example of Yakutia), *Problemy prognozirovaniya*, 2020, vol. 31, no. 4, pp. 404–410. (In Russian). <https://doi.org/10.1134/S107570072004005X>
6. Novoselov A. L., Potravny I. M., Novoselova I. Yu., Chávez Ferreyra K. Y. The mechanism to implement environmental investment projects on the basis of equity financing, *Economy of Region*, 2018, no. 4, pp. 1488–1497. (In Russian). <https://doi.org/10.17059/2018-4-33>
7. Tikhomirov N. P., Potravny I. M., Tikhomirova T. M. *Methods of analysis and management of environmental and economic risks: Training manual for Universities*, Edited by professor N. P. Tikhomirov, Moscow, YUNITI-DANA, 2015, 350 p. (In Russian).
8. Regional statistics, *Rosstat (Federal State Statistics Service)*. Available at: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (accessed 25.03.2021).
9. Novoselov A. L., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. Sustainable development of the Arctic indigenous communities: the approach to projects optimization of mining company, *Sustainability*, 2020, vol. 12, no. 19, pp. 7963. <https://doi.org/10.3390/su12197963>

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 338.001.36 JEL G31

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-147-152

Борисюк Дмитрий

Александрович

аспирант, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0001-5855-1014

e-mail: borisyuk@outlook.com

Астафьева Ольга

Евгеньевна

канд. экон. наук, ФГБОУ
ВО «Государственный универ-
ситет управления», г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-3957-790X

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

ПОКАЗАТЕЛЬ ЧИСТОГО ДЕНЕЖНОГО ПОТОКА ПОРТФЕЛЯ ЗАКАЗОВ КАК ИНДИКАТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАДЕЖНОСТИ ПОДРЯДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Современная информационная прозрачность результатов деятельности организаций обуславливает использование нестандартных инструментов финансово-экономического анализа. Цель статьи – показать разнообразие таких инструментов как основного элемента, с использованием которого оценивается надежность подрядной организации. Проиллюстрирован нестандартный подход к анализу достаточности свободных денежных средств от операционной деятельности и эффективности использования оборотного капитала, учитывающий особенности деятельности подрядной организации. Объект исследования – показатели свободного денежного потока от операционной деятельности. Предмет исследования – особенности деятельности подрядных компаний, предопределяющие возможность использования нестандартного подхода в анализе финансового состояния организаций этого профиля. В статье выявлены отличия широко используемого показателя EBITDA и рассматриваемого показателя чистого денежного потока портфеля заказов.

Ключевые слова: движение денежных средств, операционный денежный поток, чистый денежный поток, свободный денежный поток, портфель заказов, оборотный капитал, надежность, подрядная организация, инструментарий финансового анализа, финансово-хозяйственная деятельность, финансовая отчетность

Для цитирования: Борисюк Д.А., Астафьева О.Е. Показатель чистого денежного потока портфеля заказов как индикатор экономической надежности подрядной организации//Вестник университета. 2021. № 6. С. 147–152.

Dmitry A. Borisyuk

Postgraduate Student, State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-5855-1014

e-mail: borisyuk@outlook.com

Olga E. Astafieva

Cand. Sci. (Econ.), State
University of Management,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3957-790X

e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

THE NET CASH FLOW INDICATOR OF THE ORDER PORTFOLIO AS AN INDICATOR OF THE ECONOMIC RELIABILITY OF THE CONTRACTOR

Abstract. Modern information transparency of the results of organizations' activities determines the use of non-standard tools of financial and economic analysis. The purpose of the article is to show the variety of such tools as the main element used to assess the reliability of a contracting organization. A non-standard approach to the analysis of the sufficiency of free cash from operating activities and the efficiency of the use of working capital, taking into account the peculiarities of the contractor's activities, is illustrated. The object of the study is the indicators of free cash flow from operating activities. The subject of the study is the features of the activities of contracting companies that determine the possibility of using a non-standard approach in analysing financial condition of organizations of this profile. The article reveals the differences between the widely used EBITDA indicator and the considered indicator of the net cash flow of the order portfolio.

Keywords: cash flow, operating cash flow, net cash flow, free cash flow, order portfolio, working capital, reliability, contracting organization, financial analysis tools, financial and economic activity, financial statements

For citation: Borisyuk D.A., Astafieva O.E. (2021) The net cash flow indicator of the order portfolio as an indicator of the economic reliability of the contractor. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 147–152. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-147-152

© Борисюк Д.А., Астафьева О.Е., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Borisyuk D.A., Astafieva O.E., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Возрастающая роль скорости принятия решений о возможности взаимодействия с потенциальными партнерами, обусловленная в том числе увеличением открытости и прозрачности информации о показателях финансово-хозяйственной деятельности организаций в публичных информационных системах сети «Интернет» оправдывает потребность в использовании нестандартных подходов к анализу финансового состояния организации.

При формировании оценочного суждения относительно финансово-хозяйственного положения организации большинство отечественных и зарубежных авторов (Л. А. Бернштейн, Р. Брейли, С. Майерс, Ф. Аллен, Ю. Бригхэм, М. Эрдхарт, И. А. Бланк, М. А. Эскиндаров, А. Д. Шеремет, М. А. Федотова, В. В. Бочаров и др.) сходятся во мнении о важной роли показателя чистого денежного потока (далее – ЧДП) организации, как характеристики надежности текущего состояния организации (табл. 1).

Таблица 1

Упомянутые в академических источниках и профильных изданиях формулировки чистого денежного потока

Автор	Определение
Ю. Ф. Бригхэм М. С. Эрхардт	Чистая прибыль увеличенная на величину разницы неденежных затрат, включающих амортизацию материальных и нематериальных активов и неденежных доходов
А. Дамодаран	Денежные потоки всех требований к фирме, включая притязания со стороны акционеров, владельцев облигаций, а также держателей привилегированных акций
Э. Ю. Люшина	Движение денежных средств (приток и отток) в процессе хозяйственной деятельности коммерческой организации за определенный период времени, объем, состав, структура и динамика которых зависят от политики управления организации ее ресурсами
Г. И. Хотинская, И. Ю. Слащев	Сальдированный результат денежного потока в виде разницы между притоком и оттоком денежных средств

Источники: [4–7]

Таким образом, можно сформулировать общую формулировку ЧДП как показателя, отражающего наличие свободных денежных средств у организации.

Расчет ЧДП приводится в отчете о движении денежных средств в составе финансовой отчетности организации за каждый период, в отношении которого представляется финансовая отчетность [1]. При расчете ЧДП учитываются потоки всех видов деятельности организации: операционной, инвестиционной и финансовой. В целях планирования результатов своей деятельности, включая величину свободных денежных средств, организации составляют прогнозный отчет о движении денежных средств.

Необходимо отметить, что в качестве характеристики, отражающей основной финансовый результат организации, в большей степени интересен показатель ЧДП от операционной деятельности. В практике анализа финансового состояния организации в целях характеристики денежного потока от операционной деятельности преобладает использование показателя прибыли до вычета процентов, налога на прибыль и амортизации активов (англ. Earnings before interest, taxes, depreciation and amortization, далее – EBITDA).

Методы и материалы

Методологическую и теоретическую основу исследования составили общенаучные и частно-научные методы анализа показателей операционного денежного потока организации. В основу статьи положена методология системного подхода. К числу использованных методов можно отнести методы сравнительного анализа, метод экспертных оценок, нормативный и логический методы.

В качестве академических баз данных использовались «КиберЛенинка» и eLIBRARY.RU. Все публикации были независимо исследованы авторами для обеспечения точности процесса обзора литературы.

Результаты исследования и рекомендации

При анализе финансового состояния, а также в большей степени для прогнозирования операционных результатов подрядных организаций, существуют объективные причины, вследствие которых целесообразно не ограничиваться использованием привычного показателя EBITDA.

Понятие «подрядная» представлено в Гражданском кодексе, на основе которого принято, что это сторона по договору, которая обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат и оплатить его [2]. Иными словами, подрядные организации, выполняющие работы в соответствии с заданием заказчика являются производителями продукции, характеристики которой зависят от требований конкретного заказчика, либо исполнителями работ (услуг) соответствующих требованиям конкретного заказчика. Это обстоятельство обуславливает важную особенность, заключающуюся в невозможности использования финансовой отчетности за прошлые периоды в качестве основы для прогнозирования будущего финансового результата вследствие зависимости от объемов будущих заказов. Воспроизводство деятельности такой организации в перспективе определяется исключительно наличием заказов (контрактов) с заказчиками. Указанные организации отличаются длительностью производственного цикла, превышающего 12 месяцев. Особенность работы организаций данного типа предусматривает отсутствие накопления готовой продукции, что находит свое отражение в структуре оборотного капитала и не оказывает влияние на расчет EBITDA [3].

В целях прогнозирования наличия свободных денежных средств у подрядной организации целесообразно использовать показатель ЧДП портфеля заказов (далее – ЧДПЗ), учитывающего описанные выше особенности деятельности организаций данного типа. Прогнозируемый ЧДПЗ – интегральный показатель, рассчитываемый на отчетную дату и характеризующий наличие/недостаток средств, образующихся у подрядной организации после отнесения затрат на реализацию заказов. Рассчитывается как разница между ценой заказов, суммой полученных от заказчиков средств и величиной затрат, необходимых для исполнения обязательств в рамках заказов.

Показатель ЧДПЗ может быть определен прямым и косвенным методами.

Прямой метод предусматривает расчет на основании данных внутреннего учета затрат подрядной организации и используется в целях определения эффективности ведения основной деятельности непосредственно самой подрядной организацией. При расчете ЧДПЗ прямым методом применяют формулу:

$$\text{ЧДПЗ} = \text{ОПЗ} - \text{ОФЗЗ}, \quad (1)$$

где ОПЗ – остаток поступлений по заказам (величина оставшегося финансирования к получению подрядной организацией в рамках заказов (контрактов), в денежных единицах); ОФЗЗ – остаток финансирования затрат по заказам (величина оставшегося финансирования затрат подрядной организации в целях исполнения обязательств в рамках заказов в полном объеме, в денежных единицах).

Косвенный метод применяется внешними контрагентами в целях определения запаса прочности и ликвидности у подрядной организации в условиях отсутствия доступа к полным данным внутреннего учета затрат подрядной организации и предусматривает использование информации о портфеле заказов и доступной в публичном информационном пространстве финансовой отчетности подрядной организации. При расчете ЧДПЗ косвенным методом используется более сложная формула, использующая данные финансовой отчетности и портфеля заказов:

$$\text{ЧДПЗ} = \frac{\text{ОПЗ}}{(1 + \text{ставка НДС})} - \frac{\text{ООЗ}}{(1 + \text{ставка НДС})(1 - \text{EBITDAR}_{\text{MARGIN}})} + \text{ООК}, \quad (2)$$

где ООЗ – остаток обязательств по заказам; стоимость неисполненных обязательств подрядной организации в рамках заказов, в денежных единицах; EBITDAR – прибыль до вычета процентов, налога на прибыль, амортизации активов и расходов на аренду и лизинг; EBITDAR_{MARGIN} – показатель операционной рентабельности;

определяется как отношение EBITDAR к выручке подрядной организации, в процентном выражении; ООК – операционный оборотный капитал. Последний показатель представляет собой профинансированную на отчетную дату часть себестоимости неисполненных обязательств подрядной организации в рамках заказов и вычисляется как:

$$\text{ООК} = (\text{ЗСМ} + \text{НзП} + \text{ГП} + \text{Ав} + \text{ДЗ} - \text{КорНзП}) - (\text{КЗ} + \text{ЗФОТ} + \text{ЗпБ}), \quad (3)$$

где ЗСМ – запасы сырья и материалов; НзП – незавершенное производство без НДС (отложенная выручка); ГП – готовая продукция, товары для перепродажи, товары отгруженные; Ав – авансы, выданные в пользу соисполнителей заказов, без НДС; ДЗ – дебиторская задолженность без НДС; КорНзП – корректировка незавершенного производства без НДС. Последний показатель определяется в случае выявления признаков неликвидности, скрытых потерь в целях корректировки величины незавершенного производства, учитываемого в составе активов подрядной организации, например: затраты, не признаваемые и не возмещаемые заказчиками; КЗ – кредиторская задолженность контрагентам без НДС; ЗФОТ – задолженность перед персоналом; ЗпБ – задолженность перед бюджетом и внебюджетными фондами.

Другими словами, ООК это часть оборотного капитала, участвующая напрямую в производственном цикле. В расчете ООК участвуют краткосрочные активы, относящиеся к операционной деятельности организации: запасы, дебиторская задолженность, выданные авансы и прочие активы, используемые в рамках производственного цикла. Денежные средства и их эквиваленты не используются при расчете ООК, так как их источником может быть финансовая или инвестиционная деятельность. Аналогично в расчете ООК участвуют краткосрочные обязательства, непосредственно используемые в рамках производственного цикла: кредиторская задолженность, скрытые потери, обязательные платежи и налоги (кроме налога на прибыль) и прочие оборотные обязательства, относящиеся к операционной деятельности организации. Краткосрочные долговые обязательства не участвуют в расчете ООК, так как относятся к финансовой деятельности [8].

Анализ ЧДПЗ позволяет сделать следующие выводы.

Положительное значение показателя свидетельствует об рациональном использовании оборотного капитала, достаточности операционного денежного потока для исполнения обязательств в рамках заказов.

В случае отрицательного значения показателя:

- оборотный капитал используется неэффективно;
- получаемое от заказчиков авансирование выводится за периметр основной операционной деятельности;
- денежных средств от основной операционной деятельности недостаточно для исполнения обязательств перед заказчиками;
- низкая маржинальность или убыточность основной операционной деятельности подрядной организации.

Анализ основных различий между ЧДПЗ и широко используемым в рамках анализа финансового состояния организаций показателем EBITDA проиллюстрирован в таблице 2.

Таблица 2

Основные различия показателей EBITDA и ЧДПЗ

EBITDA	ЧДПЗ
Рассчитывается на основании прибыли организации	Отправной точкой для расчета является стоимость портфеля заказов, находящихся в работе у подрядной организации на отчетную дату
Универсальный показатель, который может быть использован для финансового анализа организаций разного профиля	Показатель применим для подрядных организаций и позволяет учитывать особенности функционирования организаций данного типа

ЕВИТДА	ЧДПЗ
В большей степени служит индикатором кредитоспособности организации и наличия потенциала для инвестиций	Кроме подтверждения достаточности свободных денежных средств от основной операционной деятельности для исполнения обязательств в рамках заказов позволяет сделать вывод об эффективности использования оборотного капитала подрядной организацией

Составлено авторами по материалам исследований

Заключение

Предложенный авторами в качестве индикатора экономической надежности для подрядной организации показатель чистого денежного потока портфеля заказов позволяет определить возможности субъекта хозяйственной деятельности, развивать новые направления деятельности и нести ответственность по обязательствам, что в совокупности влияет непосредственно на стоимость компании, ее надежность и устойчивость.

Авторы пришли к выводу о доступности нестандартного подхода в анализе финансового состояния как основного элемента оценки надежности подрядной организации в рамках принятия управленческих решений. Использование показателя чистого денежного потока портфеля заказов одновременно с привычными инструментами анализа, как например ЕВИТДА, позволит более гибко подходить к формированию суждений относительно результатов деятельности подрядных организаций. Показатель чистого денежного потока портфеля заказов существенно расширяет инструментарий и возможности при проведении анализа финансово-хозяйственной деятельности подрядных организаций.

Библиографический список

1. Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) «Отчет о движении денежных средств»: Приложение № 3 к приказу Министерства финансов Российской Федерации от 28.12.2015 № 217н // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193533/ (дата обращения: 13.03.2021).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ, ст. 702, п. 1 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons> (дата обращения: 13.03.2021).
3. Графова, Г. Ф., Шахватова, С. А., Методические подходы к формированию хозяйственного и финансового циклов оборотных средств // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 3. – С. 185–198.
4. Люшина, Э. Ю., Анализ устойчивости денежных потоков коммерческой организации // Экономический анализ: теория и практика. – 2011. – № 11 (208). – С. 38–43.
5. Хотинская, Г. И., Слащев, И. Ю. Денежный поток: сущность, концепции, типологии // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2008. – № 2. – С. 36–44.
6. Бригхэм, Ю. Ф., Эрхардт, М. С. Финансовый менеджмент. – 10-е изд. Пер. с англ. под ред. к.э.н. Дорофеева Е. А. – Спб.: Питер, 2009. – 960 с.
7. Дамодаран, А., Инвестиционная оценка. – 5-е изд. – М.: Альпина бизнес букс, 2008. – 1342 с.
8. Что такое оборотный капитал и зачем он нужен // БКС Экспресс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-takoe-oborotnyi-kapital-i-zachem-on-nuzhen> (дата обращения: 16.03.2021).

References

1. International Financial Reporting Standard (IAS) “Statement of Cash Flows”, Appendix No. 3 to the Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 217n dated on December 28, 2015, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_193533/ (accessed 13.03.2021).
2. Civil Code of the Russian Federation (Part 2) No. 14-FZ dated on January 26, 1996, art. 702, item 1, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru/cons> (accessed 13.03.2021).
3. Grafova G. F., Shakhvatova S. A. Methodological approaches to formation of economic and financial cycles of working capital, *Central Russian Journal of Social Sciences*, 2018, vol. 13, no. 3, pp. 185–198. (In Russian).

4. Lyushina E. Yu., Analysis of the stability of cash flows of a commercial organization, *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2011, no. 11 (208), pp. 38–43. (In Russian).
5. Khotinskaya G. I., Slashchev I. Yu. Cash flow: concepts and typology, *Universities for Tourism and Service Association Bulletin*, 2008, no. 2, pp. 36–44. (In Russian).
6. Brigham E. F., Erhardt M. S. *Financial management*, 10 edition, translated from English under editorship of Candidate of Economic Sciences Dorofeev E.A., St. Petersburg, Piter, 2009, 960 p. (In Russian).
7. Damodaran A. *Investment assessment*, 5th edition, Moscow, Alpina Biznes buks, 2008, 1342 p. (In Russian).
8. What is working capital and why it is needed, *BCS Express*. Available at: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/chto-takoe-obrotnyi-kapital-i-zachem-on-nuzhen> (accessed 16.03.2021).

Дорофеев Михаил Львович
канд. экон. наук, ФГОБУ ВО
«Финансовый университет при
Правительстве Российской
Федерации (Финуниверситет)»,
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-2829-9900
e-mail: dorofeevml@yandex.ru

ОЦЕНКА ВОЗМОЖНОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ В РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ ОТ УПРАВЛЕНИЯ СРЕДСТВАМИ ЕДИНОГО КАЗНАЧЕЙСКОГО СЧЕТА

Аннотация. Проанализирована современная специфика управления временно свободными средствами на Едином казначейском счете федерального бюджета. Выполнена оценка возможности и целесообразности использования части доходов, полученных от управления этими средствами, для перечисления в бюджет Пенсионного фонда России как дополнительного фактора балансировки его доходов и расходных обязательств. Анализ действующего законодательства показал, что в число получателей долей дохода от управления остатками на Едином казначейском счете не входит Пенсионный фонд России. В связи с этим выполнена оценка примерного объема доходов от управления остатками на Едином казначейском счете на основе открытых данных. Предложено включить Пенсионный фонд России в процесс распределения этих доходов, поскольку их величина достаточна для покрытия до 10 % дефицита бюджета Пенсионного фонда России.

Ключевые слова: единый казначейский счет, казначейство, федеральный бюджет, государственные финансы, Пенсионный фонд России, управление остатками средств, управление ликвидностью, бюджетные потоки, пенсии, доходы бюджета, администрирование доходов

Для цитирования: Дорофеев М.Л. Оценка возможности включения внебюджетных фондов в распределение доходов от управления средствами единого казначейского счета // Вестник университета. 2021. № 6. С. 153–161.

Mikhail L. Dorofeev
Cand. Sci. (Econ.), Financial
University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2829-9900
e-mail: dorofeevml@yandex.ru

ASSESSMENT OF THE POSSIBILITY OF EXTRA- BUDGETARY FUNDS INCLUDING IN THE INCOME DISTRIBUTION FROM UNIFIED TREASURY ACCOUNT FUNDS MANAGEMENT

Abstract. The modern specifics of the temporarily free funds management on Unified Treasury Account of the Federal budget have been analysed. The assessment of the possibility and expediency of using of the income part received from the management of these funds to transfer to the Pension Fund of Russia budget as an additional factor in balancing its income and expenditure obligations, – has been made. An analysis of the current legislation has shown that the Pension Fund of Russia is not included in the number of recipients of income shares from managing balances on a single treasury account. In this regard, an estimate of the approximate amount of income from managing balances on a single treasury account based on open data has been made. It is proposed to include the Pension Fund of Russia in process of distributing these revenues since their value is sufficient to cover up to 10 % of the budget deficit of the Pension Fund of Russia.

Keywords: Unified Treasury Account, treasury department, Federal Budget, public finance, Pension Fund of Russia, fund balance management, liquidity management, budget flows, pensions, budget revenues, revenue administration

For citation: Dorofeev M.L. (2021) Assessment of the possibility of extra-budgetary funds including in the income distribution from unified treasury account funds management. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 153–161. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-153-161

Введение

После запуска первого этапа административной реформы в Российской Федерации (далее – РФ) в 2003 г., преобразования также затронули и сферу государственных и муниципальных финансов. К 2006 г. был запущен процесс внедрения концепции нового государственного менеджмента, в результате которого ожидалось

© Дорофеев М.Л., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Dorofeev M.L., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

перестроить сферу государственных и муниципальных финансов в более эффективную, чем ранее, прозрачную и совершенную с организационной и управленческой точки зрения систему [7].

Глобальный финансовый кризис 2008 г. ускорил процесс цифровизации [19]. Одним из важнейших направлений повышения операционной эффективности функционирования бюджетной системы страны стало совершенствование казначейского управления исполнением бюджетов публично-правовых образований. Внедрение новых казначейских технологий в России стало возможно благодаря экспоненциальному росту технологического прогресса в рамках 4-го технологического уклада и появлению широкого спектра новых возможностей цифровизации управленческих процессов. Бурное развитие финансового рынка и финтех, а также методов и инструментов казначейского управления остатками на бюджетных счетах, позволило федеральному бюджету каждый год получать все больший объем неналоговых доходов и использовать их как дополнительный источник финансирования развития экономики России [8].

В мировой практике существует две модели организации функционирования единого казначейского счета федерального бюджета (далее – ЕКС): централизованная (Россия, Франция, Новая Зеландия, Бразилия и др.) и децентрализованная (США, Швеция и др.) [9].

Централизованная модель предполагает использование ЕКС как ключевого канала перераспределения бюджетных потоков в экономике. Единый казначейский счет федерального бюджета представляет собой счет Федерального казначейства (далее – ФК РФ) в Банке России (далее – ЦБ РФ), на котором аккумулируются денежные средства федерального бюджета и отражаются операции публично-правовых образований по исполнению федерального бюджета в рамках их компетенций. Использование ЕКС позволяет проводить операции всех участников бюджетного процесса через единый счет бюджета, обеспечивая принципы «единства кассы», «общего покрытия» бюджетных расходов. Кроме этого, практика применения ЕКС позволяет повысить прозрачность бюджетного процесса и снизить уровень коррупции в сфере государственных и муниципальных финансов [20].

В настоящей статье рассматривается возможность использования доходов, получаемых от управления временно свободными средствами на ЕКС федерального бюджета как дополнительного источника финансирования бюджета Пенсионного фонда России (далее – ПФ РФ).

Современный механизм управления временно свободными средствами на ЕКС

Сосредоточение максимального объема бюджетных средств в едином источнике решает проблему расщепления финансовых ресурсов в период исполнения бюджета и открывает дополнительные возможности для организации эффективного казначейского управления денежными остатками на ЕКС [11]. Решения по управлению остатками ЕКС принимаются специальной комиссией в центральном аппарате ФК РФ.

В соответствии со статьей 236.1 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) управление остатками средств на ЕКС заключается в комплексе операций по размещению временно свободных средств единого счета бюджета, а также привлечению средств для обеспечения остатка средств на едином счете бюджета [2].

В рамках функций по размещению временно свободных средств ЕКС ФК РФ решает задачи по обеспечению баланса между рентабельностью и ликвидностью средств ЕКС:

- прогнозирование краткосрочных финансовых потребностей в денежных средствах и поддержание минимально необходимого уровня денежных средств на ЕКС;
- управление избыточными остатками ликвидности и получение дополнительной доходности от размещения временно свободных остатков на ЕКС на возмездной основе в различных инструментах финансового рынка.

В случае образования кассовых разрывов ЕКС ФК РФ привлекает необходимый объем финансовых ресурсов на финансовом рынке, а также производит их возврат в соответствии с требованиями пунктом 4 статьи 236.1. БК РФ.

Размещение свободных излишков бюджетных средств проводится в соответствии с требованиями пункта 2 статьи 236.1. БК РФ. В состав таких операций входит следующее:

- 1) размещение средств с ЕКС на депозитах и их возврат;
- 2) привлечение и возврат на ЕКС остатки средств участников бюджетного процесса в соответствии с пунктом 4 статьи 236.1. БК РФ;

3) предоставление и возврат бюджетных кредитов на пополнение остатка средств на ЕКС в соответствии со статьей 93.6 БК РФ. При этом существуют определенные требования и ограничения на предоставление бюджетных кредитов и регламентируются требования к организациям и залоговым активам, с которыми возможно заключение сделок РЕПО (англ. repurchase agreement, repo) [11];

4) другие операции по управлению остатками средств на ЕКС, осуществляемые в порядке, установленном Правительством РФ. В соответствии с Постановлением Правительства РФ 21 сентября 2020 г. № 1506 к другим операциям относится следующее:

- заключение договоров РЕПО;
- размещение средств на банковских депозитах;
- размещение средств на банковских счетах до востребования;
- размещение средств на банковском депозите с центральным контрагентом [5; 6].

В соответствии с пунктом 2 приведенного выше списка ФК РФ при казначейском управлении временно свободными остатками средств на ЕКС имеет право на привлечение на ЕКС остатков средств с единых счетов бюджетов государственных внебюджетных фондов РФ. Вместе с тем пункт 5 статьи 236.1 БК РФ ограничивает полномочия ФК РФ в части права привлечения остатков средств страховых взносов на финансирование накопительной части трудовой пенсии, дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию, взносов работодателя в пользу застрахованного лица, взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, управление которыми осуществляется в соответствии с законодательством об инвестировании средств пенсионных накоплений в РФ [18].

В российском законодательстве существует четкое разграничение между полномочиями ФК РФ как управляющего ликвидностью ЕКС и управляющими компаниями, работающими со средствами, поступающими в пенсионные фонды для формирования накопительной части пенсии граждан России.

Страховые взносы, поступающие на ЕКС в соответствии с законодательством РФ для формирования бюджета ПФ РФ и последующих выплат страховых пенсий, подпадают в сферу компетенций Федерального казначейства РФ в части управления свободными остатками средств на ЕКС [12].

В конце 2020 г. Министерство финансов России дало разъяснения о том, каким образом проводится администрирование доходов от операций по управлению остатками средств на ЕКС [4]. В федеральном законе о федеральном бюджете на 2021 г. и на плановый период 2022–2023 гг. предусмотрен норматив распределения доходов от операций по управлению остатками средств на ЕКС, который предписывает зачисление 100 % полученных доходов в бюджеты субъектов РФ [1].

Согласно правилам, утвержденным в постановлении Правительства РФ доходы, полученные от размещения временно свободных средств на ЕКС, зачисляются в течение одного периода, равного кварталу, на отдельный казначейский счет, открытый территориальному органу ФК РФ. Зачисление средств осуществляется ФК РФ на соответствующие единые счета федерального бюджета и бюджетов субъектов РФ по окончании квартала пропорционально свободным остаткам средств, находившимся в управлении ФК РФ по правилам, утвержденным в постановлении [11].

Таким образом, доходы, полученные от управления свободными остатками на ЕКС, предназначенным для финансирования расходных обязательств субъектов федерации, полностью перечисляются в бюджеты субъектов федерации. В то же время доходы от управления свободными остатками на ЕКС, связанными со страховыми взносами, перечисляемыми в бюджет ПФ РФ, возвращаются в федеральный бюджет.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование проводилось с опорой на российское финансовое право, БК РФ и соответствующие постановления Правительства РФ. В качестве основных источников данных использовалась информация из опубликованных на официальных сайтах документах, презентациях и отчетах ФК РФ, Министерства финансов РФ и ПФ РФ. В число таких материалов вошли: годовые отчеты об исполнении федерального бюджета; федеральные законы о бюджете ПФ РФ; годовые отчеты об исполнении бюджетов, опубликованные на сайте ФК РФ; информация о ключевой ставке и ставке RUONmDS на сайте ЦБ РФ и Московской биржи. Кроме того, были использованы презентационные материалы ФК РФ о планах развития и с докладами о результатах проделанной работы в прошедшие годы.

Отметим, что в программе развития ФК РФ на период 2012–2026 гг. есть задача по совершенствованию системы «Электронный бюджет» и повышения информационной прозрачности бюджетного процесса и качества публикуемой информации [13]. Вынуждены констатировать, что сегодня сбор данных из открытых источников и на официальных сайтах органов государственной власти затруднен в силу плохого структурирования информации и организации доступа к ней на официальных сайтах, а также потому что имеющаяся информация недостаточно подробно раскрывает причинно-следственные связи экономических явлений и трендов, описываемых отчетными данными.

В том числе мы столкнулись с проблемой высокой непрозрачности отчетных данных, касающихся управления ликвидностью ЕКС. Из доступной информации представлены только презентации высшего руководства ФК РФ с цифрографикой о частичной характеристике результатов управления свободными остатками на ЕКС за период 2008–2018 гг. Более свежих данных в открытых источниках на момент проведения этого исследования нам не удалось найти. На официальных сайтах нет возможности выгрузки данных за долгосрочные периоды; отчетность об исполнении федерального бюджета, касающаяся ЕКС, плохо структурирована и содержит очень скупой анализ причинно-следственных связей динамики представленных показателей. На сайте ФК РФ нет возможности получить сгруппированные данные в формате справочника аналитика для проведения сторонних исследований на тему повышения эффективности функционирования бюджетной системы, в том числе и по проблематике управления ликвидностью ЕКС [14].

Основными методами исследования стали:

- анализ российского законодательства в области бюджетного права;
- сбор, группировка и анализ данных отчетности об исполнении государственных бюджетов и внебюджетных фондов;
- анализ структуры полученных данных и динамики трендов исследуемых явлений;
- оценка примерного абсолютного объема доходов от размещения временно свободных средств на ЕКС в пропорции от доли собственных доходов ПФ РФ, приходящихся на страховую пенсию;
- оценка относительного размера исследуемой величины, где за базу сравнения были приняты: а) значения трансферта из федерального бюджета РФ в ПФ РФ; б) размер собственных доходов ПФ РФ; в) величина дефицит/профицита бюджета ПФ РФ.

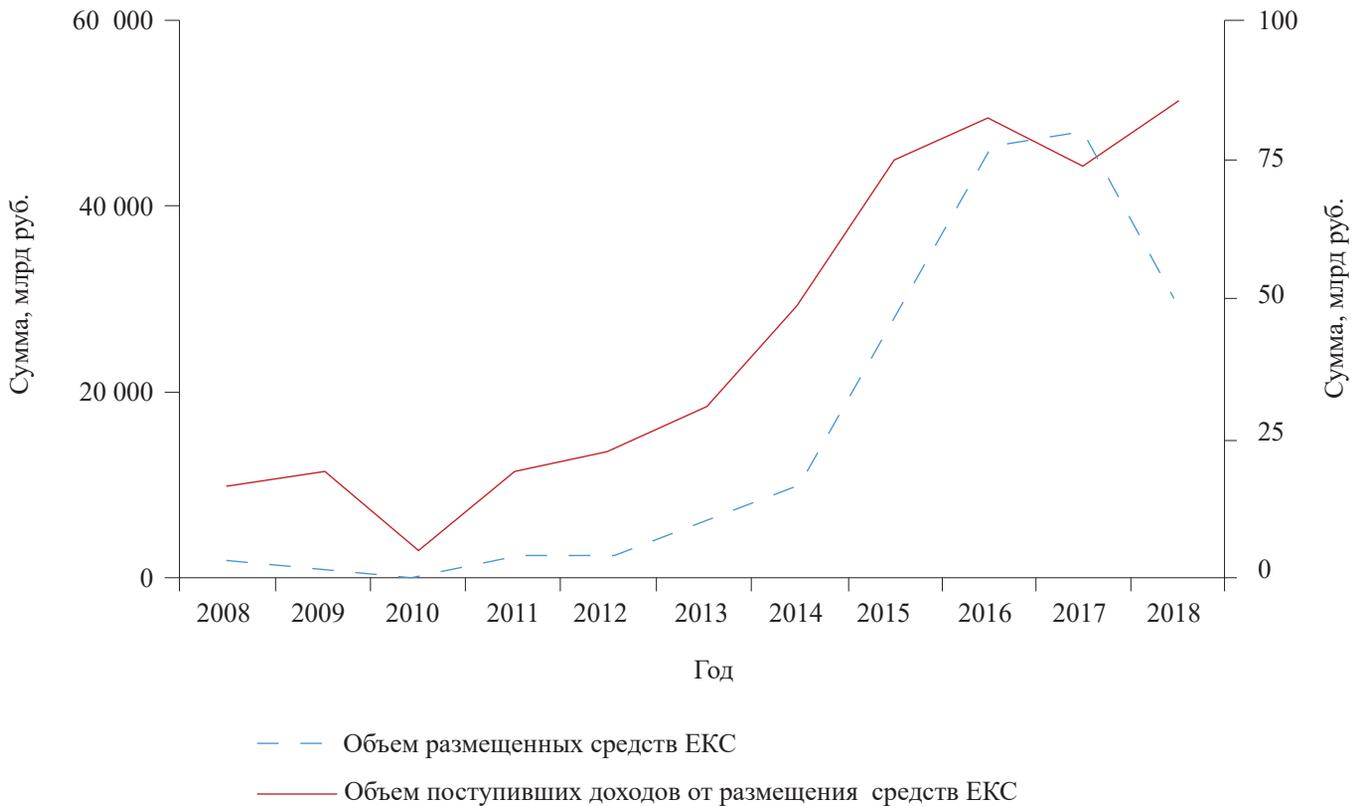
Оценка возможностей включения внебюджетных фондов в распределение доходов от управления средствами ЕКС

Размер доли доходов от управления ЕКС, приходящейся на бюджет ПФ РФ, зависит от ряда факторов, среди которых:

- уровень инфляции и ключевой ставки ЦБ РФ в стране;
- точность планирования и качество финансового менеджмента участников бюджетного процесса, от которых зависит своевременность использования бюджетных средств;
- развитие казначейских технологий и спрос на остатки на ЕКС со стороны участников финансового рынка и эффективностью управления остатками на ЕКС;
- размера собственных доходов ПФ РФ, не связанных с формированием средств для финансирования накопительной части пенсии.

На рисунке 1 показана динамика объемов размещенных временно свободных остатков средств на ЕКС и поступивших от их размещения доходов по всем видам финансовых инструментов за период 2008–2018 гг.

В отчете об исполнении федерального бюджета за 2018 г. отмечается, что спрос на ликвидность, предлагаемую ФК РФ со стороны кредитных организаций, увеличивается высокими темпами [16]. Эта тенденция объясняется тем, что в финансовых инструментах с начала 2018 г. на регулярной основе начала применяться плавающая процентная ставка RUONIA (RUONmDS), наиболее приближенная к рыночным условиям [17]. Это объясняет рост доходов от управления временными остатками на ЕКС. Дальнейшее развитие механизма управления временно свободными остатками на ЕКС, расширение инструментов и списка кредитных организаций, допущенных к депозитным аукционам и аукционам РЕПО, позволит в будущем получить более высокий экономический эффект.

Источник: [15]

Рис. 1. Объем размещенных временно свободных остатков средств на Едином казначейском счете федерального бюджета и объем поступивших доходов от их размещения по всем видам финансовых инструментов за период 2008–2018 гг.

На основании открытых данных с официальных сайтов ФК РФ и ПФ РФ проведена оценка объема средств, получаемых в виде дохода от управления ликвидностью на ЕКС, которая с учетом действующего законодательства приходится на собственные доходы ПФ РФ, не связанные с формированием средств для финансирования накопительной части пенсии (табл. 1).

Доходность операций по управлению ликвидностью по сравнению с ключевой ставкой ЦБ РФ очень низкая и доля полученных доходов в масштабах бюджетной системы России незначительна. Во многом это связано с тем, что эти процессы в большей степени являются межбюджетными отношениями различных частей единой бюджетной системы, а не рыночными отношениями обособленных участников рынка, и многие участники бюджетного процесса получают поддержку из ФБ РФ на льготных и даже безвозмездных условиях в рамках концепции выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов РФ.

На основании данных таблицы 1 можно сделать вывод, что объем средств, получаемых в виде дохода от управления ликвидностью на ЕКС и приходящихся на долю ПФ РФ, за период 2011–2018 гг. является положительной, но вместе с тем сравнительно небольшой суммой денег, не превышающей 1 % средств, перечисляемых в форме ежегодных трансфертов из ФБ РФ, предоставляемых на финансирование дефицита ПФ РФ.

Поскольку нам не удалось найти в открытых источниках информацию о перечислении этих доходов в бюджет ПФ РФ, а также учитывая действующее российское законодательство, в котором не прописано что ФБ РФ должен возвращать доходы от управления свободными остатками на ЕКС, в том числе и бюджет ПФ РФ, мы исходим из предпосылки, что эти финансовые ресурсы не возвращаются со специального счета ФБ РФ в бюджет ПФ РФ. Доля этих потенциальных доходов бюджет ПФ РФ в размере трансфертов, перечисляемых в бюджет ПФ РФ из ФБ РФ составляет около 0,3 %.

Учитывая большие дисбалансы и известные проблемы с долгосрочной устойчивостью пенсионной системы России, логично предложить использовать любые доступные законные средства для увеличения источников формирования ее доходов [10]. В данном случае речь не идет о суммах, размер которых позволит

принципиально решить все проблемы ПФ РФ и пенсионного обеспечения в России. По нашим оценкам, из ФБ РФ может быть возвращено средств, объем которых эквивалентен примерно 0,10–0,15 % всех расходных обязательств ПФ РФ. Вместе с тем, основываясь на принципе справедливости, мы предлагаем включить ПФ РФ в число получателей доходов от временного размещения средств на ЕКС, поскольку потенциально эти финансовые ресурсы вполне могут стать источником финансирования пенсионной системы России и покрывать до 10 % дефицита бюджета ПФ РФ.

Таблица 1

Оценка объема средств, получаемых в виде дохода от управления ликвидностью на едином казначейском счете, приходящаяся на долю собственных доходов Пенсионного фонда России

Показатель	№	Ед. изм.	Год							
			2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Управление остатками ликвидности на Едином казначейском счете (ЕКС) федерального бюджета РФ (ФБ)</i>										
Объем размещенных средств на ЕКС	1	млрд руб.	2 189,9	2 028,3	5 946,5	10 003,6	29 371,8	46 387,1	47 953,5	28 433,4
Объем поступивших доходов от размещения средств на ЕКС	2	млрд руб.	19,6	22,5	30,6	49,1	75,1	82,7	73,8	85,8
Доходность от размещения средств	3=2/1	%	0,9	1,1	0,5	0,5	0,3	0,2	0,2	0,3
Ключевая ставка ЦБ РФ (на конец года)	4	%	8,00	8,25	5,50	10,50	11,00	10,00	7,75	7,75
<i>Ключевые параметры Пенсионного Фонда РФ (ПФ РФ)</i>										
Объем доходов ПФ РФ	5	млрд руб.	5 137,4	5 696,9	6 343,3	6 290,0	7 126,6	7 625,2	8 363,5	8 333,3
Объем расходов ПФ РФ	6	млрд руб.	4 822,4	5 407,3	6 088,7	6 416,4	7 769,8	7 829,7	8 583,9	8 439,9
Дефицит (-) / Профицит (+) ПФ РФ	7=5-6	млрд руб.	315,0	289,6	254,6	-126,5	-643,2	-204,5	-220,4	-106,6
Объем доходов ПФ РФ, не связанных с формированием средств для финансирования накопительной пенсии	8	млрд руб.	4 718,1	5 222,7	5 761,5	6 201,7	6 957,4	7 493,9	8 202,1	8 236,0
Доля доходов ПФ РФ, не связанных с финансированием накопительной пенсии	9=8/5	%	91,8	91,7	90,8	98,6	97,6	98,3	98,1	98,8
Размер трансферта из ФБ РФ в ПФ РФ	10	млрд руб.	2 341,7	2 893,2	2 960,0	2 448,2	3 004,0	3 352,2	3 783,3	3 345,9
Собственные доходы ПФ РФ (без учета трансферта из ФБ РФ)	11=5-10	млрд руб.	2 795,7	2 803,7	3 383,3	3 841,8	4 122,6	4 273,0	4 580,2	4 987,4
Доля собственных доходов ПФ РФ (без учета трансферта из ФБ РФ)	12=11/8	%	59,3	53,7	58,7	61,9	59,3	57,0	55,8	60,6
<i>Оценка объемов доходов от размещения средств на ЕКС, приходящаяся на собственные доходы ПФ РФ</i>										
Доходы консолидированного бюджета (далее – КБ РФ) и государственные внебюджетные фонды (далее – ГВБФ)	13	млрд руб.	20 855,4	23 435,1	24 442,7	25 422,9	26 922,0	28 182,0	31 047,0	37 320,0

Показатель	№	Ед. изм.	Год							
			2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля собственных доходов ПФ РФ, не связанных с формированием средств для финансирования накопительной пенсии, в доходах КБ РФ и ГВБФ	14=11/13	%	13,4	12,0	13,8	15,1	15,3	15,2	14,8	13,4
Оценка доли доходов от размещения средств на ЕКС, приходящаяся на собственные доходы ПФРФ	15=2·14	млрд руб.	2,6	2,7	4,2	7,4	11,5	12,5	10,9	11,5
Доля доходов от размещения на ЕКС, приходящаяся на собственные доходы ПФ РФ, в объеме трансфертов из ФБ для ПФ РФ	16=15/10	%	0,11	0,09	0,14	0,30	0,38	0,37	0,29	0,34
Доля доходов от размещения на ЕКС, приходящаяся на собственные доходы ПФ РФ, в объеме расходов ПФ РФ	17=15/6	%	0,05	0,05	0,07	0,12	0,15	0,16	0,13	0,14
Доля доходов от размещения на ЕКС, приходящаяся на собственные доходы ПФ РФ, в объеме дефицита/профицита бюджета ПФ РФ	18=15/7	%	0,83	0,93	1,66	5,87	1,79	6,13	4,94	10,76

Источник: [18]

Для реализации данной инициативы необходимо на законодательном уровне внести соответствующие изменения в Постановление Правительства РФ от 11 июля 2020 г. № 1020 «О порядке и случаях зачисления средств, полученных от размещения временно свободных средств единого казначейского счета» и связанные с ним нормативно-правовые акты [5].

Заключение

В статье проанализирован современный механизм функционирования единого казначейского счета как центрального элемента системы перераспределения бюджетных потоков в российской экономике. Эффективная работа по управлению остатками средств на едином казначейском счете позволяет Федеральному казначейству получать дополнительные доходы, которые накапливаются на специальном счете Центрального банка России и, согласно последним распоряжениям Правительства РФ, каждый квартал подлежат распределению между региональными бюджетами в размере 100 % согласно доле финансовых ресурсов, находящихся под управлением Федерального казначейства в течение квартала.

Анализ действующего законодательства показал, что в число получателей долей дохода от управления остатками на едином казначейском счете не входит Пенсионный фонд РФ. В связи этим мы провели оценку примерного объема доходов от управления остатками на едином казначейском счете на основе открытых данных и предложили включить Пенсионный фонд РФ в процесс распределения этих доходов, поскольку их величина достаточна для покрытия до 10 % дефицита бюджета Пенсионного фонда России.

Библиографический список

1. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» от 8 декабря 2020 г. № 385-ФЗ (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/ (дата обращения: 17.03.2021).

2. Бюджетный кодекс РФ. Статья 236.1 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/43b0d17f390af7f30948b0cc429653ac0d4f05ca/ (дата обращения: 17.03.2021).
3. Бюджетный кодекс РФ. Статья 93.6. Бюджетные кредиты на пополнение остатка средств на едином счете бюджета // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/bd7fe7bcf7683c20da03a1c9d8e248a362ee8326/ (дата обращения: 17.03.2021).
4. Письмо Минфина России от 13 октября 2020 г. № 23-01-07/89429 «Об администрировании доходов от операций по управлению остатками средств на едином казначейском счете, зачисляемых в бюджеты субъектов Российской Федерации» // Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bit.ly/3IbO7bH> (дата обращения: 17.03.2021).
5. Постановление Правительства РФ от 11 июля 2020 г. № 1020 «О порядке и случаях зачисления средств, полученных от размещения временно свободных средств единого казначейского счета» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357201/ (дата обращения: 17.03.2021).
6. Постановление Правительства РФ от 21.09.2020 № 1506 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363247/ (дата обращения: 17.03.2021).
7. Майоров, В. И. Административная реформа в России: совершенствование государственного управления на основе концепции Нового государственного менеджмента // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 109–116.
8. Сергиенко, Н. С. Казначейские технологии в управлении долговыми обязательствами регионов // Финансы и управление. – 2018. – № 4. – С. 50–60.
9. Саранцев, В. Н. Единый казначейский счет (ЕКС): Международный опыт // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2011. – № 5. – С. 138–141.
10. Седова, М. Л. Сбалансированность бюджета пенсионного фонда России и проблемы финансовой устойчивости пенсионной системы // Известия СПбГЭУ. – 2018. – № 5 (113). – С. 64–70.
11. Шубина, Л. В. Развитие операций по управлению остатками средств на едином счете Федерального бюджета, осуществляемых Федеральным казначейством // Экономика. Налоги. Право. – 2017 – № 1. – С. 60–65.
12. Понятие, порядок расчета и уплаты страховых взносов работодателями в РФ // Официальный сайт ФНС РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.ru/rn77/ip/prem_employ/ (дата обращения: 17.03.2021).
13. План деятельности Федерального казначейства на 2021 г. и плановый период 2022–2026 гг., утвержденный Министром финансов Российской Федерации А. Г. Силуановым 26 февраля 2021 г. // Официальный сайт Федерального казначейства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/> (дата обращения: 17.03.2021).
14. Размещение средств единого казначейского счета // Официальный сайт Федерального казначейства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/finansovye-operacii/razmeshchenie-sredstv-edinogo-kaznacheyskogo-scheta/> (дата обращения: 17.03.2021).
15. Проект итогового доклада о результатах деятельности Федерального казначейства за 2020 год и основных направлениях деятельности на среднесрочную перспективу // Официальный сайт Федерального казначейства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/o-rezultatakh-raboty-fk/?year=2021> (дата обращения: 17.03.2021).
16. Отчет об исполнении федерального бюджета за 2018 г. // Официальный сайт Министерства финансов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2019/ (дата обращения: 17.03.2021).
17. Плавающая ставка в РЕПО Федерального Казначейства // Официальный сайт Национального расчетного депозитария [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nsd.ru/upload/docs/services/pamyatka_repo_fz.pdf (дата обращения: 17.03.2021).
18. Федеральные законы о бюджете ПФ РФ за период 2011–2018 гг. // Официальный сайт Пенсионного Фонда РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pfr.gov.ru/info/order/budzhет_pfr/ (дата обращения: 17.03.2021).
19. Alt, R., Beck, R., Smits, M. FinTech and the transformation of the financial industry // Electronic Markets. – 2018. – No. 28 (4). – Pp. 1–9. <https://doi.org/10.1007/s12525-018-0310-9>
20. Kanu, C. Impact of treasury single account on the liquidity // ABC Journal of Advanced Research. – 2016. – No. 5 (1). – Pp. 43–53. <https://doi.org/10.18034/abcjar.v5i1.57>

References

1. Federal Law “On the Federal Budget for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023” dated on December 8, 2020 No. 385-FZ (as amended) // *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_370144/ (accessed 17.03.2021).
2. Budget Code of the Russian Federation. Article 236.1., *Legal reference system “ConsultantPlus”*, Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/43b0d17f390af7f30948b0cc429653ac0d4f05ca/ (accessed 18.03.2021).
3. Budget Code of the Russian Federation. Article 93.6. Budget loans for replenishment of the balance of funds on a single budget account, *Legal reference system “ConsultantPlus”*, Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/bd7fe7bcf7683c20da03a1c9d8e248a362ee8326/ (accessed 18.03.2021).
4. Letter of the Ministry of Finance of Russia No. 23-01-07/89429 dated on October 13, 2020 “On the administration of revenues from operations to manage fund balances in a single treasury account credited to the budgets of the constituent entities of the Russian Federation”, *Ministry of Finance of the Russian Federation*. Available at: <https://bit.ly/3lbO7bH> (accessed 18.03.2021).
5. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1020 dated on July 11, 2020 “On the procedure and cases of crediting funds received from the placement of temporarily available funds of the single treasury account”, *Official Internet-Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007140028?index=1&rangeSize=1> (accessed 18.03.2021).
6. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1506 dated on 21.09.2020 “On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation”, *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363247/ (accessed 17.03.2021).
7. Maiorov V. I. Administrative reform in Russia: improving the public administration based on the concept of New Public Management, *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2017, no. 3 (41), pp. 109–116. (In Russian).
8. Sergienko N. S. Treasury technologies in debt management of regions, *Finance and Management*, 2018, no. 4, pp. 50–60. (In Russian).
9. Sarantsev V. N. International experience of the treasury single account (TSA), *Vestnik of the Saratov State Socio-Economic University*, 2011, no. 5, pp. 138–141. (In Russian).
10. Sedova M. L. Balancing of the Russian pension fund’s budget and the problems of the pension system’s sustainability, *Izvestiya Saint Petersburg State University of Economics*, 2018, no. 5 (113), pp. 64–70. (In Russian).
11. Shubina L. V. Improving the management of the Single Federal Budget account balances by the Federal Treasury, *Economy. Taxes. Law*, 2017, no. 1, pp. 60–65. (In Russian).
12. Concept, procedure for calculation and payment of insurance premiums by employers in the Russian Federation, *Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation*. Available at: https://www.nalog.ru/rn77/ip/prem_employ/ (accessed 18.03.2021).
13. The plan of activity of the Federal Treasury for 2021 and the planning period 2022–2026 approved by the Minister of Finance of the Russian Federation A. G. Siluanov on February 26, 2021, *Official website of the Federal Treasury of the Russian Federation*. Available at: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/> (accessed 18.03.2021).
14. Placement of funds of the unified treasury account, *Official website of the Federal Treasury of the Russian Federation*. Available at: <https://roskazna.gov.ru/finansovye-operacii/razmeshchenie-sredstv-edinogo-kaznacheyskogo-scheta/> (accessed 18.03.2021).
15. Draft Final report on the results of the Federal Treasury’s activities for 2020 and the main areas of activity for the medium term, *Official website of the Federal Treasury of the Russian Federation*. Available at: <https://roskazna.gov.ru/o-kaznachejstve/plany-i-otchety/o-rezultatakh-raboty-fk/?year=2021> (accessed 18.03.2021).
16. Report on the implementation of the Federal Budget for 2018, *Official website of the Ministry of Finance of Russia*. Available at: https://minfin.gov.ru/ru/performance/budget/federal_budget/budgeti/2019/ (accessed 18.03.2021).
17. Floating rate in the REPO (Repurchase Agreement) of the Federal Treasury, *Official website of the National Settlement Depository*. Available at: https://www.nsd.ru/upload/docs/services/pamyatka_repo_fz.pdf (accessed 18.03.2021).
18. Federal Laws on the Budget of the Pension Fund of the Russian Federation for the period 2011-2018, *Official website of the Pension Fund of the Russian Federation*. Available at: https://pfr.gov.ru/info/order/budzhet_pfr/ (accessed 18.03.2021).
19. Alt R., Beck R., Smits M. FinTech and the transformation of the financial industry, *Electronic Markets*, 2018, no. 28 (4), pp. 1–9. <https://doi.org/10.1007/s12525-018-0310-9>
20. Kanu C. Impact of treasury single account on the liquidity, *ABC Journal of Advanced Research*, 2016, no. 5 (1), pp. 43–53. <https://doi.org/10.18034/abcjar.v5i1.57>

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

УДК 159.99

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-162-165

**Кайтукова Захира
Хазметовна**

ст. преподаватель, ФГБОУ
ВО «Российский государственный
университет им. А. Н. Косыги-
на (Технологии. Дизайн. Искусст-
во)», Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0002-5597-9039

e-mail: ikaitukova@mail.ru

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕСПОНДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ ОТНОШЕНИЕМ К ЭПИДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Освещены результаты эмпирического исследования личностных особенностей респондентов с разным отношением к ситуации эпидемии COVID-19, представляющего собой систему отдельных субъективных оценок существенных характеристик распространения вируса: потенциальной опасности заражения вирусом, информационному освещению событий в средствах массовой информации, здоровьесберегающим мерам официальных институтов. Предложена классификация видов отношения к распространению вируса COVID-19 на основании комбинаций различных парциальных субъективных оценок существенных характеристик ситуации распространения вируса. Отражены результаты эмпирического исследования личностных особенностей респондентов с различным отношением к распространению вирусной инфекции: значимые положительные и отрицательные корреляционные связи между типами отношения к пандемии и копинг-стратегиями респондентов, типами отношений и такими личностными особенностями, как экстраверсия – интроверсия, привязанность – отчужденность.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирусная инфекция, пандемия, типология отношения к эпидемии, ковидреализм, ковиддиссидентство, ковидскептицизм, ковидофобия, опрос, анкетирование, личностные факторы, типология стратегий реагирования, стратегии реагирования человека, копинг-стратегии реагирования, ситуация неопределенности, стрессогенная ситуация

Для цитирования: Кайтукова З.Х. Личностные особенности респондентов с различным отношением к эпидемии COVID-19//Вестник университета. 2021. № 6. С. 162–165.

Zahira H. Kajtukova

Senior Lecturer, Kosygin Russian
State University (Technologies.
Design. Art), Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5597-9039

e-mail: ikaitukova@mail.ru

PERSONALITY TRAITS OF RESPONDENTS WITH DIFFERENT ATTITUDES TOWARDS THE COVID-19 EPIDEMIC

Abstract. An empirical study of the psychological characteristics associated with attitudes towards the spread of the COVID-19 virus is presented. The attitude towards the spread of the COVID-19 virus is defined as a system of partial subjective assessments of the essential characteristics of a given situation: the potential danger of infection with the virus, information coverage of events in the media, health-preserving measures of official institutions. A classification of types of attitudes towards the spread of the COVID-19 virus is proposed based on combinations of various partial subjective assessments of the essential characteristics of the situation of the spread of the virus. The article reflects the results of an empirical study of the personality traits of respondents with different attitudes towards the spread of viral infection: significant positive and negative correlations between the types of attitudes towards the pandemic and respondents' coping strategies, types of relationships and such personal characteristics as extraversion – introversion, attachment – alienation.

Keywords: COVID-19, coronavirus infection, pandemic, typology of attitudes towards the epidemic, covid realism, covid dissidence, covid skepticism, covidophobia, survey, questionnaire, personality factors, typology of response strategies, human response strategies, coping response strategies, situations of uncertainty, stressful situation

For citation: Kajtukova Z.H. (2021) Personality traits of respondents with different attitudes towards the COVID-19 epidemic. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 162–165. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-162-165

© Кайтукова З.Х., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Kajtukova Z.H., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Введение

Распространение коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 – ситуация, характеризующаяся такими особенностями, как факт существования потенциальной опасности заражения коронавирусом, информационное освещение этих событий в средствах массовой информации (далее – СМИ), изменение привычного уклада жизни (снижение социальной активности, переход на домашний режим учебы/работы и т. п.) в связи с правительственными мерами.

Отношение к распространению коронавирусной инфекции – система субъективных оценок, касающаяся существенных характеристик данной ситуации. Сложившаяся ситуация имеет различного рода коннотации:

- стрессогенная ситуация;
- вызов адаптационному потенциалу личности;
- ситуация неопределенности [1; 5; 6].

Типология отношения к распространению COVID-19 строится на основании комбинаций различных субъективных оценок, выделенных нами существенных характеристик ситуации распространения вируса: ковидреализм, ковиддиссидентство, ковидскептицизм, ковидофобия.

Ковидреализм – форма отношения к распространению коронавирусной инфекции, включающая признание потенциальной опасности заражения вирусом, достоверности информационного освещения событий в СМИ, адекватности мер официальных институтов по здоровьесбережению граждан.

Ковиддиссидентство – форма отношения к распространению коронавирусной инфекции, отрицающая потенциальную опасность заражения вирусом, достоверность информационного освещения событий в СМИ, адекватность мер официальных институтов по здоровьесбережению граждан.

Ковидскептицизм – форма отношения к распространению коронавирусной инфекции, включающая признание потенциальной опасности заражения вирусом, преувеличение опасности коронавирусной инфекции в ходе информационного освещения событий в СМИ, избыточности мер по преодолению кризиса.

Ковидофобия – форма отношения к распространению коронавирусной инфекции, включающая признание потенциальной опасности заражения вирусом, преуменьшение опасности коронавирусной инфекции в ходе информационного освещения событий в СМИ, недостаточность мер по здоровьесбережению граждан.

Литературный обзор

Отношение к ситуации распространения вируса COVID-19 в обществе и дефицит адаптационных ресурсов может приводить к распространенному сегодня феномену вирусодиссидентства – отрицания наличия угрозы как таковой [2].

С учетом важности психологической поддержки лиц, находящихся в кризисном состоянии из-за угрозы заражения, представляется необходимым изучение факторов, влияющих на процесс адаптации к ситуации и принятие решения о регулярном контроле состояния своего здоровья [3].

Исследование связей личностных особенностей людей и их отношением, поведенческими рисками в связи с распространением коронавирусной инфекции может быть полезным для формулирования концепций по превенции и интервенции нежелательных эффектов [7].

Говоря о психологических последствиях ситуации распространения коронавируса, следует отметить, что уже сегодня можно описать зафиксированные изменения в поведении и эмоциональном состоянии населения, а также предположить их потенциальные трансформации в будущем на основе исследований психологической картины переживаний травматических событий в прошлом [4].

В условиях борьбы с пандемией ярко проявляются типичные стратегии реагирования человека на глобальные угрозы [3].

Методика исследования

Эмпирическое исследование личностных особенностей респондентов с различным отношением к распространению COVID-19 осуществлялось на выборке испытуемых, включавшей 80 человек (16 % лиц мужского, 84 % – женского пола). В выборке 70 % составляли лица от 16 до 35 лет, а 30 % выборки составили люди, которым от 35 и больше лет.

В качестве методов исследования были использованы «Пятифакторный личностный опросник» (авторы Р. Мак-Крае, П. Коста), «Личностная шкала проявления тревоги» (автор Дж. Тейлор), «Копинг-тест» (автор Р. Лазарус), авторская методика.

Для статистической обработки данных использовался непараметрический коэффициент корреляции Ч. Спирмена.

Созданная нами авторская методика включала в себя утверждения, отражающие спектр субъективных оценок выделенных нами сущностных характеристик ситуации распространения COVID-19, определяющие формы отношения к данной ситуации и возможные формы эмоциональных реакций на распространение COVID-19.

В нашем исследовании было выдвинуто предположение о том, что существует связь между типами отношения к распространению вирусной инфекции COVID-19 и личностными особенностями тех, кто их придерживается.

Анализ результатов

Корреляционный анализ позволил выявить следующие значимые корреляции между личностными особенностями респондентов и их отношением к эпидемии: существует положительная корреляция между ковидофобией и копинг-стратегиями – «поиск социальной поддержки» ($rs = 0,282, p < 0,05$, где rs – коэффициент корреляции Ч. Спирмена; p – уровень статистической значимости результата) и принятие ответственности ($rs = 0,364, p < 0,05$).

Значимая положительная корреляция получена между шкалой «привязанность-обособленность» методики «Пятифакторный личностный опросник» и ковидофобным типом отношения к эпидемии ($rs = 0,296, p < 0,05$). Страх эпидемии актуализирует амбивалентное стремление получения поддержки извне и отчужденность от социального окружения.

Значимая положительная корреляция получена между шкалой «конфронтационный копинг» методики «Копинг-стратегии» и ковидофобией ($rs = 0,257, p < 0,05$), что позволяет нам полагать, что страх распространения инфекции связан с конфронтационными настроениями личности.

Значимая положительная корреляция получена между шкалой методики «Копинг-стратегии» и утверждением из авторской методики «Поиск социальной поддержки» и ковидофобией ($rs = 0,312, p < 0,05$).

Значимая отрицательная корреляция получена между шкалой «привязанность-обособленность» методики «Пятифакторный личностный опросник» и ковидоскепсисом как отношением к эпидемии ($rs = -0,399, p < 0,05$). Скептическое отношение к распространению вируса, вероятнее всего, связано с выраженностью направленности личности на других.

Значимая отрицательная корреляция выявлена между шкалой «экстраверсия-интроверсия» методики «Пятифакторный личностный опросник» и утверждением из авторской методики «я считаю, что опасность заражения вирусной инфекцией и информация о COVID-19 реальна» (ковидреализм) ($rs = -0,307, p < 0,05$), что свидетельствует о том, что у экстравертов выше степень готовности принятия факта распространения COVID-19.

Значимая положительная корреляция получена между шкалой «эмоциональная неустойчивость – эмоциональная устойчивость» методики «Пятифакторный личностный опросник» и ковидреализмом ($rs = 0,263, p < 0,05$). Ковидреалисты, с доверием относящиеся к информации об эпидемии и предпринимаемым мерам, отличаются эмоциональной устойчивостью.

Значимая отрицательная корреляция выявлена между шкалой «самоконтроль-импульсивность» методики «Пятифакторный личностный опросник» и ковидреализмом ($rs = -0,360, p < 0,05$), что свидетельствует о повышенной способности тех, кто склонен к принятию эпидемиологической ситуации, контролировать собственные действия и психические состояния.

Значимая положительная корреляция получена между тревожностью как личностным качеством (методика «Личностная шкала проявления тревоги») и склонностью испытывать гнев по поводу угрозы заражения COVID-19 ($rs = 0,351, p < 0,05$).

Значимая положительная корреляция получена между стремлением опереться на окружающих (методика копинг-стратегий) и неустойчивым эмоциональным отношением к факту распространения вируса ($rs = 0,343, p < 0,05$).

Значимая положительная корреляция получена между конфронтационным копингом и депрессивностью в связи с эпидемиологической угрозой ($r_s = 0,292, p < 0,05$).

Значимая положительная корреляция получена между поиском социальной поддержки и утверждением «распространение COVID-19 вызывает у меня депрессию» ($r_s = 0,424, p < 0,05$).

Значимая положительная корреляция получена между шкалой «привязанность-обособленность» методики «Пятифакторный личностный опросник» и утверждением из авторской методики «распространение COVID-19 вызывает у меня принятие» ($r_s = 0,254, p < 0,05$).

Заключение

Таким образом, гипотеза о существовании связи между формами отношения к распространению вирусной инфекции COVID-19 и личностными особенностями респондентов нашла подтверждение.

Библиографический список

1. Бодров, В. А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – М.: ПЕРСЭ, 2006. – 528 с.
2. Быховец, Ю. В., Коган-Лернер, Л. Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5, № 2 (18). – С. 291–308.
3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
4. Ениколопов, С. Н., Бойко, О. М., Медведева, Т. И., Воронцова, О. Ю., Казьмина, О. Ю. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 // Психологическая газета. – 28.04.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/8182/> (дата обращения 25.03.2021).
5. Реан, А. А. Кудашев, А. Р. Баранов, А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 479 с.
6. Скотникова, И. Г., Егорова, П. И., Огаркова (Дубинская), Ю. Л., Жиганов, Л. С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // Социальная и экономическая психология. – 2020. – Т. 5, № 2 (18). – С. 245–268.
7. Федосенко, Е. В. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19 // Психологическая газета. – 14.05.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.su/feed/8248/> (дата обращения 25.03.2021).

References

1. Bodrov V. A. *Psychological stress: development and overcoming*, Moscow, PERSE, 2006, 528 p. (In Russian).
2. Bykhovets Yu. V., Cohen-Lerner L. B. Pandemic COVID-19 as a multifactorial traumatic situation, *Social and economic psychology*, 2020, vol. 5, no. 2 (18), pp. 291–308. (In Russian).
3. Vasilyuk F. E. *Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)*, Moscow, Lomonosov Moscow State University Publishing House, 1984, 200 p. (In Russian).
4. Enikolopov S. N., Boiko O. M., Medvedeva T. I., Vorontsova O. Yu., Kazmina O. Yu. Dynamics of psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic, *Psychological newspaper*, April 28, 2020. Available at: <https://psy.su/feed/8182/> (accessed 25.03.2021).
5. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. *Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Praktika*, St. Petersburg, PRAIM-EVROZNAK, 2006, 479 p. (In Russian).
6. Skotnikova I. G., Egorova P. I., Ogarkova (Dubinskaya) Yu. L., Zhiganov L. S. Psychological features of uncertainty experience in the COVID-19 epidemic, *Social and economic psychology*, 2020, vol. 5, no. 2 (18), pp. 245–268. (In Russian).
7. Fedosenko E. V. Life after quarantine: psychology of meanings and coronavirus COVID-19, *Psychological newspaper*, May 14, 2020. Available at: <https://psy.su/feed/8248/> (accessed 25.03.2021).

Комарова Анна Алексеевнаканд. экон. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация**ORCID:** 0000-0001-7727-1296**e-mail:** komarova_a@inbox.ru**ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО ПОЛИТИКА В СОЗНАНИИ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. Рассмотрен образ политического лидера глазами современной молодежи. Образ политика – отражение в массовом сознании эмоционально окрашенного представления о политиках. Проведен опрос молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, проживающих постоянно в г. Москве. Для того, чтобы составить портрет идеального политического лидера респондентам предлагалось несколько списков качеств и характеристик, которыми, по мнению молодежи, должен обладать современный политик. Исследованы предпочтительная гендерная принадлежность и возраст политического деятеля. Определены пять основных качеств «идеального политика»: харизма, публичность, открытость личной жизни, взглядов, наличие профессионального образования, умение сопереживать, лояльное отношение к субкультурам и меньшинствам. Исследование образа идеального политического лидера позволяет выйти на диалог с молодежной аудиторией и получить материал, необходимый для формирования позитивного образа реального политика.

Ключевые слова: молодежь, политический лидер, образ политика, идеальный политик, социальные представления, образ лидера, политический имидж, ценности

Для цитирования: Комарова А.А. Образ идеального политика в сознании российской молодежи//Вестник университета. 2021. № 6. С. 166–171.

Anna A. KomarovaCand. Sci. (Econ.), State University
of Management, Moscow, Russia**ORCID:** 0000-0001-7727-1296**e-mail:** komarova_a@inbox.ru**THE IMAGE OF AN IDEAL POLITICIAN IN THE MINDS
OF RUSSIAN YOUTH**

Abstract. The image of a political leader through the eyes of modern youth is considered. The image of a politician is a reflection in the mass consciousness of an emotionally colored idea of politicians. A survey of young people aged 15 to 29 years who live permanently in Moscow was conducted. In order to create a portrait of an ideal political leader, respondents were offered several lists of qualities and characteristics that, in the opinion of young people, a modern politician should possess. It was determined the five main qualities of the “ideal politician”: charisma, publicity, openness of personal life, views, availability of professional education, the ability to empathize, loyal attitude to subcultures and minorities. The study of the image of the ideal political leader allows building a dialogue with the youth audience and getting the material necessary for the formation of a positive image of a real politician.

Keywords: youth, political leader, image of a politician, ideal politician, social representations, image of a leader, political image, values

For citation: Komarova A.A. (2021) The image of an ideal politician in the minds of Russian youth. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 166–171. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-166-171

Введение

В современном обществе роль коммуникации и, в частности, политической коммуникации неуклонно возрастает. Успешность коммуникативной деятельности влияет на электоральное поведение граждан и изменение политической культуры, а также отношения к политикам. Восприятие политиков может как способствовать улучшению политической коммуникации, так и затруднять ее [1]. Образ политика – отражение в массовом сознании эмоционально окрашенного представления о политиках. Образ формируется не одномоментно, это результат длительного восприятия, визуального и аудиального контакта, личного опыта и множества других факторов. Образ может формироваться стихийно, самостоятельно, а может быть сформирован с использованием

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-33052.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Autonomous Non-Profit Organization Expert Institute for Social Studies within the framework of the scientific project No. 20-011-33052.

© Комарова А.А., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Komarova A.A., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

политтехнологий и заданных необходимых стереотипических характеристик, которые должны быть донесены до аудитории [5]. Технологии брендинга пришли и в политику, развитием личного бренда политика занимаются имиджмейкеры, спичрайтеры, стилисты, тренеры по публичным выступлениям. Однако для их работы необходима точка отсчета – уже сформированный образ политика в сознании электората. Таким образом, имидж современного политического лидера рассматривается сегодня учеными как сложный социально-психологический феномен, в котором в неразрывном единстве представлены не только личностные качества, объективно присутствующие и проявляющиеся в его поведении, но и определенные элементы образа, созданного средствами массовой информации или уже имеющегося в сознании избирателей, что в свою очередь ведет к формированию стереотипных представлений о политике [2].

Обзор методов решения проблемы

Для изучения представлений об образе идеального политического лидера в 2020–2021 гг. было проведено эмпирическое исследование. В исследовании приняли участие 440 респондентов в возрасте от 15 до 29 лет, проживающих постоянно (не менее 6 месяцев) в г. Москве. Из них 220 мужчин (50 %) и 220 женщин (50 %). Респонденты были разделены на три возрастные группы: 15–19 лет (132 чел., 30 %), 20 лет – 24 года (123 чел., 28 %), 25–29 лет (185 чел., 42 %). Выборка – квотная репрезентативная. Для того, чтобы составить портрет идеального политического лидера респондентам предлагалось несколько списков качеств и характеристик, которыми, по мнению молодежи, должен обладать современный политик. Кроме того, задавали вопрос о предпочтительной гендерной принадлежности и возрасту политического деятеля.

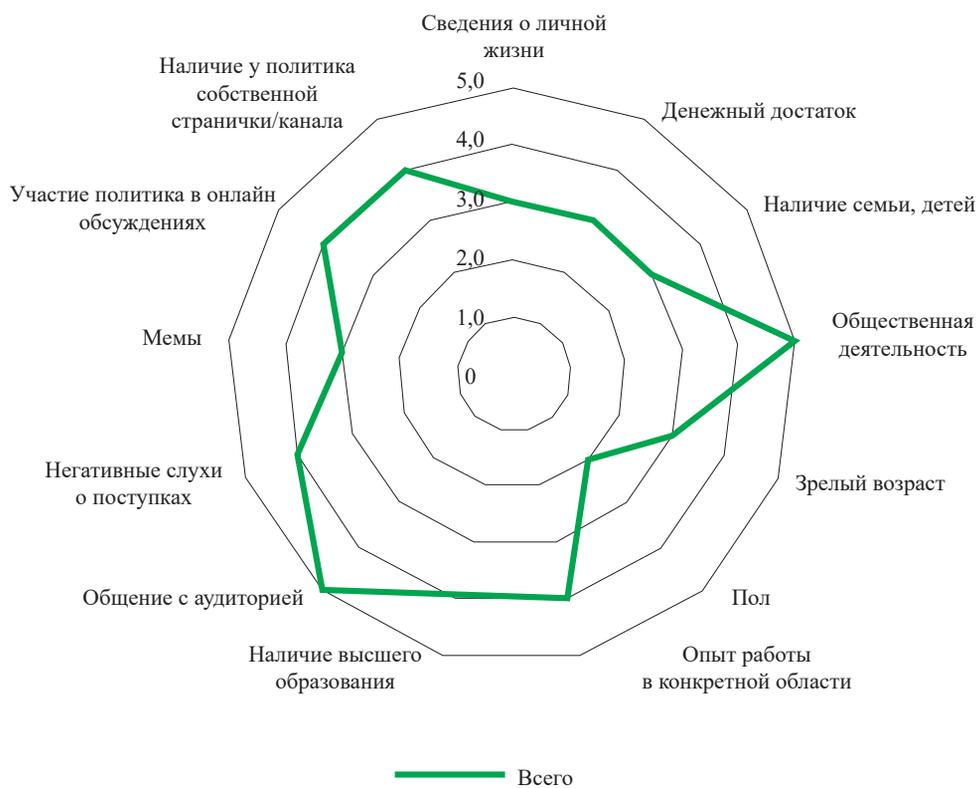
Анализ результатов

Сначала респонденты оценивали степень значимости предложенных характеристик для имиджа политического деятеля, где 1 – низкая степень значимости, а 5 – высокая степень значимости (рис. 1, 2). По медианным значениям самая высокая степень значимости, независимо от пола и возраста респондентов, отмечена по следующим характеристикам: общественная деятельность; опыт работы в конкретной отрасли; общение с аудиторией; участие политика в онлайн-обсуждениях; наличие у политика собственной странички/канала. Среди мужчин и женщин есть отличия в оценке значимости характеристик «сведения о личной жизни» (статистически значимое различие по критерию Манна-Уитни $p = 0,029$) и «денежный достаток» (у мужчин медианное значение выше, чем у женщин). У респондентов в возрасте от 15 до 19 лет медианные значения по всем характеристикам совпадают. Есть некоторые отличия между группами 20–24-х лет и 25–29 лет по следующим характеристикам: сведения о личной жизни, денежный достаток, наличие семьи, детей (статистически значимое различие для трех характеристик по критерию Крускала-Уоллиса, сравнение нескольких независимых групп $p=0,000$); пол (гендерная принадлежность) ($p=0,000$), опыт работы в конкретной отрасли ($p=0,021$); наличие высшего образования – медианы в группе опрошенных в возрасте 25–29 лет выше, чем в группе 20–24-х лет; наличие у политика собственной странички/канала – медиана в группе 25–29 лет ниже, чем в остальных возрастных группах. Такие отличия можно объяснить более зрелым взглядом на жизнь лиц, почти достигших 30-летнего возраста. Однако для половины опрошенных в более молодом возрасте от 15 до 24 лет наличие у политика собственной странички/канала оказалось более значимой характеристикой.

Участие политика в онлайн-обсуждениях, судя по медиане, одинаково значимо для респондентов трех возрастных групп (не выявлено статистически значимых различий между возрастными группами: $p=0,102$).

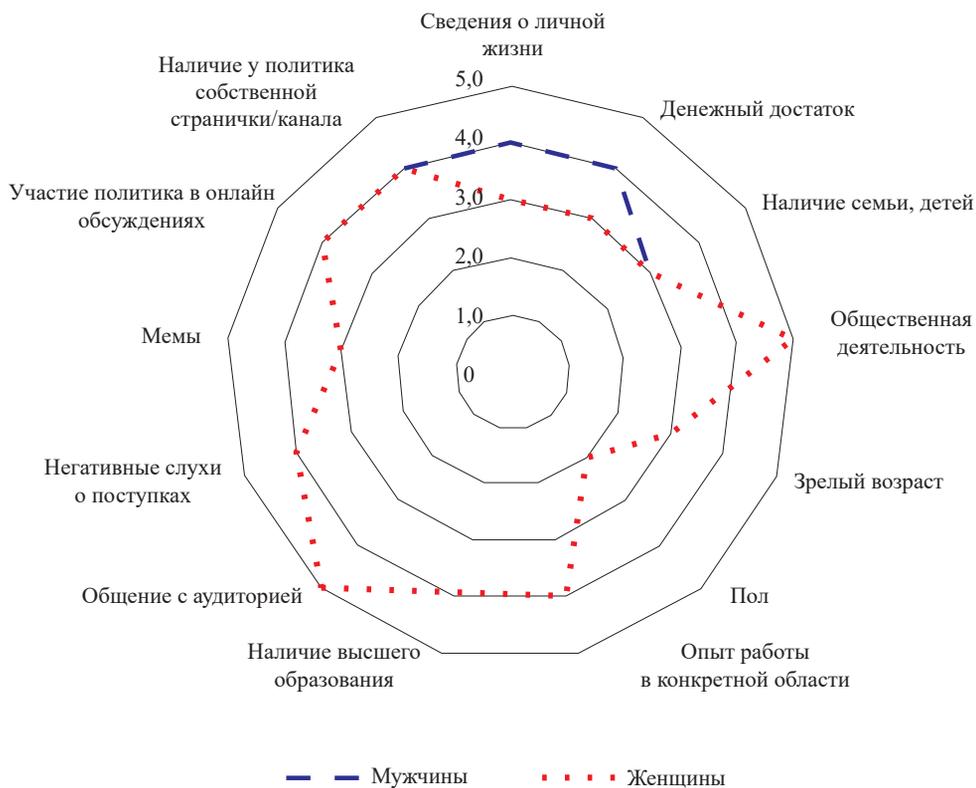
Группа опрошенных была разделена на 2 части по критерию – «интересуюсь / не интересуюсь политикой». Половина респондентов из выборочной совокупности (236 чел., 54 %) интересуется политикой. Для тех, кто интересуется политикой, медианные значения оказались выше, и различия между группами респондентов статистически значимы по характеристикам «наличие у политика собственной странички/канала» ($p=0,001$), «сведения о личной жизни» ($p=0,000$), «денежный достаток» ($p=0,049$), по сравнению с теми, кто не интересуется политикой.

Если судить не по медианным значениям, которые отражают мнение половины опрошенных, а по средним значениям, вклад в которые делает каждый респондент, то в представленном списке характеристик для имиджа политического деятеля лидируют: общественная деятельность; общение с аудиторией; наличие высшего образования (желательно профильного); опыт работы в конкретной отрасли; участие политика в онлайн-обсуждениях (табл. 1).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Значимость предложенных характеристик для имиджа политического деятеля, медианные значения

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Значимость предложенных характеристик для имиджа политического деятеля, медианные значения, мужчины и женщины

Если округлить средние значения до целого, то почти 4 балла из 5-ти по степени значимости было присвоено характеристике «наличие у политика собственной странички/канала» независимо от пола, возраста и проявления интереса к политике опрошенных молодых людей.

Таблица 1

Характеристики для имиджа политического деятеля

Характеристики имиджа политического деятеля	Всего респондентов	Пол/гендер		Возраст			Отношение к политике	
		муж.	жен.	15–19	20–24	25–29	интересуюсь политикой	не интересуюсь политикой
Общественная деятельность	4,63	4,61	4,66	4,72	4,68	4,54	4,70	4,55
Общение с аудиторией	4,63	4,63	4,62	4,72	4,68	4,52	4,75	4,48
Наличие высшего образования	4,00	4,08	3,93	3,96	3,93	4,08	3,99	4,02
Опыт работы в конкретной отрасли	4,00	4,06	3,95	3,92	3,84	4,17	4,05	3,95
Участие политика в онлайн-обсуждениях	3,96	3,88	4,04	4,04	3,88	3,95	4,16	3,73

Составлено автором по материалам исследования

У каждого человека может сложиться образ, каким должен быть идеальный политический деятель в современных реалиях. Опрошенным предлагали список из 11-ти качеств, которыми может обладать в той или иной степени идеальный политик (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Значимость предложенных характеристик для имиджа политического деятеля, медианные значения, мужчины и женщины

Наиболее высокие медианные значения соответствуют таким качествам, как: умение сопереживать; наличие профессионального образования; лояльное отношение к различным субкультурам и меньшинствам; опыт работы в государственных структурных учреждениях; публичность; открытость личной жизни, взглядов; харизма. У респондентов-мужчин были отмечены более высокие медианные значения, чем у женщин по следующим качествам: либеральные взгляды ($p=0,018$); опыт работы в государственных структурах/учреждениях (статистически не значимо $p=0,186$); наличие собственного бизнеса ($p=0,012$); харизма ($p=0,001$).

Судя по средним значениям, независимо от пола и возраста респондентов, лидирует пять основных качеств идеального политика: харизма; публичность; открытость личной жизни; взглядов; наличие профессионального образования; умение сопереживать; лояльное отношение к субкультурам и меньшинствам. Последнее качество оказалось актуализированным у молодежи, так как были опрошены жители Москвы, а они всегда демонстрировали большую лояльность субкультурам и меньшинствам, чем жители регионов.

Активное ведение социальных сетей в среднем оценено как 3 балла по 5-балльной шкале, то есть это качество идеального политического деятеля является значимым, но не самым важным для современного политика.

Для составления портрета успешного политического лидера, по мнению большинства опрошенных, наиболее подходят такие качества, как работоспособность, организованность, уверенность, уравновешенность, целеустремленность, самообладание, активность, прогрессивность, дисциплинированность, энергичность. По мнению большинства респондентов, успешному политическому лидеру не должны соответствовать легкомысленность, внешняя привлекательность, самоуверенность.

Помимо качеств и характеристик, респонденты оценивали по 5-балльной шкале степень обоснованности требований, которым должны соответствовать политические лидеры (где 1 – абсолютно необоснованное требование, 5 – полностью необходимое требование). В список из 10-ти обязательных требований для современного политического лидера вошли: грамотная речь; умение излагать свои мысли; стрессоустойчивость, неконфликтность; навыки делового общения; знание законодательства; высокая личная ответственность; умение внимательно работать с большим объемом информации; готовность к быстрому анализу материалов различных областей социально-экономической жизни; умение взаимодействовать с представителями бизнес-среды на разных уровнях; наличие широкой сети экспертов для привлечения к реализации проектов; опыт взаимодействия с органами государственной власти. Большинство опрошенных (от 64 % до 74 %) независимо от пола, возраста, образовательного статуса, проявления интереса к политике отметили необходимость ориентированности на молодежную аудиторию.

К необоснованным требованиям (от 10 % выборов кодов ответа 1, 2 и более) респонденты отнесли следующие: желательность опыта работы в промышленных компаниях; наличие в прошлом опыта ведения крупных международных переговоров; опыт работы от 2-х лет в аналогичной должности; опыт проведения исследовательских и консультационных работ, в том числе для органов государственной власти; знание иностранного языка на разговорном уровне; наличие справки об отсутствии судимости. Кроме оценки социально-психологических качеств, характеристик и требований, предъявляемым к политикам, респондентам предлагалось ответить на вопрос о предпочтительной гендерной принадлежности и оптимальном возрасте современного политического деятеля.

Среди опрошенных каждый третий считает, что для политического лидера предпочтительно, чтобы это был мужчина, из них большинство ответов (61 %) дали респонденты-мужчины; 3 % предпочитают, чтобы политическим лидером была женщина, из них большинство ответов (85 %) дали респонденты-женщины и подавляющее большинство (295 чел., 67 %) считает, что гендерная принадлежность политика не имеет значения (здесь ответы между отвечающими мужчинами и женщинами распределились практически поровну). Большинство участников опроса (54 %), которые считают предпочтительным мужчин в качестве политического лидера, находятся в возрасте от 25 до 29 лет, из тех, для кого не имеет значения гендерная принадлежность политика, распределение между тремя возрастными группами практически идентичное.

В исследовании авторов интересовало, какой возраст для политического деятеля считает приемлемым современная молодежь. Респондентам предлагалось выбрать диапазон приемлемого возраста для успешного политика, далее были рассчитаны средний диапазон для каждого респондента и средний возраст по каждой группе опрошенных. Разброс среднего возраста политика оказался очень большой: минимальный средний возраст составил 20 лет, максимальный – 67,5 лет. Средний оптимальный возраст политика, который отметили мужчины, составил 43,5 лет

(для 95 %-ного доверительного интервала от 42,5 до 44,5 лет). Женщины отметили оптимальный средний возраст политического деятеля 45,3 лет (для 95%-ного доверительного интервала от 44,4 до 46,2 лет). По расчетам непараметрического критерия Манна-Уитни (сравнение двух независимых групп) найденные различия являются статистически значимыми ($p=0,018$). Медианный оптимальный возраст политического деятеля у мужчин и женщин совпадает – 45 лет. У респондентов трех возрастных групп есть некоторые отличия в определении среднего оптимального возраста для современного политика: опрошенные в возрасте от 15 до 19 лет отметили средний возраст 43,7 лет (медианный возраст 44,0 года); от 20 до 24 лет – 44,5 лет (медианный возраст 45,0 лет); от 25 до 29 лет – 44,9 лет (медианный возраст 45,0 лет). Различия между тремя возрастными группами респондентов являются статистически значимыми по результатам расчета непараметрического критерия Крускала-Уоллиса ($p=0,026$).

Таким образом, молодежь представляет политика более молодым, приближенным к ним по возрасту, но компетентным, так как важны наличие профильного образования и опыт работы. Для молодежи также важна открытость, доступность информации о политиках.

Заключение

Развитие политической культуры молодежи происходит под влиянием многих социальных проблем современного общества [3]. Образ политического лидера формируется как фоновый, в том числе посредством политической социализации, так и целенаправленно «сверху», через работу команды политика. В глазах молодежи политический лидер концентрирует всю систему власти и управления. Молодежь находится на этапе формирования собственных ценностных ориентаций и потому так важен образ человека, которому молодежь готова доверить свое будущее и будущее своих детей [4]. Для того, чтобы в полной мере составить картину происходящих процессов необходимо исследовать целый ряд факторов, влияющих на формирование образа лидера. Это и текущая ситуация в стране, и социально-психологические характеристики самих респондентов. Для этого необходимо проведение лонгитюдных исследований и интерес к данной научной проблематике. Исследование образа идеального политического лидера позволяет выйти на диалог с молодежной аудиторией и получить материал, необходимый для формирования позитивного образа реального политика.

Библиографический список

1. Жданова, С. Ю., Пузырева, Л. О. Восприятие образа политика в связи с полом // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2016. – № 4-1. – С. 78–85.
2. Козловская, Н. В. Образ современного политика в представлении студенческой молодежи // Психологические исследования. – 2012. – № 1 (21). – 4 с.
3. Окорочкова, М. П., Григорьев, Н. А. Образ политического лидера в представлениях студенческой молодежи республики Саха (Якутия) // Власть. – 2019. – Т. 27, № 5. – С. 146–152.
4. Окорочкова, М. П. Восприятие молодежью образа главы муниципального образования // Этносоциум и межнациональная культура. – 2020. – № 9 (147). – С. 68–74.
5. Леньков, Р. В., Тимохович, А. Н., Гришаева, С. А., Колосова, О. А., Пацула, А. В., Куликова, О. А., Мишина, Г. Н., Ромашова, Л. О., Комарова, А. А. Социология молодежи: учебник. – М.: Высшее образование (2-е изд., пер. и доп.). – 2020. – С. 158–192.

References

1. Zhdanova S. Yu., Puzyreva L. O. Perception of the image of a politician in connection with gender, *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2016, no. 4-1, pp. 78–85. (In Russian).
2. Kozlovskaya N. V. The image of a modern politician in students' representations, *Psychological Studies*, 2012, no. 1 (21), 4 p. (In Russian).
3. Okorokova M. P., Grigor'ev N. A. The image of a political leader in the minds of students of the Republic of Sakha (Yakutia), *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 5, pp. 146–152. (In Russian).
4. Okorokova M.P. Youth's perception of the image of the head of municipal education, *Ethnosocium (Multinational Society)*, 2020, no. 9 (147), pp. 68–74. (In Russian).
5. Len'kov R. V., Timokhovich A. N., Grishaeva S. A., Kolosova O. A., Patsula A. V., Kulikov O. A., Mishina G. N., Romashova L. O., Komarov A. A. *Sociology of youth: textbook*, Moscow, Higher education 2nd edition, reprinted and expanded, 2020, pp. 158–192. (In Russian).

УДК 005.1(510)

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-172-176

Филиндаш Лариса Васильевна

канд. филос. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: 0000-0001-7076-379X

e-mail: lfilindash@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ БИЗЕС-МОДЕЛИ КОМПАНИИ HUAWEI И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Аннотация. Рассмотрена социальная составляющая кадровой политики компании Huawei Technologies. Являясь крупнейшей международной, многонациональной телекоммуникационной корпорацией, Huawei успешно решает проблему формирования корпоративного единства. Направления ее эффективной социальной стратегии представляют научный и практический интерес. В статье на основании официальных данных по кадровой структуре выявлено использование в практике создания устойчивой конструкции фирмы принципа психотипов личности, что определяет новизну материала. Одним из направлений исследования является выяснение особенностей социальной риторики, используемой в вербальной и невербальной коммуникации. Поскольку Huawei имеет много образовательных центров на территории России на базе отечественных вузов, автор статьи видит свою задачу познакомить сегодняшних студентов – потенциальных сотрудников фирмы с социальной политикой их будущих работодателей.

Ключевые слова: бизнес-модель, иерархичность кадровой пирамиды, корпоративное единство, менеджмент в области человеческих ресурсов, психотип личности, социальная риторика, телекоммуникационная корпорация, управленческая стратегия

Для цитирования: Филиндаш Л.В. Социальная теория бизнес-модели компании Huawei и ее реализация // Вестник университета. 2021. № 6. С. 172–176.

THE SOCIAL THEORY OF THE BUSINESS MODEL OF HUAWEI AND ITS IMPLEMENTATION

Abstract. The social component of the personnel policy of Huawei Technologies is considered. As the largest international, multinational telecommunications corporation, Huawei successfully solves the problem of forming corporate unity. The directions of its effective social strategy are of scientific and practical interest. In the article, based on official data on the personnel structure, it is revealed that the principle of personality psychotypes is used in the practice of creating a stable structure, which determines the novelty of the material. One of the directions of this research is to clarify the special social rhetoric used in verbal and nonverbal communication. Since Huawei has many educational centers on the territory of Russia based on domestic universities, the authors of the article see their task to acquaint today's students – potential employees of the company with the social policy of their future employers.

Keywords: business model, hierarchy of the personnel pyramid, corporate unity, human resources management, personality psychotype, social rhetoric, telecommunications corporation, management strategy

For citation: Filindash L.V. (2021) The social theory of the business model of Huawei and its implementation. Vestnik universiteta, no. 6, pp. 172–176. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-172-176

Larisa V. Filindash

Cand. Sci. (Philos.), State University
of Management, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-7076-379X

e-mail: lfilindash@mail.ru

Введение

Телекоммуникационная компания Huawei Technologies, созданная в 1987 г., к настоящему времени превратилась в одну из наиболее известных международных корпораций. Основанная китайским военным инженером как частная фирма, она отражает процесс завоевания Востоком, в частности Китаем, значительного места в мировой экономической системе. Особенно заметен прогресс стран названного региона в сфере нанотехнологий и телекоммуникационных систем. Huawei стабильно занимает лидирующее положение среди производителей мобильной техники, предлагая большое разнообразие смартфонов и планшетных компьютеров. Деятельность компании носит широкий характер, включает производство оборудования для беспроводных и базовых сетей, аппаратного обеспечения сетевых и оптических устройств.

© Филиндаш Л.В., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Filindash L.V., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Постановка проблемы

Компания Huawei Technologies положительно выделяется среди других компаний в сфере информационных технологий особым вниманием к теоретическому обоснованию своей кадровой политики, следованием собственной философии в плане социальной стратегии. Актуальность обращения к этой теме объясняется тем, что фирма Huawei представляет собой пример успешно действующей организации в условиях пандемии, международных санкций, кризисных явлений в мировой экономике. Изучение феномена HR-политики может иметь практическое значение.

Литературный обзор

В современных условиях исследователи занимаются изучением эффективных направлений управленческой стратегии некоторых ведущих международных корпораций. Обращение к данной проблеме нередко рассматривается авторами в контексте зависимости культуры управления от базовых фундаментальных особенностей национального менталитета и актуализации восточно-западного синтеза в условиях межкультурного диалога стран Востока и Запада [1; 2; 3]. Особенный интерес представляет уникальная концепция иерархичной кадровой пирамиды, разработанная лидером Huawei Жэнь Чжэнфэем с целью создания команды единомышленников, обеспечивающей долголетие и процветание фирмы [5]. Социальная составляющая кадровой политики рассматривается на основе официальных материалов – годовых отчетов, интервью сотрудников, выступлений руководителей, докладов на онлайн-конференциях [7; 9]. Многие проблемы развития корпорации Huawei исследуются с точки зрения технологии и организации производства. Описанию организационной структуры Huawei и изучению задач комитетов разных уровней посвящена работа [4]. В [6; 8] деятельность компании рассматривается в условиях цифровизации и новой социальной ситуации, связанной с углубляющейся изолированностью человека.

Новизна предлагаемого исследования связана с выявлением особенностей кадровой стратификации и политики формирования корпоративного единства. Кроме того, автор статьи связывает официальные данные по кадровой структуре с теорией психотипов личности, что также определяет новизну материала.

Цель статьи – установление направлений по реализации стратегии «наша компания – одна семья». Поскольку Huawei имеет много образовательных центров на территории России на базе отечественных вузов, автор статьи видит свою задачу познакомить сегодняшних студентов – потенциальных сотрудников фирмы с социальной политикой их будущих работодателей.

Теория и методы

Успех концерна объясняется во многом социально ориентированными методами управленческой стратегии, которая базируется на научной классификации психотипа личности. Ядром этой теории является степень моральной и физической подготовленности человека к нагрузкам в процессе трудовой деятельности, на основе которой разработана классификация уровней в пирамидальной системе кадровой структуры. Аналитико-описательный и сравнительный методы дали возможность осмыслить способности, амбиции и мотивации личностных типов работников компании. На основе методов описания и восхождения от абстрактного к конкретному раскрыты смыслы положений конфуцианства о семье и государстве, о преемственности традиций, ответственности каждого за общее дело. Системный метод позволил выявить соотнесенность кардинальных положений кадровой политики Huawei с задачей создания целостного сообщества единомышленников, обеспечивающих развитие и постоянное движение вперед своей фирмы. Все используемые методы применялись в диалектическом взаимодействии.

Результаты

HR-политика компании Huawei базируется на философской концепции ее бессменного лидера. Он использует разработанную социологами и психологами теорию сензитивного, поведенческого, морального характера личности.

К первому типу личности относятся энергичные, креативные люди, способные генерировать идеи, которых в соответствии с этим целесообразно использовать на руководящих должностях и перспективных

направлениях работы. Это особенно актуально для Huawei как для предприятия высокотехнологического инновационного сегмента экономики. Подобные специалисты занимаются исследовательской, управленческой, промоционной работой. В эту группу входят ведущие ученые-разработчики, крупные инженеры, исследователи, руководители высшего звена, юристы.

Руководитель и основатель компании Ж. Чжэнфэй, без сомнения, возглавляет эту группу. В своем преклонном возрасте он по-прежнему мобилен, доступен для круглосуточной связи с сотрудниками, информирован обо всем происходящем в его организации. Его отличают такие личностные качества, как инициативность, умение выстоять в сложных ситуациях, одобрение принципов общественного труда и следование им. В своих статьях внутреннего пользования он культивирует у читателей титанические образы античной мифологии и их героические подвиги как примеры служения определенному сообществу.

Второй личностный тип – трудолюбивые, дисциплинированные, ответственные люди, занимающие руководящие должности среднего уровня. Они стремятся максимально проявить себя на достигнутой позиции и сделать карьеру.

Третья категория – исполнители, умеющие усердно трудиться и беспрекословно выполнять порученные задания, не способные проявлять личную инициативу.

В соответствии с восточной риторикой эти типы образно характеризуют людей «инерционной миссии» для второй категории, «пассивной миссии» для третьей. Продолжая ряд образных лексем, можно назвать первый психотип «демиургами» и обозначить их миссию как «генерирующую».

Разработанная теория личностных типов легла в основу бизнес-модели Huawei. Обеспокоенный непродолжительностью жизни разных компаний на Западе, Ж. Чжэнфэй поставил задачу создать фирму с возможно большим сроком существования. Образцом служили буддийские храмы с двухтысячелетней историей, которые рассматривались им как успешные бизнес-корпорации. Желая обеспечить устойчивость своего предприятия, он построил пятиуровневую пирамиду с учетом теории о психотипах личности.

Наверху пирамиды находятся идеологи и теоретики общей стратегии, лидеры, входящие в Совет директоров, ниже – стратеги по направлениям бизнеса, технологи-изобретатели, которые выдвигают смелые идеи, инновационные технологии, а также маркетологи, предлагающие новые решения в продвижении продуктов и расширении рынков. Третий ярус занимают руководители производственных и функциональных подразделений, которые направляют деятельность «вверенных им войск». Четвертый уровень представлен рядовыми инженерами и технологами, которые реализуют научно-исследовательские и конструкторские проекты и отвечают за производство. Самая широкая часть пирамиды, ее основание, заполнена тысячами работников специализированного труда, которые занимаются документацией, коммуникацией, юридической поддержкой, производством, логистикой, транспортировкой.

В соответствии с теорией трех психотипов в компании применяется разнообразная система поощрений. Для руководителей первого уровня разработаны столь значимые бонусы, что даже высокая зарплата не является решающей статьёй дохода. Управленцы среднего уровня получают премии на основе рейтингов, работники третьего психотипа, которые занимают низшие горизонталы пирамиды, получают дополнительные средства в форме акций, а также специальных чеков, которые можно обменять на продукцию фирмы. Такая дробная стратификация кадровой структуры и соответствующая ей система поощрений обеспечивает жесткую конкуренцию, что осознается руководством и отражается в бесчеловечных лексемах со словом «волк» – «голодные волки», «волчья стая», «волчья хватка», «волчий дух» [5, с. 106].

Многие сотрудники являются пайщиками корпорации, что создает мощные рычаги воздействия на них, чтобы их отношение к фирме соответствовало представлению о собственном деле.

Значимым принципом управления людскими ресурсами в целях сохранения устойчивости и жизнеспособности компании является схема долевого участия. При этом доля руководителя Ж. Чжэнфэя в акционерном капитале составляет всего 1,4 % [5, с. 124]. Паевая форма собственности способствует ответственному, добросовестному отношению сотрудников-собственников к работе, помогает руководству повысить интенсивность труда низовых звеньев, поддерживать дисциплину. В целом все это направлено на решение задачи создания коллектива единомышленников, соблюдения верности руководству.

Кардинальные положения своей социальной программы руководители транслируют через сетевые каналы распространения информации, рекламные проспекты, статьи руководителей разных подразделений, издаваемые

для служебного пользования. «Единым идейным генератором идей для всей компании является электронное издание-газета «Народ Huawei», название которого подчеркивает сплоченность сотрудников фирмы, самобытность компании, выступает ее мерой идентификации в мире бизнеса. Таким образом, модулируется образ индивидуальности, неповторимости, уникальности сущности крупнейшей телекоммуникационной компании Huawei» [3, с. 98].

Компания имеет собственный веб-форум, Xincheng, что в переводе означает «внутренний голос». Он активно используется сотрудниками для общения по социальным, юридическим, производственным вопросам, а не только для высказывания критических замечаний, как это было задумано изначально при его создании. Применение дискуссионного интернет-форума связано с тем, что интернет-платформы «играют огромную роль в современной парадигме взаимодействия, устраняют временные и территориальные рамки общения. Универсальные средства коммуникации помогают быстрее получать информацию» [6, с. 245]. Поскольку сотрудники принимают участие в обсуждении насущных злободневных вопросов без модерации, руководство использует альтернативные точки зрения для принятия консенсуса, основанного на принципе постоянного развития и движения вперед.

Распространяя идеологию, нужную компании, в целях восприятия ее каждым сотрудником в качестве своего внутреннего убеждения работники отдела связи с общественностью активно используют принятые на Востоке риторические приемы – метафоричность, афористичность, цитирование, отсылку к историческим фактам, кинематографическим и литературным произведениям. В частности, роль схемы долевого участия они оценивают как «ядерный реактор», способный выполнять функцию «вечного двигателя» в поступательном движении фирмы Huawei.

Для решения фундаментальной задачи создания сплоченного сообщества единомышленников используются все рычаги воздействия, ментально присущие нации в целом, в частности, многие положения конфуцианства о семье и государстве, взаимопомощи членов фамилии разных поколений, преемственности и ценности традиций, об ответственности каждого за общее дело. «Конфуцианство является квинтэссенцией китайской цивилизации, определяет ее политику, административную систему, регулирует социально-экономические процессы» [2, с. 152].

Пирамидальное построение кадровой системы компании на основе учения психотипов коррелируется со знаменитой формулой: «Пусть отец будет отцом, сын – сыном, чиновник – чиновником, а государь – государем» и создает иерархичный порядок устройства компании. «Ядром конфуцианства является проблема обеспечения социального порядка в обществе, устойчивость которого определяется иерархичностью, вертикальностью соподчинения. В коммуникации это воплощается в принципе безоговорочного выполнения сотрудниками распоряжений руководителей, представления о большей значимости группы и мнения коллектива в противовес личности и единичному суждению одного человека» [1, с. 26].

Конфуцианство, как самое популярное учение в Китае, наглядно подтверждает правильность стратегии Huawei, нацеленной на создание структурированного социального порядка и обеспечение устойчивости любой системы, в частности, научного, производственного объединения, которое включает такие ступени, как проектирование, производство, модернизация, внедрение. Руководители и руководимые воспринимают идеи социальной политики Huawei как данность, подтвержденную усвоенными с детства положениями конфуцианского учения.

Среди наиболее значимых социальных программ Huawei следует отметить следующие:

- подготовку высококвалифицированных специалистов в области информационно-коммуникационных технологий;
- повышение квалификации сотрудников. Компания учредила Академию программного обеспечения и создала платформу для обучения и сертификации (получение сертификатов 9 000 сотрудниками за 2019 г.);
- модернизацию управления лидерством, что включает совершенствование функциональной системой управления, привлечение перспективных кадров с высоким потенциалом, расширение экспериментального плана развития перспективных кадров (ускоренный карьерный рост) [7; 8; 9].

Стратегия создания кадрового резерва содержит целую систему позиций:

- оптимизация управлением индивидуальными ключевые показатели эффективности сотрудников;
- продвижение проекта трансформации базы перспективных кадров для развития сотрудников;
- развитие теории типов личности с целью адаптации сотрудников к различным сегментам бизнеса;
- реализация практики основных ценностей: клиентоориентированности, упорства и самоотдачи;
- создание открытой и инклюзивной рабочей среды, в которой поощряется эксперимент и проявляется уважение к опыту.

Заключение

Рассмотрев социальную теорию бизнес-модели компании Huawei, можно сделать вывод о том, что большая роль в обеспечении устойчивости компании принадлежит ее организатору и бессменному руководителю, которым является на протяжении длительного времени Ж. Чжэнфэй. Не приняв зарубежные и уже апробированные управленческие модели, но учтя их, он создает свою концепцию. Исходя из принципа «любое достижение – трамплин», он постоянно ищет новые направления развития своей компании, нестандартные пути решения проблем. Такая активная позиция ведущего руководителя компании особенно привлекательна, поскольку в современную эпоху особенно ценится индивидуальность медийных личностей.

Библиографический список

1. Диденко, В. Д., Досмухамед, Н.-А., Паудяль, Н. Ю., Филиндаш, Л. В. Проявление ментальных особенностей Китая в межкультурной коммуникации // Современная коммуникативистика. – 2020. – № 3. – С. 23–28.
2. Паудяль, Н. Ю., Филиндаш, Л. В. Межкультурный диалог с восточными партнерами и его особенности. Язык деловых межкультурных коммуникаций: учебник. – М., 2018. – С. 145–167.
3. Паудяль, Н. Ю., Филиндаш Л.В. Полярные коды управленческой стратегии транснациональной телекоммуникационной компании HUAWEI в условиях цифровизации. Россия – Китай: управление обществом в цифровую эпоху: монография. – М., 2020. – С. 90–116.
4. Степашкина, А. Я. Опыт управления персоналом на примере компании Huawei Technologies // Менеджмент в России и за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 131–136.
5. Тянь Тао, Давид де Кремер, У Чуньбо. Huawei: лидерство, корпоративная культура, открытость. – М., 2017. – 510 с.
6. Филиндаш, Е. В. Особенности информационного общества, инициирующие одиночество, в среде российской молодежи // Вестник университета. – 2015. – № 8. – С. 243–249.
7. Годовой отчет за 2019 г. компании Huawei [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://huawei.ru/upload/_press-center/annual_report_2019_ru.pdf (дата обращения: 05.03.2021).
8. Сяо Хайцзюнь. «Пандемия закрыла дверь, но цифровизация открывает окно» // Партнерская конференция HUAWEI MPC 2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://huawei.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).
9. Эйден, У. Сообщества единого цифрового будущего // Цифровое сообщество 2020 (Huawei Digital Community Conference 2020 или HDCC 2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://huawei.ru/> (дата обращения: 10.03.2021).

References

1. Didenko V. D., Dosmukhamed Nur-Akhmet, Paudyal N. Yu., Filindash L. V. Manifestation of mental features of China in intercultural communication, *Scientific Research and Development. Modern Communication Studies*, 2020, no. 3, pp. 23–28. (In Russian).
2. Paudyal N. Yu., Filindash L. V. *Intercultural dialogue with the Eastern partners and its features. The language of business intercultural communications: textbook*, Moscow, 2018, pp. 145–167. (In Russian).
3. Paudyal N. Yu., Filindash L. V. *Polar codes of the management strategy of the transnational telecommunications company Huawei in the conditions of digitalization. Russia – China: Managing society in the digital age: monograph*, Moscow, 2020, pp. 90–116. (In Russian).
4. Stepashkina A. Ya. Experience of personnel management on the example of Huawei technologies, *Management in Russia and Abroad*, 2016, no. 3, pp. 131–136. (In Russian).
5. Tao T., Tian T., Kremer D., U Ch. Bo. *Huawei: leadership, corporate culture, openness*, Moscow, 2017, 510 p. (In Russian).
6. Filindash E. V. Features of the information society, initiating loneliness among Russian youth, *Vestnik universiteta*, 2015, no. 8, pp. 243–249. (In Russian).
7. *Annual Report for 2019 of Huawei Company*. Available at: https://huawei.ru/upload/_press-center/annual_report_2019_ru.pdf (accessed 05.03.2021).
8. Xiao Haijun. The pandemic has closed the door, but digitalization opens the window, *Huawei MPC Partner Conference, 2021*. Available at: <https://huawei.ru/> (accessed 10.03.2021). (In Russian).
9. Aiden W. Communities of the unified digital future, *Digital Community 2020 (Huawei Digital Community Conference 2020 or HDCC 2020)*. Available at: <https://huawei.ru/> (accessed 10.03.2021).

Юровицкий Сергей Яковлевич

ст. преподаватель,
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», г. Москва, Российская Федерация
e-mail: urovitskiy@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В современном обществе под воздействием повсеместного активного внедрения инновационных технологий (роботизация, цифровизация и пр.) меняются рядовые сотрудники организаций. Кроме того, жизнь предъявляет новые требования к руководителям организаций. Управленцы не только решают привычные задачи, но и встают перед проблемой необходимости смены привычного стиля руководства: на смену директивным управленческим методам приходят методы психологические. Особенно ценится эмоциональный интеллект руководителя, под которым подразумевается способность наблюдать и осознавать собственные переживания и эмоции окружающих людей, управлять своими чувствами и эмоциями другого, и на этой основе строить взаимодействие. Другое важное качество руководителя, востребованное сегодня, – конфликтологическая компетентность. Роботизация и цифровизация предотвращают некоторые традиционно возникающие конфликты, но в организациях возникают и новые конфликты, связанные с виртуальным характером работы: жесткость и однозначность вербальных средств коммуникации, провоцирующая конфликтность; конфликт, вызванный сокращением рабочих мест в организации; цифровой разрыв, заключающийся в различиях в цифровой грамотности и цифровой компетентности молодого и старшего поколений работников.

Ключевые слова: стиль управления, эмоциональный интеллект, конфликтологическая компетентность, цифровизация, роботизация, деловая этика, виртуальные коммуникации, цифровой разрыв

Для цитирования: Юровицкий С.Я. Эмоциональный интеллект и конфликтологическая компетентность в условиях цифровизации//Вестник университета. 2021. № 6. С. 177–182.

Sergey Y. Yurovitsky

Senior Lecturer,
State University of Management,
Moscow, Russia
e-mail: urovitskiy@mail.ru

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND CONFLICTOLOGICAL COMPETENCE IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Abstract. In modern society, under the influence of the widespread active introduction of innovative technologies (robotization, digitalization, etc.), ordinary employees of organizations are changing. In addition, life imposes new requirements on the heads of organizations. Managers not only solve the usual tasks, but also face the problem of the need to change the usual leadership style: psychological methods are replacing directive management methods. The emotional intelligence of the manager is especially appreciated, which means the ability to observe and be aware of their own experiences and emotions of other people, manage their own feelings and emotions of another, and build interaction on this basis. Another important quality of a manager that is in demand today is conflictological competence. Robotization and digitalization prevent some traditionally arising conflicts, but new conflicts related to the virtual nature of work also arise in organizations: the rigidity and unambiguity of verbal means of communication, provoking conflict; the conflict caused by the reduction of jobs in the organization; the digital divide, which consists in differences in digital literacy and digital competence of the younger and older generations of employees.

Keywords: management style, emotional intelligence, conflictological competence, digitalization, robotization, business ethics, virtual communications, digital gap

For citation: Yurovitsky S.Y. (2021) Emotional intelligence and conflictological competence in the conditions of digitalization. Vestnik universiteta, no. 6, pp. 177–182. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-177-182

Введение

В современных экономических условиях деловая этика руководителя организации требует основательно-го изучения. Деловая этика руководителя основывается на нравственности, чести и ответственности. Руководитель, соответствующий своей должности, соблюдает нормы речевого этикета, следует принципам культуры отношений, выстраивает иерархию целей и задач организации.

© Юровицкий С.Я., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Yurovitsky S.Y., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Руководителю требуется овладеть следующими компетенциями:

- высокий уровень профессиональных знаний;
- стимулирование и влияние на других лиц;
- способность нести ответственность за принятые решения;
- самоанализ;
- коммуникабельность;
- приоритеты личного примера при взаимодействии с подчиненными;
- эмоциональная уравновешенность;
- создание команды;
- управление конфликтами;
- делегирование полномочий;
- конфликтологическая компетентность.

Цель статьи – изучение конфликтологической компетентности руководителя и ее изменений под воздействием цифровизации.

Литературный обзор

Если рассматривать конфликт с философской точки зрения, то следует констатировать, что «конфликты являются неизбежным явлением в истории общества и стимулом его развития. Наибольшую пользу принесет, скорее, не избавление от конфликтов, не говоря уже о сокрытии и замалчивании, а умение их предупредить, вовремя и эффективно разрешать, достигая взаимовыгодных результатов» [2]. «Конфликты – не социальные аномалии, а необходимые естественные формы существования и развития социальной жизни. Практически в каждом акте социального взаимодействия заключена возможность конфликта» [5].

Выделяют следующие объективные причины возникновения конфликтов в организации: нестабильность и неконкурентоспособность организации, отсутствие инновационности, перспектив карьерного роста, несвоевременность решения проблем организации и проч. Конфликты играют отрицательную роль, а могут и быть конструктивным и единственным способом решения проблем в организации. Для придания конфликтам конструктивной направленности необходимо управление конфликтами, основанное на грамотной коммуникации между администрацией и персоналом [8].

Среди разных видов конфликтов (внутриличностный, межличностный, конфликт между личностью и группой, межгрупповой конфликт и др.) важнейшую роль играет «конфликт интересов» как ситуация, при которой личная заинтересованность человека может повлиять на процесс принятия управленческого решения, и таким образом, принести ущерб интересам общества либо организации.

Согласно классификации Морено, в организации выделяют три типа конфликтов: конфликты целей, межличностные конфликты, а также конфликты, возникающие в процессе групповой работы, которые можно назвать процессуальными [9]. Сущность конфликтов целей состоит в различии подходов к целям деятельности организации, возникающих перед началом процесса работы. Межличностные конфликты возникают в результате разногласий в ходе трудовой деятельности, порождающих психологическое напряжение и фрустрацию. Процессуальные конфликты вызваны несогласием участников команды в том, как должна выполняться работа, какие задачи должны быть решены. Межличностные конфликты играют, как правило, негативную роль, тогда как конфликты целей и процессуальные конфликты способствуют рождению новых идей и креативных подходов [6].

Конфликт – форма существования и развития организации. Поэтому столь важна конфликтологическая компетентность руководителя, выражающаяся в знаниях, навыках и умениях, помогающих решать проблему управления конфликтами в организации.

В конфликтологической компетентности можно выделить три составные части: знания о сущности, структуре, видах, причинах и механизмах протекания конфликтов; навыки получения и анализа информации о конфликте, навыки эффективной коммуникации, навыки адекватного поведения в конфликте; умения управлять конфликтами и принимать конструктивные решения.

Согласно модели компетентности Дж. Равена, в воспитании руководителя, способного управлять конфликтами, определяющее значение имеет ценностно-мотивационный аспект [7]. Знания, умения и навыки

не работают, если руководитель не вдохновлен значимыми целями, не осознает социальной роли своего управленческого воздействия.

Теория и методы

Опираясь на теорию конфликта и понятие конфликтологической компетентности, используя метод анализа источников, выявим качество, необходимое сегодня современному руководителю для разрешения конфликтов, появляющихся в организации в связи с повсеместным внедрением цифровых технологий.

Важные качества и навыки руководителя объединяются в понятии эмоциональных способностей, или эмоционального интеллекта. Эмоции играют гораздо большую роль в мыслительной деятельности, в частности, в принятии решений, личном и профессиональном успехе, чем это ранее признавалось в обществе и научных кругах. Как показали исследования последних лет, ничуть не меньше в нашей жизни и карьере необходимы терпимость, неконфликтность, общительность, а эти черты характера базируются на контроле над эмоциями. Действительно, для того, чтобы воспользоваться имеющимся у нас интеллектом на 100 %, мы нуждаемся в развитых эмоциональных способностях, потому что как бы человек не был «мозговит», если он отталкивает от себя других людей своим равнодушием, не осознает, как выглядит его поведение со стороны, то вряд ли он может вызвать искренний интерес другого к себе, построить добрые отношения, договориться о чем-либо. В настоящее время эмоциональный мир человека стал объектом пристального изучения со стороны психологов и социологов. Значимость эмоций определяется как основная составляющая жизненного успеха и предлагаются пути и способы формирования таких личностных качеств, которые позволили бы поддерживать эффективные деловые и доброжелательные личные отношения с окружающими.

В последнее время термин «эмоциональный интеллект» пользуется все большей популярностью. Д. Гоулман в 1990 г. написал книгу «Эмоциональный интеллект», а впервые об эмоциональном интеллекте заговорили американские исследователи Дж. Мэйер и П. Сэловей [1; 10]. Ответим на вопрос, почему эмоциональный интеллект может быть важнее, чем коэффициент интеллекта IQ. Д. Мэйер, П. Сэловей и Д. Гоулман составляют «тройку лидеров» в исследованиях этого вопроса. Д. Гоулман пришел к выводу, что эмоциональный интеллект гораздо сильнее влияет на успех личности (85 %), чем умственный интеллект (15 %). С этим трудно не согласиться – вспомнить хотя бы Г. Форда, который прославился тем, что объединил и организовал вокруг себя людей гораздо умнее его самого. Идеи Д. Гоулмана были успешно применены в обучении торговых и страховых агентов, менеджеров по продажам, консультантов и других профессионалов, чей успех напрямую зависит от их способностей коммуницировать.

Эмоциональный интеллект – способность человека наблюдать и осознавать собственные переживания и эмоции окружающих людей, управлять своими чувствами и эмоциями другого и на этой основе строить взаимодействие. В этом определении, на первый взгляд, совмещается несовместимое: эмоции и интеллект. Эмоциональный интеллект предполагает рациональный анализ своего и чужого эмоционального состояния и действия на основе такого анализа. Интеллект направляет эмоции в рациональное русло.

Эмоциональный интеллект складывается из пяти компонентов:

- 1) самоосознанность – способность искренне и честно анализировать собственные эмоции или побуждения, адекватно оценивать себя;
- 2) самообладание – возможность контролировать свои негативные эмоции, брать себя в руки, не вести себя импульсивно;
- 3) мотивация – позитивное и заинтересованное отношение к делу, эмоциональная приверженность ему;
- 4) эмпатия – умение сопереживать, способность встать на точку зрения другого человека, проявить искренний интерес к проблемам другого. Это означает не быть со всеми добрым, а быть внимательным к чувствам и интересам других при принятии решения. Хотя бизнес и эмпатию обычно не связывают друг с другом, она все-таки важна и в предпринимательской деятельности. Бизнес не делается в одиночку, поэтому бизнесмену важно уметь создавать себе команду единомышленников и приобретать партнеров. Работники сегодня стали свободнее в своем выборе, знают себе цену. И если им не нравится, как с ними обращаются, они могут уйти в другое место, где их будут больше ценить и обращаться с ними как с личностями, а не как с «ресурсом». Эмпатия позволяет лучше понимать и удовлетворять потребности своих клиентов и является, на наш взгляд, важнейшей составляющей эмоционального интеллекта;

5) коммуникация – умение донести свои идеи и эмоции, адекватно интерпретировать ответные сообщения. Такое важное деловое и личное качество, как нравственная культура руководителя, – эмоциональный интеллект в действии.

Результаты и обсуждение

Внедрение цифровизации в экономику и управление ставит перед руководителями и персоналом следующие вопросы: не приведет ли внедрение инновационных технологий к массовому сокращению рабочих мест, будут ли вновь создаваемые виды трудовой деятельности лучше оплачиваться работодателем; будут ли они требовать от персонала более высокой квалификации или, напротив, на долю современного работника останется только «вытирание пыли с компьютера»; повлияет ли внедрение цифровых технологий на количество и характер конфликтов в организации [8].

В современных условиях цифровизации и роботизации в организации возникают новые противоречия, с которыми руководителям ранее не приходилось сталкиваться. Происходит высвобождение работников из производственного процесса, вызванное автоматизацией и роботизацией многих процессов труда. Особенно это относится к рутинным операциям, монотонным видам работы, действиям, сопряженным с рисками, с опасными для жизни и здоровья условиями [8]. А структурная безработица чревата социальными конфликтами.

Л. Н. Солянкина справедливо полагает, что цифровизация и роботизация эффективны для тех видов работ, качество которых страдает из-за допущенных человеком ошибок (например, при вводе и обработке информации) или низкой производительности труда работника и при этом носит рутинный характер, а также тех работ, которые не связаны коммуникациями между людьми на семантическом уровне. При этом роботы анализируют и обрабатывают огромные массивы информации, и выполняют эту работу лучше, чем люди, однако они работают по четко заданному им алгоритму и, благодаря этому, у них нет «конфликта интересов» и скрытых мотивов [8]. Таким образом, цифровизация способствует уменьшению числа конфликтов в организации.

Внедрение цифровых технологий минимизирует непосредственные вербальные и невербальные контакты, которые провоцируют появление конфликтных ситуаций. Низкий уровень социальных связей благоприятен для предотвращения конфликтов. Однако он часто вредит продуктивности работы организации, не способствует сплоченности, развитию командного духа.

Виртуальный контекст общения не способствует конфликтности в силу своей менее интенсивной информативности, виртуальные коммуникации являются практически исключительно вербальными, невербальные аспекты почти отсутствуют, следовательно 80 % передаваемой информации утрачивается, теряется при передаче [6]. Невербальные аспекты коммуникации могут в некоторых случаях погасить конфликт, чего не бывает при виртуальном взаимодействии, когда все команды и реакции строго вербализованы. Как говорится, «что написано пером, не вырубишь топором».

Особый вид виртуальной коммуникации – коммуникация с помощью электронной почты и общение в чатах. Коммуникации ограничиваются обменом краткими текстовыми сообщениями. Конфликты, возникающие в данном секторе цифровой среды, труднее всего регулировать и разрешать руководителю. Определенными конфликтогенами могут стать и такие слабо изученные средства воздействия, как знаки препинания и эмодзи, принятые при передаче сообщений в чатах при помощи разнообразных мессенджеров. Это также создает дополнительные сложности при урегулировании конфликтов.

Сложность цифровых технологий приводит к кадровым перестройкам в организациях: нередко руководителями инновационных компаний, которые активно внедряют современные технологии, становятся молодые люди. Безусловно, старшему поколению сложно адаптироваться к новым реалиям цифровой среды и быстро овладеть компьютерной и цифровой грамотностью. По меткому выражению Г. Клименко, известного российского бизнесмена, деятеля российской индустрии информационных технологий, владельца интернет-компании LiveInternet, основателя и владельца новостного агрегатора на основе данных из социальных сетей MediaMetrics, председателя правления Института развития Интернета с февраля 2015 г. по 4 декабря 2017 г., для «взрослых» специалистов новейшие цифровые технологии «как чужой язык, который никогда не станет родным» [4]. Возникает межличностный конфликт и конфликт интересов, обусловленный цифровым разрывом (различием в цифровой грамотности и цифровой компетентности молодого

и старшего поколений работников, порой этот разрыв носит региональный характер, так как доступ к технологиям отличается в центральных и остальных регионах Российской Федерации).

Образовательный и квалификационный уровень работников в организациях, в которых внедряются цифровые технологии, таков, что важнейшую роль играет соблюдение норм деловой этики и эмоциональный интеллект руководителя в принятии решений, в том числе и при разрешении конфликтов.

«Этические нормы выступают в роли регулятора отношений в коллективе, который или будет способствовать успешной деятельности организации по достижению ее целей, или будет создавать препятствия, вести к распаду организации» [3].

Выводы

Таким образом, перед специалистами в области управления персоналом встают новые задачи, связанные с внедрением инновационных технологий:

- преодолеть цифровой разрыв путем повышения цифровой компетентности работников;
- перенести процедуру решения конфликтов, возникших в виртуальной среде, в формат непосредственного межличностного взаимодействия «лицом к лицу», где работают привычные технологии разрешения и регулирования конфликтов;
- использовать эмоциональный интеллект как инструмент управления конфликтами нового типа.

Библиографический список

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А. П. Исаевой. – М.: Аст, Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.
2. Дойч, М. Разрешение конфликта (Конструктивные и деструктивные процессы) // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1. – С. 202–212.
3. Кибанов, А. Я., Захаров, Д. К., Коновалова, В. Г. Этика деловых отношений: Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Инфра-М, 2018. – 432 с.
4. Клименко, Г. С. Интервью в программе «Поздняков» (НТВ) 5 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/peredacha/Pozdnyakov/m50720/o488596/video/> (дата обращения: 02.03.2021).
5. Козер, Л. Функции социального конфликта. – М.: Изд-во Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.
6. Левина, Е. В. Конфликты в виртуальном пространстве: особенности регулирования и разрешения // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 9 (51), Ч. 1. (Сентябрь). – С. 135–139.
7. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2002. – 396 с.
8. Солянкина, Л. Н. Трансформация конфликтов при управлении персоналом в условиях цифровизации // VI Сперанские чтения. Актуальные проблемы управления персоналом. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции. Серия «Гуманитарные чтения РГГУ – 2019». – М.: РГГУ, 2019. – С. 77–82.
9. Martinez-Moreno, E., Zornoza, A., Gonzalez-Navarro, P. Investigating face-to-face and virtual teamwork over time: When does early task-conflict trigger Relationship conflict? // Group Dynamics Theory, Research and Practice. – 2012. – V. 16, № 3. – Pp. 159–160. <https://doi.org/10.1037/a0029569>
10. Salovey, P., Mayer, J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality. – 1990. – V. 9 (3). – Pp. 185–211.

References

1. Goulman D. *Emotional intelligence*, translated from English by. A. P. Isaeva, Moscow, AST, Vladimir, VKT, 2009, 478 p. (In Russian).
2. Doich M. Conflict resolution (Constructive and destructive processes), *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, 1997, no. 1, pp. 202–212. (In Russian).
3. Kibanov A. Ya., Zaharov D. K., Konovalova V. G. *Business ethics: Textbook*, 2nd edition, revised and added, Moscow, Infra-M, 2018, 432 p. (In Russian).
4. Klimenko G. S. *Interview in the program "Pozdnyakov" (NTV), March 5, 2018*. Available at: <https://www.ntv.ru/peredacha/Pozdnyakov/m50720/o488596/video/> (accessed 02.03.2021). (In Russian).
5. Koser L. *Functions of social conflict*, Moscow, Publishing House Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi, 2000, 208 p. (In Russian).

6. Levina E. V. Conflicts in virtual space: features of regulation and permission, *International Research Journal*, 2016, no. 9 (51), part 1, September, pp. 135–139. (In Russian).
7. Raven J. *Competence in modern society. Identification, development and implementation*, translated from English, Moscow, “Kogito-Tsentr”, 2002, 396 p. (In Russian).
8. Solyankina L. N. Transformation of conflicts in personnel management in the context of digitalization, *Proceedings of the all-Russian scientific conference “VI Speransky Readings. Actual Problems of Personnel Management”*, Series “Humanitarian Readings of Russian State University for Humanities – 2019”, Moscow, Russian State University for Humanities, 2019, pp. 77–82. (In Russian).
9. Martinez-Moreno E., Zornoza A., Gonzalez-Navarro P. Investigating face-to-face and virtual teamwork over time: when does early task-conflict trigger relationship conflict, *Group Dynamics Theory, Research and Practice*, 2012, vol. 16, no. 3, pp. 159–160. [https://doi.org/ 10.1037/a0029569](https://doi.org/10.1037/a0029569)
10. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence, *Imagination, Cognition, and Personality*, 1990, vol. 9 (3), pp. 185–211.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

УДК: 37.04.02

DOI 10.26425/1816-4277-2021-6-183-186

Гришина Лилия Маратовна
студент магистратуры, ФГБОУ ВО
«Российский государственный
социальный университет», г. Мо-
сква, Российская Федерация

e-mail: li.sharipova@gmail.com

ПРОФИЛАКТИКА ПРИЧИН МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В СЕМЬЯХ

Аннотация. Рассмотрены конфликты внутри семьи между представителями разных поколений с целью выявления наиболее часто встречающихся причин и тем конфликтов между членами одной семьи, межпоколенческие отношения в семьях. Были опрошены семьи с представителями трех поколений: дети, родители и прародители. Для сбора статистических данных применялись анкетирование, опросы, беседа. Даны рекомендации по прогнозированию, профилактике и управлению конфликтными ситуациями внутри семьи.

Ключевые слова: анкетирование, конфликт в семье, конфликтные ситуации, межпоколенческий конфликт, молодое поколение, непонимание, поколение, причины конфликтов, семья, старшее поколение, управление конфликтом, урегулирование конфликтных ситуаций, профилактика конфликтов

Для цитирования: Гришина Л.М. Профилактика причин межпоколенческих конфликтов в семьях//Вестник университета. 2021. № 6. С. 183–186.

Liliya M. Grishina

Graduate Student, Russian State
Social University, Moscow, Russia

e-mail: li.sharipova@gmail.com

PREVENTION OF THE REASONS INTERGENERATIONAL CONFLICTS IN FAMILIES

Abstract. Conflicts within the family between representatives of different generations are considered in order to identify the most common causes and topics of conflicts between members of the same family, intergenerational relations in families. Families with representatives of three generation were interviewed: children, parents and grandparents. Questionnaires, surveys, and interviews were used to collect statistical data. Recommendations on forecasting, prevention and management of conflict situations within the family are given.

Keywords: questionnaire, conflict in the family, conflict situations, intergenerational conflict, younger generation, misunderstanding, generation, causes of conflicts, family, older generation, conflict management, settlement of conflict situations, conflict prevention

For citation: Grishina L.M. (2021) Prevention of the reasons intergenerational conflicts in families. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 183–186. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-183-186

Введение

Понятие конфликта относится не только к науке, но и обыденному пониманию. Каждый человек в своем сознании наделяет понятие конфликта своим специфическим смыслом. В обыденной жизни в социуме конфликт принято считать чем-то негативным, плохим, разрушающим. К конфликту относят такие понятия как вооруженные действия, споры, супружеские ссоры, дискуссии, борьбу собственных чувств [3]. В средствах массовой информации часто освещают политические, экономические, международные, религиозные конфликты, и не так часто можно встретить конфликты бытовые, те что возникают внутри семей, между близкими людьми. Климат семьи, то что происходит внутри самой важной ячейки любого общества, напрямую влияет на поведение людей в социуме [5].

Понятие «семья» имеет довольно широкое значение. Одно из них описывает семью как сложное, важное и многогранное явление в жизни человека, которое охватывает значительное количество аспектов и сторон

© Гришина Л.М., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Grishina L.M., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

его жизни [2]. Именно потому, что семья охватывает большое количество аспектов в жизни индивида, необходимо особое внимание уделять вопросам внутрисемейных отношений. Как утверждают многие современные авторы, в настоящее время российская семья находится в кризисе: чем выше уровень жизни и материального благополучия, тем более высокие требования выдвигает социум к семье, что порождает большое количество конфликтов между представителями разных поколений, проживающих под одной крышей [4].

После того как конфликтология была выделена в отдельную науку, ученые стали изучать конфликты с научной точки зрения и таким образом пришли к пониманию того, что любым конфликтом можно управлять и направлять его в созидательное русло. В случае если мы знаем причины повторяющихся конфликтов, особенно внутри семьи, мы можем их предупредить и не дать развиваться конфликтной ситуации или уже существующий внутри семьи конфликт направить в конструктивное поле [1].

Метод исследования

В межпоколенческом конфликте принято считать виновниками младшее поколение, при этом прародители выступают как «страдающие» [7]. Почему так происходит и в чем причина автор выяснял в настоящем исследовании. В апреле 2020 г. был проведен опрос, которое позволило выяснить наиболее частые причины возникновения межпоколенческих конфликтов внутри семьи. В опросе приняли участие 173 человека, из них 56 мужчин и 117 женщин, возраст опрашиваемых от 25 до 40 лет. Обязательными условиями было наличие в составе семьи хотя бы одного ребенка до 7 лет и хотя бы одного представителя старшего поколения (бабушка/дедушка). При этом совместное проживание трех поколений не являлось ключевым фактором.

Анкетирование проводилось анонимно с использованием платформы Google. В основном на вопросы анкеты отвечали жители Москвы и Подмосковья (128 респондентов – 74 %), но также имеется (19 %) группа респондентов из других городов России (Самара, Сочи, Уфа – 34 чел.), 6 % – из стран СНГ (Узбекистан, Казахстан, Азербайджан – 11 чел.). Возраст участников опроса распределился следующим образом: 26–30 лет – 13 %, 31–35 лет – 50 %, 36–40 лет – 37 %. По проживанию с родственниками: 80 % респондентов проживают отдельно от третьего поколения, 20 % – совместно три поколения. Уровень образования респондентов: 90 % респондентов имеют высшее образование, 2 % – средне-специальное, 1 % – неоконченное высшее.

В своем исследовании мы руководствовались общенаучными методами познания: анкетирование, опросы, беседа. Анализ научной литературы, включающей в себя учебные пособия, периодические специализированные издания, аналитические, научные статьи позволил выявить наиболее частые причины конфликтов между поколениями. Проведенное анкетирование позволило подтвердить собранные из разных источников данные и выделить наиболее частые темы конфликтов между поколениями внутри семей.

Обсуждение результатов

Наиболее часто встречающиеся причины конфликтов

В первом блоке вопросов статистические данные респондентов ранжированы по возрастным категориям: 3 возрастные группы 26–30, 31–35 и 36–40 лет.

На вопрос: «Выберите несколько причин, по вашему мнению, чаще всего вызывающих конфликты между третьим и первым поколениями (не более 3-х вариантов)» большинство ответили, что чаще всего конфликты между поколениями возникают из-за разного мировосприятия (75 %) и невозможности принятия точек зрения со стороны третьего поколения (50 %). Это может говорить о том, что люди старшего поколения более консервативны в своих взглядах на жизнь. При этом респонденты в возрасте 36–40 лет чаще сталкиваются с конфликтами по этой теме, а материальные конфликты возникают реже всего (6,7 %).

По вопросу: «Выберите несколько вариантов ответа, на какие темы чаще всего возникают конфликты между старшим и вторым поколениями (не более 4-х вариантов)» выявлено, что чаще всего второе и третье поколения конфликтуют на тему вторжения в личное пространство членов семьи, несоблюдения личных границ (37 %). Респонденты 26–30 лет ответили, что они чаще конфликтуют по этой теме (50 % респондентов), далее идет критика друг друга по мелочам (33 %), питание детей (30 %). Здесь прослеживается следующая тенденция: чем моложе родители (26–30 лет), тем чаще они конфликтуют по вопросу питания детей со старшим поколением (50 % респондентов). По организации режима детей больше конфликтуют более

старшие по возрасту родители (36–40 лет, 46 %). Меньше всего возникает конфликтов на тему аморального поведения старших и несоблюдение взрослыми правил личной гигиены (по 10 %).

Конфликты между вторым и третьим поколениями в вопросах воспитания детей и ведения хозяйства в случаях совместного или раздельного проживания

Нами были собраны статистические данные по блоку вопросов взаимодействия между поколениями при совместном и раздельном проживании трех поколений и рассмотрены варианты распределения ответов при проживании «родители + дети» и «родители + дети + третье поколение».

На вопрос: «Считают ли вас ваши родители неумелыми в вопросах распределения денежных средств?» 60 % всех опрошенных ответили, что сами справляются с ведением семейного бюджета. Говорят, что у них все «разложено по полочкам» 66 % респондентов при совместном проживании и 58 % проживающих отдельно. Никого из опрошенных старшее поколение не считает неспособным вести семейный бюджет.

На вопрос: «Выберите из списка не более 5-ти вариантов того, что вы считаете важным в воспитании ребенка» самыми популярными ответами стали: «чтобы мог взаимодействовать с окружающим миром» (50 % совместно проживающие и 92 % раздельно); «чтобы умел к 5 годам себя обслуживать» (совместно проживающие – 83 %, раздельно – 67 %); «вложить в ребенка как можно больше родительской любви» (совместно проживающие – 100 %, раздельно – 67 %). Следует отметить, что никто из родителей не считает важным в современном высокотехнологичном мире воспитание у ребенка умения пользоваться гаджетами (0 % во всех категориях).

Можно сделать вывод, что независимо от совместного или раздельного проживания трех поколений, молодые родители акцентируют свое внимание на любви к детям (73 %), навыках в коммуникации в реальном мире (83 %), навыках самообслуживания (70 %), на взаимопомощи в семье (63 %), внимании к своему здоровью (60 %), умении говорить «нет» (43 %), считать, писать (23 %), на понимании денег (17 %), умении делиться (13 %).

Отношения между поколениями внутри семьи

В своем опросе автор затрагивает тему взаимоотношений между поколениями внутри семьи. Вопросы касались как отношений между родителями и детьми, так и между бабушками/дедушками и внуками.

На вопрос: «Как вы считаете, утрачивается ли связь между первым и третьим поколениями?» (несмотря на то, что существует конфликт в разном мировосприятии между первым и третьим поколениями, как об этом говорилось раньше) 37 % респондентов считают, что «связь между поколениями не утрачивается», «внуки любят общаться со своими бабушками и дедушками» и 6 % считают, что эта связь утрачивается.

На вопрос: «Какую помощь вы можете оказать людям пожилого возраста?» 57 % ответили, что старшее поколение нуждается в моральной поддержке, 33 % респондентов сообщили, что старшее поколение нуждается в помощи по хозяйству и только 10 % считают, что нужна физическая помощь.

На вопрос: «Как вы считаете, чему можно научиться у старшего поколения?» 47 % респондентов считают, что старшее поколение может нас научить чувствам долга, ответственности – 47 %, хранители семейных рецептов – 26 %, пониманию и уважению – 20 % и только 7 % считают, что старшее поколение может быть примером в любви к окружающим.

На вопрос: «Как вы считаете, чему можно научиться у младшего поколения?» 47 % ответили – творческому мышлению, использованию новых технологий, пониманию современных культурных ценностей – 13 %, быстрой адаптации к современному ритму жизни – 40 %.

На вопрос: «Укажите правила, которыми вы руководствуетесь при общении с более старшим поколением (не более двух вариантов ответа)», несмотря на все конфликты, которые присутствуют в семьях, люди отвечают, что стараются быть человечными и выбирают относиться к старикам с почтением и уважением (46 %), стараются относиться так же, как хотели бы, чтобы относились к ним (46 %), более терпеливо и снисходительно (34 %), так же как к другим людям (27 %), также как и они к нам (14 %). Ответ о том, что все правила нормы устарели в отношении стариков не выбрал никто.

Заключение

Проведенное исследование показало, что в целом современные родители в воспитании детей делают акценты, ориентируясь больше по ребенку, к чему он тяготеет, то и развивают. Большинство из них отмечает, что для детей важен режим дня и питания, они готовы вкладывать свою любовь, прививать

навыки взаимной помощи в семье и с почтением относиться к старшему поколению. В то же время в отношении старшего поколения можно сказать, что люди старшего возраста более консервативны, у них можно научиться чувству долга, ответственности, чести. В большинстве случаев представители третьего поколения не готовы принимать точку зрения подрастающего поколения и транслировать им любовь, при этом сами в ней очень нуждаются.

Для того чтобы минимизировать конфликты в семьях, стоит с большим вниманием и уважением относиться друг к другу, к интересам, привычкам, здоровью. Главным во внутрисемейных отношениях является умение слушать и слышать других членов семьи. Для каждого человека важно быть принятым таким, какой он есть. Частые замечания по мелочам не приводят к позитивному результату в семейных отношениях. Недомолвки, обиды, замалчивание, стоящие перед тем или иным членом семьи задачи или проблемы, приводят к нарастанию раздражения и напряжения, а это в свою очередь является поводом для конфликта. Все перечисленное выше вкупе с модой на разрушение института семьи, проводимой в средствах массовой информации приводит к многочисленным конфликтам в семьях [2]. Для того чтобы избежать или минимизировать конфликты, рекомендуется проводить «круглые столы» внутри семьи, когда каждый может высказаться по существующей проблеме и предложить вариант решения [6]. Таким образом, представители третьего и второго поколений показывают на личном примере важность конструктивного решения жизненных задач, а представители первого поколения учатся грамотно и конструктивно решать задачи и находить выходы из конфликтных ситуаций.

Библиографический список

1. Вдовина, М. В. Функциональные изменения межпоколенческого конфликта в российской семье: дис. ... док. соц. наук: 22.00.04. – Москва, 2008. – 370 с.
2. Горбуля, Е. В. Психология семьи: семейные кризисы: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2020. – 280 с.
3. Гришина, Н. В. Психология конфликта. – СПб: Питер, 2021. – 579 с.
4. Осипова, Н.А. Психологические особенности супружеских отношений в период кризиса молодой семьи: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 – М., 2005. – 211 с.
5. Вдовина, М. В. Регулирование межпоколенческого конфликта в семье // Вестник Московского Университета. – Серия 18. Социология и политология. – 2008. – № 4. – С. 70–82.
6. Вилижинская, К. А., Пойманова, Ю. М., Ермолаева, Е. В. Конфликты в семье: причины и способы разрешения // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2015. – Т. 5, № 15. – С. 1522.
7. Смолькин, А. А. Межпоколенческие конфликты в повседневной жизни // Социологические исследования. – 2010. – № 11 (319). – С. 110–114.

References

1. Vdovina M. V. *Functional changes in the intergenerational conflict in Russian family*: Dissertation of Doctor of Social Sciences: 22.00.04, Moscow, 2008, 370 p. (In Russian).
2. Gorbulya E. V. *Family psychology: family crises: training manual for Universities*, Moscow, Yurait, 2020, 280 p. (In Russian).
3. Grishina N. V. *Psychology of conflicts*, St. Petersburg, Piter, 2021, 579 p. (In Russian).
4. Osipova N. A. *Psychological characteristics of conjugal relationships in crisis period of young family*: Dissert. of Cand. Sci. (Psychol.): 19.00.01, Moscow, 2005, 211 p. (In Russian).
5. Vdovina M. V. Regulation of intergenerational conflicts in family, *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 4, pp. 70–82. (In Russian).
6. Vilzhinskaya K. A., Poimanova Yu. M., Ermolaeva E. V. Conflicts in family: reasons and ways of resolving, *Bulletin of Medical Internet Conferences*, 2015, vol. 5, no. 15, p. 1522. (In Russian).
7. Smol'kin A. A. Conflict of generations in everyday life, *Sociological Studies*, 2010, no. 11(319), pp. 110–114. (In Russian).

Тимофеева Юлия Николаевна
ст. преподаватель, ФГБОУ ВО
«Иркутский государственный
медицинский университет»,
г. Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-5843-7676
e-mail: timofeevaun@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ АДАПТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА РАЗНЫХ КУРСАХ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Исследована адаптивность личности студентов медицинского вуза, обучающихся на разных курсах. Проанализированы различные подходы к определению понятия адаптивности личности, рассмотрены методы ее диагностики, выявлена структура адаптивности личности студентов-медиков всех курсов обучения. В результате эмпирического исследования выявлено, что наибольшая дефицитность в структуре адаптивности личности, характеризующаяся социально ориентированной направленностью, преобладает на первом, втором и четвертом курсах обучения. Адаптивность личности студентов третьего курса находится в зоне средних значений. Наиболее гармонично развитой адаптивностью с преобладающими характеристиками автономно ориентированной личности обладают студенты пятого и шестого курсов медицинского вуза.

Ключевые слова: адаптивность личности, адаптация, адаптированность, компоненты адаптивности, личностная адаптивность, субъектная адаптивность, медицинский вуз, студенты-медики

Для цитирования: Тимофеева Ю.Н. Особенности адаптивности личности студентов медицинского вуза на разных курсах обучения // Вестник университета. 2021. № 6. С. 187–194.

Yulia N. Timofeeva
Senior Lecturer, Irkutsk State Medical
University, Irkutsk, Russia
ORCID: 0000-0001-5843-7676
e-mail: timofeevaun@rambler.ru

FEATURES OF THE PERSONALITY ADAPTABILITY OF MEDICAL STUDENTS IN DIFFERENT COURSES OF STUDY

Abstract. The adaptability of personality of medical university students studying at different courses is investigated. Various approaches to the definition of the concept of personality adaptability are analysed, methods of its diagnosis are considered, the structure of the personal adaptability of medical students of all training courses is revealed. As a result of an empirical study it was revealed that the greatest deficiency in the structure of personality adaptability, characterized by a socio-oriented orientation, prevails in the first, second and fourth years. The adaptability of the personality of third-year students is in the zone of average values. Students of the fifth and sixth years of a medical university have the most harmoniously developed adaptability with the predominant characteristics of an autonomously oriented personality.

Keywords: adaptability of the personality, adaptation, adaptability, adaptability components, personal adaptability, subjective adaptability, medical high school, medical students

For citation: Timofeeva Yu.N. (2021) Features of the personality adaptability of medical students in different courses of study. *Vestnik universiteta*, no. 6, pp. 187–194. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-6-187-194

Введение

Пандемия COVID-19 обнажила множество проблем в системах здравоохранения и образования и напомнила социуму о незаменимости медицинской профессии, нехватке профессиональных медработников в городах, особенно в регионах, значимости грамотного внедрения современных технологий в образовательный процесс. Очевидна необходимость пересмотра организации подготовки будущих специалистов в сфере здравоохранения с учетом крайне высокой востребованности медицинских кадров на рынке труда, с одной стороны, и все возрастающих требований к их профессиональным и личностным качествам – с другой.

Таким образом, стратегически важной целью деятельности медицинского вуза является удовлетворение потребности общества в профессиональном медицинском обслуживании. Это может быть достигнуто

© Тимофеева Ю.Н., 2021.

Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

© Timofeeva Yu.N., 2021.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

не только обеспечением студентов качественным образованием, но и сохранением контингента учащихся на протяжении всего срока их обучения.

Одним из важнейших условий сохранности контингента обучающихся, их полноценного профессионального и личностного роста является успешная адаптация студентов к условиям вуза, представляющая собой многосторонний, динамический процесс интеграции в образовательное пространство вуза, требующий обоюдных вложений как от адаптанта, так и от среды, его принимающей. «Адаптация студента – фактор повышения эффективности его профессиональной подготовки и социального становления» [8, с. 6].

Оптимальным результатом адаптации является адаптированность личности. Под адаптированностью к условиям вуза мы понимаем уровень сформированности адаптивных реакций студента к жизнедеятельности в вузе, когда человек не только признан в своей среде, имеет соответствующие требованиям достижения и компетенции, но и не чувствует психологического дискомфорта, испытывает удовлетворенность результатами своей деятельности и потребность развивать свой личностный потенциал именно в этой социальной структуре.

Адаптация студентов-медиков к вузу в сегодняшних реалиях может быть значительно осложнена рядом следующих факторов: повсеместная цифровизация образования, процесс не до конца освоенный и отлаженный; активное внедрение дистанционного формата обучения, не всегда продуктивного и уместного именно в медицинском вузе, учитывая специфику профессии; распределение учебной нагрузки в пользу самостоятельной работы студента при недостаточно развитых навыках самодисциплины; слабая базовая подготовка; психологический стресс, обусловленный сменой социальной среды, места проживания; смена социальной роли, предполагающая новые формы ответственности, личностное взросление, профессиональное самоопределение.

Для преодоления всех трудностей адаптации личность должна обладать рядом индивидуальных психологических характеристик, называемых адаптивным потенциалом личности или адаптивностью личности.

Краткий обзор исследований

Под адаптивностью личности мы понимаем способность человека к приспособлению в обществе посредством подстройки своих поведенческих паттернов под требования окружающей среды. Это интегральное свойство личности, обуславливающее согласованность цели и результата деятельности [6].

По мнению Т. Н. Князевой и Н. Н. Куимовой, адаптивность, являясь общей способностью к адаптации, формируется в процессе адаптации и является индивидуально-психическим свойством личности. Успешность адаптации зависит от особенностей адаптивности личности [2].

Согласно концепции Е. В. Мороденко, разные люди в различных трудных жизненных ситуациях адаптируются с разной степенью успешности, что говорит о наличии способности к адаптации (или адаптивности), существуют значительные индивидуальные различия и по уровню обладания этой способностью [5].

Н. Г. Живаев считает, что выраженность адаптации определяется двумя основными группами факторов: объективных (статичных) и субъективных (субъектных). К объективным факторам автор относит среду пребывания, а именно социально-бытовые условия проживания, базовую подготовку, пол, возраст и пр. К субъективным факторам адаптации относятся личностные особенности индивида [1].

В широко известной трактовке А. Г. Маклакова выявить уровень адаптивности личности возможно с помощью определения уровня сформированности ряда индивидуально-психологических свойств, включающих нервно-психическую устойчивость, коммуникативные свойства, моральную нормативность, которые составляют личностный адаптационный потенциал, оценка которого позволяет определить степень устойчивости человека к воздействию стрессовых ситуаций [4].

В. И. Розов, Т. Н. Князева, Н. Н. Куимова полагают, что основным адаптивным психодинамическим свойством личности является его активность [2; 7].

Согласно теории Л. М. Колпаковой, уровень развития личности определяет форму его адаптивности – личностную или субъектную. При этом личностную адаптивность обуславливают внешние факторы, она социориентирована, а субъектная адаптивность является автономно ориентированной чертой, для которой характерны осознанная регуляция и организация жизнедеятельности. Выраженная психологическая устойчивость личности предполагает наличие у него высокого уровня субъектной адаптивности [3].

Проблемы адаптации студентов к учебной и профессиональной деятельности активно обсуждаются в зарубежной научной литературе. В частности, ряд современных исследований посвящен выявлению корреляции между адаптивностью студентов и их академической успеваемостью [13; 15].

Множество работ иностранных коллег направлены на изучение социально-психологической адаптации первокурсников вузов, в том числе и медицинских. Согласно проведенным исследованиям, большая часть первокурсников имеет невысокий уровень адаптации, авторы подчеркивают актуальность проблемы и необходимость углубленного изучения адаптационных процессов в первоначальный период вливания студентов в вузовскую среду [10; 12; 14; 16].

Метаанализ научных исследований за 20 лет, проведенный М. Credé, S. Niehorster, выявил данные о значимой корреляции академической успеваемости и отчисляемости студентов с субъективными адаптивными факторами, такими как черты характера, используемые копинг-стратегии, межличностные отношения, при этом такие объективные факторы, как возраст, половая принадлежность, национальность и др., не являлись настолько значимыми предикторами адаптационного потенциала учащихся [11].

Таким образом, возможно констатировать, что выраженность адаптивности личности определяется субъективными и объективными факторами, к наиболее значимым из которых относятся субъективные или индивидуально-личностные психологические характеристики индивида.

Цель нашего исследования – выявить уровень адаптивности личности студентов медицинского вуза на всех курсах обучения, объект – адаптивность личности студентов медицинского вуза.

В начале исследования была предложена гипотеза, что в течение всего срока обучения в вузе существуют периоды адаптационных срывов, обусловленных низкой адаптивностью учащихся.

В исследовании применены две методики:

- методика Л. М. Колпаковой, направленная на диагностику адаптивного отношения личности к трудным ситуациям посредством анализа четырех компонентов адаптивности: когнитивно-эмоционального, рефлексивно-оценочного, мотивационно-смыслового и поведенческого;

- методика А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина, выявляющая адаптивные способности личности через анализ таких индивидуально-психологических характеристик как нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности и моральная нормативность.

Всего в исследовании приняли участие 294 студента 1–6 курсов лечебного факультета ФГБОУ ВО «Иркутский государственный медицинский университет» (далее – ИГМУ). Исследование проводилось в период окончания ими семестра и подготовки к зимней сессии (декабрь 2019 г.).

Результаты исследования

В таблице 1 отражено распределение по уровням выраженности следующих компонентов адаптивности студентов 1–6 курсов лечебного факультета ИГМУ: когнитивно-эмоциональный, рефлексивно-оценочный, мотивационно-смысловой, поведенческий.

Таблица 1

Распределение по низкому и высокому уровню выраженности компонентов адаптивности личности студентов-медиков 1–6 курсов

Компоненты/ шкалы адаптивности	Низкий уровень, %						Высокий уровень, %					
	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17
<i>Когнитивно-эмоциональный компонент</i>												
Неготовность к изменению стереотипа презентации	9	8	20	11	50	47	52	55	48	43	22	18
Невротичность	17	16	32	19	39	35	52	51	44	51	17	24

Компоненты / шкалы адаптивности	Низкий уровень, %						Высокий уровень, %					
	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17
<i>Рефлексивно-оценочный компонент</i>												
Неготовность принять неудачу	4	4	8	5	39	59	73	66	56	65	28	12
Открытость социальному опыту	5	5	12	8	0	0	72	84	68	73	67	82
<i>Мотивационно-смысловой компонент</i>												
Зависимость от внешних установок	34	26	36	35	56	59	23	21	32	30	6	24
Позитивизм	37	46	32	49	11	12	12	8	20	13	56	53
<i>Поведенческий компонент</i>												
Дефицит поведенческой мобильности	95	100	100	100	100	100	1	0	0	0	0	0
Доминирование	1	7	12	8	0	6	88	47	52	62	61	70

Составлено автором по материалам исследования

Когнитивно-эмоциональный компонент адаптивности представлен следующими параметрами: неготовность к изменению стереотипа презентации и невротичность. Наиболее выраженной неготовностью к изменению стереотипа презентации обладают студенты 1 и 2 курса, у большинства из них (52 и 55 %) зафиксирован высокий уровень этой характеристики. Большое количество студентов 3 и 4 курсов (48 % и 43 % соответственно) демонстрирует высокий уровень этого параметра, в то время как только 22 и 18 % студентов 5 и 6 курсов соответственно имеют высокие показатели, а 50 и 47 % – низкие. Подобное распределение свидетельствует о выраженном страхе стигматизации, социальной изоляции, дискриминации, склонности к конформности и подавлению собственного мнения у студентов младших и средних курсов с все более возрастающей уверенностью в себе, независимостью от чужого мнения, меньшей подверженностью чужому влиянию к окончанию обучения в вузе.

Высокий уровень невротичности зафиксирован у большинства студентов 1 курса (52 %), 2 курса (51 %) и 4 курса (51 %). Студенты 3 курса в меньшей степени демонстрируют высокий уровень этого показателя (44 %). Наименее выраженной невротичностью обладают студенты 5 и 6 курсов (соответственно 17 и 24 % из них имеют высокий уровень и 39 и 35 % – низкий). Невротичность проявляется в виде страха перед жизненными изменениями, боязни потерь, недостаточной способности к осознанному контролю своего состояния. Чем менее выражена невротичность, тем больше эмоциональная устойчивость личности.

Рефлексивно-оценочный компонент адаптивности включает в себя оценку таких параметров, как уровень неготовности принятия неудачи и открытость социальному опыту. Большинство студентов 1–4 курсов имеют высокий уровень неготовности принятия неудачи (1 курс – 73 %, 2 курс – 66 %, 3 курс – 56 %, 4 курс – 65 %). Это свидетельствует об их склонности к игнорированию проблем, ложном восприятии реальности, блокировке жизненной активности, неадекватной критичности. У студентов 5 курса уровень этого параметра высок у 28 % и у 39 % – низок. Большинство студентов 6 курса (59 %) имеют низкий уровень неготовности к принятию неудачи, что говорит о высокой способности студентов старших курсов к осмыслению случившихся неприятностей, готовности решать задачи с учетом произошедших жизненных изменений.

Уровень открытости социальному опыту высок у большей части всех студентов-медиков, независимо от курса обучения. Самые высокие показатели зафиксированы у студентов 2 и 6 курсов (84 и 82 %). Такие данные свидетельствуют о том, что большинство респондентов толерантны к окружающим, способны к адекватному и позитивному взаимодействию в социуме.

Оценка мотивационно-смыслового компонента адаптивности студентов-медиков проводилась через анализ зависимости личности от внешних установок и позитивизма. Высокий уровень зависимости от внешних установок констатируется у 23 % студентов 1 курса, у 21 % студентов 2 курса и у 30 % студентов 4 курса. Низкий уровень этого параметра зафиксирован у 56 и 59 % студентов 5 и 6 курсов. Такие результаты говорят о достаточно высоком уровне внутренней свободы в целом у большинства студентов-медиков, но наименее социоориентированными являются студенты старших курсов.

Позитивизм наиболее слабо выражен у студентов 1, 2 и 4 курсов, только 12, 8 и 13 % из них соответственно имеют высокий уровень этой характеристики. На 3 курсе высокий уровень позитивизма зафиксирован у 20 % студентов, а низкий – у 32 %. Наиболее позитивными, открытыми, общительными и оптимистичными являются студенты 5 и 6 курсов, большинство из них (56 и 53 % соответственно) демонстрируют высокий уровень позитивизма.

Поведенческий компонент адаптивности состоит из таких параметров, как дефицит поведенческой мобильности и доминирование. Абсолютное большинство студентов всех курсов не имеет дефицита поведенческой мобильности (у 95 % студентов-первокурсников и 100 % студентов остальных курсов зафиксирован низкий уровень этого показателя), что свидетельствует о преимущественно творческом подходе к жизни, способности к быстрой реакции и предвидению развития ситуации у всех студентов-медиков.

Высокие показатели доминирования зафиксированы у большинства респондентов. Наиболее выражено оно у студентов 1 курса (88 %) и 6 курса (70 %). Студенты 4 и 5 курсов также демонстрируют высокий уровень доминирования (62 и 61 %). Менее выраженные результаты выявлены у студентов 2 и 3 курсов, только 47 и 52 % из них имеют высокий уровень этого показателя. Полученные данные говорят о выраженной внешней уверенности большинства студентов, маскирующей неуверенность внутреннюю.

В таблице 2 показано распределение по уровням выраженности таких составляющих адаптивных способностей, как нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности и моральная нормативность студентов 1–6 курсов лечебного факультета ИГМУ.

Таблица 2

Распределение по низкому и высокому уровню выраженности компонентов адаптивности личности студентов-медиков 1–6 курсов

Компоненты адаптивности	Низкий уровень, %						Высокий уровень, %					
	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17	1 курс n-121	2 курс n-76	3 курс n-25	4 курс n-37	5 курс n-18	6 курс n-17
Нервно-психическая устойчивость	57	46	32	54	6	18	5	12	20	8	39	18
Коммуникативные способности	25	26	24	40	22	6	10	12	20	8	33	29
Моральная нормативность	12	9	12	3	0	0	14	21	16	14	67	53
Адаптивные способности	56	50	32	51	11	12	11	18	32	11	44	59

Составлено автором по материалам исследования

Результаты позволяют утверждать, что нервно-психическая устойчивость наименее выражена у студентов 1 курса (57 % имеют низкий уровень, только 5 % – высокий), 4 курса (54 % – низкий, 8 % – высокий) и 2 курса (46 % – низкий, 12 % – высокий). Такие данные говорят о низком уровне поведенческой регуляции, склонности к нервно-психическим срывам и отсутствию адекватной самооценки у этой группы респондентов. Показатели студентов 3 курса находятся в зоне средних значений (32 % – низкий уровень, 20 % – высокий). Наиболее высокие показатели данного параметра выявлены у студентов 5 курса (6 % – низкий, 39 % – высокий) и 6 курса (18 % – низкий, 18 % – высокий), что свидетельствует о высокой стрессоустойчивости и адекватном восприятии реальности этой группы испытуемых.

Данные по параметру коммуникативные способности у всех групп респондентов невысоки. Самый слабый уровень развития коммуникативных способностей зафиксирован у студентов 4 курса, 40 % из них имеют низкий уровень и только 8 % – высокий. Показатели студентов 1, 2 и 3 курсов имеют средние значения (25, 26 и 24 % соответственно – низкий и 10, 12 и 20 % соответственно – высокий). Наиболее выраженными коммуникативными способностями обладают студенты 5 и 6 курса (5 курс: 22 % – низкие, 33 % – высокие; 6 курс: 6 % – низкие, 29 % – высокие). Это говорит об определенных трудностях в общении с окружающими, повышенной конфликтности студентов младших и средних курсов, к концу обучения уровень развития коммуникативных способностей возрастает, но все еще не у большинства.

Высокий уровень моральной нормативности обнаружен только у 14 % студентов 1 курса, 21 % – 2 курса, 16 % – 3 курса и 14 % – 4 курса. Такие результаты свидетельствуют о низкой способности трезво и адекватно оценить свою роль в коллективе, возможности несоблюдения общепринятых норм поведения данной группы обучающихся. Большинство студентов 5 и 6 курсов (67 и 53 % соответственно) реально оценивают свою социальную роль, способны без личностного ущерба сочетать собственные моральные нормативы с требованиями социума и непосредственного социального окружения.

Проанализировав результаты трех шкал, мы получили данные об адаптивных способностях всех групп респондентов. Наименее выраженной адаптивностью обладают студенты 1 и 4 курсов (на 1 курсе низкий адаптивный потенциал зафиксирован у 56 % студентов, высокий – только у 11 %; на 4 курсе у 51 % – низкий, у 11 % – высокий). Студенты 2 курса также относятся к группе низкой адаптации, 50 % из них имеют низкий уровень, 18 % – высокий. Адаптивность студентов 3 курса находится в зоне средних значений (у 32 % – низкий уровень, у 32 % – высокий). Студенты 5 курса являются обладателями значительно более выраженного адаптивного потенциала, низкий уровень отмечен у 11 %, высокий у – 44 %. Наиболее высокие адаптивные способности имеют студенты 6 курса (у 12 % – низкий уровень, у 59 % – высокий).

Выводы

Дефицитарность в структуре всех компонентов адаптивности с преобладающей социориентированной направленностью личности обнаружена у студентов 1, 2 и 4 курсов лечебного факультета Иркутского государственного медицинского университета. Адаптивный потенциал этих групп учащихся преимущественно выражен в личностной форме, обусловленной внешними социальными условиями, и характеризуется поведенческими реакциями невротического типа.

На наш взгляд, трудности адаптации студентов 1 и 2 курса связаны со следующими факторами: сложности дидактического характера (слабая базовая подготовка, возросший объем и сложность учебной нагрузки); смена социальной роли (отрыв от семьи, установление новых социальных связей); возросшая необходимость в проявлении ответственности и самостоятельности [9].

Показатели адаптивности личности студентов 3 курса находятся в зоне средних значений по всем параметрам.

На 4 курсе медицинского университета полностью меняется формат обучения, принимая цикловую форму, когда студентами изучаются клинические дисциплины на клинической базе. К этому времени многие студенты задумываются о сепарации от родителей, их материальные потребности возрастают, поэтому они начинают работать параллельно с учебным процессом, что нагружает их как физически, так и эмоционально, провоцируя адаптивный срыв.

Наиболее адаптированной группой респондентов являются студенты 5 и 6 курсов. К этому сроку обучения показатели адаптивности приобретают автономно ориентированный характер, когда личность проявляет активность и совершает действия не по заданному шаблону, а на основе самостоятельного творческого решения, что свидетельствует об оптимальной функциональной устойчивости личности.

Таким образом, можно констатировать, что дефицит адаптивности личности студентов медицинского вуза преобладает на младших курсах с повышением к 3 курсу и резкому снижению к 4-му. Наиболее гармонично развитой адаптивностью с преобладающими характеристиками автономно ориентированной личности обладают студенты старших курсов медицинского вуза.

Библиографический список

1. Живаев, Н. Г. О статичных факторах адаптации студентов в вузе // Психология обучения. – 2009. – № 12. – С. 80–94.
2. Князева, Т. Н., Куимова, Н. Н. Становление адаптивности как субъективной способности в младшем подростковом возрасте // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11772> (дата обращения: 10.03.2021).
3. Колпакова, Л. М. Методика диагностики адаптивного отношения к трудным ситуациям // Диагностика в медицинской психологии: традиции и перспективы: коллективная монография по проблемам диагностики в медицинской психологии, статьи подготовлены к открытию Всероссийской юбилейной научно-практической конференции Москва, 23 сентября 2011 г. / под общей ред. Н. В. Зверевой, И. Ф. Рошиной; Моск. гор. психолого-пед. ун-т; Науч. центр психич. Здоровья РАМН; Моск. НИИ психиатрии. – М., 2011. – С. 247–258.
4. Маклаков, А. Г. Общая психология: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2008. – 583 с.
5. Мороденко, Е. В. Динамика изменений личности студента в процессе социальной адаптации к новым условиям жизни: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова. – Ярославль, 2014. – 185 с.
6. Петровский, А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М.: Просвещение, 2002. – 245 с.
7. Розов, В. И. Психологический анализ адаптивности в экстремальных ситуациях: автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01. – Киев, 1993. – 19 с.
8. Смирнов, А. А., Живаев, Н. Г. Адаптация студентов и образ вуза: монография. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 168 с.
9. Тимофеева, Ю. Н. Основные трудности адаптационного периода первокурсников медицинского вуза // Педагогика, психология, общество: современные тренды: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары, 24 апреля 2020 г. – Чебоксары: ИД «Среда», 2020. – С. 252–255. <https://doi.org/10.31483/r-75263>
10. Belay Ababu, G., Belete Yigzaw, A., Dinku Besene, Y., & Getinet Alemu, W. Prevalence of adjustment problem and its predictors among first-year undergraduate students in Ethiopian University: A cross-sectional institution based study // Psychiatry Journal. – 2018. – V. 2018. – Art. 5919743. <https://doi.org/10.1155/2018/5919743>
11. Credé, M., Niehorster, S. Adjustment to college as measured by the student adaptation to college questionnaire: A quantitative review of its structure and relationships with correlates and consequences // Educational Psychology Review. – 2011. – V. 24, No. 1. – Pp. 133–165. <https://doi.org/10.1007/s10648-011-9184-5>
12. Hardeman, R. R., Przedworski, J. M., Phelan, S. M., Burke, S. E., Burgess, D. J. Mental well-being in first year medical students: A comparison by race and gender // Journal of Racial and Ethnic Health Disparities. – 2015. – V. 2, No. 3. – Pp. 403–413. <https://doi.org/10.1007/s40615-015-0087-x>
13. Iglesias-Benavides, J. L., Blum-Valenzuela, E., López-Tovar, A. V., Espinosa-Galindo, A. M., Rivas-Estilla, A. M. The college adjustment scales (CAS) test and recent students' school performance upon entry into a medical school // Medicina Universitaria. – 2016. – V. 18, no. 73. – Pp. 201–204. <https://doi.org/10.1016/j.rmu.2016.10.005>
14. Nyamayaro, P. C., Saravanan, C. The relationship between adjustment and negative emotional states among first year medical students // Asian Journal of Social Sciences & Humanities. – 2013. – V. 2, No. 3. – Pp. 270–278.
15. Xie, Y. J., Cao, D. P., Sun, T., and Yang, L. B. The effects of academic adaptability on academic burnout, immersion in learning, and academic performance among Chinese medical students: a cross-sectional study // BMC Medical Education. – 2019. – V. 19, No. 1. – Art. 211. <https://doi.org/10.1186/s12909-019-1640-9>
16. Xu, L., Gu, C., Zhang, D., and Jing, Z. The characteristics of social adaptation of college freshmen and educational strategy // Proceedings of the 2013 International Conference on the Modern Development of Humanities and Social Science. V. 47 / Edited by T. Chou. – Atlantis Press, 2013. – Pp. 126–128. <https://doi.org/10.2991/mdhss-13.2013.32>

References

1. Zhivaev N. G. About the static factors of adaptation of students at the University, *Psychology of Education*, 2009, no. 12, pp. 80–94. (In Russian).
2. Knyazeva T. N., Kuimova N. N. Adaptability formation as subject ability at younger teenage age, *Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11772> (accessed 10.05.2021). (In Russian).
3. Kolpakova L. M. Methods of diagnostics of adaptive attitude to difficult situations, *Diagnostics in Medical Psychology: Traditions and Prospects* Scientific Publishing House: collective monograph on diagnostic problems in medical psychology, articles prepared for the opening of the All-Russian Jubilee Scientific Conference Moscow, 23 September 2011, Under general editorship

- of N. V. Zvereva, I. F. Roshchina, Moscow City University of Psychology and Pedagogy, Mental Health Research Center of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow Research Institute of Psychiatry, Moscow, 2011, pp. 247–258. (In Russian).
4. Maklakov A. G. *General psychology: textbook for universities*, St. Petersburg, Piter, 2008, 583 p. (In Russian).
 5. Morodenko E. V. *Dynamics of changes in the student's personality in the process of social adaptation to new living conditions*: Dissertation of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.05, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl', 2014, 185 p. (In Russian).
 6. Petrovskii A. B. *Personality. Activity. Group*, Moscow, Prosveshchenie, 2002, 245 p. (In Russian).
 7. Rozov V. I. *Psychological analysis of adaptability in extreme situations*: Abstarct of the Dissertation of Candidate of Psychological Sciences: 19.00.01, Kiev, 1993, 19 p. (In Russian).
 8. Smirnov A. A., Zhivaev N. G. *Adaptation of students and the image of the University: monograph*, Yaroslavl', P. G. Demidov Yaroslavl State University, 2010, 168 p. (In Russian).
 9. Timofeeva Yu. N. The main difficulties of the adaptation period of first-year students of a medical University, *Pedagogy, Psychology, Society: Modern Trends: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with the International participation (Cheboksary, April 24, 2020)*, Cheboksary, ID "Sreda", 2020, pp. 252–255. (In Russian). <https://doi.org/10.31483/r-75263>
 10. Belay Ababu, G., Belete Yigzaw, A., Dinku Besene, Y., Getinet Alemu, W. Prevalence of adjustment problem and its predictors among first-year undergraduate students in Ethiopian University: A cross-sectional institution based study, *Psychiatry Journal*, 2018, vol. 2018, art. 5919743. <https://doi.org/10.1155/2018/5919743>
 11. Credé M., Niehorster S. Adjustment to college as measured by the student adaptation to college questionnaire: A quantitative review of its structure and relationships with correlates and consequences, *Educational Psychology Review*, 2011, vol. 24, no. 1, pp. 133–165. <https://doi.org/10.1007/s10648-011-9184-5>
 12. Hardeman R. R., Przedworski J. M., Phelan S. M., Burke S. E., Burgess D. J. Mental well-being in first year medical students: A comparison by race and gender, *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 403–413. <https://doi.org/10.1007/s40615-015-0087-x>
 13. Iglesias-Benavides J. L., Blum-Valenzuela E., López-Tovar A. V., Espinosa-Galindo A. M., Rivas-Estilla A. M. The college adjustment scales (CAS) test and recent students' school performance upon entry into a medical school, *Medicina Universitaria*, 2016, vol. 18, no. 73, pp. 201–204. <https://doi.org/10.1016/j.rmu.2016.10.005>
 14. Nyamayaro P. C., Saravanan C. The relationship between adjustment and negative emotional states among first year medical students, *Asian Journal of Social Sciences & Humanities*, 2013, vol. 2, no. 3, pp. 270–278.
 15. Xie Y. J., Cao D. P., Sun T., and Yang L. B. The effects of academic adaptability on academic burnout, immersion in learning, and academic performance among Chinese medical students: a cross-sectional study, *BMC Medical Education*, 2019, vol. 19, no. 1, art. 211. <https://doi.org/10.1186/s12909-019-1640-9>
 16. Xu L., Gu C., Zhang D., and Jing Z. The characteristics of social adaptation of college freshmen and educational strategy, *Proceedings of the 2013 International Conference on the Modern Development of Humanities and Social Science. V. 47*, edited by T. Chou, Atlantis Press, 2013, pp. 126–128. <https://doi.org/10.2991/mdhss-13.2013.32>